

М.Б.СВЕРДЛОВ

**ГЕНЕЗИС
И СТРУКТУРА
ФЕОДАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА
В ДРЕВНЕЙ
РУСИ**

2 р.

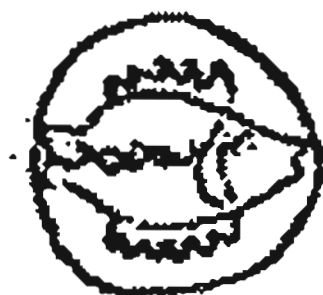
«Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

М. Б. СВЕРДЛОВ

ГЕНЕЗИС И СТРУКТУРА ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Под редакцией И. П. Шаскольского

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

В монографии рассматривается центральная проблема истории Древней Руси — процесс генезиса феодализма. На основе комплексного использования письменных источников с широким привлечением лингвистических и археологических материалов прослеживается становление классового общества, раскрываются отношения господства и подчинения раннего и развитого феодализма, исследуется развитие структуры древнерусского феодального общества в связи с социально-экономическим и социально-политическим строем Древней Руси.

Книга рассчитана на историков, преподавателей и студентов вузов и всех интересующихся историей нашей Родины.

Рецензенты:

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ, В. В. МАВРОДИН

Изучение генезиса и структуры феодального общества является составной частью формационного анализа истории Древней Руси. Бесчисленная историография этой научной проблемы насчитывает уже около 250 лет. Однако в ней, как и в историографии в целом, ясно видны два основных принципиально различающихся периода — домарксистский, относящийся в основном ко времени до Великой Октябрьской социалистической революции, и марксистский, развивающийся в советской исторической литературе. В дореволюционной дворянско-буржуазной историографии были поставлены основные вопросы изучения всех общественных категорий Древней Руси, и в этом ее большая заслуга. Но понимание их классовой природы, характера общественной структуры, основанной на эксплуатации, было ограничено классово-сословными представлениями, историософскими системами, уровнем развития общественных наук. Дворянско-буржуазная историография предложила различные теории для объяснения социально-политического развития Древней Руси: самодержавно-охранительную, родовую, общинную, задружную, государственную и др. Однако абсолютизирование одного из элементов общественно-экономического строя, подчас с реакционным политическим содержанием, при идеалистическом понимании исторического процесса не создавало предпосылок для объективного изучения генезиса и структуры общества, ограничивая возможности научного исследования микроанализом отдельных категорий при субъективном объяснении социальных отношений, что сближало позиции представителей различных историографических направлений в объяснении основных социально-экономических и политических явлений. Поэтому для М. П. Погодина, представителя официального самодержавно-охранительного направления, князь был «защитник и судья» народа, «за что и получал определенную дань», «жалование» бояр состояло из даней и кормлений, в результате чего их отношения с народом были идиллическими.¹ Признание землевладения князей и бояр не объяснялось им определяющим значением поземельных отношений в формировании общественного

¹ *Погодин М.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846, т. III, с. 500—503; 1856, т. VII, с. 1—91.

строю в IX—X вв. В этом М. П. Погодину были близки крупнейший представитель «родовой» теории С. М. Соловьев и сторонник «общинной» теории И. Д. Беляев, который полагал, что дружинники жили «первоначально» на «жаловании» князей или собирали доходы с областей, а «впоследствии» имели земельную собственность «на частном гражданском праве». Беляев допускал условные владения в XI—XII вв. «по государственному праву», часто покидаемые, впрочем, их господами, следовавшими за своими князьями.² Хотя представители «общинной» теории более глубоко изучали историю крестьянства, чем их предшественники, представление о господстве общинных земель, «разделенных между городами, селами и другими общинами», приводило к преувеличению социально-экономических последствий общинного землевладения, к принижению размеров господского землевладения и значения поземельных отношений в становлении классового общества. Как писал В. Н. Лешков о княжеском землевладении XI—XII вв., «это были клочки в сравнении с остальной массой русской земли; и на этих-то клочках князья основали свою вотчинность», тогда как дружинники до середины XII в. «состояли, так сказать, на жалованье у князя, участвуя в его данях, добычах, вирах, доходах, сколько то было нужно для снабжения дружинников оружием и одеждою, и завися в своем состоянии от богатства князя да от своего положения в службе».³

Распространившиеся во второй половине XIX в. экономические учения оказали большое влияние на крупнейшего дореволюционного историка В. О. Ключевского, который, односторонне выделяя «преобладающие» экономические факторы на различных этапах русской истории, не смог объективно раскрыть социально-экономическую структуру Древней Руси, преодолеть сложившиеся в предшествующей историографии стереотипы. По его мнению, «господствующий политический факт периода (VIII—XIII вв. — М. С.) — политическое дробление земли под руководством городов. Господствующим фактом экономической жизни в этот период является внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством (лесным пчеловодством). Это Русь Днепровская, городова, торговая». «Удельно-княжеской, вольно-земледельческой» Северо-Восточная Русь стала в XIII—середине XV в.⁴ Поэтому, по его словам, боярин X в. — «не то купец, не то воин», а «киевский боярин XI—XII вв. — вольный товарищ своего князя и подобно ему политический бродяга, нигде не пускавший глубоких корней, не завязывавший прочных связей ни с каким местным обществом».⁵ Однако отрицание боярского землевладения («у бояр туго развлява-

---

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959, кн. I, с. 227—228; Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. Изд. 4-е. М., 1903, с. 17—19.

³ Лешков В. Русский народ и государство. М., 1858, с. 160—166, 284—286.

⁴ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956, т. I, с. 32—33.

⁵ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Изд. 5-е. Пб., 1919, с. 11.

лась и самая крепкая привязь к месту — землевладение», «перелетные птицы Русской земли, князья со своими дружинами»⁶⁾ противоречило фактам, и В. О. Ключевский здесь же признавал: «В XI и XII вв. находим указания на земли бояр и младших дружинников», «бояре Правды не придворный чин, а класс привилегированных землевладельцев».⁷⁾

Отрицание или непонимание поземельных отношений не создавало благоприятных предпосылок для изучения феодальных форм эксплуатации. Поэтому отождествление холопов и рабов было общим местом в дореволюционной историографии. И даже те исследователи, которые признавали влияние «экономических причин» на общественное развитие (в ограниченном для буржуазной науки понимании), видели в рабах единственный вид зависимых, которые обрабатывали землю в господских хозяйствах. Как писал В. О. Ключевский, «экономическое благосостояние Киевской Руси... держалось на рабовладении», с XI в. «люди из высшего общества стали сажать челядь на землю, применять рабовладение к земледелию», а в XII в. князья, княжьи мужи и церковь «населяли и эксплуатировали» свои владения рабами.⁸⁾

В историографии конца XIX—начала XX в. наряду с характеристиками всех категорий господствующего, простого свободного и зависимого населения, основных государственных институтов и системы права⁹⁾ использовалось не только понятие «сословие», определяемое объемом юридических прав,¹⁰⁾ но и понятие «класс» по роду занятий и имущественному положению.¹¹⁾ Однако их содержание не раскрывалось объективно, так как они не определялись местом в системе общественного производства, отношениями собственности, неравного перераспределения общественного богатства, эксплуатации «в определенном укладе общественного хозяйства».¹²⁾

Благоприятные возможности для изучения социального строя Древней Руси создавало его сравнение с феодальным обществом Западной Европы. Уже С. Е. Десницкий, В. В. Крестинин, А. Л. Шлецер, И. Н. Болтин под влиянием передовых в XVIII в. английской и французской историографий и правоведения, отражавших крушение феодализма в наиболее развитых европейских странах, поставили вопрос о феодализме в России, причем не

⁶⁾ Ключевский В. О. Сочинения, т. I, с. 197, 199.

⁷⁾ Там же, с. 197, 245.

⁸⁾ Там же, с. 166, 274—275; см. также: Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1871, с. 99—106 и сл.

⁹⁾ Сергеевич В. 1) Древности русского права. Изд. 3-е. СПб., 1909, т. I; 1908, т. II; изд. 2-е, 1911, т. III; 2) Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 3-е. СПб., 1903; Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 4-е. СПб., 1912; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7-е. Пг.—Киев, 1915, и др.

¹⁰⁾ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959, т. VI.

¹¹⁾ Дьяконов М. Очерки..., с. 72—101; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор..., с. 25—35.

¹²⁾ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

только как о политической системе, но и как о сеньориальных отношениях.¹³ В русской историографии первой половины XIX в. отношение к феодализму в России перерастало рамки научных исследований. Если сравнение Древней Руси со средневековой Западной Европой подсказывало явные аналогии в их историческом развитии, в частности раздробление политической власти и «дружинная система», которые воспринимались как основные черты феодализма,¹⁴ то в официально-охранительной историографии развитие России резко противопоставлялось европейским странам.¹⁵ Это противопоставление было продолжено славянофилами, как, впрочем, и западником К. Д. Кавелиным. С. М. Соловьев видел феодальное содержание в закладничестве — союзе защиты, а позднее — в поместьях-бенефициях и крепостном праве.¹⁶ тогда как Н. И. Костомаров — в раздачах во владение боярам и детям боярским вотчин, кормлении и «введении» с обязанностью служить.¹⁷ Но даже эти ограниченные определения не были поддержаны, поскольку в русской общественной жизни (прежде всего в реакционных кругах) и в исторической литературе широко проводилось противопоставление западноевропейского и русского путей исторического развития. Как отмечал Н. П. Павлов-Сильванский, «отрицание какого бы то ни было сходства между русской древностью и западной стало у нас господствующей предвзятой мыслью, как бы признаком учености хорошего тона».¹⁸ Об этом же писал Н. И. Кареев: «У нас не было феодализма — такова была господствующая точка зрения нашей историографии. Среди историков было как бы неприлично находить феодализм в России».¹⁹

Значительным достижением в применении сравнительно-исторического метода при изучении общественных и экономических отношений в Древней Руси явились работы Н. П. Павлова-Сильванского.²⁰ В соответствии с уровнем развития западноевропейской буржуазной историографии того времени он установил сле-

---

¹³ *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1971, ч. III, с. 72—74. — См. там же историографию вопроса.

¹⁴ *Полевой Н.* История русского народа. М., 1829, т. I, с. 201; 1830, т. II, с. 26, 38, 61—65, 85, 92—95; *Лакиер А.* О вотчинах и поместьях. СПб., 1848, с. 4, 18.

¹⁵ *Карамзин Н. М.* 1) Записка о древней и новой России. СПб., 1914; 2) История государства Российского. СПб., 1816, т. I, II; *Погодин М.* Исследования..., т. III, с. 500—502.

¹⁶ *Соловьев С. М.* История России..., кн. I, с. 343—349; М., 1962, кн. VII, с. 16—21. — Эволюция взглядов С. М. Соловьева на феодализм в России была обстоятельно рассмотрена уже Н. П. Павловым-Сильванским (Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907, с. 5—19).

¹⁷ *Костомаров Н. И.* Начало единодержавия в Древней Руси. — В кн.: Исторические монографии и исследования. СПб., 1905, кн. 5, т. 12.

¹⁸ *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в Древней Руси, с. 19.

¹⁹ *Кареев Н.* В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб., 1910, с. 6.

²⁰ *Павлов-Сильванский Н. П.* 1) Феодализм в Древней Руси; 2) Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.

дующие три признака феодализма: 1) раздробление верховной власти или тесное слияние верховной власти с землевладением; 2) иерархическая система владельцев доменов, объединение доменов-сеньорий вассальной иерархией; 3) существование феодальной, к которому приравнивались оброчные держания, феодальная повинность и феод-деньги, причем земельный феодал мог быть поместьем (условным землевладением) и вотчиной (аллодиальным землевладением), а также такие феодальные институты, как коммундация и иммунитет. Содержание вассального договора Н. П. Павлов-Сильванский раскрывал как службу, с одной стороны, и защиту — с другой.

Работы Н. П. Павлова-Сильванского указывали на существование феодального строя на Руси, аналогичного западноевропейскому, что создавало предпосылки для изучения единого исторического процесса. Однако буржуазная методология ограничила возможности этих исследований, в них социально-экономические и политические отношения не рассматривались в диалектическом единстве, основой которого являлись производственные отношения, характерные для феодального общества. Исследования Н. П. Павлова-Сильванского были подвергнуты критике крупнейшими специалистами по истории Древней Руси.²¹ Однако отрицание феодализма стало задерживать изучение общественного строя Древней Руси. Показательно в этой связи ценное по ряду конкретных наблюдений исследование А. Е. Преснякова «Княжеское право в Древней Руси», где сложная система социально-экономических и политических отношений объяснялась в историко-правовом аспекте как «княжеское право» — «совокупность обычных правовых норм, возникавших вне общего хода правового развития древнерусских земель-княжений в сфере деятельности княжеской, независимой от общего уклада народной жизни»,²² что является серьезной недооценкой основных процессов, определяющих общественное развитие. Близкие идеям В. О. Ключевского соображения об отсутствии поземельных отношений в Древней Руси, о противоположности развития Древней Руси и средневековых стран Западной Европы высказывались П. Н. Милюковым, хотя под влиянием работ Н. П. Павлова-Сильванского он и признавал «феодальный быт» на Руси, который был, по его словам, слабее, чем в Западной Европе. Концепции В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова широко распространились не только в дореволюционной, но и в современной буржуазной историографии Древней Руси, поэтому их критический анализ имеет актуальное научное значение.²³

²¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор..., с. 285; Сергеевич В. Древности..., т. III, с. 474—475; Ключевский В. О. Сочинения, т. I, с. 360—361.

²² Пресняков А. Княжеское право в Древней Руси. СПб., 1909, с. VI.

²³ Милюков П. Н. 1) Очерки по истории русской культуры. Изд. 6-е. СПб., ч. I. 1909; 2) Феодализм в России (в Северо-Восточной Руси). — Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1902. т. XXXV, стб. 548—550. — Критику современной буржуазной историографии, исполь-

На фоне обилия фактографических работ и односторонних концепций исторического развития особенно наглядным становится вклад в изучение системы социально-экономических и политических отношений на Руси марксистско-ленинской методологии, которая была плодотворной основой для совершенствования их анализа. В настоящее время теоретическое наследие Маркса, Энгельса, Ленина, их высказывания о Древней Руси глубоко изучены. Поэтому нет необходимости рассматривать их в полном объеме. Отмечая коренное отличие марксизма от предшествующих исследований в области общественных наук в буржуазной литературе, В. И. Ленин писал: «Домарксовская „социология“ и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных „главенствующих“ идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса».²⁴

Сформулированный Марксом материалистический принцип изучения истории, выделение производственных отношений как основных, определяющих развитие всех остальных отношений, закон классовой борьбы в антагонистических обществах, характеристика государства как «машин для поддержания господства одного класса над другим»²⁵ — эти и многие другие положения

зующей идеи В. О. Ключевского и П. Н. Миллюкова. см.: *Шушарин В. П.* 1) Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964; 2) Новые тенденции в развитии современной буржуазной историографии по древнерусской истории (о влиянии советской науки за рубежом). — В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969; *Пашуто В. Т.* Реваншисты-псевдоисторики России. М., 1971. — См. там же библиографию работ. Наряду с концепционными принципиальными возражениями в советской исторической литературе критический анализ современной буржуазной историографии Древнерусского государства стал специальным видом историографических исследований вследствие выделения особой темы изучения и критических методов разбора.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57—58.

²⁵ Там же, т. 39, с. 73.

марксистско-ленинской теории, научного анализа и революционной практики создавали благоприятные возможности для материалистического изучения «естественно-исторического процесса» складывания феодальных отношений в Древней Руси. Учение об общественно-экономической формации позволяет исследовать все элементы этой системы в ее диалектической взаимосвязи.

Надо иметь в виду, как отметил В. Г. Афанасьев, что социальная система «с присущими ей внутренними взаимосвязями и функциями формирует попавшие в нее феномены по собственному образу и подобию».²⁶ В этой связи он привел замечательную по глубине мысль Маркса: «... новые производительные силы и производственные отношения не развиваются из *ничего*, из воздуха или из лона саму себя полагающей идеи; они развиваются внутри и в борьбе с имеющимся налицо развитием производства и с унаследованными, традиционными отношениями собственности. Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой... органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития».²⁷

В. И. Ленин, противопоставивший предшествующей историографии марксистские принципы исторического анализа, прекрасно знакомый с источниками и литературой по истории Древней Руси, писал о феодализме на Руси с IX в.: «... крепостничество *может* удержать и *веками* держит миллионы крестьян в рабности (например, в России с IX по XIX век...)».²⁸ (В соответствии с неразвитой русской терминологией того времени В. И. Ленин в данном случае использовал понятие «крепостничество» вместо «феодализм»²⁹). К XI в., времени Русской Правды, В. И. Ленин относил закабаление свободных смердов, становление на Руси феодальных отношений.³⁰

Между тем первые крупные историки-марксисты Н. А. Рожков и М. Н. Покровский, взгляды которых сложились до Октябрьской революции, долгое время находились под влиянием концеп-

²⁶ Афанасьев В. Динамика социальных систем. — Коммунист, 1980, № 5, с. 62.

²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 229.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 237.

²⁹ Там же, т. 1, с. 247, 446—447; т. 6, с. 314—315; т. 22, с. 155. — Наиболее ясно видна такая замена терминов в лекции «О государстве», например: «... каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий...» (там же, т. 39, с. 71—72).

³⁰ Там же, т. 3, с. 199, 314, 628; т. 15, с. 131.

ций В. О. Ключевского и Н. П. Павлова-Сильванского. Поэтому Н. А. Рожков считал «основной отраслью производства в киевский период русской истории» «добывающую промышленность» — охоту, пчеловодство, рыболовство, относя развитие ремесел к XII в., а поземельных отношений — лишь к XIII—XV вв., что в конечном итоге приводило к забвению социально-экономических факторов в создании Древнерусского государства, которое, по его мнению, «образовалось под влиянием потребностей во внутренней безопасности и внешней защите посредством завоевания варягами различных племенных княжеств восточных славян в IX веке».³¹ Лишь в конце творческого пути М. Н. Покровский писал о феодализме как общественно-экономической формации, «характеризующейся определенными методами производства», определенной «политической системой», «формой государства»,³² хотя совершенно очевидно, что при таком подходе не раскрывались в полной мере основные черты феодализма как формации (ранее он полагал, что феодализм «гораздо более есть известная система хозяйства, чем система права»³³).

Изучение социально-экономических отношений в Древней Руси является яркой страницей советской историографии. Анализ работ советских историков показывает, как происходил процесс освоения марксистско-ленинского учения о феодальной формации, как развивалась методика исследований и совершенствовались конкретно-исторические выводы. Эти вопросы хорошо изучены.³⁴ Поэтому нет необходимости (в данном случае и возможности) рассматривать проблему изучения социально-экономической истории Древней Руси в полном объеме. Отметим основной круг ее вопросов, рассматривавшихся советскими историками.

От работ, находившихся под влиянием теоретических положений Н. П. Павлова-Сильванского и М. Н. Покровского, которые

³¹ *Рожков Н. А.* 1) Обзор русской истории с социологической точки зрения. Изд. 2-е. М., 1905, ч. I, с. 7—73; 2) Натуральное хозяйство и формы землевладения в древней России. — В кн.: Исторические и социологические очерки. М., 1906, ч. I, с. 102—122; 3) Город и деревня в русской истории. Изд. 6-е. М., 1920; 4) Русская история в сравнительно-историческом освещении. Пг.; М., 1919, т. I, с. 76—96, 147—272.

³² *Покровский М. Н.* О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России. — Борьба классов, 1931, № 2, с. 81—82.

³³ *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. — Избранные произведения. М., 1966, кн. I, с. 103—131.

³⁴ *Данилова Л. В.* 1) К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России. — В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962; 2) Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма. — ИЗ. 1965, кн. 76; *Мавродин В. В.* 1) Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси. — ИСССР, 1962, № 1; 2) Советская историография Древнерусского государства (к 50-летию изучения советскими историками Киевской Руси). — ВИ, 1967, № 12; *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 131—146; Советская историография Киевской Руси. Л., 1978; Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979.

хотя и содержали важные конкретно-исторические наблюдения, но были ограничены по выводам,³⁵ историки обратились к определению феодальной формации в марксистско-ленинской теории, с тем чтобы установить на этом теоретическом основании, в какой мере были развиты феодальные отношения в Древней Руси. Большое значение для теоретического роста советских историков сыграли дискуссии 1928—1930 гг., которые, как отметил Л. В. Черепнин, «содействовали укреплению в науке марксистско-ленинского понимания феодальной формации как определенной системы общественных отношений, и на них был выдвинут ряд крупных проблем феодального развития, подлежащих изучению, в том числе проблема генезиса феодализма».³⁶ В решении последней проблемы было намечено несколько путей.

Советские историки-марксисты в конце 20-х—начале 30-х гг. обратились к изучению двух важнейших вопросов: определению системы хозяйства Древней Руси и форм эксплуатации зависимого населения в господском хозяйстве. Заслугой Б. Д. Грекова является доказательство того, что в основе экономики Древней Руси находилось земледелие. Отсюда особая важность поземельных отношений в генезисе феодализма. Б. Д. Греков показал также, что в господском хозяйстве преобладали феодальные формы эксплуатации зависимого населения, а рабство (челядь и рабы) играло незначительную роль. В результате этого он пришел к выводу о генезисе феодализма на Руси в результате «разрушения общинного строя».³⁷ Стремление С. В. Вознесенского отнести появление земледелия в вотчине, «новообразования» XI—XII вв., к середине XII в., объяснить источники богатства князей и бояр в предшествующее время скотоводством (особенно коневодством) и предметами экспорта, мехом и медом, равно как отрицание значения земледелия и поземельных отношений в IX—X вв. С. В. Бахрушиным,³⁸ не были поддержаны в последующей историографии, а быстро развивающаяся археология объективно показала их ошибочность.

Значительно более сложным было обсуждение вопроса о формах эксплуатации в господском хозяйстве. В определенной мере причиной этого являлось широко распространенное на начальной стадии усвоения марксистской теории упрощенное представление

---

³⁵ Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси. Отд. отт. Саратов, 1925; Тихомиров М. И. Феодальный порядок на Руси. М.; Л., 1930; Рубинштейн Н. Л. Нарис історії Київської Русі. Харків, 1930.

³⁶ Черепнин Л. В. Русь..., с. 134.

³⁷ Греков Б. Д. 1) Рабство и феодализм в Древней Руси. — ИГАИМК, 1934, вып. 86; 2) Очерки по истории феодализма в России. — Там же, вып. 72.

³⁸ Вознесенский С. В. К вопросу о феодализме в России. — ПИДО, 1934, № 7—8, с. 222—234; Греков Б. Д. Мой ответ С. В. Вознесенскому. — Там же, с. 234—241; Бахрушин С. 1) К вопросу о русском феодализме. — Книга и пролетарская революция, 1936, № 4; 2) К вопросу о крещении Киевской Руси. — ИМ, 1937, кн. 2; 3) Некоторые вопросы истории Киевской Руси. — Там же, кн. 3; 4) «Держава Рюриковичей». — ВДП, 1938, № 2.

об обязательной последовательности первобытно-общинной, рабовладельческой и феодальной формаций, об исключительной роли рабского труда в процессе формирования феодального строя. Вследствие этого были высказаны мнения о том, что феодальной формации на Руси предшествовала рабовладельческая,³⁹ что общественный строй Киевской Руси был рабовладельческим,⁴⁰ что рабство являлось основой развития господского феодального хозяйства.⁴¹ Однако обстоятельные исследования С. В. Юшкова, расходившиеся с Б. Д. Грековым по ряду существенных вопросов, но согласного в основном, в определении земледелия как основы хозяйства восточных славян, феодального землевладения и форм феодальной эксплуатации как основ господской вотчины, обстоятельно изучавшего генезис класса феодалов и феодальные институты, боярский вассалитет и подвассалитет, возникновение министерналиитета, бенефициальной и ленной системы, а также работы конца 30-х—начала 50-х гг., в которых были приняты полностью или с определенными отличиями выводы Б. Д. Грекова, не поддерживали это историографическое направление.⁴² Во второй половине 30-х гг., как отметил Л. В. Черепнин, под влиянием «Замечаний по поводу конспекта учебника по истории СССР»⁴³ распространилось мнение о необходимости различия «дофеодального» и «феодального» периодов (в частности, эта мысль проводилась в работах С. В. Юшкова). Однако Б. Д. Греков, его ученики и дальнейшая историография последовательно показали процесс генезиса феодального общества в результате разложения родо-

---

³⁹ *Смирнов И. И.* 1) О генезисе феодализма. — Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 3—4; 2) Феодально-крепостническое общество. — В кн.: Краткое введение в историю докапиталистических формаций. ИГАИМК, 1934, вып. 99, с. 104—106; ИГАИМК, 1934, вып. 86, с. 95—102.

⁴⁰ *Шестаков А. В.* О некоторых вопросах исторической науки. — Учительская газета, 1939, 21 мая; *Греков Б. Д.* Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? — ИМ, 1939, кн. 4, с. 134—143. — См. также прения по докладу Б. Д. Грекова: там же, с. 191—194.

⁴¹ *Цвибак М. И.* К вопросу о генезисе феодализма в древней Руси. — В кн.: Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. ИГАИМК, 1934, вып. 103; ИГАИМК, 1934, вып. 86, с. 137—138. — Эти основные положения были изложены также в статье: *Цвибак М. И.* К вопросу о генезисе феодализма в древней Руси. — В кн.: Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933. — Выступление М. И. Мартынова см.: ИГАИМК, 1934, вып. 86, с. 70—89.

⁴² *Юшков С. В.* 1) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949; Прения по докладу Б. Д. Грекова «Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим?» — ИМ, 1939, кн. 4, с. 191—194; *Мазурин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945; *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947; *Тихомиров М. И.* 1) Древнерусские города. М., 1946; изд. 2-е. М., 1956; 2) Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951; *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. Изд. 2-е. М., 1953; Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953, ч. I.

⁴³ К изучению истории. М., 1946, с. 21—23.

племенного строя.⁴⁴ Впрочем, в 50—60-е гг. значительные разногласия вызвал вопрос о периодизации развития феодальных отношений в Древней Руси. Как показал историографический анализ Л. В. Черепнина, мнение Б. Д. Грекова, сформулированное в начале 50-х гг., о переходном периоде в VI—VIII вв. от родового строя к классовому феодальному обществу, сложении раннефеодального государства и завершении этих процессов в IX в. было в основном поддержано П. Н. Третьяковым и Б. А. Рыбаковым. Следует отметить, что на основе изучения истории восточнославянских племен, сельского хозяйства, ремесла, торговли, городов, социально-политической истории Древнерусского государства⁴⁵ Б. А. Рыбаков предложил более дробную периодизацию: IV—VI и VII—VIII вв. — периоды военной демократии и медленного созревания феодальных отношений, рубеж VIII—IX вв. — X в. — время существования феодального государства с центром в Киеве, причем кульминационным пунктом развития раннефеодальной монархии было княжение Владимира Святославича. Период развитого феодализма Б. А. Рыбаков начинает с 30-х гг. XI в.⁴⁶ К довоенному мнению Б. Д. Грекова об XI столетии как периоде завершения генезиса феодализма или времени, когда происходили сущностные процессы становления феодальной формации, присоединились И. И. Смирнов, А. Н. Насонов, М. Н. Тихомиров, А. А. Зимин (в порядке перечисления Л. В. Черепниным). С. В. Юшков полагал, что и в XII в. процесс феодализации не закончился.⁴⁷ По мнению Л. В. Черепнина, высказанному в 1956 г., «VIII—IX вв. являются временем разложения первобытно-общинных отношений, образования классов, развития частной собственности на землю и генезиса феодализма», «на протяжении IX—XI вв. феодальный способ производства становится господствующим».⁴⁸

Между тем разработка Л. В. Черепниным вопроса о верховной собственности феодального государства⁴⁹ создавала условия для иной характеристики основных периодов генезиса феодализма, исходящей из процесса формирования земельной собственности: X—первая половина XI в. — раннефеодальный период

⁴⁴ Черепнин Л. В. Русь..., с. 137—146.

⁴⁵ Историографический анализ и библиографию работ Б. А. Рыбакова см.: Мавродин В. В. Советская историография Древнерусского государства..., с. 69—72; Борис Александрович Рыбаков. М., 1968; Древняя Русь и славяне. М., 1973, с. 1—4; К 70-летию академика Б. А. Рыбакова. — СЛ. 1978, № 2.

⁴⁶ Рыбаков Б. А. 1) Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII века. — ВП, 1962, № 4; 2) Первые века русской истории. М., 1964; 3) Киевская Русь. — В кн.: История СССР с древнейших времен. М., 1966, т. I; 4) Русь в эпоху «Слова о полку Игореве». Обособление самостоятельных русских княжеств в XII—начале XIII в. — Там же.

⁴⁷ Черепнин Л. В. Русь..., с. 138—142.

⁴⁸ Черепнин Л. В. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси. — ИЗ, 1956, т. 56, с. 236.

⁴⁹ Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.). — ВП, 1953, № 4.

с преобладанием верховной собственности на землю государства; вторая половина XI—XII в. — период развитого феодального общества, растущей вотчинной собственности.⁵⁰ Одновременный анализ процесса складывания категорий феодально зависимого населения позволил Л. В. Черепнину выделить два этапа, гранью между которыми также является «примерно середина XI—XII в.». На первом этапе значительную роль играло лично свободное, подвергавшееся государственной эксплуатации население соседских общин, в составе несвободных преобладала челядь; на втором этапе все большее количество феодально зависимых непосредственных производителей попадало в господские хозяйства.⁵¹ Такой синхронный анализ общественных систем в государстве и господском хозяйстве, складывавшихся на основе государственной и вотчинной земельной собственности, содержит благоприятные возможности для глубокого изучения общественной структуры в Древней Руси и ее генезиса.⁵²

Значительной проблемой в изучении структуры феодального общества явилось исследование язычества и церкви.⁵³ Особой темой, конструктивно развиваемой в последние 20 лет прежде всего на основе археологических материалов, стала социально-экономическая история города.⁵⁴ Однако основным сюжетом при изучении структуры феодального общества остается анализ социальных отношений в государстве в целом и в господском хозяйстве в частности. В этом круге вопросов в историографии 60—70-х гг. наметилась тенденция к пересмотру основных положений литературы предшествующего периода. Ряд исследователей особо подчеркнули большую роль рабства в социальной истории Древней Руси, хотя его исторические судьбы и значение были представлены по-разному. По мнению А. А. Зимина и И. Я. Фроянова, феодальные формы зависимости появились в результате разложения рабства. До XII в. А. А. Зимин отождествлял понятия «раб», «челядин», «холоп», причем последнее «употреблялось для обозначения всех категорий рабов», в том числе смердов, рядовичей,

---

⁵⁰ Черепнин Л. В. Русь..., с. 165—166.

⁵¹ Там же, с. 187.

⁵² Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980.

⁵³ Советская историография Киевской Руси, с. 166—176; Шапов Я. И. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972.

⁵⁴ Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. — КСИИМК, 1951, вып. 41; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города. — КСИИМК, 1963, вып. 96; Куза А. В. Археологическое изучение древнерусских городов в 1962—1976 гг. — Там же, 1978, вып. 155; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956; Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966; Хрошчевич А. Л. Основные итоги изучения городов XI—первой половины XVII в. — Там же; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978; Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предистории древнерусского города. — ИСССР, 1979, № 4.

закупов. В XII в. процесс изживания рабства стал интенсивнее, но рабство-холопство продолжало существовать значительно позднее.⁵⁵ По И. Я. Фроянову, все категории зависимых являлись рабами, полусвободными и освободившимися от рабства. «Феодальными элементами» становятся бывшие рабы, «некоторая часть владельческих смердов» — «один из первых отрядов крепостных в России» и «отдельные группы изгоев» (время их появления не указано). В социальной структуре Древней Руси XI—XII вв. «рабы занимали второе место после свободных», причем «весьма схематично» намечены «две ветви» «развития древнерусского рабства»: «одна из них продолжает старую традицию патриархального рабства, другая отличается новым типом рабовладельческих отношений, приближающимся к тем формам, которые были известны древнему миру». Вместе с тем «рабовладельческое хозяйство являлось одной из главнейших предпосылок феодализма».⁵⁶ В. И. Горемыкина аналогично охарактеризовала структуру древнерусского общества и значение рабства.⁵⁷ О большой роли рабовладельческого уклада в процессе генезиса феодализма писали С. А. Покровский и А. П. Пьянков; причем А. П. Пьянков уподобляет древнерусских рабов античным, «говорящим оружием» (в VI—VIII вв., по его мнению, у «восточных славян» были классы рабовладельцев и рабов).⁵⁸ А. А. Зимин и И. Я. Фроянов не рассмотрели предполагаемое ими рабство во всей системе общественных отношений. Если видеть в рабстве производственное отношение, а не формальное определение, то указание на феодалов — господ рабов, когда нет феодально зависимых, становится формальным.⁵⁹ Не ответив на замечания о недоказанности основных положений,⁶⁰ И. Я. Фроянов рассмотрел вне анализа общественно-экономической системы в целом отдель-

⁵⁵ Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973. — В монографию вошли ранее опубликованные статьи 60-х—начала 70-х гг.

⁵⁶ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. — Далее — Киевская Русь (1). В монографию включены материалы статей, опубликованных в середине 60-х—начале 70-х гг.

⁵⁷ Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970.

⁵⁸ Пьянков А. П. 1) Холопство на Руси до образования централизованного государства. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970; 2) Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980; Покровский С. А. Общественный строй Древнерусского государства. — Тр. Всесоюз. юрид. ин-та, 1970. т. XIV.

⁵⁹ Это было отмечено Л. В. Черепниным по поводу работы И. Я. Фроянова, а Б. А. Рыбаковым — в связи с исследованием А. А. Зимина (Черепнин Л. В. Еще раз о феодализме в Киевской Руси. — В кн.: Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976, с. 21—22; Рыбаков Б. А. Смерды. — ИСССР, 1979, № 1, с. 41—42).

⁶⁰ Черепнин Л. В. 1) Русь...; 2) Еще раз о феодализме...; Назаров В. Д., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Проблемы общественно-политической истории феодализма в России в новейшей историографии. — ВП, 1976, № 4, с. 29; Свердлов М. Б. К изучению формирования феодально зависимого крестьянства в Древней Руси. (Закупы Русской Правды). — ИСССР, 1978, № 2; Некоторые проблемы истории крестьянства СССР до октябрьского периода. — ИСССР, 1979, № 3, с. 56, и др.

ные вопросы социально-политической истории Древней Руси, относящиеся к определению социального положения князя, дружины, «людей» — народа, значения веча, социально-политической роли города, сделав некоторые замечания о «сеньориальном режиме» на Руси.⁶¹ Однако эта работа, основанная на недоказанном противопоставлении князьям и боярам социально нерасчлененной группы «народ», «демократическая часть населения», на частичной выборке источников при их субъективной интерпретации, произвольных сравнительно-исторических параллелях, не раскрыла сущности рассматриваемых явлений.⁶² При аналогичной характеристике общественной структуры мнение В. И. Горемыкиной вполне определено: «Социальная структура древнерусского общества типична для раннерабовладельческих государств. Сохраняя термин для Киевской Руси „раннерабовладельческое государство“, следует, однако, заметить, что рабство на Руси вышло за рамки домашнего»,⁶³ т. е. стало развитым.

Анализ историографии, посвященной генезису и структуре древнерусского общества, показывает, что единственной научной основой исследования проблемы является марксистский формационный анализ. Однако его применение в конкретно-историческом изучении социальной структуры, сложившейся в результате определенной системы общественного производства, представляет значительные и еще не преодоленные трудности. Микроанализ отдельных социальных категорий, опирающийся на огромный накопленный в дореволюционной и советской литературе опыт, должен быть неразрывно связан с анализом общества как системы. Последовательное применение системно-исторического анализа, раскрывающего генезис этой системы, ее возникновение, становление и развитие, и системно-структурного анализа, определяющего ее относительную устойчивость,⁶⁴ позволяет «смотреть на общество, как на живой организм в его функционировании и развитии»,⁶⁵ дает возможность установить синхронные и диахронные связи составляющих ее элементов.

В советской историографии накоплен большой опыт в изучении хозяйственно-социальной структуры господского хозяйства и намечены пути изучения феодального государства как целенаправленной системы, обеспечивающей эксплуатацию непосредственных производителей господствующим классом. Дискуссионность основных вопросов этих тем предопределяет их дальнейшее изучение. Основные формы данных общественных систем в процессе их генезиса также исследованы еще недостаточно, что ука-

---

⁶¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. — Далее — Киевская Русь (2).

⁶² См. рецензии Пашуто В. Т. (ВИ, 1982, № 9), Лимонова Ю. А., Свердлова М. Б. и Щапова Я. Н. (ИСССР, 1982, № 5).

⁶³ Горемыкина В. И. К проблеме истории... с. 73.

⁶⁴ Афанасьев В. Динамика социальных систем, с. 58—60.

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 192.

зывает на необходимость их анализа начиная с периода разложения родо-племенного строя.

В настоящей работе рассматривается генезис и структура той части общества, которая сложилась в результате социальных отношений в государстве и господском земледельческом хозяйстве, в особых системах, обеспечивающих феодальные формы эксплуатации лично свободных и зависимых непосредственных производителей, воспроизводство и обогащение различных групп господствующего класса. Кроме того, феодальное общество включало социальные группы ремесленников и купцов, образовавшихся в результате отделения ремесла от земледелия и торговли от ремесла. Центрами их концентрации являлись города. Особой социальной группой стала церковь, которая в средневековье была корпоративным феодалом. Город, являвшийся центром ремесла и торговли, феодальных ремесленных и торговых организаций, а также церковь вследствие специфики предмета исследования и источников стали в историографии особыми темами изучения, в связи с чем целесообразен их специальный анализ. Поэтому в книге особое внимание обращено на изучение основных социальных макро- и микросистем в раннем средневековье с учетом диалектического единства базиса и надстройки. Эти системы возникали в процессе разложения родо-племенного и образования классового общества и порождали под влиянием растущего общественного разделения труда отношения социального неравенства, господства и подчинения, эксплуатации, а также средства, которыми эти отношения осуществлялись.

ГЕНЕЗИС РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА IX—X ВВ.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ СЛАВЯН VI—НАЧАЛА VII в.

Народы, вошедшие в состав крупнейшего в средневековой Европе многоэтничного Древнерусского государства, восточные славяне, финно-угорские, балтские племена, прошли многовековой путь предшествующего исторического развития к сложению славянского, балтского и финно-угорского этносов, а с дальнейшими этногенетическими и социально-экономическими процессами к появлению многоэтничных объединений племен, в которых определяющую роль играли восточные славяне, образовавшие ядро Древнерусского государства и ассимилировавшие некоторые из неславянских племен.¹ Поэтому содержание изменений общественной структуры раскрывается лишь при появлении исторической перспективы — при сравнении общественных структур Руси IX—X вв. и славян догосударственного периода, эпохи родо-племенного строя. Состояние письменных источников, степень изученности лингвистических и археологических материалов позволяют достаточно ясно определить уровень развития общественных отношений у славян на последней стадии праславянского единства в VI—начале VII в.

В трудах М. В. Левченко, А. В. Мишулина, В. Т. Горянова, Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, В. В. Мавродина, И. И. Ляпушкина и других исследователей были рассмотрены основные черты общественного строя славян VI в., но определения его были даны самые различные: истоки «военной демократии», развитая «военная демократия», конечная стадия «военной демократии», раннерабовладельческое общество, многоукладное общество, в котором возникал феодальный уклад.² Привлечение византийских источников, археологических и лингвистиче-

¹ Рыбаков Б. А. 1) Предпосылки образования Древнерусского государства. — В кн.: Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 831—878; 2) Новая концепция предистории Киевской Руси. (Тезисы). — ИСССР. 1981, № 1, 2; Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 83—92; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. МИА, 1970. № 179; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

² Обзор литературы см.: Свердлов М. Б. Общественный строй славян в VI—начале VII века. — СС, 1977, № 3, с. 46—48.

ских данных, сравнительно-исторических материалов³ привело нас к выводу, согласно которому социальный строй славян в рассматриваемую эпоху характерен для общества развитой «военной демократии».⁴ Однако при определении уровня общественного развития обычно устанавливается существование отдельных институтов и общественных категорий без раскрытия их функциональных связей в социальных коллективах. Эти связи определялись системой производственных отношений, порождающих общественное неравенство, господство и подчинение при родо-племенном строе, которые возрастали по мере дальнейшего развития.

Византийские писатели сообщали, что у славян одинаковый образ жизни, язык, внешний вид, верования и обычаи.⁵ Эти данные подтверждают лексические и археологические материалы. По наблюдениям Ф. П. Филина, период праславянского языкового единства длился до VI в. В VI в. начинается распад праславянского языка и образование диалектных зон.⁶ По данным археологии, в VI в. на огромных славянских территориях от Средней Савы и Вислы до Днестра на востоке и Дуная на юге существовала единая по характеру материальная культура, локальные различия которой возрастали по мере общественного развития славянства.⁷ Все это позволяет отнести данные византийских источников VI в. о славянах, вышедших к рубежам Византии в конечный период праславянского единства, на все славянство, допуская определенную неравномерность в темпах исторической эволюции.

Система племенной организации способствовала появлению сначала выборной, а затем наследственной княжеской власти

---

³ При использовании сведений римских авторов I в. до н. э.—I в. н. э. о германцах для изучения общественного строя славян VI в. учитывался их синхро-стадиальный уровень социального развития при единстве географических условий (лесная зона Европы), аналогичной системе хозяйства, основанной на земледелии, с развитым животноводством и сельскими промыслами в условиях железного века, в одну историческую эпоху Великого переселения народов, хотя и в различные ее стадии, начальную и конечную. Германцы I в. до н. э.—I в. н. э. и славяне VI в. находились за пределами развитых классовых рабовладельческих империй, Римской и Византийской (в последней рабовладение было в стадии разложения). Следует также учитывать одинаково высокую культуру римских и византийских писателей, описывавших «варварские» народы, которые угрожали существованию их стран.

⁴ Свердлов М. Б. Общественный строй...

⁵ Procop. Caes. B. G., VII, 14; Ps.-Mavr., XI, 5.

⁶ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. с. 218—223.

⁷ Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. М., 1960, с. 178—179; Ляпушкин И. И. К вопросу о культурном единстве славян. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961; Третьяков П. Н. 1) Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л., 1966, с. 248—256; 2) У истоков древнерусской народности; Седов В. В. 1) Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА. 1970. № 163; 2) Происхождение...; Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1978; Баран В. Д. Славяне в середине I тысячелетия н. э. — В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978; Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981, и др.

(*kъnę(d)zъ)⁸ как высшего исполнительного органа племенного управления, а также выборных воевод (*vojevoda), предводителей племенного войска (*vojъsko). Как писал Тацит о германцах I в. н. э., «они выбирают королей по знатности, а военных вождей по мужеству».⁹ Вследствие постоянной военной активности племени и роста социально-политического значения княжеской власти вокруг князей собиралась дружина (*družina), которая из группы лично преданных князю воинов становилась институтом социально привилегированных людей, не занятых в материальном производстве, о чем недвусмысленно писал Тацит.¹⁰

Паряду с племенными старейшинами, главами родов и патриархальных фамилий, основанием высокого положения которых был возраст (в древнерусском языке группа терминов с корнем 'стар' — 'старцы, старейшины, старосты'), существовала знать по рождению, отличающаяся богатством (*gospodinъ, *gospodja, *gospodъ), а также знать по мужеству (вероятно, *mogotъ — 'могучий', с последующими семантическими связями — 'знатный, власть имущий, могучий, мощный', а также 'вптязь', этимология этого слова неясна). Социальной дифференциации способствовала также военная организация: тысячи, сотни, десятки (их означали, вероятно, слова *tysetja, *sъto, *desetъ). Впрочем, уже в родо-племенном обществе, как отмечал Тацит у германцев, названия этих объединений теряли буквальный смысл и становились формальными. Можно предположить, что должности их руководителей, первоначально престижные и выборные, стали занимать с развитием общественных отношений людьми знатными и богатыми по происхождению.

Уже в период развитого родо-племенного строя племенная организация обеспечивала обогащение князей и племенной знати не только посредством все более неравномерного дележа военной добычи и контрибуции (*danъ), но и путем добровольных подношений внутри племени (*darъ). Как писал Тацит о германцах, «есть обычай — племена и, кроме того, каждый в отдельности приносят вождям или скот, или плоды, что приносимое как почесть служит также необходимым потребностям».¹¹ В славянских языках, в том числе и древнерусском, 'дар' стало названием одной из податей (см. ниже, с. 57, 148, 199).¹² В основе этой скрытой формы эксплуатации непосредственных производителей (потенциальной в условиях родо-племенного строя) находилось общественное разделение труда, в результате которого складывались аппарат управления племенем и группа профессиональных вои-

---

⁸ Здесь и далее о содержании общественных категорий и институтов подробнее см.: *Свердлов М. Б. Общественный строй...* — О многочисленных королях-рексах писал Псевдо-Маврикий (Ps.-Mavr., XI, 5).

⁹ Tac. Germ., VII.

¹⁰ Ibid., XIII—XV.

¹¹ Ibid., X.

¹² *Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1968, s. 110.*

нов — дружина, не занятые в процессе материального производства.

Основную массу членов племени составляли *l'udi, *l'udъ — 'люди, люд'.¹³ Но уже в родо-племенном обществе эта часть племени была дифференцирована. Определяющую роль в ней играли мужчины, главы семей и воины (*mъžь, *voжь), правом-обязанностью которых было участие в войске и народном собрании — вече (восходит к *věť — 'совет'), верховном органе племенного самоуправления и суда. Общественное неравенство простых свободных членов племени определялось половозрастным разделением труда, в результате которого ограничивались права женщины и детей. Низшей общественной единицей, в которой осуществлялось половозрастное разделение труда, являлась семья: «мужам» подчинялись младшие члены большой патриархальной семьи: *čel'adъ — челядь, *detę — 'дитя', *otrokъ — 'отрок', т. е. 'не говорящий', тот, кому отказано в праве говорить, *čedъ — 'дети, родня, люди, группа людей'. Приниженное положение занимал тот, кто находился в услужении — слуга (*sluga). Потенции внутреннего социального расслоения содержались в прекращении связей с семейными и родственными коллективами (*sirъ — 'сирота', *xolpъ — 'холоп'), в имущественном неравенстве (*skodъ — 'скудный', *nistio — 'нищий, неимущий', *nebogъ, *ubogъ — 'убогий, бедный' как противоположное *bogъ — 'богатство'). Третьим видом социального неравенства было патриархальное рабство (*robъ — 'раб', *orbota — 'работа, принудительный труд'), в которое попадали пленные иноплеменники (*nevolja — 'неволя', *pelnъ — 'плен').¹⁴

¹³ По мнению В. В. Иванова, слово 'людин' (*l'udinъ) относится к группе индоевропейских терминов, означавших 'свободный человек', 'свободный земледелец', принадлежавший к своей замкнутой социальной группе (Иванов Вяч. В. Язык как один из источников этногенетических исследований и проблематика славянских древностей. — СС, 1973, № 4, с. 69—71). Значительные трудности представляет этимологический анализ праслав. *smъrdъ, относившегося первоначально, вероятно, к свободным земледельцам (лингвистические материалы и литературу см.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953; Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с. 137—138; ср.: Преображенский, II, с. 334—335; Фасмер, III, с. 685; Рыбаков Б. А. Смерды. — ИСССР, 1979, № 1, 2). Если принять предположение некоторых исследователей, что праслав. *smъrdъ восходит к понятию 'смердеть' — 'вонь, смрад, вонять', в чем выразилось пренебрежение к крестьянскому труду, то тогда следует отнести начало приниженного положения земледельцев уже к периоду родо-племенного общества, что представляется модификацией общественных отношений. В данной связи важно замечание О. Н. Трубачева, сделанное в отзыве на нашу работу: «Ясно, что термин и социальная категория „смерды“ подверглись постепенной деградации вторично, поэтому объяснение от 'смердеть' в этимологической литературе (якобы от пренебрежительного отношения к труду земледельца) просто неверно. Более адекватной статусу свободных земледельцев кажется первоначальная семантика 'добрые люди' (*sū-mrto? Ассоциации ведут в индоарийский мир: su — 'добрый', mrta-mrtya — 'человек' как 'смертный'. Детали неясны)».

¹⁴ Этимология слова «холоп» недостаточна ясна. Возможно, оно восходит к обрядовым инициациям и первоначально указывало только на воз-

О мягких формах эксплуатации рабов у славян Псевдо-Маврикий писал: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, устанавливая [срок рабства] на определенное время, предлагают им на выбор: возвратиться за известный выкуп восвояси или остаться там [где они находятся] на положении свободных и друзей».¹⁵ Прокопий сообщает о пленном византийце, который подавал советы хозяину анту, о рабе анте, служившем с оружием в руках господину склавину, но все же проданном за «большие деньги».¹⁶ Формы эксплуатации рабов в родо-племенном обществе эпохи «военной демократии» раскрываются с помощью сравнительно-исторических материалов о германцах I в. н. э., находившихся на той же стадии общественного развития при аналогичной земледельческой структуре хозяйства. Тацит также пишет о мягких формах эксплуатации рабов¹⁷ и ясно очерчивает производственные функции рабов у германцев: «Они пользуются рабами не по нашему обычаю, с точно определенными обязанностями в семействе: каждый управляет своим домом, своими пенатами. Господин облагает [его] мерой зерна, мелкого скота или одежды как колона, и раб проявляется только в этом; остальные обязанности по дому выполняют жена и дети [господина]». Вместе с тем личная власть господина была очень сильна и господин мог безнаказанно убить раба.¹⁸ Таким образом, источники позволяют установить, что рабами в родо-племенном обществе могли стать только иноплеменники. Они служили господину, а при наделении домом и землей платили оброк, однако жизнь раба принадлежала хозяину.¹⁹ Выход из рабского состояния был, вероятно, несложен — раба освобождали или выкупали соплеменники. После

растные отличия (см. литературу: Трубачев, 8, с. 62—64. — Ср. предположения о более прямых семантических связях с социальным содержанием: 'отколотый', 'происходящий от' с возрастающим пейоративным значением (*Schuster-Sews H. Zur Bezeichnung des Bauern im Slawischen: *cholpъ, *kьmetъ, *smerdъ. — Zeitschrift für Slawistik. Berlin. 1964, Bd. IX, № 2, S. 243*), — а также мнение о заимствовании слова из иранской корневой системы со значением 'захваченный' в качестве добычи (*Абаев В. II. Несколько замечаний к славянским этимологиям. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, с. 14*). В отзыве на нашу работу О. Н. Трубачев сделал очень важное замечание, которое свидетельствует о больших возможностях лингвистики в дальнейшем изучении имманентного генезиса отношений господства и подчинения в праславянском обществе: «Генезис термина *cholpъ — 'холоп' из явного возрастного обозначения и некоторые другие связи с терминологией родства помогают дополнительно понять проблему рабства или, вернее, квазирабства у славян и в Древней Руси. Мы не найдем у славян обозначения 'раб' из первоначального 'иноплеменник', как в некоторых других языках (как, кажется, не найдем у славян и обозначений 'раб' из первоначального 'слуга, служитель')».

¹⁵ Жебелев С. А. Маврикий (Стратег). Известие о славянах VI—VII вв. — Исторический архив. 1939, т. II, с. 36.

¹⁶ Procop. B. G., VII, 14.

¹⁷ Tac. Germ., XX.

¹⁸ Ibid., XXV.

¹⁹ Подробнее см.: Свердлов М. Б. Общественный строй..., с. 54—55.

освобождения в статусе бывших рабов у германцев и славян прослеживаются определенные различия: у германцев сложился институт ограниченных в правах вольноотпущенников,²⁰ у славян освобожденные оставались «на положении свободных и друзей». Однако неясно, являлось ли это следствием различного уровня развития патриархального рабства или было вызвано племенными особенностями.

Таким образом, у славян накануне их широкого расселения в Восточной Европе прослеживаются все основные социальные институты и категории развитого родо-племенного строя, устанавливаются начальные отношения неравноправия с использованием чужого труда, содержавшие возможности значительного роста в последующем историческом развитии. Вместе с тем эти отношения не были еще антагонистическими, что выражалось в добровольности «дара» соплеменников князю и дружине, в происхождении социального неравноправия в больших патриархальных семьях в результате половозрастного разделения труда. Значительные потенции антагонистического развития заключались в патриархальном рабстве. В родо-племенном строе были еще резервы внутреннего развития: укрепление самостоятельности княжеской власти, возрастание социальной и имущественной дифференциации — племенной знати и дружины, с одной стороны, появление зависимых соплеменников — с другой, распад большесемейной патриархальной общины. Но это были процессы, которые вели к формированию классового раннефеодального общества.²¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КЛАССОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В IX—X ВВ.

Экономические изменения, которые произошли к IX—X вв., свидетельствуют о значительном прогрессе производительных сил у восточных славян. В этот период стало широко применяться железо при изготовлении земледельческих орудий (наральников, чересел, серпов, мотыжек, кос-горбуш), при устойчивой единообразной форме и развитой технологии производства наральников плужного типа. В лесной зоне появились сохи с железными сошниками, причем широколопастные сошники употреблялись

²⁰ Tac. Germ., XXV.

²¹ Представляется методически ошибочным разрозненное упоминание И. Я. Фрояновым отдельных категорий и институтов праславянских племен (названных им для V—VI вв. неверно восточнославянскими) вне системы социальных отношений и структуры общества в целом. В результате он не отметил начальных процессов общественного разделения труда, социального и имущественного расслоения в праславянском обществе, что привело к недооценке последующего развития социальной системы в целом, а также интересующих его категорий и институтов («князь», «дружина», «войско», «вече», «народ» как исторически конкретная общность социальных групп), архаизации их структуры и функций спустя 500 лет в Древней Руси (Фроянов И. Я. Киевская Русь (2), с. 10—11, 66, 121, 160, 186—187).

в VII—X вв. не только в стеной и лесостеной, но и в лесной зоне. Применение на севере узколопастных сошников явилось результатом приспособления рала к тяжелым природным условиям.²² Земледельцы пользовались разнообразными орудиями вторичной обработки почвы: лопатами с железными оковками и без них, мотыгами, бородами, глызобойками для разбивки земляных комьев и уплотнения земли. Важным орудием при подсечно-огневой системе земледелия был топор. Серпы и некоторые типы кос-горбуш по форме и размерам стали близки к современным. Во время сеноуборки пользовались граблями и вилами.²³ Эти орудия расширяли возможности земледельческого производства — основы экономики восточных славян. В лесных районах, где земледелие было преимущественно подсечно-огневым, при лесном перелогe и в лесостепи при лесостенном перелогe широко распространилась паровая двух- и трехпольная система²⁴ с применением севооборота яровых культур и озимой ржи, что способствовало росту урожайности культивируемых зерновых (твердая и мягкая пшеница, шестирядный, двурядный, голозерный ячмень, просо, полба, овес, овсюг, яровая и озимая рожь, гречиха). В сельском хозяйстве возделывались также многочисленные огородные, бобовые и технические культуры. Земледельческое хозяйство лесостепной зоны в IX—X вв., по наблюдениям В. И. Довженка, достигло значительной степени развития. В результате этого можно было отчуждать прибавочный продукт и вести расширенное производство,²⁵ что создавало предпосылки для роста имущественного и социального расслоения сельского населения, для увеличения нормы эксплуатации земледельцев в пределах государства и в господских хозяйствах. Пахотные орудия медленнее развивались в лесной зоне. Изменение типов пахотных орудий определялось широтными природными условиями.²⁶ Поэтому уровень их

²² *Миролюбов М. А.* 1) Пахотные орудия Старой Ладogi. — АСГЭ, 1972, т. 14; 2) Пахотные орудия севера и юга Восточной Европы в домонгольскую эпоху. — В кн.: *Этнография народов Восточной Европы*. Л., 1977; *Чернецов А. В.* 1) О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий. — СА, 1972, № 3; 2) Классификация и хронология пахотных орудий древнерусских пахотных орудий. — КСИА, 1976, вып. 146; *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977, с. 15—30; *Минасян Р. С.* Раннеславянский хозяйственно-бытовой инвентарь и его появление в лесной зоне Восточной Европы. Автореф. канд. дис. Л., 1980. — Ср. появление копьевидных наральников как следствие развития деревянного рала (*Краснов Ю. А.* Рало из Токаревского торфяника. — КСИА, 1981, вып. 164).

²³ *Левашева В. П.* Сельское хозяйство. — Тр. ГИМ, 1956, вып. 32; *Миролюбов М. А.* Орудия вторичной обработки почвы и уборки урожая из Старой Ладogi. — АСГЭ, 1976, вып. 17.

²⁴ Спорные вопросы в изучении систем земледелия в домонгольский период см.: *Шапиро А. Л.* Проблемы..., с. 37—49.

²⁵ *Довженко В. И.* Экономические предпосылки сложения Древнерусского государства. — В кн.: *Становление раннефеодальных славянских государств*. Киев, 1972, с. 52.

²⁶ *Миролюбов М. А.* Пахотные орудия... — Ср. «копьевидные» сошники на севере Западной и Центральной Европы и в Северной Европе в VI—X вв. (*Bentzien U.* Bauernarbeit im Feudalismus. Berlin, 1980, S. 32).

развития ограничивал, вероятно, норму эксплуатации земледельцев в X—XI вв., что влияло на формы эксплуатации (вероятно, большей была роль податей и различного рода поборов), но не меняло ее социальную природу. С образованием в XII в. больших массивов старопахотных земель, усовершенствованием сох и других земледельческих орудий²⁷ возможности роста сельскохозяйственного производства и эксплуатации земледельческого населения значительно возросли.

По археологическим материалам установлено, что у восточных славян в IX—X вв. были все виды домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади, домашняя птица. Накопление скота также могло способствовать увеличению имущественного неравенства. Определенную роль в хозяйстве играли также охота и рыболовство.²⁸

Значительного развития по сравнению с предшествующим периодом у восточных славян в IX—X вв. достигли ремесла: железоделательное производство, металлургическое, кузнечное и ювелирное дело, керамическое производство. Они обеспечивали изготовление орудий труда, оружия, бытовых вещей, украшений из цветных металлов (серебра, меди, свинца) и их сплавов, разнообразных видов лепной, а с X в. и гончарной посуды. Ремесленники производили продукцию на заказ, но при массовом производстве или добыче сырья изготавливали ее на массовую продажу вне зависимости от «вкусов» потребителя (железо, соль и т. п.).²⁹

Рост общественного разделения труда и внешние контакты способствовали развитию внутренней и внешней торговли восточных славян (второй вид торговли хорошо известен по сообщениям восточных и европейских источников второй половины IX—X вв.).³⁰ В результате роста общественного разделения труда, раз-

---

²⁷ *Кириянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв. — МИА, 1959, № 65, с. 347; *Чернецов А. В.* Классификация и хронология..., с. 33.

²⁸ *Левашова В. П.* Сельское хозяйство...; *Мальм В. А.* Промыслы древнерусской деревни. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, 1956, вып. 32; *Цалкин В. И.* Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. МИА, 1956, № 51; *Тимченко Н. Г.* К истории охоты и животноводства в Киевской Руси (Среднее Поднепровье). Киев, 1972; *Мавродин В. В.* О роли охоты и рыбной ловли в хозяйстве восточных славян. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976, вып. 3.

²⁹ Характеристику сельского хозяйства и ремесла в IX—X вв. см.: *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948; *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, 1968, № 152, с. 134—149; *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 16—26, 33—37; Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 61—77; Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979, с. 96—101.

³⁰ *Рыбаков Б. А.* 1) Внутренняя торговля Древней Руси по археологическим данным. — КСИИМК, 1946, вып. 13; 2) Торговля и торговые пути. — В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948, ч. I; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси. — ИСССР, 1967,

вития Древнерусского государства, политики великих князей по закреплению завоеванных территорий и защите границ государства, возникновению великокняжеского домена появились города — центры ремесла и торговли, административно-политические центры (социально-экономические и политические функции этих двух групп городов едва ли возможно однозначно разделить), города-крепости и домениальные города. Прежние племенные центры с появлением торгово-ремесленных посадов и прото-города переходного периода от племенного к классовому обществу становились поселениями с социально-экономическими и политическими функциями, характерными для раннеклассового общества, в результате чего многие города переносились в X—начале XI в. на другое место (Смоленск вытеснил Гнездово, Ярославль — Тимерово, Ростов — Сарское городище, Переяславль-Залесский — Клещин, возможно, Новгород — Рюриково городище). Вокруг княжеских замков и крепостей вырастали посадки. Крупнейшие города Древней Руси становились к концу X—началу XI в. гомогенными по структуре торгово-ремесленными поселениями и центрами княжеского управления, хотя продолжали существовать старые и появлялись новые города с более ограниченными функциями административных, военных, торгово-ремесленных, домениальных центров.³¹

№ 3; *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы... с. 149—154; *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 37—45.

³¹ Указание на обобщающие работы по истории древнерусского города см. выше, с. 14; см. также: *Раппопорт П. А.* 1) О типологии древнерусских поселений. — КСИА, 1967, вып. 110; 2) Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, 1967, № 140. с. 187—191; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978; *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980, с. 135—193; *Свердлов М. Б.* К изучению древнерусских топонимов как исторического источника. — ВИД. Л., 1982, т. XIII. — В советской историографии изучены важнейшие проблемы генезиса древнерусских городов, их типологии, критериев понятия «город» в Древней Руси, социальной и этнической природы городов, отношения города и сельской округи, роли городов в политической консолидации древнерусского общества, в международных связях Руси и т. д. (Советское источниковедение Киевской Руси, с. 99). Этому многообразию аспектов исследования, основанного на признании происхождения города в результате общественного разделения труда и социально-экономических особенностей городов в различных социально-экономических формациях, И. Я. Фроянов противопоставляет неясно сформулированный тезис: «...можно считать доказанным тот факт, что древнерусские города есть порождение сельской стихии» (*Фроянов И. Я.* Киевская Русь (2), с. 227). По его мнению, «города-государства на Руси конца IX—X в. строились на родо-племенной основе. В конце X—начале XI в. завершается в основном распад родо-племенных отношений, вследствие чего открывается новая фаза в развитии городов-государств на Руси, выразившаяся в складывании „городских (городовых) волостей“, составленных из главного города с пригородами и сельских округ» (там же, с. 232). Каждое из этих положений априорно и разъясняется не социально-экономическим анализом предполагаемых городов-государств, а аналогиями с городами гомеровской и классической Греции (XII—XIII, V—IV вв. до н. э.), Шумера (III—II тыс. до н. э.) и

С образованием к концу X в. крупнейшего в Европе Древнерусского государства, простиравшегося от Ладоги до Черного моря (Тмутаракань) и от Карпат до междуречья Оки и Волги, ускорились процессы социально-экономического развития неславянских племен. Различия естественно-географических условий явились причиной исторически обусловленной неравномерности развития раннефеодальных отношений в земледельческих (при разной степени развития земледелия), охотничье-промысловых, скотоводческих (у кочевников) или смешанных системах хозяйства. Рост экономических связей (прогрессивное влияние более развитой в ремесле и системе земледелия экономики восточных славян, торговля, появление городов в результате восточнославянской колонизации и великокняжеской политики закрепления завоеванных территорий) и эксплуатация завоеванных земель посредством системы дани стали экономической основой вассалитета неславянских земель.³² Неравномерность исторического развития народов, входивших в состав Древнерусского государства, была причиной многоукладности социально-экономической структуры страны. Однако определяющим способом производства ставилась система общественных отношений, которая складывалась в землях восточных славян с наиболее развитой экономикой хозяйства, быстро растущей товарностью производства.³³

Следствием развития производительных сил, общественного разделения труда, внешней и особенно внутренней торговли явилось также складывание денежной системы. Ее определение имеет существенное значение, поскольку она является одним из показателей развития товарно-денежных отношений, а также использования денег при экономических и внеэкономических формах эксплуатации непосредственных производителей. В результате комплексного изучения письменных источников и нумизматических материалов древнерусскую денежную систему можно определить следующим образом. В условиях отсутствия месторождений серебра и других ценных металлов в землях восточных славян всеобщим денежным эквивалентом стали меха белок и куниц. С появлением в конце VIII в. восточных серебряных монет — дирхемов они были включены в восточнославянскую денежную систему, причем восточное серебро использовалось также для переплавки в наиболее крупные денежные единицы — гривны (слитки) и как сырье для ювелирных изделий. Сложившаяся денежная система, состоящая из мехов и серебряных монет, органически объединила наиболее ценные товары в восточнославянских

племени йоруба в Западной Африке без их синхро-стадиального анализа, что не позволяет сделать научно обоснованные выводы по истории древнерусских городов.

³² Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 92—101.

³³ Данилова Л. В., Пашуто В. Т. Товарное производство на Руси (до XVII в.). — ВП. 1954, № 1.

землях, которые вследствие определенной стандартизации выделялись как всеобщий денежный эквивалент, являясь содержанием понятий «гривна—погата—купа—веверица». В конце X—начале XI в. был предпринят чекан златников и сребреников, однако эмиссия русских монет продолжена не была. С прекращением привоза дирхемов в начале XI в. началось поступление в денежное обращение западноевропейских денариев. В результате дальнейшего роста внутренней торговли и товарности хозяйств шкурки куниц и белок также употреблялись в качестве денег. Позднее шкурки с вытершимся мехом, но подтвержденные княжеским знаком продолжали использоваться в денежном обращении. Наконец, древнерусская денежная система обеспечивала экономику и денежные отношения на Руси в так называемый безмонетный период XII—XIII вв., несмотря на все возрастающую роль денег в товарно-денежных отношениях, следствием которых были такие социальные явления, как должничество, ростовщичество, закупничество и т. д.³⁴ Содержание денежных единиц позволяет рассмотреть систему взимания мехами дани-подати на Руси IX—X вв. не только как сбор ценных мехов, но и как уплату денежных податей, что было одной из форм эксплуатации лично свободного населения.

Таким образом, экономика Руси IX—X вв. свидетельствует о значительном росте производительных сил и общественного разделения труда, которые создавали материальные предпосылки для отношений господства и эксплуатации в процессе материального производства и отчуждения прибавочного продукта от зависимого и лично свободного населения, что было основной причиной формирования классовой социальной структуры Древнерусского государства.

СТРУКТУРА ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА. КОНСОЛИДАЦИЯ ЗНАТИ

Уровень развития производительных сил был определяющей причиной в формировании определенной системы общественных отношений. Однако в процессе генезиса раннеклассового общества на его структуру оказывали влияние как социально-экономические причины, под воздействием которых возникло Древнерусское

---

³⁴ О древнерусской денежной системе см.: Янин В. Л. 1) Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; 2) Деньги и денежные системы. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1970, ч. I; Плотин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XII вв. Л., 1968; Свердлов М. Б. 1) К вопросу о денежном обращении у восточных славян в X—XII вв. (по мусульманским источникам). — Вестник ЛГУ, 1965, № 5; 2) Источники для изучения русского денежного обращения в XII—XIII вв. — ВИД. Л., 1978, т. IX; 3) Деньги и денежное обращение. — В кн.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978; 4) Нумизматика. — В кн.: Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979.

государство, так и социально-политические факторы существования крупнейшего в средневековой Европе государства. Эти причины влияли на генезис и структуру древнерусского общества IX—X вв. в диалектическом единстве. Поэтому выделение одной из сторон этого исторического процесса ограничит возможности его исследования.

В процессе образования Древнерусского государства достаточно отчетливо прослеживаются четыре этапа: племенные княжения, образование первоначального ядра русской государственности — Русской земли, формирование двух первых государственных образований восточных славян — южного и северного, объединение южного и северного государственных образований в Древнерусское государство с центром в Киеве.³⁵ В связи с этим принципиальное значение приобретает характеристика начального этапа государственного развития — племенных княжений, о которых сообщается в ПВЛ.³⁶ Изучение социально-экономической и политической структур племенных княжений нуждается в специальном исследовании, основанном прежде всего на археологических и сравнительно-исторических материалах. Однако уже сейчас очевидно, что на этой стадии развития продолжалось разложение племенной организации в результате роста социально-экономической дифференциации членов племени, дальнейшего выделения племенной знати из среды свободных и развития института княжеской дружины при сохранении социально-политических племенных институтов (веча — племенного собрания, тысячной организации и т. д.) и вместе с тем при внутривосприимчивом обложении.³⁷

---

³⁵ Шаскольский И. П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. — Эта периодизация обобщает наблюдения Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, А. Н. Насонова, В. В. Мавродина, В. Л. Янина, В. Т. Пашуго, В. Д. Корольюка, А. Г. Кузьмина и других исследователей (см. также: Шаскольский И. П. Образование Древнерусского государства. — В кн.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 137—141).

³⁶ ПВЛ, I, с. 13.

³⁷ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. Изд. 2-е. М., 1953, с. 296—303; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 528; Мавродин В. В. 1) О племенных княжениях восточных славян. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971; 2) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 100—109; Шаскольский И. П. О начальных этапах..., с. 56—57; Корольюк В. Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств, с. 218—219. — Ср. мнение о структуре племенных княжений в Польше и у других славянских народов с княжеской властью, выборпой, а затем наследованной, советом старейшин, богатыми — знатью, вечем — народным собранием, дружиной, войском, данью — налоговым обложением хозяйства, судом, политическим управлением и т. д. (Łowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1970, t. IV, S. 108—229). И. И. Ляпушкин подверг критике мнение о племенных княжениях как государственных образованиях, подразумевая в последних классовое общество с отчетливо выраженным экономическим

Образование северного и южного межплеменных объединений, отмечаемых в середине IX в., свидетельствует о существовании тех же внутривосточных тенденций к формированию межплеменных союзов и примитивных государств, которые отмечаются в VII в. в южно- и западнославянских землях³⁸ и которые привели к образованию в VII в. Первого Болгарского царства, государства Само, а в IX в. Великоморавской державы. Интеграция восточнославянских племен и соседних угро-финских, тюркских и балтских племен в единое Древнерусское государство во второй половине IX—X в. была продолжением тех же тенденций, которые существовали в VIII—первой половине IX в. Поэтому несостоятелен исходный тезис ученых-норманистов о «создании» Древнерусского государства скандинавами.³⁹ Норманны лишь включались в социально-экономические и политические процессы, происходившие в Восточной Европе IX—X вв.

Политические объединения обширных земель способствовали формированию государств и более быстрому распаду родо-племенных связей. Ф. Энгельс писал об образовании государства у германских племен: «... у германских победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств».⁴⁰ Это не меняет общего марксистского вывода о происхождении государства: «Итак, государство никоим образом не представляет собой силы, извне на-

---

неравенством, появление городов как центров ремесла и торговли, существование дружины, но в этих замечаниях были упущены, по нашему мнению, процессы генезиса указанных явлений (Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы..., с. 162—169. — Возражения И. И. Ляпушкину см.: Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос. — В кн.: Летописи и хроники. 1973. М., 1974).

³⁸ Следует отметить, что макроструктура племенных союзов и микроструктура самоуправления малых племен содержали возможности роста государственных институтов уже в системе племен (о двухступенчатой территориальной структуре племен см.: Lowmianński H. Początki Polski, t. IV, s. 33—46). Последовательное сравнение восточнославянских общественных структур с южно- и западнославянскими является темой специального исследования.

³⁹ Пашуто В. Т. Черты политического строя..., с. 88. — Критику норманистского тезиса о «создании» Древнерусского государства скандинавами см.: Шушарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964, с. 229—288; Шаскольский И. П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965; Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX—XI вв.). — Scando-Slavica. Aarhus. 1979, t. 24.

⁴⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 169. — Романо-германский синтез социальных отношений ускорял общественное развитие германцев, тогда как синтез общественного строя восточных славян с менее развитыми социально-экономическими системами неславянских народов, по мнению В. Т. Пашуто, замедлял развитие феодальных отношений в Древнерусском государстве (Pashuto V. T. Feodalismän kehityksen lainmukaisuudet ja erityispiirteet venäjällä (ennen 1600-lukua). — Historiallinen Arkisto. Helsinki, 1977, № 72).

византскому обществу... Государство есть продукт общества на известной ступени развития: государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах „порядка“. Эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство».⁴¹ Данные выводы полностью относятся к определению социально-экономических и политических причин образования Древнерусского государства, его социально-политических функций в истории Древней Руси.

Можно проследить влияние образования единого Древнерусского государства как политического фактора на изменение его общественной структуры в IX—X вв. Согласно русско-византийским договорам первой половины X в., наряду с киевским великим князем на Руси были другие князья. В договоре 907 г.⁴² указано о взимании «укладов» с побежденных византийцев «на руския грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтескъ, на Ростов, на Любечъ и на прочаа города; но тем бо городомъ сядяху велиции князи под Олгом суще».⁴³ Основываясь на текстологическом анализе договоров 911 и 944 гг., А. А. Шахматов и Б. Д. Греков предположили, что в тексте договора, помещенного под 907 г., указаны только Киев, Чернигов и Переяславль. Остальные города были добавлены редактором ПВЛ.⁴⁴ В условиях центральной власти великого киевского князя в начале X в. сообщение о «великих князьях» в непосредственной близости от Киева, в Чернигове и Переяславле, в трех главных городах «Русской земли», восточнославянского государственного образования в Среднем Поднепровье, откуда осуществлялась военно-политическая экспансия на соседние территории,⁴⁵ на пол-

⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 169—170. — Не рассматривая социально-экономические и политические явления в их неразрывной связи. И. Я. Фроянов ошибочно, по нашему мнению, полагает «коренной причиной» образования племенных «суперсоюзов» («союза союзов», «сверхсоюзов») VI—IX вв. внешнюю опасность, не указывая других причин, а крупнейшее в Европе Древнерусское государство считает «грандиозным „союзом союзов“», связывая его появление с «историей возвышения полянской общины» (?) (Фроянов И. Я. Киевская Русь (2), с. 13, 21, 22).

⁴² Историографию и анализ договора 907 г. см.: Сахаров А. Н. Русско-византийский договор 907 г.: реальность или вымысел летописца? — ВП. 1978, № 2, 3.

⁴³ ПВЛ, I, с. 24.

⁴⁴ Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. — Зап. нефилологического общества. Пг., 1913, вып. VIII, с. 395—396; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 295—296.

⁴⁵ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 28—68.

няется реальным содержанием, если предположить, что в городах правили князья-наместники — родственники великого киевского князя или зависимые от него племенные князья.

Князья, подчиненные власти великого киевского князя, упоминаются также в договорах 911 и 944 гг.: «Мы от рода рускаго... иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр...». ⁴⁶ «Мы от рода русского сълы и гостье... послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья и от всехъ людий Руския земля... И великий князь нашъ Игорь, и князи и бояри его, и людье вси русии послаша ны...». ⁴⁷ Н. Лавровский полагал, что переводчики договоров 911 и 944 гг. без различия переводили *ἄρχων* как «князь» или «боярин». Предполагаемая путаница терминов объяснялась им непоследовательностью переводчика. ⁴⁸ Однако такое предположение противоречит собственному наблюдению Н. Лавровского, по которому византийцы обращали пристальное внимание на титулатуру противной стороны для определения отношения к ней византийских императоров. ⁴⁹ Следует учесть также возможность отражения в договорах живого русского языка, адекватно передававшего социальные термины. ⁵⁰ Поэтому великий киевский князь, другие князья и бояре последовательно различаются. Вероятно, в греческом тексте для обозначения использовались слова *μεγιστῶν* или *συνκλητικός*, ⁵¹ которые позволили отличить боярина от *ἄρχων* — князя. Лавровский остался на позициях формального лингвистического анализа, поэтому он свел неясные для него вопросы терминологии договоров к ошибкам переводчиков и не увидел за развитой терминологией реальных общественных отношений. Формально к истории текста договора 911 г. отнесся и Д. М. Мейчик, который не учитывал чтения Лаврентьевского списка ПВЛ о великих князьях и боярах, считал его в противоположность А. А. Шахматову позднейшим дополнением или «влиянием византийской дипломатики» и без доказательств принимал в данном случае чтение Ипатьевского списка. ⁵²

Таким образом, русско-византийские договоры первой половины X в. ясно указывают на существование на Руси помимо Рюриковичей других князей, которые назывались в начале века «великими». Вероятно, это были племенные князья и вожди племенных объединений второй половины IX в., признавшие власть великого киевского князя подобно древлянскому князю Малу,

⁴⁶ ПВЛ, I, с. 25—26.

⁴⁷ Там же, с. 34—35.

⁴⁸ Лавровский Н. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853, с. 104—106 и сл.

⁴⁹ Там же, с. 96—97.

⁵⁰ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X—середина XVIII в.). М., 1975, с. 30—48.

⁵¹ Срезневский, I, стб. 160.

⁵² Мейчик Д. Русско-византийские договоры. — ЖМНП, 1915, № 10, с. 312, 314—315.

а также князья-наместники, родственники великого киевского князя.

В источниках почти нет сведений об объеме власти племенных князей. Однако в предании о Кне и его братьях, относимом Б. А. Рыбаковым к VI в.,⁵³ уже отчетливо высказана мысль о преемственности княжеской династии у восточных славян: «...по сих братьи держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ...».⁵⁴ Тема княжеского рода проведена и в других преданиях ПВЛ, которые утверждали право преемственности княжеской власти по праву рождения.⁵⁵ Данных о выборности князей восточнославянских племен нет.

Уже в X в. понятие великокняжеского рода означало семью великого князя и его ближайших родственников. В договоре 941 г. кроме послов Игоря указаны послы его сына Святослава, жены и двух нетий — племянников, сыновей неизвестного по источникам брата.⁵⁶ В посольстве 957 г. Ольги в Константинополь присутствовали ее племянник или двоюродный брат(?) (ἀνεψιός) и княгини-родственницы.⁵⁷ Однако, несмотря на многочисленность великокняжеской семьи, наследование даже в период малолетства Игоря и Святослава велось по прямой нисходящей линии, что свидетельствует об ограничении в X в. прав родственников — членов великокняжеской семьи — на престол. Таким образом, на Руси в X в. существовала великокняжеская династия, в которой правление страной передавалось по прямой нисходящей линии, при отсутствии выборности, что явилось результатом длительного процесса укрепления самостоятельности княжеской власти.

В X в. происходил быстрый процесс концентрации княжеской власти, что вело к исчезновению племенных князей. Если в договоре 911 г. наряду с великим русским князем Олегом названы «под рукою его» «светлые и великие князь», то в договоре 944 г. последние указаны в обобщенных формулировках: «всякое княжье»⁵⁸ и «князи», причем в последующем тексте договора в качестве единственного правителя страны упомянут только Игорь. Договор 971 г. составлен от имени Святослава, который представлял в своем лице «иже суть подо мною Русь, боляре и прочии»,⁵⁹ т. е. другие князья не указывались, поскольку их уже не было.⁶⁰ В пользу такого мнения свидетельствуют также политические события конца X — начала XI в., изложенные в ряде источников,

⁵³ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 22—38.

⁵⁴ ПВЛ, I, с. 13.

⁵⁵ Там же, с. 18—20.

⁵⁶ Там же, с. 34.

⁵⁷ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae. Bonnac. 1829, vol. I, p. 596—597.

⁵⁸ Понятие «княжье» в обобщающем значении «русские князья» использовалось и позднее (Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Одесса, 1904, с. 66).

⁵⁹ ПВЛ, I, с. 52.

⁶⁰ Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей». — ВДИ, 1938, № 2, с. 93.

в которых речь идет только о правящей династии и концентрации в ее руках княжеской власти.

Источники позволяют установить методы такой концентрации. Простейший из них — подчинение племенной власти великого князя (племени и племенные союзы, которые включались в состав Древнерусского государства, указывались летописцем по их названию: древляне, северяне, радимичи, вятичи и т. д.⁶¹), включение земель в состав подвластной ему территории и ограничение власти племенных князей в результате перехода их «под руку» великого князя. Понятие «рука» как выражение власти, могущества, собственности для утверждения договоров и сделок широко использовалось у германцев и других народов в эпоху раннеклассовых обществ. Участие «руки» в обрядовом действии и словесной формуле означало также поступление в зависимое состояние.⁶² Поэтому указание русско-византийских договоров о «великих и светлых князьях» «под рукою» великого киевского князя свидетельствует о том, что племенные князья и родственники Олега еще были самостоятельными правителями, но находились в вассальном, подчиненном к киевскому князю положении.

Другим путем установления центральной власти в стране, ограничивавшим племенных князей или устранявшим их, была раздача «городов», стратегически важных укреплений, центров административного управления, ремесла и торговли, «мужам», т. е. близкому княжескому окружению. Сведения об этих раздачах относятся не только ко времени Владимира Святославича, но и ко второй половине IX в.⁶³ Таким образом, на протяжении столетия прослеживается характерное для раннефеодальных государств назначение на административные должности дружинников.⁶⁴ Аналогичную роль по укреплению административного государственного управления играли меровингские графы,⁶⁵ что указывает на единый раннефеодальный характер таких раздач, как на форму концентрации государственной власти путем расширения сферы деятельности административного аппарата.

Средством концентрации власти была также практика «посаждения» сыновей великого князя в центрах бывших крупных племенных княжений,⁶⁶ которые нуждались в особом контроле. Игорь

⁶¹ ПВЛ, I, с. 20, 21 и сл.

⁶² Grimm J. Deutsche Rechtsaltertümer. Leipzig, 1899, Bd. I, S. 190—196.

⁶³ ПВЛ, I, с. 18, 20, 54, 56, 85, 89, 97.

⁶⁴ Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963, с. 152.

⁶⁵ Mitteis H. Der Staat des hohen Mittelalters, 9. Aufl. Weimar, 1974, S. 44—45; Колесницкий И. Ф. Феодалное государство (VI—XV вв.). М., 1967, с. 26—28. — А. В. Соловьев бездоказательно определил княжичей как скандинавских ярлов, которые, по его мнению, посылали послов в Византию и поэтому были «скорее» местными князьями (smakonungar) «под рукой» великого князя. Тем самым он свел местную знать к небольшому скандинавскому окружению киевских князей (Soloviev A. V. L'organisation de l'état russe au Xe siècle. — Dans: L'Europe aux IXe—XIe siècles. Varsovie, 1968).

⁶⁶ Пресняков А. Е. Княжеское право в Древней Руси. СПб., 1909, с. 23.

«пересадил» в Новгороде Святослава,⁶⁷ Святослав — в Киеве Ярополка, в земле древлян Олега, в Новгороде Владимира. Такая традиция, продолженная при Владимире и его потомках, как попытка концентрации власти характерна для раннесредневековой Европы. Однако в условиях относительной социально-экономической самостоятельности племенных территорий в составе Древнерусского государства она создавала предпосылки для выступления князей-наместников против великого киевского князя: Владимира — против Ярополка, Ярослава — против Владимира.

Одним из путей централизации было насильственное устранение племенных князей и своих родственников, что было широко распространено в период образования раннефеодальных государств раннего средневековья в Европе. Например, Григорий Турский подробно рассказал о победах Хлодвиг над врагами, о том, как различными путями были убиты его союзники, другие франкские короли и даже близкие родственники. Завершил свой рассказ хронист так: «Когда они были убиты, Хлодвиг получил их страну и сокровища. А когда были убиты и другие многочисленные короли и его ближайшие родственники, которых он опасался, чтобы они не отняли у него королевство, он распространил свою власть по всей Галлии».⁶⁸ Аналогичным путем, вероятно, устраивались и на Руси «светлые и великие князья», хотя некоторые погибали во время восстаний, как древлянский князь Мал.

Процесс усиления великокняжеской власти у восточных славян отразился в иностранных источниках. Среди известий о славянах в энциклопедии Ибн Русте «Дорогие ценности» (ок. 903 г.⁶⁹) находится сообщение о том, что правит славянами «глава глав», который зовется свит-Малик.⁷⁰ В историографии неоднократно отмечалось, что понятие «славяне» арабские географы часто относили не только к западным и восточным славянам, но и к со-

⁶⁷ Const. Porph. De adm. imp. 9.

⁶⁸ Greg. Tur., II, 42.

⁶⁹ Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. — Избранные сочинения. М.; Л., 1957, т. IV, с. 159.

⁷⁰ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 388. — Д. А. Хвольсон предложил конъектуру

سُوَيْتٌ بَلَك, которую интерпретировал как Святополк (Хвольсон Д. А. Известия о ... славянах и руссах... Ибн-Даста. СПб., 1869, с. 12, 139—142). Это мнение было принято издателем сочинения Ибн Русте де Гуйе (BGA. Lugdunū Batavorum, 1892, t. VII) и широко распространено в историографии для обозначения моравского князя Святополка I, что стало одним из оснований отнесения этого известия к западным славянам. Однако второе слово может быть прочитано и как ملك — царь. В данном случае оказывается чтение «малик» — «царь» (Заходер В. П. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967, т. II, с. 119). При таком понимании получается, что Свит-царь был главой объединения племен, у которых существовали собственные князья (Новосельцев А. П. Восточные источники... с. 396).

седним с ними неславянским народам.⁷¹ В новейшей историографии наместилась тенденция к локализации славян, описанных Ибн Русте, в Восточной Европе.⁷² Противоречия в описаниях славян и русов можно объяснить в этом случае не только информацией Ибн Русте о разных восточнославянских племенах,⁷³ но и тем, что к нему попала разновременная информация. Вместе с тем в рассказе Ибн Русте о русах, которые в источниках IX—начала X в. локализуются на юге восточного славянства, вероятно в Среднем Поднепровье,⁷⁴ указывается, что у них есть царь, который зовется «хакан».⁷⁵ О том, что у народа «Rhos» главою был «хакан», сообщил в 839 г. хронист Пруденций, который без сомнения видел послов кагана росов при дворе императора Людовика Благочестивого.⁷⁶ Как справедливо предположил М. И. Артамонов, титул кагана был принят главой русов как символ равноправия с каганом хазар и независимости от него.⁷⁷

Сведения о главе русов, о его военном могуществе создали определенное представление у арабов о власти царя русов. Вблизи по времени к Ибн Русте сочинении Ибн Фадлана, который в 921—922 гг. был в Булгаре и узнал там многое о русах, сообщается, что царь русов постоянно проводит время на ложе в окружении четырехсот мужей. Командует войсками и реально управляет государством его заместитель. Это описание принципиально не отличается от сообщения о государственном управлении у хазар.⁷⁸ Восточные источники своеобразно отражают процесс

⁷¹ Бартольд В. В. Славяне. — Соч. М., 1963, т. II, ч. 1, с. 870—872. — Ср. противоположное мнение: Минорский М. Ф. История Шервана и Дербенда X—XI веков. М., 1963, с. 147—148.

⁷² Новосельцев А. П. Восточные источники..., с. 393; Заходер Б. П. Каспийский свод..., с. 108—112.

⁷³ Новосельцев А. П. Восточные источники..., с. 393.

⁷⁴ Свердлов М. Б. Локализация русов в арабской географической литературе IX—X вв. — Изв. ВГО, 1970, № 4, с. 365—366. — На географическую неопределенность локализации русов указывал еще Д. А. Хвольсон (Известия..., с. 147—150). В историографии иногда предполагают северное расположение «острова русов», возможно Новгорода (Бартольд В. В. Арабские известия о русах. — Соч. М., 1963, т. II, ч. 1, с. 823, 824; Новосельцев А. П. Восточные источники..., с. 403). Однако полная неосведомленность Ибн Русте о локализации русов в отличие от других народов Восточной Европы, ясные указания других источников на их южную локализацию, фантастичность изображения «острова» у Ибн Русте и неубедительность его толкования у исследователей не позволяют согласиться с этим мнением. О древностях русов в Среднем Поднепровье по письменным и археологическим данным подробно см.: Рыбаков Б. А. Древние русы. — СА, 1953, т. XVII; Третьяков П. Н. О древнейших русах и их земле. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968.

⁷⁵ Хвольсон Д. А. Известия..., с. 35.

⁷⁶ AQdGM. Berlin, Bd. VI, T. 2. 1958, S. 44, ff.; Sverdlou M. Nachrichten über die Ruß in der deutschen historischen Überlieferung des 9.—13. Jh. — Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1975, Bd. 19, T. 1, S. 168.

⁷⁷ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 366.

⁷⁸ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 146.

успления великокняжеской власти в конце IX—первой четверти X в., ее судебные функции, отмечают существование знати русов и ее иерархию, что подтверждается археологическими источниками.⁷⁹

Доказательством установившейся самостоятельности власти великого киевского князя являются обращения императоров в договорах именно к нему, чтобы он «своим словом» запрещал «творить пакости» в византийских селах. Именно великий князь (а не коллективные племенные органы управления или русские князья совместно) посылает воинов византийскому императору или просит у него помощи, устанавливает власть над византийской территорией.⁸⁰

Таким образом, образование княжеской династии, в которой власть передавалась по прямой нисходящей линии старшему сыну без участия народа в выборах, было следствием предшествующей многовековой тенденции к установлению самостоятельности княжеской власти от племенных институтов. Этот процесс нашел завершение в раннеклассовом обществе. Распространение термина «князь» только на членов киевской великокняжеской династии стало возможно в результате централизации княжеской власти в Древнерусском государстве, тогда как многочисленные племенные князья слились со знатью или были уничтожены. Внутриполитические процессы консолидации княжеской власти находили внешнее выражение не только в ограничении употребления титула «князь», но и в заимствовании иноземного титула уже в первой трети IX в. могущественного тогда хазарского кагана.⁸¹ Отмеченные изменения положения князя в общественной структуре Руси IX—X вв. выражали сущностные социально-экономические процессы, которые заключались в превращении его в сюзерена, главу господствующего класса, состоящего из местной и служилой знати, обогащавшейся за счет эксплуатации лично свободных и зависимых непосредственных производителей в пределах Руси, в правителя раннеклассового Древнерусского государства, в господина домениальных владений.

Процесс интеграции и консолидации господствующего класса в Древней Руси имел сложный многосторонний характер. Он продолжал те тенденции, которые наметились еще в развитом родо-племенном обществе.

Разными были судьбы тех категорий родо-племенной знати, общественное положение которых определялось социальным престижем, основанным на авторитете возраста.

В рассказах о Владимире Святославиче «старцы» упоминаются наряду с боярами в языческий период при выборе жертв

⁷⁹ Рыбаков Б. А. Славяне в VI в. н. э. — В кн.: История СССР с древнейших времен. М., 1966, 1-я серия. т. I, с. 359—361.

⁸⁰ ПВЛ, I, с. 25, 36—38, 45.

⁸¹ «Каганами» продолжали называть киевских князей в X—середине XI в. (ВГА, т. VII, р. 145; Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966, вып. I, с. 49—52).

для богов, в качестве советников князя в принятии христианства. наконец, вместе с епископами при изменении наказаний за преступления, при этом «старцы», как и епископы, советовали творить суд по старине и взимать виры.⁸² Учитывая происхождение термина «старцы», восходившего к родо-племенному обществу, а также сферу их деятельности, можно сделать вывод, что «старцы» — это племенная знать, исполнявшая судебные-административные функции. К такому мнению в новейшей литературе пришли В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов.⁸³ Этот вывод принял Х. Ловмянский, который допустил, учитывая предшествующие работы, существенные коррективы: 1) литературное происхождение термина «старцы градские» (по М. Н. Тихомирову), из чего, однако, не следовало, что «он не отражал действительные атрибуты этой социальной категории»; 2) признание за «старцами» функций племенных правителей не только города, но и его области.⁸⁴ Введенные коррективы делают позицию Х. Ловмянского в определении функций «старцев» противоречивой, поскольку первый корректив показывает терминологическую неопределенность принятого исследователем вывода В. В. Мавродина и И. Я. Фроянова, а второй корректив лишает ясности принципиальные различия между племенными и государственными органами и функциями управления. Исследователи не обратили внимания на то, что в ПВЛ термины «старцы» и «старцы градские» использованы только в преданиях, а не в современном известиям источнике, причем только в сказании об уплате полянами дани хазарам «старцы хозарьстий» указаны самостоятельно⁸⁵ в отличие от повествовательных штампов преданий о Владимире: «И реша старци и боляре...»; «созва Володимеръ боляры своя и старци градские...»; «и созва князь боляры своя и старца, рече Володимеръ...»; «и створи праздникъ великъ в тѣ день боляромъ и старцемъ градским...»; «Володимеръ не отвергъ виры, нача казнити разбойники, и реша епископи и старци...».⁸⁶ С прекращением преданий о Владимире под 997 г. понятие «старцы» исчезает со страниц ПВЛ, что свидетельствует о его литературном или литературно-«сказительном» происхождении. Поэтому термин «старцы» (иногда с определениями «градские» или «людские») не отражает реальную сущность обозначаемой им общественной категории (об этом же свидетельствуют многочисленные материалы, приведенные С. В. Завадской⁸⁷), или во

⁸² ПВЛ. I. с. 58, 74, 75, 87.

⁸³ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. «Старцы градские» на Руси X в. — В кн.: Культура средневековой Руси. М., 1974.

⁸⁴ Ловмянский Х. О происхождении русского боярства. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 99.

⁸⁵ ПВЛ. I. с. 16.

⁸⁶ Там же, с. 58, 74, 75, 85, 87.

⁸⁷ Завадская С. В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 101—102. — По подсчетам С. В. Завадской, термин «старцы» упоминается в XI в. (по дате рукописей памятников) 483 раза (все значения

время написания ПВЛ слово «старцы» было уже литературно-повествовательным штампом исторических преданий, не содержало в себе реальной информации о древних «старцах» и стало общим обозначением знатных людей, приближенных князя.⁸⁸

Термин «старейшины» стал столь же неопределенным, не выражающим обязательный принцип возрастного старшинства. Он означал лиц более богатых и знатных, чем простые «люди». Вероятно, этим обстоятельством объясняются упоминания «старейшин» в преданиях об Ольге и Владимире в городах — населенных центрах, социально-экономически значительно более дифференцированных, чем села.⁸⁹ На такое употребление термина «старейшины» указывает также предание о хазарах и полянах, плативших им дань мечами. В этом предании старейшинами назван правящий слой Хазарии.⁹⁰ Между тем состав социальной верхушки хазар в X в. достаточно хорошо известен — это «землевладельческая аристократия», которая владела землей и людьми как наследственные родовые вожди, фактически узурпировавшие общинную собственность.⁹¹ Термин «старейшины», как и «старцы», в ПВЛ, вероятно, литературно-повествовательного происхождения, отсюда его неопределенность при обозначении верхушки общества.⁹² Так назывались знатные и богатые лица, местная знать, а не родо-племенные старшины.

На то, что старая родо-племенная терминология наполнялась новым содержанием, определявшим не только социальные, но и имущественные различия, указывает известие ПВЛ под 1024 г., согласно которому во время голода в Суздале восставшие избивали «старую чадь», так как она держала у себя большие запасы съестных припасов — гобино.⁹³ При этом «старая чадь» выступала как социальная группа, противостоящая простому свободному населению.

К общественным терминам с корневой основой «стар-», восходящим к родо-племенному обществу, относится также термин

церковного и возрастного характера), в XII в. — 46 раз (все значения церковного характера), в XIII в. — 604 раза (из них 12 раз со светским содержанием), в XIV в. — 474 раза (из них 58 раз — со светским содержанием). Эти данные свидетельствуют о том, что слово «старцы», не исчезающее из разговорной речи, перестало быть в XI—XII вв. социальным термином, а появление светского значения термина в источниках XIII—XIV вв. явилось следствием развития языка, а не «продолжением» существования с X по XIII—XIV вв. термина «старцы» с социальными характеристиками светского содержания, как полагает С. В. Завадская.

⁸⁸ О термине «старцы» как литературном см.: там же, с. 102—103.

⁸⁹ ПВЛ, I, с. 43, 85, 87.

⁹⁰ Там же, с. 16.

⁹¹ Артамонов М. И. История хазар, с. 401.

⁹² Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 186. — См. также сообщение в «Чтении о Борисе и Глебе» (конец 70-х—начало 80-х гг.), принадлежащем перу летописца Нестора: «Потом же старейшина, иже бе властелинъ граду тому...» (Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им/ Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916, с. 17).

⁹³ ПВЛ, I, с. 99.

«староста». Как отметил А. Е. Пресняков, старосты уже в первой половине XI в. были должностными лицами, назначенными свободному сельскому населению — смердам.⁹⁴ Об имущественном положении старост свидетельствует денежный сбор с них для борьбы со Святополком в 1018 г. — по 10 гривен.⁹⁵ Это почти в 2 раза меньше, чем собирали с бояр, но в 62,5 раза больше, чем получали с простых свободных мужей.⁹⁶

Анализ известий о социальных категориях родо-племенной знати показывает, что в конце X—начале XI в. старые термины наполнились новым содержанием. Знатность из почетного положения стала привилегированным состоянием богатых людей, что отразилось в новом значении прежних понятий. Термины «старцы» и «старейшины» перестали употребляться в XI в. как обозначения определенных общественных категорий. Замененные новыми социальными понятиями, они остались только в преданиях о давних временах. Сохранившиеся в XI в. термины родо-племенного строя означали новые по существу категории раннеклассового общества, знатных и богатых людей, членов административного управления.

Древнерусская лексика отражает тенденцию образовать на старой языковой основе новые социальные термины, которые служили бы обозначением знатных и богатых людей, близкого окружения князя. Термин «муж» («мужи»), сохраняя основное значение 'муж, мужчина, человек', в сочетании с прилагательными, означающими 'знатный' («парочитыи», «мучышии», «леньшии» и др.), и с притяжательными местоимениями, указывающими на князя как на сюзерена, выражал высокое общественное положение этих лиц (следует различать слово «муж» в сочетании с притяжательными местоимениями как социальный термин и как элемент разговорной лексики).⁹⁷ Показательно обозначение достоинства «мужа» в превосходной степени, что аналогично терминам западноевропейского раннего средневековья — *optimates*, *maiores*, *honestiores*. Однако эти лингвистические наблюдения можно дополнить историческим комментарием. «Лучшие мужи» были отправлены древлянами в качестве послов

⁹⁴ Пресняков А. Е. Княжеское право... с. 195.

⁹⁵ ЦВМ. I, с. 97.

⁹⁶ По мнению А. Т. Мironчикова, старцы и старосты были языческим жречеством, «составлявшим господствующую социальную прослойку накануне принятия христианства». Старцы являлись главами волостей, им подчинялись старосты, а «городские сотники подчинялись старцу по религиозной линии». Однако эта сложная конструкция с преувеличением религиозных функций племенной знати, отождествлением «богатырей» и старцев-старост, предположением о двух категориях жрецов-правителей — старцев и старост — на уровне сопоставлений разнородных источников и интерпретации хронологически не определенного фольклорного материала представляется недоказанной (Мironчиков А. Т. Дохристианское жречество Древней Руси (старцы, старосты, волхвы). Автореф. канд. дис. Минск, 1969).

⁹⁷ Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского княжко-писменного языка XI—XIV вв. М., 1980, с. 156—160.

к Ольге. На то, что в данном случае имелась в виду племенная знать, указывает разъяснение: «иже дерьжаху Деревьску дремлю». ⁹⁸ Во время строительства городов-крепостей на границе с печенегами Владимир «нарубал» «лучших мужей» из словен, кривичей, вятичей, чудь ⁹⁹ (политическое значение этой акции содержалось, видимо, в лишении племен их знати, способной противостоять великокняжеской власти). ¹⁰⁰ В преданиях об Ольге упомянуты также «нарочитые мужи», т. е. «избранные, знатные», однако из контекста следует, что «нарочитые» были те же «лучшие мужи». ¹⁰¹ Таким образом, термин «муж» при помощи соответствующих прилагательных употреблялся для обозначения племенной знати. Между тем сообщения о «мужах» свидетельствуют об использовании этого термина при упоминании высшего слоя служилой знати. «Мужи» Олега и Игоря заключали договоры с Византией, им давались в управление города, «мужам» Ольги передавались в «работу» пленные древляне, «царевым мужем» назван византийский чиновник в договоре 944 г. ¹⁰² Вероятно, для второй половины IX—X в. такое употребление слова «муж» было новой лексической тенденцией, которая развилась в последующее время.

Рост социального и экономического могущества племенной и княжеской служилой знати, начавшийся процесс ее интеграции, новые социальные отношения, основанные на эксплуатации, стали причиной широкого распространения в X в. заимствованного позднее слова «боярин» — «богатый и знатный» или «являющийся богатым, могущественным». ¹⁰³ Этот термин сосуществовал

⁹⁸ ПВЛ, I, с. 40, 41.

⁹⁹ Там же, с. 83.

¹⁰⁰ Несмотря на явно недостаточную археологическую изученность общественной дифференциации восточнославянских племен в X в. вне дружинных комплексов, археологические материалы позволяют все же ее проследить (Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 329—330; Ширинский С. С. Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 200—201; Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977, с. 144—146). Эта дифференциация могла возникать как следствие сосредоточения и наследования в отдельных семьях функций старейшины, хранения норм обычного права, организации братчины (Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стабильности его перехода в развитой феодализм. — ИСССР, 1981, № 2, с. 64—66).

¹⁰¹ ПВЛ, I, с. 40—41: «...и послаша деревляне лучшие мужи числом 20 в лодыи к Ольге ... и пославши Ольга къ деревляномъ, рече имъ: „Аще мя просити право, то пришлите мужи нарочиты...“. Се же слышавше деревляне избрашася лучшие мужи... и послаша по ню...». В этой связи предполагаемые социальные различия «лучших» и «нарочитых» мужей не представляются обоснованными (Абрамович Г. В. К вопросу... с. 66—67).

¹⁰² ПВЛ, I, с. 20, 25, 34, 36, 39, 43, 56.

¹⁰³ Львов А. С. Лексика..., с. 214—218; Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, с. 83—86. — По новейшим исследованиям, слово «боярин» не входило в праславянский лексический фонд (Трубачев, 2).

некоторое время с древними по происхождению, но новыми по содержанию обозначениями групп господствующего класса, постепенно их вытесняя. В русско-византийских договорах бояре названы вслед за великим киевским князем и князьями (в договоре 911 г. они указаны как «великие бояре»). На их высокое положение в X в. указывает применение этого слова для обозначения ближайшего окружения византийского императора.¹⁰⁴ Исходя из структуры управления византийской империи, состава императорского двора и совещательных функций греческих «бояр», можно установить, что этим словом были названы члены синклита, гражданские и военные чиновники с титулом протоспафария и выше.¹⁰⁵ В древнерусской переводной литературе словом «боярин» переведены высшие греческие титулы: ἄρχων, μέγιστος, συγκλητικός.¹⁰⁶ Сообщая об антифеодальном восстании 1030 г. в Польше, летописец написал об избитии там «епископы, и попы, и бояры своя».¹⁰⁷ Польский хронист Галл Аноним (конец XI—начало XII в.), рассказывая об этом же событии, сообщил об убийстве епископов, священников, а также «господ» — dominos и «знатных» — nobiles,¹⁰⁸ т. е. светских владельцев земли и людей из высших слоев господствующего класса. Использование термина «боярин» для обозначения представителей высшей знати, а также широкого круга землевладельцев и господ зависимого населения позволяет предположить изначально широкое его употребление, что соответствует семантике слова. Это наблюдение подтверждается выражением «вышегородские боярыце» в древнейшем летописании 30-х гг. XI в., когда летописец, рассказывая о недавних для него событиях 1015 г., назвал боярами не высшую киевскую знать, а более низких по положению местных господ.¹⁰⁹ Поскольку термин «боярин» относился не только к служилой, но и к местной племенной знати, название которой он вытеснил к началу XI в., естественно предположить, что уже в X в. он в равной мере относился к служилым людям и неслужилой знати, социальное влияние которой основывалось не на службе князю или авторитете родо-племенного общества, а на владении богатствами, землями и зависимыми людьми. На последнее указывают оговоренное в договоре 944 г. право бояр вместе с князьями посылать в Византию корабли,¹¹⁰ общие формулировки статей русско-византийских договоров о челяди, предполагающие не только княжескую челядь (см. ниже, с. 74—77), а также значительная сумма чрезвычайного сбора с бояр (в дан-

¹⁰⁴ ПВЛ, I, с. 33—34, 50.

¹⁰⁵ История Византии. М., 1967, т. 2, с. 160—161.

¹⁰⁶ Срезневский, I, стб. 160.

¹⁰⁷ ПВЛ, I, с. 101.

¹⁰⁸ Gallus Anonymus, I, 19.

¹⁰⁹ ПВЛ, I, с. 90; Насонов А. Н. 1) «Русская земля»..., с. 53—55; 2) История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 36—37.

¹¹⁰ ПВЛ, I, с. 35.

ном случае повгородских) для организации борьбы Ярослав со Святополком — 18 гривен (тогда как простые мужи вносили только 4 куны, т. е. больше чем в 100 раз).¹¹¹

Эти наблюдения показывают ошибочность давнего высказанного в историографии мнения о том, что деятельность бояр ограничивалась только службой князю. Такой вывод основывался на небольшом числе известий, сообщающих о событиях X—начала XI в., в которых бояре указаны как часть дружины, ближайшее окружение князя, участники походов, сбора дани, советов.¹¹² И, напротив, наше мнение подтверждает вывод, сформулированный дореволюционной историографией и развитый в советской исторической литературе (с некоторыми различиями в определениях и датировках) о боярстве как о местной землевладельческой знати, сливающейся со служилой знатью, которая в свою очередь становится землевладельческой.¹¹³ Уточнение

¹¹¹ Там же, с. 97. — 18 гривен составляли стоимость 18 волов, 22 коров, 360 ягнят или баранов. (Расчет произведен по соотношению денежных единиц КП: гривна=20 погатам=25 кунам=50 резанам).

¹¹² См. выше, с. 38, 42. Недавно тезис о появлении боярского землевладения не ранее второй половины XI в. в категоричной форме был повторен И. Я. Фрояновым со ссылками на работы Л. В. Даниловой и Л. В. Черепнина (*Фроянов И. Я. Киевская Русь* (2), с. 80; *Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы докапиталистических обществ.* — В кн.: *Проблемы истории докапиталистических обществ.* М., 1968, кн. 1, с. 43; *Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.* — В кн.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма.* М., 1972, с. 160). Однако эти ссылки не подтверждают такой вывод, поскольку Данилова специально не изучала данный вопрос, а мнение Черепнина совершенно иное: он пишет лишь о служилой части боярства вне генезиса боярства как класса-сословия, но и в этом случае исследователь отмечает: «Появились ли у дружинников собственные имения уже в X в., мы сказать твердо не можем. Для второй половины XI в. — это факт бесспорный... феодальная собственность на землю складывается медленно, и надо думать, что первые сведения о ней попадают в источники значительно позднее того времени, когда она зародилась». Недостаточное внимание к содержанию термина «боярин» и генезису боярства привело И. Я. Фроянова к преувеличению значения упоминаемых в источниках сведений об их кормлениях, к отрицанию в них «феодального содержания», при этом соотношение боярства и предшествующей родо-племенной знати остается невыясненным: «... бояре предстают перед нами прежде всего как лидеры, управляющие обществом, т. е. выполняющие известные общепользные функции. Не исключено, что в этом амбула они сменили родо-племенную знать, сошедшую с исторической сцены в результате падения родового строя и возникновения новой социальной организации, которую можно назвать... общинной без первобытности» (*Фроянов И. Я. Киевская Русь* (2), с. 80—81, 88, 89).

¹¹³ *Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории.* СПб., 1871, с. 100—106, 215—223; *Сергеевич В. Древности русского права.* Изд. 3-е. СПб., 1909, т. I, с. 364—365; *Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси.* Изд. 4-е. СПб., 1912, с. 74—80; *Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права.* Изд. 7-е. Пг.—Киев, 1915, с. 25—29; *Ключевский В. О.* 1) *Боярская дума Древней Руси.* Изд. 5-е. Пг., 1919, с. 13—18; 2) *Сочинения.* М., 1956, т. I, с. 164—165; 1959, т. VI, с. 145—147; *Пресняков А. Е. Княжое право...* с. 230; *Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси.* М.: Л., 1939, с. 31—35, 51; *Греков Б. Д. Киевская Русь,* с. 125—135; *Рыба-*

терминологии раскрывает содержание сущности боярства как появившегося в X в. и развивающегося позднее класса-сословия: оно не противостоит перерождающейся племенной знати, а развивается в дальнейшем из нее в условиях растущей интеграции неслужилой и служилой знати (социально-экономические основы этой интеграции рассмотрены далее).¹¹⁴

Происходивший в IX—X вв. процесс становления различных групп формирующегося господствующего класса оказал определяющее влияние на дружину — древнейшую по происхождению группу служилых князю воинов. Уже в дореволюционной историографии на основании древнейшего комплекса известий о дружине было показано расширение этого термина от первоначального «товарищи, спутники» до отдельной группы людей, совокупности местного населения, воинов одного войска, приближенных князю бояр и старцев, постоянно присутствующих при князе воинов.¹¹⁵ Тщательно изучена была в дореволюционной историографии внутренняя дифференциация дружины: старшая дружина — бояре и княжие мужи, члены государственного и княжеского хозяйственного управления — и младшая дружина — лица низшей государственной и дворовой службы;¹¹⁶ указывалось также на особое значение политических функций старшей дружины в решении вопросов войны и мира, внутреннего устройства государства и т. д.,¹¹⁷ отмечались дружины у знати (на примере отроков Свенельда).

Обстоятельная разработка вопроса о дружине в дореволюционной историографии была принята советскими историками, кото-

---

ков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964, с. 19—20; Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. — ИСССР, 1970, № 1, с. 48—54; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 47, 51. — Впрочем, В. Л. Янин отмечает кастовость новгородского боярства, которое восходило к племенной знати и расширилось только благодаря последственности (Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981, с. 215 и сл.).

¹¹⁴ Ср. тезис Х. Ловмянского о том, что в генеалогическом отношении господствующий в государстве феодальный класс являлся продолжением племенной знати (Ловмянский Х. 1) Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 14; 2) О происхождении русского боярства).

¹¹⁵ Как отражение этого факта можно рассматривать сообщение Ибн Фадлана, не учтенное в дореволюционной литературе, о 400 мужах царя русов, которые постоянно находятся при нем в его дворце (Бартольд В. В. Арабские известия... с. 843; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... с. 146, 263).

¹¹⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... с. 27—28; Сергеевич В. Древности... с. 601—603; Пресняков А. Княжое право... с. 227—229; Дьяконов М. Очерки... с. 81—89; Ключевский В. О. Сочинения. т. I. с. 164—165; т. VI. с. 145—150; Срезневский, I. стб. 729—731.

¹¹⁷ Ключевский В. О. Боярская дума... с. 36—41. — Здесь мы не рассматриваем ошибочность утверждения о существовании постоянно действующего органа управления — боярской или княжеской думы. См.: Юшков С. В. Очерки... с. 188—192.

рые уделили особое внимание изучению характера дружины в период разложения родо-племенного общества, а также определению места дружины в процессе классовообразования в Древней Руси. Тем самым в изучение проблемы вносился историзм, необходимый для ее полного раскрытия. Впрочем, И. Я. Фроянов отверг основные достижения в изучении социально-экономической природы дружины: в дореволюционной историографии «попытки изолировать дружину от гражданского общества искусственны», а изучение древнерусской дружины в работах советских авторов односторонне, поскольку оно «отрывает дружинные элементы от народной почвы и превращает их в социальный антипод рядовому населению Древней Руси». Вместо этого он предлагает неясные определения социально-экономической и политической сущности дружины. По его мнению, она обеспечивала «совместно с князем нормальную работу социально-политического механизма восточнославянского, а впоследствии и древнерусского общества», причем еще в XI—XII вв. «дружинники проявляют склонность к подвижности, обусловленной перемещениями князей, с другой стороны, они испытывают некоторую тягу к оседлости».¹¹⁸ Однако такой подход к оценке предшествующей историографии и к изучению дружины представляется глубоко ошибочным. Он не учитывает происхождения дружины в родо-племенном обществе из группы добровольно служащих князю воинов, независимой от высших племенных органов — народного собрания и совета старейшин, о чем недвусмысленно писал Татищев,¹¹⁹ а также изолирует дружину от всей системы социальных связей, несмотря на декларируемую, но не раскрытую связь ее с «народной почвой».

Определение характера общественных категорий, входивших в дружину в IX—X вв., указывает суть изменений в ее содержании как правящей социальной группы.

Вхождение в состав старшей дружины бояр свидетельствует о том, что дружинниками являлись представители верхушки местной и служилой знати. На это указывают пестрая смесь скандинавских, славянских и финских имен «послов и гостей» и представляемых ими князей и бояр, заключавших договор с Византией в 944 г.,¹²⁰ а также разноэтничные элементы «дружинной культуры» IX—X вв.¹²¹ Они составляли часть дружины, эконо-

¹¹⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь (2), с. 66—68, 72—73.

¹¹⁹ Тас. Germ., XI—XV.

¹²⁰ ПВЛ, I, с. 34—35. — Неубедительно, по нашему мнению, предположение Х. Ловмянского о происхождении бояр, упоминаемых в договорах 911, 944 гг., из Среднего Поднепровья, тогда как племенная знать других территорий не находилась в вассальной зависимости от киевского князя (Ловмянский Х. О происхождении русского боярства, с. 98). Оно не учитывает того, что племенные князья вассально подчинялись великому киевскому князю (находились под его «рукой») вместе со своими боярами, которые тем самым признавали сюзеренитет великого князя.

¹²¹ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники..., с. 140—142.

помещически относительно независимой от князя. Возможно, в X в. началось строительство служилыми дружинниками дворов — универсальных хозяйств с зависимым населением (см. ниже, с. 112—118) и владение селами. Уже А. Е. Пресняков на материалах, относящихся к концу X—середине XI в., отметил раннее отделение бояр «хлебом и имением» от князя, обзаведение собственным хозяйством.¹²² На эту тенденцию в хозяйственных основах дружины указывалось и в советской историографии (о начальном этапе господского землевладения см. ниже, с. 65—74).¹²³ Однако нет необходимости видеть в росте землевладения дружинников признак разложения дружины и тем более противопоставлять дружинника феодалам.¹²⁴ Дружина как организация служилой части господствующего класса меняла в IX—X вв. свой характер, но не социальную природу, сутью которой являлась эксплуатация труда непосредственных производителей. Она способствовала интеграции местной землевладельческой и служилой знати, причем последняя также начинала приобретать земельные владения.

В условиях формирующегося государства дружина, ближайшее окружение князя, стала включаться в различные по происхождению социальные системы. Являясь первоначально группой воинов, она частично вошла в систему государственного управления, что было результатом замены органов местного племенного самоуправления и племенных князей княжеской администрацией. Вследствие небольшого числа известий X—начала XI в. можно установить лишь немногие из таких связей, хотя их было значительно больше, о чем свидетельствуют данные второй половины XI—XII вв.

Воеводство — в родо-племенном обществе избираемый племенем институт — «поручалось» ближайшим к князю людям-кормильцам¹²⁵ (у Святослава — Асмуд, у Ярослава — Блуд).¹²⁶ Вое-

---

¹²² Пресняков А. Е. Княжеское право... с. 230; см. также: Навлов-Сильванский И. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. с. 349—350.

¹²³ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. с. 243; Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. МПЛ, 1949. № 11. с. 51—52; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 345; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. с. 80.

¹²⁴ «Дружина начинает разлагаться в момент превращения дружинников в землевладельцев, в феодалов» (Юшков С. В. Общественно-политический строй... с. 243); «когда дружинник полностью садится на землю, он перестает быть дружинником, превращаясь в земельного собственника — феодала» (Фроянов И. Я. Киевская Русь (2). с. 68).

¹²⁵ Кормильцы — архаический по происхождению институт опекунов малолетних князей, аналогичный королевским педагогам — нутриторам, из которых у Меровингов развился майордомат (Пресняков А. Е. Княжеское право... с. 225—226, 333—338). В Древней Руси он стал своеобразной формой вассалитета (Гарданов В. К. 1) Кормильство в Древней Руси. — СЭ, 1959, № 6; 2) О «кормильце» и «кормильчиче» Краткой редакции Русской Правды. — КСИЭ, 1960, вып. 35; 3) «Дядьки» Древней Руси. — ИЗ, 1961, т. 71; Пашуто В. Т. Черты политического строя... с. 52).

¹²⁶ ПВЛ. I, с. 40, 42, 97, 103. — Мы полагаем доказанным толкование А. А. Шахматова, который считал, что в летописном изложении передача

вода Блуд принимал от «своего князя» Ярополка «многую честь».¹²⁷ Существование у «царя русов» заместителя, выполнявшего функции воеводы, который «командует войсками, нападает на врагов и замещает его у подданных» отмечалось Ибн Фадланом еще в 921—922 гг.¹²⁸ Таким образом, в X—начале XI в. воеводы из выбираемых предводителей племенного ополчения становились княжескими военачальниками.¹²⁹

Ближайшим мужам, таким как Свенельд, князь передавал дань от подвластных племен, что имело важнейшие политические и социально-экономические последствия: укреплялось центральное княжеское управление, развивались формы вассалитета «поддани», значительно обогащалось княжеское окружение, что способствовало дальнейшей имущественной дифференциации дружины и общества в целом (по словам летописца, «отроки Свенельдики изоделися суть оружием и порты», так что им завидовала княжеская дружина).¹³⁰ Такую же роль играли княжеские раздачи городов в управление «своим мужам». При изложении преданий о давних временах Рюрика и Олега летописец писал, что князь «дает» мужам города или «сажает» их в бывших племенных центрах.¹³¹ Это свидетельствует о древних источниках системы посадничества.¹³² Показательно использование летописцем тех же слов «посади» и «даю» в сообщениях о передаче великим князем городов и областей своим сыновьям,¹³³ что указывает на единую природу системы формирующегося государственного управления, главой которого был князь. Можно предположить, что посадничество, как и дружина, становилось институтом, способствовавшим интеграции служилой и местной знати вследствие приобретения дворов и сел дружинниками и «поручения» посадничества знати.

Не только старшая дружина входила составной частью в различные по функциям социальные системы. Члены младшей дружины — отроки-воины являлись также слугами княжеского

функции воеводы Свенельду от кормильца и воеводы Асмуда являлась позднейшей редакторской правкой (*Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 369.*

¹²⁷ ПВЛ, I, с. 54—55.

¹²⁸ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана... с. 146.

¹²⁹ Представляется недоказанным утверждение о существовании «местного» левобережного или «земского» воеводы Претича на основании неясного указания на него как на воеводу «людей» «оной страны Днепра» в предании ПВЛ под 968 г. об освобождении Киева от печенежской осады (*Насонов А. Н. «Русская земля»... с. 62; Фроянов И. Я. Киевская Русь (2), с. 209.* В дальнейшем рассказе Претич называет себя «мужем» князя Святослава (ПВЛ, I, с. 47—48). Было ли это самозванством или действительно фактом, летописец не раскрывает.

¹³⁰ ПВЛ, I, с. 39. — О больших имущественных различиях в дружинных погребениях см.: *Рыбаков Б. А. Древности Чернигова; Каргер М. К. Древний Киев, М.; Л., 1958, т. I, с. 138—205.*

¹³¹ ПВЛ, I, с. 18, 20.

¹³² Термин «посадник» (производное от глагола «посадить») употреблялся уже в древнейших летописных записях: ПВЛ, I, с. 54, 85, 97.

¹³³ ПВЛ, I, с. 49, 88, 108, 110.

двора.¹³⁴ Однако источники X—начала XI в. не позволяют в полной мере установить для этого времени состав княжеского двора и младшей дружины, а также их функциональные связи между собой и с системой административно-судебного управления. Можно лишь отметить в составе младшей дружины группу гридей¹³⁵ — воинов-профессионалов, назначением которой была охрана князя и выполнение исключительно военных функций.¹³⁶ Определенную часть гриди во времена Владимира и Ярослава составляли, видимо, наемники скандинавы.¹³⁷

ПРОЦЕСС ОГРАНИЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ ЛИЧНО СВОБОДНОГО НАСЕЛЕНИЯ

В Древнерусском государстве IX—X вв. консолидирующемуся господствующему классу противостояло простое лично свободное население сел и развивающихся городов, центров ремесла, торговли, административного управления, социальная структура которых качественно отличалась от социальной структуры сельских поселений. Общим обозначением этого населения стало понятие «люди», которое, впрочем, и позднее, в XI—XIII вв., продолжало сохранять самый широкий смысл с семантической близостью: «люди — народ — язык» как обозначения всего народа в целом, а также подданных князя без различия, правящие это группы или низшие слои населения.¹³⁸ В договоре 944 г. «все люди Рускня земля» указаны после князей и бояр в названии русской договаривающейся стороны, что свидетельствует о более низком по сравнению с князьями и боярами положении «людей», купцов, ремесленников, земледельцев, скотоводов, охотников, независимо от рода занятий, социального положения, пола и возраста, что соответствовало феодальной социальной иерархии в раннесредневековой Европе (ср. аналогичное указание византийской стороны: «... посланша ны къ Роману, и Костянтину, и къ Стефану, къ великимъ царемъ гречьскимъ, створити любовь съ самими цари, со всемъ болярствомъ и со всеми людьми гречьскими на вся лета...»¹³⁹).

С развитием производительных сил значение простого свободного населения Древней Руси неизменно возрастало в социально-

¹³⁴ Там же. с. 42, 51, 91.

¹³⁵ Термин «гриди» восходит к древнескандинавскому *gridi* — «товарищ, телохранитель» (Преображенский, I, с. 158; Фасмер, I, с. 458; *Тысов А. С. Лексика...*, с. 281—282).

¹³⁶ О гридях в составе младшей дружины обстоятельно писал В. О. Ключевский (Сочинения. т. VI, с. 147—149).

¹³⁷ О процедуре найма скандинавских дружин см.: *Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв.* М., 1978. с. 92; *Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого.* — В кн.: *Восточная Европа в древности и средневековье.* М., 1978.

¹³⁸ *Михайловская Н. Г. Системные связи...*, с. 165—168.

¹³⁹ ПВЛ, I, с. 35.

экономической жизни страны. По мере возникновения классов и более мелких общественных групп значительно увеличивалась его социальная активность в системе межклассовых и внутриклассовых отношений, в качественно изменяющихся семье и общине (см. ниже, с. 90—105). Однако диалектика исторического развития такова, что с усложнением общественных отношений, возникновением и развитием государства роль непосредственных производителей в политическом управлении страной быстро падает, поскольку основной функцией государства наряду с внутренним управлением и внешней защитой страны становится организация классового господства правящего класса и подавление сопротивления эксплуатируемых непосредственных производителей, что предопределило социально-политическую активность последних в форме классовой борьбы и участия в органах местного самоуправления.

Данные источников, сообщающих о событиях IX—X вв., позволяют установить, что среди «людей» набиралась «вои» — основная военная сила русских князей. Однако неясно, была ли это воинская повинность или рудимент обязанности племенного общества. В пользу первой свидетельствует отмечаемая ПВЛ инициатива князей в организации походов и в сборе народных ополчений, первоначально скрытых за общим названием племен,¹⁴⁰ а с середины X в. упоминаемых без указания племенной принадлежности,¹⁴¹ что отражает процесс политической интеграции племенных княжений в Древнерусском государстве. Данных об автономии этих ополчений по отношению к князю нет. Вместе с тем отмеченная выше смена выборных воевод княжими мужами-кормильцами может свидетельствовать о том, что ко второй половине X в. такой автономии не было. ПВЛ упоминает в событиях конца X—начала XI в. десятских, сотских, «тысячу»,¹⁴² однако определить социально-экономические функции этих институтов на основании ее данных нельзя.

Вместе с тем источники позволяют установить, как был решен в Древнерусском государстве X в. основной вопрос политического строя — вопрос о власти, неразрывно связанный с определением судеб племенного собрания — веча, высшего органа племенного народного самоуправления и суда. Однако в понимании содержания и значения веча в Древней Руси у исследователей отмечаются значительные различия.

Уже дореволюционные исследователи установили исторические корни древнерусского веча в родо-племенных народных со-

¹⁴⁰ Там же, с. 20, 23, 33.

¹⁴¹ Там же, с. 42, 46, 87.

¹⁴² Там же, с. 86. — Сравнивая известные НПЛ («собра [Ярослав] вол славны тысящу и, обольстивъ ихъ, исече» — с. 174) и южнорусскую запись о том же событии («и позва к собе нарочитые мужи... и, обольстивъ и. исече...» — ПВЛ. I, с. 95), А. Е. Пресняков справедливо отметил, что здесь речь идет не о тысяче знаменитых воинов, а о нарочитых, т. е. знаменитых, знатных мужах (Пресняков А. Княжеское право..., с. 178) и, можно добавить, о руководителях тысячной организации.

браниях, рассмотрели состав участников вече, способ его созыва и проведения, круг решаемых на нем вопросов, географическое распространение в древнерусских землях.¹⁴³ Основные разногласия заключались в понимании социально-политической природы вече. Если для многих представителей революционного и демократического направления в историографии вече было символом народного самоуправления, противоположного княжеской власти (к такой интерпретации приближалась либеральная историография),¹⁴⁴ то, по мнению последователей историко-государственной школы, вече как древний по происхождению политический институт входило в систему договорных отношений с княжеской властью, являясь ее опорой в государственном управлении; по мере усиления князя, роста государственной территории и социального расслоения значение вече падало.¹⁴⁵ Особого мнения был близкий к историко-государственной школе В. О. Ключевский. Исходя из наблюдений над ростом экономического и политического значения городов, он связал с ним появление в XI в. вече как «общей городской сходки», где «аристократия больших городов» сближалась с «городским простонародьем».¹⁴⁶

Собранный материал по истории вече и его анализ представляли значительный интерес для последующего изучения темы, но объяснение происхождения вече и определение его социальной сущности не удовлетворяли советских историков, которые обратили особое внимание на классовое содержание вечевых собраний. Впрочем, в понимании генезиса вече продолжают существовать значительные различия. С. В. Юшков полагал непрерывное развитие вече как политического института, в котором полным влиянием пользовались феодалы и группы, с ними связанные.¹⁴⁷ Б. Д. Греков больше внимания уделил определению функций самоуправления народных собраний в родо-племенном обществе и анализу возросшего влияния вечевых собраний после перерыва в IX—первой половине XI в., что объяснялось им началом политической раздробленности, ростом политического и экономиче-

¹⁴³ *Сергеевич В. И.* 1) Вече и князь. М., 1867; 2) Древности..., 1908, т. II, с. 1—149; *Хлебников Н.* Общество..., с. 260—277; *Дьяконов М.* Очерки..., с. 117—136; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор..., с. 51—60. — См. также указание на значительную дореволюционную литературу вопроса: *Тарановский Ф. В.* Отзыв о сочинении В. И. Сергеевича «Древности русского права». Юрьев, 1911. с. 44—68.

¹⁴⁴ *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958, с. 321—347; *Цамутали А. Н.* Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. Л., 1971, с. 43—45, 89—90, 120, 125—126 и сл.

¹⁴⁵ *Сергеевич В. И.* 1) Вече и князь, с. 20; 2) Древности..., т. II, с. 33—34 и сл.; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор..., с. 52—53, 60; *Дьяконов М.* Очерки..., с. 119, 135; *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977, с. 187—196.

¹⁴⁶ *Ключевский В. О.* 1) Боярская дума..., с. 40—44; 2) Сочинения. т. I, с. 192—194; т. VI, с. 185—186.

¹⁴⁷ *Юшков С. В.* Очерки..., с. 194—195.

ского влияния городов.¹⁴⁸ В новейшей историографии вече также рассматривается как политический институт феодального государства, в котором особое влияние имели феодалы. Вече было местом различных проявлений классовой борьбы в виде выступлений простого свободного прежде люда против феодалов и столкновений различных группировок феодалов.¹⁴⁹ Существенными представляются наблюдения В. Л. Янина о кончанских вече в Новгороде, которые из пережитка древнего народного собрания стали «формой участия в государственных делах» «разных классов и сословий». В то же время общеновгородское вече «объединило лишь крупнейших феодалов и было не народным собранием, а собранием класса, стоящего у власти».¹⁵⁰

Изучению вече как явления классового общества И. Я. Фроянов противопоставил свою интерпретацию сообщений источников о вече, в котором он видит «народное собрание», «орган народо-властия». Используя социально не расчлененные понятия «народ» и «демократическая часть населения», он не отметил различные аспекты проблемы: вече как орган высшего и местного самоуправления, как форма проявления социально-политической активности разных групп городского населения и антагонизмов классового общества. При этом к перечислению немногочисленных летописных известий о вече И. Я. Фроянов добавил сообщения о различных актах социальной и экономической деятельности господствующего класса, а также о восстаниях, не названных в источниках вечем. При субъективной интерпретации этих сообщений создается иллюзия постоянства функционирования и повсеместного распространения вече.¹⁵¹

Обзор историографии показывает, что, несмотря на глубокую разработку вопроса о древнерусском вече, недостаточно изученным оказался начальный период его существования.

ПВЛ сообщает о коллективных решениях племен: «сѣдумавше поляне», «и реша сами в собе», «сдумавше [древляне] со князем своимъ Маломъ».¹⁵² На этом основании делались предположения о существовании племенных вечевых собраний.¹⁵³ Однако эти сведения слишком общи, чтобы определить, как решались вопросы — на племенных собраниях или избранными лицами — князьями и знатью. В летописи в аналогичной форме сообщается:

---

¹⁴⁸ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 353—370; см. также: Тихомиров М. П. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956, с. 217—225; Янин В. Л. 1) Новгородские посадники. М., 1962; 2) Проблемы...

¹⁴⁹ Пашуто В. Т. Черты политического строя... с. 24—34; Толочко И. И. Вече и народные движения в Киеве. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. — См. там же литературу вопроса.

¹⁵⁰ Янин В. Л. Проблемы... с. 50—51.

¹⁵¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь (2). с. 150—184.

¹⁵² ПВЛ. I, с. 16, 18, 40.

¹⁵³ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 364; Епифанов И. П. О древнерусском вече. — Вестник МГУ, серия IX, история, 1963, № 3; Фроянов И. Я. Киевская Русь (2), с. 160.

«реша козари», «почаша греци мира просити»,¹⁵⁴ хотя в IX—X вв. хазарский каганат и византийская империя были государствами, где политические вопросы решались не народным собранием, а монархами и их приближенными. Следовательно, известные летописи еще не свидетельствуют о племенных собраниях в племенных княжениях и тем более племенных союзах, территориальные размеры которых делали такие собрания невозможными, ограничивая число участников лишь отдельными представителями, вероятно племенной знатью.

Более конкретны известия о древнерусском вече в конце X—середине XI в.: в Белгороде — в связи с осадой города и голодом (997 г.), в Новгороде — по инициативе князя Ярослава для примирения с новгородцами и организации борьбы со Святополком (1015 г.), в Киеве — в связи с поражением от половцев, решением продолжать с ними войну и посредничеством между Киевом и изгнанным князем Изяславом (1068—1069 гг.). Последние известия ПВЛ о вече под 1097 г. сообщают о необходимости принятия решений жителями осажденного Владимира Волынского.¹⁵⁵ Эти сообщения свидетельствуют о созыве вече лишь в экстренных случаях войны или восстания, причем все они относятся к городам, крупным социальным коллективам, центрам ремесла и торговли. Да и эти упоминания вече крайне редки — всего 6 за 100 лет (997—1097 гг.): одно — в Белгороде и Новгороде, два — в Киеве и два — во Владимире Волынском. Данных о вече в сельской местности или о социально-политических и судебных функциях, характерных для племенного общества, нет.

При анализе употребления понятия «вече» в последующем летописании необходимо учитывать, во-первых, всю совокупность известий о нем и, во-вторых, конкретное использование этого термина в различных видах источников и в разных областях страны (обстоятельный анализ данных о древнерусском вече является темой специального исследования). Соблюдение первого принципа подтверждает вывод В. Т. Пашуто о многозначности понятия «вече», которое использовалось для обозначения совещаний знати, городских «меньших» людей, заговоров, военных советов, восстаний и т. д. Последовательное проведение второго принципа приводит к выводу, что в XI—XII вв. изучаемый термин встречается только в летописях и переводных литературных памятниках, но не в грамотах и судебных книгах. При этом в летописях слово «вече» использовалось неравномерно. В XII в. оно не употреблялось в новгородском и северо-восточном летописании (содержание термина «вече», упоминаемого в особом контексте единственный раз в Лаврентьевской летописи в это время, нуждается в специальном комментарии, см. ниже, с. 54). В Лаврентьевской летописи под 1209 и 1228 гг. помещены сообщения о вече, заимствованные в процессе составления великокняжеских сводов из нов-

¹⁵⁴ ПВЛ, I, с. 16, 24.

¹⁵⁵ Там же, с. 87, 95, 114, 115, 177, 180.

городского летописания, а под 1262 и 1289 гг. упоминание вече неразрывно связано с восстаниями против татар.¹⁵⁶ Поэтому становится очевидным полное отсутствие сведений о вече как органе самоуправления на северо-востоке Руси.

Из девяти сообщений о вече в Киевском своде XII в. Рюрика Ростиславича, сохранившемся в составе Ипатьевской летописи, четыре относятся к Новгороду, причем известия под 1140 и 1161 гг. указывают на вече в неразрывной связи с выступлениями новгородцев против своих князей, в сведениях под 1169 г. сообщается о тайных вече «по дворам» — заговорах, а под 1148 г. — о собраниях новгородцев и исковичей по инициативе князя для организации похода. В аналогичных значениях вече упоминается по одному разу за столетие в галицком Звенигороде, Полоцке, Смоленске (в последнем случае вече связано с протестом войска во время похода). Только в двух случаях — под 1146 и 1147 гг. — «вечем» названы собрания горожан в Киеве во время острых социально-политических конфликтов, сопровождавшихся классовой борьбой горожан против князей и княжеского административного аппарата.¹⁵⁷ А если учесть, что в галицко-волыньском летописании XIII в. (до 1292 г.), включенном в Ипатьевскую летопись, слово «вече» используется только два раза — под 1229 и 1231 гг. — в значении «мнение» (защитников польского города Калиша) и «совет» (князя Даниила Романовича), то делается явным широкое употребление этого понятия, но не для обозначения народных собраний — полномочных органов самоуправления в Южной и Юго-Западной Руси.

В новгородском летописании сообщения о вече появляются только в XIII в. в уже знакомом по другим летописям контексте — в связи с социально-политическими конфликтами, советами во время похода, но в отличие от других княжеств Руси

¹⁵⁶ ПСРЛ, I, стб. 377, 476, 490, 510, 526; Срезневский, I, стб. 499—501; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 87—96; *Насонов А. Н.* История русского летописания..., с. 168—225. — О многозначности термина «вече» см.: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя..., с. 33.

¹⁵⁷ ПСРЛ, II, стб. 307, 320—322, 348, 370, 495, 510, 535, 756, 768. — О своде Рюрика Ростиславича см.: *Насонов А. Н.* История русского летописания..., с. 228—232, 279—293. — О киевских вече см.: *Тихомиров М. И.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 151—152; *Маевский В.* Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1961, с. 81—83; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 254—255. — И. Я. Фроянов, признавая сложный социальный состав киевского вече 1146 и 1147 гг., не учитывает этого факта, используя для обозначения его участников социально нерасчлененное понятие «народ». Затупеивая факты социально-политической борьбы, сопровождающей киевское вече, он не раскрывает значение сообщения о том, что киевляне «устремишася на Ратьшинъ дворъ грабить и на мечьники» (ПСРЛ, II, стб. 322), и сводит эти важнейшие данные к предполагаемой им функции вече назначать «судебно-административных „чиновников“» (*Фроянов И. Я.* Киевская Русь (2), с. 170—176).

часто встречаются упоминания вече, собирающегося по инициативе князя и самостоятельно. Функции этого вече не раскрываются, однако их неразрывная связь с политической жизнью Новгорода свидетельствует о том, что вече являлось органом административно-политического управления городом. Анализ письменных и археологических материалов позволил В. Л. Янину и М. Х. Алешковскому высказать убедительное предположение о повгородском вече как административном органе боярской олигархии. Истоки этого вече восходили к X в. Его происхождение и последующее существование объясняются особенностями развития Новгорода, где городская раннефеодалная знать противопоставила себя великокняжеской власти.¹⁵⁸ В этом случае отсутствие упоминаний о вече в новгородском летописании до XIII в. можно расценивать как обычное для летописей умолчание об органах государственного управления, о которых они сообщают крайне мало.

Учитывая характер материалов о вече в XI—XIII вв., можно предположить его распространение как органа феодального государственного управления только на северо-западе Руси. Поэтому утверждение владимирского летописца (под 1176 г.), согласно которому «новгородци бо изначала, и смоляне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якоже на думу, на вече сходятся», являлось следствием неправомерного распространения новгородской вечевой практики на известные ему случаи городского вече. Это наблюдение подтверждается важным выводом А. Н. Насонова об особом характере записей летописца о борьбе Владимира за независимость от власти ростовских бояр после убийства Андрея Боголюбского, причем «апология владимирцев... дана в плане и историческом, и юридическом, и моральном». Исторический план апологии относился к опровержению прав «старейшего» Ростова на город Владимир.¹⁵⁹ Возможно, в этом заключалось одно из обоснований ростовских бояр в их стремлении подчинить Владимир, но это была политическая конструкция, а не обобщение реально существовавших межгородских отношений, порожденных вечевой практикой, о чем свидетельствуют данные летописных сводов. Поэтому рассматриваемое сообщение Ипатьевской летописи следует отнести к истории социально-политической борьбы и политической мысли XII в., а не к истории вече на Руси.

Определению характера вечевых собраний на Руси X—первой половины XI в. могут способствовать сравнительно-исторические материалы. В Скандинавии XI—XIII вв., где вследствие особенностей развития феодальных отношений народные собрания сохранили большое значение, тинги были областные и местные, со-

¹⁵⁸ НПЛ. с. 51, 53—55, 57 и сл.; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. (К постановке проблемы). — ИСССР. 1971, № 2, с. 56—60; Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. — В кн.: Россия и Италия. М., 1972.

¹⁵⁹ ПСРЛ, I, стб. 377—378; Насонов А. Н. История русского летописания. ... с. 161—162.

справлявшиеся по фюлькам (по племенам, позднее — административным округам Норвегии). Они решали важные государственные, областные и судебные дела, подтверждали выборы короля, там велись переговоры короля со знатью и бондами, объявлялись постановления короля, решались местные вопросы, причем законы принуждали бондов к участию в тингах. Судебные вопросы, вынесенные на тинг, решались под руководством лагмана — законодателя, лагретта (судебный орган) осуществляла постановления суда, причем все бонды активно участвовали в судебном процессе.¹⁶⁰ Совершенно очевидно, что подобные тинги, близкие по характеру к собраниям племенного общества, хотя и включенные в систему раннефеодальных отношений и изменявшие свое социальное содержание вследствие отстранения простых бондов и рейлендингов от участия в альтингах, не находят соответствия в древнерусском вече ни в X в., ни в последующее время.

Другим примером являются народные собрания у германцев в конце V—второй половине VIII в., когда франки на всеобщем собрании утверждали королей, а также участвовали в издании законов.¹⁶¹ В Германском королевстве X в., в котором при развитых феодальных отношениях сохранялась сильная самостоятельная власть племенных герцогов, собрания «всего народа», определяемые влиянием герцогов и знати, согласно хронике Видукинда Корвейского, созывались при избрании короля и передаче королевской наследственной власти, при решении спорного юридического вопроса о толковании прав наследования и урегулировании конфликтов в феодальных распрях, при решении вопроса о войне и мире.¹⁶² Такое активное участие различных социальных групп в решении важнейших вопросов государственного управления также не прослеживается по древнерусским источникам. Х. Ловмянский убедительно показал живучесть веча у тех западнославянских племен, у которых феодальные отношения были слабо развиты. В феодальной Польше и Чехии XI—XII вв. упоминания о вече, прежде всего в городах, единичны. Они относятся к критическим для королевской власти ситуациям (и, конечно, мы полагаем, такие собрания, в том числе и на Руси, характеризуются как «реликты вечевого строя»). Вместе с тем Х. Ловмянский справедливо отмечает, что «ренессанс» веча на Руси в XI в. имел уже другой характер, принципиально отличный от племенных собраний.¹⁶³

¹⁶⁰ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967, с. 150—166.

¹⁶¹ Gregorii episcopi Turonensis Historiarum libri decem. — AQdGM. Berlin, O. J., Bd. I, T. 1, S. 136; Einharti vita Caroli Magni. Ed. 2. Ed. Ph. Jaffé. Berolini. 1876, p. 28—29; Krüger H.-J. Das Merowingerreich als Herrschaftsordnung. Köln, 1964, S. 68—69.

¹⁶² Текст и перевод см.: Видукинд Корвейский. Деяния саксов/ Вступительные статьи, перевод и комментарии Г. Э. Санчука. М., 1975, с. 78, 86, 88, 91, 94, 110, 121, 142, 151, 153, 157, 161, 180, 194.

¹⁶³ Łowmiański H. Początki Polski, t. IV, s. 73—108.

На основании известий о вече в древнерусских источниках и сравнительно-исторических материалов можно сделать вывод о прекращении практики вечевых собраний в X—XI вв. при решении государственных политических и судебных вопросов,¹⁶⁴ а также об отсутствии областных органов народного самоуправления в условиях создания княжеского административно-судебного аппарата. Вероятно, народные собрания как форма общинного самоуправления продолжали сохраняться в кончанских вече крупных городов и общинных сходках сельской верви, косвенными свидетельствами чего являются признание верви как юридического лица в отношениях с княжеской властью и в то же время осуществление ею функций самоуправления и суда по отношению к своим членам (см. ниже, с. 103—104).

Таким образом, источники позволяют установить различные судьбы народных собраний в Древней Руси: местные собрания, сельские и, возможно, кончанские (в развивающихся крупных городах), трансформировались в феодальный институт местного самоуправления, племенное вече — верховный орган самоуправления и суда свободных членов племени — с образованием государства исчезло, а в наиболее крупных территориальных центрах — городах (правда, не во всех русских землях) вече как форма политической активности городского населения появилось в XII—XIII вв. вследствие растущей социально-политической самостоятельности городов. «Возрождение» термина «вече» объясняется сохранением его в практике древнерусской жизни с большим числом значений.

Если наше мнение верно, то можно сделать следующий вывод: в IX—X вв. простое свободное население было лишено права участвовать в политическом управлении государством: политический институт, посредством которого такое участие осуществлялось, — племенные народные собрания, или вече, исчез. Это означало, что вопрос о власти в Древнерусском государстве был однозначно решен в пользу господствующего класса. Функции племенного веча были заменены высшими прерогативами князя — главы государства и иерархии господствующего класса, а совет старейшин племени сменила старшая дружина и высшая часть административного государственного аппарата.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Образование государства, установление в нем власти господствующего класса выражали новые антагонистические общественные отношения, основанные на эксплуатации не только зависи-

¹⁶⁴ В отношении последних достаточно указать круг участников, «уставляющих» Русскую Правду как основной письменный источник русского права, — князей и их приближенных мужей. По источникам X—XI вв. невозможно определить степень участия войска в решении государственных дел, однако никаких намеков на «мартовские поля» — реликт племенного всеобщего вооружения народа у восточных славян, — как у франков в конце VI в., не сохранилось (Greg. Tur., III, 27).

ного населения в господском хозяйстве, но и лично свободных непосредственных производителей в системе государства. Этот второй комплекс общественных отношений, обеспеченный политической властью господствующего класса, способствовал воспроизводству и обогащению прежде всего его служилой части посредством государственных институтов.

Основным инструментом государственной эксплуатации лично свободных непосредственных производителей стала развитая система податей. Дань, которая первоначально взималась при подчинении почти всех восточнославянских и неславянских племен,¹⁶⁵ стала названием регулярно взимаемого налога.¹⁶⁶ Добровольный «дар», подносимый племенным князьям и их дружинам, также стал одним из налогов.¹⁶⁷

Ко времени деятельности Ольги (середина X в.) летописцы относили установление в виде податей «оброков», «даней» и «уроков».¹⁶⁸ Через сто лет в качестве «урока» от Новгородца киевским князьям указана погодная плата в 2000 гривен,¹⁶⁹ что свидетельствует о содержании «урока» как погодной фиксированной денежной дани от города. Известий о конкретной форме оброка для X—XI вв. нет, но есть достаточно много сведений о дани в IX—X вв., которая взималась в восточнославянских землях, но белке или кунице с отдельного хозяйства — «дыма».¹⁷⁰ На основании тождества понятий «дым» и «дом» можно полагать, что дань взималась от каждого дома-жилища. Это была обычная для европейского средневековья подымная система обложения. Вероятно, в конце X—начале XI в. была установлена выработанная самостоятельно или заимствованная из Англии англо-саксонского периода система обложения плуга-рала, единицы вспаханной площади.¹⁷¹ Эта система позволяла вариационно определить норму дани-налога от пахотной земли в разных природных зонах Руси в отличие от древнего уравнительного принципа — по белке или кунице от «дыма» — дома, что не исключало в лесных районах сбора дани-налога мехами. Поскольку денежная система Древней Руси включала серебро, а также шкурки белок и куниц (см. выше, с. 27—28), то обе формы взимания подати в равной мере были источником денежных поступлений.

---

¹⁶⁵ ПВЛ, I, с. 20, 21, 31, 43, 47, 58; ИПЛ, с. 109. — Нет сведений о дани с дреговичей и полян. Однако это, вероятно, недостаток упоминаний источников, а не следствие отсутствия дани с населения, поскольку именно «данями» назывались подати, собираемые в Вышгороде в середине XI в. См.: Жития святых мучеников Бориса и Глеба..., с. 19.

¹⁶⁶ Материалы для терминологического словаря Древней России/ Составил Г. Е. Кочин. М.; Л., 1937, с. 80—81.

¹⁶⁷ Там же, с. 82.

¹⁶⁸ ПВЛ, I, с. 43.

¹⁶⁹ Там же, с. 88.

¹⁷⁰ Там же, с. 16, 18.

¹⁷¹ См. подробно: *Свердлов М. Б.* Из истории системы налогообложения в Древней Руси. — В кн.: *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 1978.

Важным источником княжеских доходов в конце X в., как сообщает одно из преданий, записанных, вероятно, в 30—40-е гг. XI в.,¹⁷² стало взимание вир. Эти деньги шли на коней и оружие для княжеского войска и дружины.¹⁷³ Вместе с тем взимание вир стало формой эксплуатации местного населения, которое, согласно «Покону вирному», названному «уроком Ярославлим», должно было предоставить вирнику и его спутникам значительный корм и денежные поступления, которые, вероятно, первоначально не были регламентированы (КП, ст. 42-я).

Многочисленные виды податей не только служили удовлетворению государственных потребностей в вооружении дружины и войска. После перераспределения в среде господствующего класса они становились источником его обогащения. Прежде всего подати собирались в великокняжескую казну. Как сообщил информатор хрониста Титмара Мерзебургского, который находился в Киеве в 1018 г. в составе немецкого отряда, польский князь Болеслав Храбрый захватил там «сказочно богатую» казну, достаточную для оплаты союзных отрядов (300 немцев, 500 венгров, 1000 печенегов), причем осталась еще часть казны, отправленная в Польшу.¹⁷⁴ Значительная часть податей передавалась княжеским приближенным: Свенельду — дани от улличей и древлян,¹⁷⁵ в начале XI в. скандинавам Рогивальду, а затем его сыну Эйливу — «держание» Ладogi, Эймунду — управление Полоцком.¹⁷⁶

При передаче городов и, вероятно, прилегающих к ним волостей княжеским мужам в управление часть доходов оставалась у них. На это указывает деятельность Ярослава в качестве новгородского наместника. Две тысячи гривен он отправлял ежегодно в Киев, тысячу раздавал собственным дружинникам — гридям.¹⁷⁷ Показательно, что одна треть собранных штрафов взималась также меровингскими графами за службу,¹⁷⁸ что указывает на единую раннефеодальную природу подобного перераспределения государственных денежных поступлений. Огромные денежные суммы, которые ежегодно раздавал Ярослав младшим дружинникам и посылал в Киев, плата наемным варяжским дружи-

¹⁷² Шахматов А. А. Разыскания..., с. 570; ПВЛ, II, с. 60—77.

¹⁷³ ПВЛ, I, с. 87.

¹⁷⁴ Thietmari chronicon, VIII, 32.

¹⁷⁵ НПЛ, с. 110. — Мы не касаемся спорного вопроса генеалогии Свенельда. Самый факт передачи Свенельду дани в литературе сомнению не подвергался. Лишь М. И. Артамонов видел источник богатства Свенельда в добыче от его походов в Закавказье в 943—944 гг. (Артамонов М. И. Воевода Свенельд. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966). Однако это предположение основано на двух недоказанных гипотезах: об участии Свенельда и его дружины в закавказском походе и об ошибочности летописного предания.

¹⁷⁶ Свердлов М. Б. Скандинавы на Руси в XI в. — В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1976, т. XIX, с. 65.

¹⁷⁷ ПВЛ, I, с. 88—89.

¹⁷⁸ Колесницкий Н. Ф. Феодалное государство..., с. 27.

нем¹⁷⁹ были возможны лишь при регулярном сборе дани. Так что представление летописца о тех временах, когда дружина «кормилася, воююще нны страны и быющеся»¹⁸⁰ или отражало слишком давние времена, или идеализировало прошлое, поскольку уже в X в. сложилась развитая система различного рода податей, которые стали инструментом эксплуатации населения Древней Руси.

Кроме податей на Русь IX—X вв. существовали также повинности, которые, удовлетворяя потребности классового государства, являлись формой эксплуатации непосредственных производителей, отнимая у них часть времени и труда, необходимого для личного сельскохозяйственного и ремесленного производства. В X в. относится упоминание о «повозе»¹⁸¹. Высказывалось мнение, что это была обязанность населения довозить полюдь до указанного пункта или поставка дани в определенные пункты общинниками или местными князьями.¹⁸² Однако в летописном тексте уплата дани и повоз указаны как самостоятельные и различные формы выражения зависимости, которые существовали одновременно. Поэтому можно предположить другое содержание понятия «повоз». В Ипатьевской летописи под 1152 г. рассказывается о том, как Владимир Галицкий прогнал боярина Петра Бориславича, посла Изяслава Мстиславича: «... И не дана Петрови ни повоза, ни корма. Петръ же поеха на своих коних».¹⁸³ Совершенно очевидно, что под повозом подразумевалась обязанность Владимира Галицкого снабдить посла на обратную дорогу своими конями, а под кормом понималось снабжение княжеским продовольствием. В XV в. повоз также обозначал подводную повинность.¹⁸⁴ Отсюда можно заключить, что в XI в., когда было записано известие о радимичах, которые «повозъ везут и до сего дне», т. е. с конца X в. и, вероятно, до середины XI в., «повоз» означал государственную повинность по поставке лошадей и по перевозкам подводами для пужд князя и его администрации.¹⁸⁵

Как особая повинность сложилась, видимо, в IX—X вв. обязанность местного населения строить городские укрепления. Уже во времена Олега ПВЛ относил княжескую инициативу в строи-

---

¹⁷⁹ Свердлов М. Б. Скандинавы на Руси в XI в., с. 63—64; Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде»...

¹⁸⁰ ИПЛ, с. 104.

¹⁸¹ ПВЛ, I, с. 59.

¹⁸² Ирисаков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. — Учен. зап. ЛГУ, 1941, № 73, с. 233—238; Черепнин Л. В. Русь... с. 153; Рыбаков Б. А. Смерды. — СССР, 1979, № 2, с. 43.

¹⁸³ ПСРЛ, II, стб. 462.

¹⁸⁴ ГВНП, с. 11; ИПЛ, с. 51; Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М.: Л., 1965, с. 356.

¹⁸⁵ В пользу такого понимания свидетельствует также существование в Польше XI—XIII вв. подобной повинности под тем же названием — «повоз», «подвода».

тельстве городов.¹⁸⁶ Однако где они ставились и какую функцию выполняли — неясно. В конце X в. в качестве новых политических центров, крепостей, возможно, доменальных владений был построен по инициативе Владимира Святославича ряд городов.¹⁸⁷ Поскольку укрепленные центры с валами, рвами, стенами и т. д., превосходящие потребности сельских общин при строительстве городищ, возводились уже в X в.,¹⁸⁸ при их строительстве нужны были, очевидно, значительные трудовые затраты.¹⁸⁹ Военная служба из почетной обязанности свободных мужчин племени становилась феодальной повинностью. Лишь благодаря большому войску киевские князья смогли подчинить к концу X в. племенные союзы восточных славян и неславянских племен, одержать победы над Хазарией и Византией. Но, как отмечалось выше, источники не сообщают об автономности войска по отношению к князьям, указывая на инициативу князей в организации походов. Социально-политическое значение войска, состоявшего из простых свободных людей, отходило на второй план под влиянием княжеской дружины, которая решала все военные вопросы, включая вопросы войны и мира.

С развитием и усложнением системы податей, ростом ее социально-экономического значения совершенствовался механизм взимания налогов. Источники позволяют установить, впрочем, во многом предположительно, лишь основные его изменения и социальные последствия этого.

В определении развития системы податей важно установить его начальный этап. Как отмечено выше, он заключался во взимании внешних даней и добровольного «дара» в племени эпохи «военной демократии», и, вероятно, эта система укреплялась и развивалась в период племенных княжений. По мере вхождения восточнославянских и неславянских племенных княжений и союзов племен в состав Древнерусского государства во второй половине IX—первой половине X в. право племенного князя на сбор податей было подчинено верховной прерогативе киевского князя-сюзерена, что показал в своем исследовании Б. А. Рыбаков. Великий киевский князь с дружиной доходил по определенному пути до племенных союзов и племенных княжений, где местные князья со своими дружинами уже подготавливали собранные подати.¹⁹⁰ Б. А. Рыбаков справедливо отметил социальные последствия такой системы взимания податей: местная племенная знать оказывалась промежуточным звеном между сельским населением

¹⁸⁶ ПВЛ, I, с. 20.

¹⁸⁷ Там же, с. 83; *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, 1956, № 52; *Рыбаков Б. А.* 1) Владимирские крепости на Стугне. — КСИД, 1965, вып. 100; *Довженко В. И.* Сторожевые города на юге Киевской Руси. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968.

¹⁸⁸ *Раппопорт П. А.* 1) Очерки...; 2) Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. МИА, 1961, № 105; 3) Военное зодчество...

¹⁸⁹ *Раппопорт П. А.* 1) Очерки..., с. 97; 2) Военное зодчество..., с. 214.

¹⁹⁰ *Рыбаков Б. А.* Смерды. — ИСССР, 1979, № 2, с. 37—44.

и полюдьем великого князя.¹⁹¹ Это способствовало интеграции племенной знати в составе господствующего класса Древнерусского государства вследствие включения ее в систему государственного управления. По мере ликвидации племенных князей или слияния их со служилой знатью, интеграции племенных княжений и племенных союзов в составе Древнерусского государства функции сбора податей перешли к великому киевскому князю и его мужам. Вероятно, эта стадия развития полюдья описана Константином Багрянородным в девятой главе компилятивного сочинения «Об управлении империей»: ¹⁹² «вожди» ¹⁹³ со «всеми русами» выходили из Киева в полюдь в поябре и «кормились» (Константин использовал глагол *διατρέφω* — ‘прокармливать, питать, содержать’) в землях древлян, дреговичей, кривичей, северян и «прочих славян» в течение всей зимы. В апреле они собирались в Киеве. По мнению Б. А. Рыбакова, полюдь взималось только с племенных союзов древлян, дреговичей, кривичей и северян.¹⁹⁴ Однако в сочинении Константина указано также: «и прочих славян, которые являются данниками Руси» (*καὶ λοιπὸν Σκλάβων, οἵτινες εἰσὶν πακτιῶται τῶν Ῥώσ*). В числе этих «прочих славян» были словене, где еще в первой трети XII в. сохранился термин «осение полюдь даровное»,¹⁹⁵ племенные союзы радимичей, уличей и тиверцев, подчиненных Олегом и Игорем и плативших им дань.¹⁹⁶ Впрочем, процесс окончательного подчинения радимичей, как и древлян, продолжался долгое время, и еще Владимиру в 984 г. пришлось идти на них походом.¹⁹⁷ Если учесть эти дополнения, то полюдь являлось в этот период не объездом киевским князем и его дружиной некоторых подчиненных племенных союзов, а разъездом князя и его приближенных («вождей») с дружинами по зависимым племенным княжениям, где они кормились, собирали подати в пользу великого князя, вступая при этом в постоянные контакты с племенными князьями, знатью и дружинами, что усиливало интеграционные процессы. В племенных княжениях киевские «вожди» совершали полюдь — круговой объезд — *γύρα* (именно для обозначения провинциальных объездов начальников — *ἀρχόντων* использовался термин *γύρα*).¹⁹⁸

¹⁹¹ Там же, с. 44.

¹⁹² 9-я глава датируется временем ок. 944 г. и считается переводом со славянского языка. (*Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio*. Ed. R. J. H. Jenkins. London, 1962, vol. II, p. 19).

¹⁹³ Обычно на русский язык *ἄρχοντες* переводится как «князь», однако в данном случае возможен более неопределенный перевод — «вожди», «предводители», к тому же существование «князей» (во множественном числе) ок. 944 г. в Киеве не доказано. Поэтому более обоснованным является перевод этого слова Р. Й. Г. Дженкинсом — *chiefs* (*Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio*. Ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 63).

¹⁹⁴ Рыбаков Б. А. Смерды. — ИСССР, 1979, № 2, с. 37—44.

¹⁹⁵ ГВНП, с. 140.

¹⁹⁶ ПВЛ, I, с. 20—21; НПЛ, с. 110.

¹⁹⁷ ПВЛ, I, с. 59.

¹⁹⁸ ИГАИМК, 1934, вып. 91, с. 58; *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio*, vol. II, p. 60.

Вероятно, так ходили «в дань» к древлянам и уличам Свенельд, к древлянам — Игорь, а также в другие земли иные князья и «вожди». Аналогичная система кормлений сохранилась и позднее, спустя 70—120 лет, когда князья распускали дружины «на по-корм».¹⁹⁹ М. Д. Приселков видел в сообщении Константина Багрянородного известие о стремлении киевских князей собрать норманнскую дружину в Киеве с тем, чтобы охранять страну от разбоя скандинавов.²⁰⁰ Однако эта запись свидетельствует, по нашему мнению, об обратном — о распределении служилой знати и дружины на кормление в зимний период, что стало одним из истоков кормлений, одной из форм феодальной эксплуатации и средством консолидации господствующего класса. Предложенная нами интерпретация известия Константина сохраняет значение наблюдений Б. А. Рыбакова по истории полюдь, но относит их к более раннему этапу его развития. С раздачей в управление городов и областей мужам-посадникам (эта форма управления существовала, усложняясь, с IX в.) и наместникам-княжичам, с развитием государственного аппарата, осуществлявшего административно-судебное управление через систему погостов, князья перестали ездить в полюдь, что стало причиной появления «нолюдь» как особого налога, сверх обычных.²⁰¹ Он, вероятно, был денежным выражением затрат на содержание князя, его дружины или мужей во время полюдь.

Усложнение системы взимания податей и административно-судебного управления привело к образованию системы погостов, введение которой было отнесено летописцем ко времени Ольги. Уже в дореволюционной историографии отмечалось, что погосты были первоначально центрами административного управления и податного обложения.²⁰² Значение погостов как «отдельных географических и правительственных округов» или главных селений таких округов, в которых совершались бы общественные богослужения, подчеркивалось К. А. Неволным.²⁰³ В. О. Ключевский полагал, что слово «погост» происходит от слова «гостить» 'торговать', поэтому понимал под погостами торговые селения. К этому мнению близок М. Ф. Владимирский-Буданов, который подчеркивал «доисторическое» происхождение погостов как мест общественного богослужения и торговли.²⁰⁴

¹⁹⁹ ПВЛ. I, с. 97, 116; Пашуто В. Т. Черты политического строя..., с. 52—53.

²⁰⁰ Приселков М. Д. Киевское государство..., с. 232—233.

²⁰¹ Там же, с. 232—233.

²⁰² Лешков В. Русский народ и государство. М., 1858, с. 225; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959, кн. I, с. 157; Дьяконов М. Очерки..., с. 171; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938, т. I, с. 66; Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 3-е. СПб., 1903, с. 246.

²⁰³ Неволлин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. — Зап. РГО. 1853, кн. VIII, с. 69—90.

²⁰⁴ Ключевский В. О. Сочинения, т. VI, с. 252; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор..., с. 78.

По-разному раскрывали значение термина советские исследователи: как вид сельской территориальной общины и вид дани²⁰⁵ или только погоста — общины,²⁰⁶ как финансово-административный и судебный центр²⁰⁷ или хозяйственно-административный пункт, укрепляющий власть киевского князя на местах,²⁰⁸ как опорный пункт сбора дани вне зоны полюдья.²⁰⁹ Первоначальное значение погостов как селищ и мест торговли отмечает В. В. Мавродин.²¹⁰

Все указанные мнения опираются на данные источников и поэтому в значительной степени верны. Причина же их различий заключается в быстром изменении семантики слова «погост», в связи с чем исследователи, обращавшие внимание на отдельные известия источников XI—XV вв. и абсолютизовавшие их значение, приходили к разным выводам. Поэтому важно определить начало семантического ряда термина, чтобы выяснить его содержание в X в.

Этимология термина показывает его родство со словами «гостить», «погостить», «гость», т. е. «приезжать временно издалека», «посещать с известной целью». Поэтому «погост» в первоначальном смысле означал «место гощения», «место для временной остановки». Учитывая древнейшие известия о погостах, которые свидетельствуют об их тесной связи со сбором дани, А. Н. Потехин определил последующее развитие термина как «стан, станция для князей, княжих мужей и тиунов, наезжавших для дани».²¹¹ С этим значением согласуется термин «становище», отнесенный к «уставной» деятельности Ольги у древлян.²¹²

Содержание слова «погост» дополняется контекстом рассказа ПВЛ, согласно которому погосты «устанавливались» подобно оброкам и даням. Глагол «установить» в древнерусском языке обозначал «установить, постановить, назначить, определить» и др.,²¹³ что позволяет определить погосты как специально построенные дворы

²⁰⁵ Воронин Н. И. К истории сельского поселения феодальной Руси. М., 1935, с. 24.

²⁰⁶ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, 1960, № 92, с. 30; Черепнин Л. В. Русь..., с. 150.

²⁰⁷ Юшков С. В. Общественно-политический строй..., с. 109—110; Романов Б. А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма. — В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.; Л., 1960. с. 342—343; Фроянов И. Я. Смерды в Киевской Руси. — Вестник ЛГУ, 1966, № 2, с. 72.

²⁰⁸ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 301; Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л., 1949, с. 152—153.

²⁰⁹ Рыбаков Б. А. Смерды. — ИСССР, 1979, № 2, с. 44.

²¹⁰ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 251.

²¹¹ Филин Ф. П. Лексика..., с. 152—153; Преображенский, II, с. 85; Фасмер, III, с. 295.

²¹² ПВЛ, I, с. 43. — О становищах — опорных пунктах взимания дани, судебных пошлин, полюдья см.: Насонов А. Н. «Русская земля»..., с. 56; Рыбаков Б. А. Смерды. — ИСССР, 1979, № 2, с. 45.

²¹³ Срезневский, III, стб. 1274—1275.

или назначенные села, в которых останавливались князья или княжеские мужи, собиравшие дань.²¹⁴ Последующее изменение содержания термина связано с дальнейшим развитием погоста как исторического явления: административно-хозяйственная единица — совокупность деревень, тянувших к известному погосту; став как главное поселение округа, церковь и церковный двор в погосте, место торговли и т. д.²¹⁵ Отсюда можно заключить, что определяющим первоначальным значением погоста было место временной остановки князя или княжого мужа с дружинами во время сбора дани. Очевидно, во время их пребывания погосты превращались в центры административного управления, княжеского суда, взимания податей. При этом следует иметь в виду, что термин «погост» встречается не только в новгородских землях, но и в смоленских и ростово-суздальских.²¹⁶ Поэтому не следует думать, что погосты были только новгородским или северным явлением.²¹⁷ Летописец отметил, что при Ольге погосты были «по всей земле». Вероятно, к XII в. система погостов в южных густонаселенных княжествах вследствие широкого распространения княжеского и боярского землевладения исчезла, а в областях с более редким населением и большими лесными массивами осталась. Можно предположить также, продолжая наблюдения Б. А. Рыбакова о географическом распространении погостов,²¹⁸ что они сохранились в XI—XII вв. в землях с активной внешней и внутренней колонизацией, выполняя там свою функцию административно-судебного контроля над колонизируемыми землями и являясь центрами взимания налогов, бир, продаж, исполнения повинностей.

Таким образом, летописец отнес ко времени княгини Ольги комплекс важнейших административно-хозяйственных реформ, которые способствовали развитию системы административно-судебного управления государством, совершенствованию методов взимания налогов государственным аппаратом.

---

²¹⁴ Л. В. Черепнин связывает деятельность Ольги с «переходом от системы полюдья к новому порядку взимания дани через специально посылаемых для этого представителей княжеской администрации» (*Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения...* с. 149); Б. А. Рыбаков рассматривает погосты «как дополнение к полюдью, как расширение сферы первичного окняжения» (*Рыбаков Б. А. Смерды. — СССР, 1979, № 2, с. 45*).

²¹⁵ Очень важна для реального определения погоста локализация погоста Ляховичи по грамоте Всеволода Мстиславича, датированной В. Л. Яниным 1134 г. Здесь погост оказывается центром значительной волости — 40 км с севера на юг, 20 км с запада на восток (*Янин В. Л. Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978*). См. также опыт реконструкции погостов по археологическим данным: *Седов В. В. Сельские поселения...* с. 30—50.

²¹⁶ *Воронин Н. Н. К истории сельского поселения...* с. 23—24.

²¹⁷ *Пресняков А. Е. Лекции...* т. I, с. 65; *Сергеевич В. Лекции...* с. 246; *Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор...* с. 78.

²¹⁸ *Рыбаков Б. А. Смерды. — СССР, 1979, № 2, с. 44—47.*

Одновременно с развитием общественных отношений, порождавших эксплуатацию господствующим классом лично свободных непосредственных производителей в государстве, складывалась в IX—X вв. социально-экономическая система, основанная на эксплуатации зависимого населения, — господское хозяйство. В предшествующей историографии (см. выше, с. 11—14) было много сделано для его изучения, причем основное внимание уделялось крупному землевладению — сслам, городам, волостям. Между тем источники позволяют более обстоятельно проследить генезис господского хозяйства. В историографии совершенно недостаточно обращалось внимание на двор как на первоначальную ячейку господского хозяйства. Некоторые исследователи отмечали существование княжеского двора в X в., подчеркивая его функцию только княжеской резиденции, в которой были и хозяйственные постройки.²¹⁹ Но эти замечания не раскрывали роли двора в генезисе господского хозяйства.

По археологическим материалам, в восточнославянских землях сельские дворы, комплексы жилых и хозяйственных построек, окруженные свободной территорией, появляются в VIII—IX вв., что свидетельствует о растущей хозяйственной и социальной самостоятельности их владельцев. Лишь на ограниченных по площади городищах роменско-боршевской культуры, находившихся в особых условиях соседства с землями степняков-кочевников, дворы не прослеживаются, хотя дома были хозяйственно самостоятельными (см. ниже, с. 93—95). Дома племенной знати для этого времени по археологическим материалам пока неизвестны. Однако можно предположить, что в IX—X вв. великие киевские и племенные князья, племенная и служилая знать, обладатели значительных богатств, господа зависимых людей строили дворы как хозяйственные комплексы, продолжающие местные традиции. Такие дворы не только гарантировали их владельцам исполнение социальных функций, но и обеспечивали, вероятно, необходимые хозяйственные потребности.

С преданиями о событиях X в. в ПВЛ попали известия о княжеских дворах: о двух дворах Ольги (одном — в Киеве, другом с каменным теремом — «над горою» вне города²²⁰), а также о те-

²¹⁹ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства, с. 160; Юшков С. В. Общественно-политический строй..., с. 90. — Б. Д. Греков, ссылаясь на наблюдения П. Н. Третьякова, отмечал появление в VII—VIII вв. в лесной зоне неукрепленных поселений и укрепленных дворов, или замков, на основании чего он относил возникновение в этот период у восточных славян классового общества (Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 125). Последующие наблюдения не подтвердили эти исходные археологические посыпки (Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы..., с. 89—118).

²²⁰ ПВЛ, I, с. 40—41. — Возможно, городской дворец Ольги был открыт вблизи Государственного Исторического музея (Толочко Л. П. Нове у вивченні Києва. — Археологія, 1978, т. 26, с. 92—93).

ремном дворе Владимира Святославича, названном «отцовским», о котором будто бы летописец вел речь ранее. Впрочем, в ПВЛ упоминался только теремной двор Ольги, так что летописец или считал двор Ольги двором ее сына Святослава, или в Повести упоминался теремной двор Святослава, но это известие в последующих редакциях выпало.²²¹ Известны также дворы новгородского князя-наместника Ярослава Владимировича: один находился на Торговой стороне и как политический центр противостоял Софийской стороне, другой являлся резиденцией в Ракоме.²²² Однако княжеский двор был не только резиденцией, где князь «сидел» с дружиною.²²³ Там хранилась казна и продовольственные запасы, поэтому на дворе раздавали питье, еду и деньги.²²⁴

В материалах, относящихся к X в., содержатся данные и о не княжеских дворах: например, о дворе варяга-христианина, боярина Борица, указанного в числе послов князя Игоря при заключении договора 944 г.²²⁵ По мнению Б. А. Рыбакова, в IX—X вв. возникли также многочисленные дворы дружинников. Основываясь на значительном рассредоточении дружинных погребений вокруг Чернигова, он предположил широкое распространение здесь дружинного землевладения. На этом основании Б. А. Рыбаков сделал вывод о том, что этот регион уже прошел стадию «вассалитета без земельных пожалований».²²⁶ Впрочем, Л. В. Черепнин, ссылаясь на наблюдения В. В. Седова о появлении в смоленских землях владельческих поселений замкового типа в конце XI—начале XII в. и на данные письменных источников, сомневался в том, что к X в. институт «вассалитета без ленов» уже изжил себя. Он подчеркивал длительность процесса складывания феодальной собственности на землю, не отрицая категорически появления «собственных имений» дружинников в X в. и отмечая бесспорность их существования во второй половине XI в.²²⁷ Не имея достаточных материалов для окончательного решения этого вопроса, отметим, что указанные мнения, на наш взгляд, не исключают друг друга. Помимо различных темпов развития феодальных отношений в разных регионах Древней Руси следует иметь в виду, что «вассалитет без ленов или лены, состоящие только из даней», были системой феодальной службы княжеской дружины. Села и земли могли принадлежать племенной знати, которая в составе Древнерусского государства

²²¹ По мнению М. К. Каргера, «отень двор» Владимира был «теремным двором» Ольги; о княжеских дворах X в. в Киеве см.: *Каргер М. К. Древний Киев*, т. I, с. 263—267.

²²² ПВЛ, I, с. 95.

²²³ Там же, с. 55.

²²⁴ Там же, с. 85—86.

²²⁵ Там же, с. 58; *Каргер М. К. Древний Киев*, т. I, с. 270.

²²⁶ *Рыбаков Б. А.* 1) *Древности Чернигова*, с. 51—52; 2) *Киевская Русь*. — В кн.: *История СССР с древнейших времен*. М., 1966, 1 серия, т. I.

²²⁷ *Седов В. В.* *Сельские поселения...*, с. 124; *Черепнин Л. В.* *Русь...*, с. 159—161.

интегрировалась со служилой знатю в единый господствующий класс. Наконец, у племенной знати и у княжеских дружинников были дворы — хозяйства, одна из хозяйственно-социальных форм организации развивающейся феодальной эксплуатации.

Предания о варяге-христианине и о мести Ольги жителям Псковостеня могли бы дать представление о не княжеском дворе как жилищно-хозяйственном комплексе, имеющем сени, клетки, вежи-сарай, одрины-сеновалы, голубятни, дворовую ограду.²²⁸ Однако они были записаны в XI в., и поэтому в них могли попасть более поздние реалии. Значительно объективнее археологические материалы. В Новгороде второй половины X в., который еще не был мощным экономическим центром, открыты большие по площади усадьбы (1200—2000 кв. м), защищенные частоколом. В них обнаружены двухэтажные дома (нижний этаж служил хозяйственным подклетом), кладовые, складские помещения, погреба, огороды.²²⁹ Частоколы усадеб на протяжении X—XV вв. возобновлялись на тех же линиях, что и при первоначальной организации двора в X в. Это позволило В. Л. Янину и Б. А. Колчину интерпретировать (с учетом берестяных грамот) эти дворы как ячейки городского землевладения феодалов, обладателей крупных и крупнейших земельных владений вне Новгорода.²³⁰ Сложными по составу были дворы и рядовых горожан. Например, в Киеве X в. (на Подоле) рядовая усадьба состояла из избы-пятистенки и двухъярусной хозяйственной постройки (сруба на подклете), использовавшейся как хлев и клеть для хранения зерна и продуктов.²³¹ Вероятно, аналогичные усадьбы существовали и в других городах Руси X в., но археологически еще не установлены.

Таким образом, в X в. по письменным и археологическим источникам прослеживается двор как сложный жилищно-хозяйственный комплекс, который был одним из факторов экономической стабильности княжеского и не княжеского хозяйства (универсальность княжеского двора очевидна на материалах XI—XII вв., см. ниже, с. 108—111). Эксплуатация княжеских и боярских дворов требовала дополнительных источников рабочей силы, что превращало господский двор в центр не только хозяйственной, но и социальной активности.

Однако двор был лишь первоначальной ячейкой в разрастающейся системе господского хозяйства, эксплуатирующего труд непосредственных производителей. В ПВЛ отмечается, что князья в X в. владели также селами и городами. Ольге принадлежало село Ольжици, которое существовало во время написания летописи («доселе»), Владимиру — Берестово, «еже зовуть ныне

²²⁸ ПВЛ, I, с. 43, 58.

²²⁹ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967, с. 71—83.

²³⁰ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы... с. 34—35.

²³¹ Харламов В. О. Київська садиба X ст. — Археологія. 1977. № 24; Голочко П. П. Нове у вивченні Києва, с. 86—89.

Берестовое».²³² В Берестове находился великокняжеский дворец, где в 1015 г. скончался Владимир и где до принятия христианства находился его гарем. М. К. Каргер справедливо указал на политическое значение Берестова, где Владимир готовился к походу на восставший Новгород в 1015 г. В связи с этим он отметил, что «берестовский двор в эту пору отнюдь не был местом для „загородного отдыха“ князя, как изображали его некоторые исследователи, вспоминая летописное известие о двухстах наложницах, которых князь имел в Берестове». М. К. Каргер указал также на продолжение политической функции Берестова как княжеской резиденции в XI—XII вв.²³³ Берестово и княжеский двор без сомнения имели укрепления, однако недостаточно мощные, чтобы иметь такое же стратегическое значение, как Вышгород и Белгород.²³⁴ Оно не стало центром управления, ремесла и торговли для окружающей волости. Поэтому Берестово так и осталось селом, но, входя в домен — непосредственно княжеское владение, оно играло такую же роль, как и домениальные города, в укреплении социально-экономического могущества князя.

Реконструированная А. А. Шахматовым Корсунская легенда, а за ней ПВЛ указывают кроме Берестова города Вышгород и Белгород, где находились гаремы Владимира Святославича.²³⁵ Вышгород еще в середине X в. являлся непосредственным княжеским владением — «градъ Вольтинъ».²³⁶ При Владимире там была построена патрональная церковь князя — храм святого Василия. В Вышгород приехал больной Ярослав Мудрый и там скончался. Более 150 лет Вышгород упоминается как место великокняжеской резиденции, погребения первых русских святых из великокняжеского рода, а также как один из центров великокняжеской охоты.²³⁷ Это позволяет предположить, что Вышгород являлся одним из княжеских городов на протяжении указанного периода. Эти наблюдения подтверждают и расширяют археологические материалы, согласно которым Вышгород восходит к княжескому двору — замку, который был построен на месте более раннего поселения,²³⁸ а рядом с замком разросся укрепленный торгово-ремесленный посад — окольный город.²³⁹

Столь же привилегированное положение занимал при Владимире Святославиче Белгород. В 991 г. по приказу Владимира туда были сведены люди из других городов, «бе бо любя градъ съ».²⁴⁰ Археологические исследования позволили конкретизиро-

²³² ПВЛ, I, с. 57.

²³³ Каргер М. К. Древний Киев, т. I, с. 273—274.

²³⁴ Толочко П. П. Киевская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 23—30.

²³⁵ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 135—136; ПВЛ, I, с. 57.

²³⁶ ПВЛ, I, с. 43.

²³⁷ Там же, с. 57, 92, 108, 121, 141, 196, 199—200.

²³⁸ О превращении укрепленных поселений в феодальные замки и города в X—XIII вв. см.: Раппопорт П. А. Очерки..., с. 64.

²³⁹ Там же, с. 54—55.

²⁴⁰ ПВЛ, I, с. 57, 83, 87—88.

вать древнейший период истории Белгорода: на мысовом городище в VIII—IX вв. был построен, вероятно, княжеский двор — замок.²⁴¹ В 991 г. детинец перестроили (он стал прямоугольным) и значительно расширили (12,5 га). Одновременно возводились укрепления огромного окольного города (40 га), который по мере разрастания был защищен дополнительными оборонительными сооружениями.²⁴² Одновременное строительство детинца и окольного города в конце X в. означало, вероятно, изменение функции Белгорода: из княжеского замка он становился военно-политическим центром.²⁴³ Его детинец стал близок по площади детинцам Киева, Чернигова, Переяславля-Южного, Владимира-Волынского, а общая площадь (105 га) превосходила территорию таких крупных городов XI в., как Чернигов, Переяславль, Рязань.²⁴⁴ Возможно, в конце правления Владимира или после его смерти Белгород перестал входить в число домениальных городов, однако он продолжал быть в привилегированном положении, поскольку уже во второй половине XI в. в нем находилась епископия.²⁴⁵ Возможно, к княжеским домениальным городам принадлежал Изяславль, который, по преданию, был построен для сына Владимира Изяслава,²⁴⁶ а также Васильев, т. е. «город Василия» (Василий — христианское имя Владимира), один из многочисленных городов-крепостей, построенных при Владимире Святославиче по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне. О включении этого города в домен свидетельствуют его название — притяжательное прилагательное, образованное от имени князя, — в отличие от других одновременно построенных городов, а также тесная связь Василева с Владимиром Святославичем: согласно одному из преданий, Владимир принял там крещение.²⁴⁷ Василевская крепость состояла из небольшого детинца (250×220 м), окруженного «могучим валом, сложенным наполовину из сырцового кирпича, подобного кирпичу Переяславля и Белгорода», и посада.²⁴⁸

Сообщения о княжеских селах и городах в X в., давно известные в литературе, стали одним из доказательств С. В. Юшкова, Б. Д. Грекова и других исследователей в изучении становления княжеского домена. При этом С. В. Юшков отметил, что летопись упоминает о селах Ольги и Владимира попутно, не перечисляя

²⁴¹ Мысовой тип укреплений был одним из видов феодальных замков (Раппопорт П. А. Военное зодчество..., с. 191).

²⁴² Мезенцева Г. Г. О некоторых особенностях планировки древнего Белгорода. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974.

²⁴³ Раппопорт П. А. 1) Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв., с. 82; 2) О типологии..., с. 4—5. — По мнению Б. А. Рыбакова, Белгород в конце X в. был стольным городом полян (Рыбаков Б. А. Древняя Русь..., с. 187).

²⁴⁴ Кирпичников А. Н. К истории древнего Белгорода. — КСИИМК. 1959. вып. 73.

²⁴⁵ ПВЛ, I, с. 137.

²⁴⁶ ПСРЛ, I, стб. 301.

²⁴⁷ ПВЛ, I, с. 77.

²⁴⁸ Рыбаков Б. А. Владимировы крепости на Стугне.

все их земельные владения.²⁴⁹ Указанный характер летописных известий не был учтен С. В. Бахрушиным, И. Я. Фрояновым и А. А. Зиминным, которые, рассмотрев их, пришли к выводу о том, что они не дают права говорить о княжеском землевладении в X в.²⁵⁰ Для доказательства этого положения И. Я. Фроянов «ради осторожности» отмечает, что Ракома под Новгородом не названа селом. В характеристике Берестова он вернулся без доказательств к мнению, опровергнутому М. К. Каргером: «Берестово хотя и называется „сельцом“, но говорить о нем как о чисто хозяйственном заведении нет оснований. Оно напоминает загородную резиденцию киевского князя. Владимир часто сиживал там, разгоняя скуку с наложницами, здесь и умер». Села Ольжичи и Будутино хотя и признаются княжескими, но характеризуются как промысловые. Для опровержения летописного указания «бе бо Вышгород градъ Вользинъ» И. Я. Фроянов приводит сообщения летописи, относящиеся к XI—XII вв., о переходе Вышгорода из рук в руки и признает «более правдоподобной» «версию», согласно которой «Вышгород X в. и позже по положению своему ничем не отличался от других свободных городов Руси». Эти факты не опровергают того, что он входил в домен в XI—начале XII в. и не объясняет летописную запись «бе бо Вышгород градъ Вользинъ». Кроме того, вопрос о владении Ольги городом подменяется определением (со ссылкой на А. Н. Насонова) его происхождения не из княжеского села, а сразу как города.²⁵¹

А. А. Зимин присоединился к мнению С. В. Бахрушина, согласно которому «нет ни одного известия о селах X в., которое не носило бы черт легенды».²⁵² Поэтому летописным известиям он противопоставляет предположения исследователей: 1) название «Ольжичи» является созвучием с именем княгини и указывает на принадлежность селения отдельному роду, восходящему к одному предку,²⁵³ поэтому указанное название — «скорее всего ... догадка составителя Древнейшего свода»; 2) известие о «селе Будутине» — легенда, которая должна была доказать древность этого владения Десятинной церкви;²⁵⁴ 3) село Пред-

²⁴⁹ Юшков С. В. Очерки..., с. 45; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 136—137.

²⁵⁰ Бахрушин С. В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. — ИИМ. 1937. кн. 3, с. 168; Фроянов И. Я. Киевская Русь (1). с. 45—46; Зимин А. А. Холопы..., с. 53—55.

²⁵¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 49—50.

²⁵² Бахрушин С. В. Некоторые вопросы..., с. 169.

²⁵³ Название «Ольжичи» восходит к женскому имени Ольга, указанием родства от имени Олег было «Олговичи» (ПСРЛ, I, стб. 297, 302 и сл.).

²⁵⁴ А. А. Зимин принял мнение А. А. Шахматова о том, что известие о Будутине («Рождение бысть Владимиру в Будотине селе; ту бо бе посла Ольга Малку во гнев; село бо бе ея ту; бе бо, умирая, Ольга отдаст село то пресвятей богородицы» (Устюжский летописный свод/ Под ред. К. Н. Сербинной. М.; Л., 1950, с. 27. — См. аналогичный текст в Никоновской летописи: ПСРЛ. СПб., 1862, т. IX, с. 35)) отражало в позднем летописании через свод 1428 г. запись киевской Десятинной церкви (Зи-

славино могло быть создано самой Предславой или получить свое название много лет спустя;²⁵⁵ 4) в оценке Берестова он присоединяется к И. Я. Фроянову. Подобно И. Я. Фроянову, А. А. Зимин подменил вопрос о владении Ольги Вышгородом вопросом о его происхождении как города, а определение домашнего владения Изяславля не отнес к проблеме княжеского землевладения.²⁵⁶

Такие логические аргументы против прямых указаний источников и археологических данных не опровергают их содержания. Особенно очевидна тенденциозность подобной интерпретации известия о княжеском селе Берестове. Подобные опровержения известий о княжеских селах и городах в X в. могли бы достигнуть цели, если бы существовали данные, что ими исчерпывается список поселений княжеского домена, или имелись бы массовые источники, в которых содержались бы единичные упоминания о княжеских владениях. В этой связи можно еще раз отметить, что приведенные сообщения были лишь попутными упоминаниями о княжеских земельных владениях. Поэтому указанные опровержения известий о княжеском землевладении представляются неубедительными не только в каждом конкретном случае, но и в обобщающем заключении.

В преданиях, относящихся к середине X в., содержатся данные о других составных частях княжеского домена. После подавления восстания древлян Ольга не только наложила на них дань, «установила» уставы и уроки, но и «постановила» также свои становища и ловища. Летопись относит к Ольге «установление» погостов («повосты») и даней по Мсте, а по Луге — оброков и даней. Это сообщение завершается фразой: «и ловища ея суть по всей земли, знаменья, и места, и повосты, и сани се стоятъ въ Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе».²⁵⁷

Смысл этой обобщающей фразы недостаточно ясен. На ее основании можно сделать выводы о деятельности Ольги только в Деревской земле и в землях новгородских словен по Мсте и Луге²⁵⁸ или же по всей земле Русского государства либо на зна-

---

мин А. А. Холопы..., с. 54). Однако в этом известии Зимин не выделил две части: о владении Ольги Будутиным и о передаче села Десятинной церкви. Подложность второго сообщения очевидна, так как церкви Богородицы (Десятинной) при Ольге не было (впрочем, Шахматов допускал, что пожертвование совершила Малфредь. См.: Разыскания..., с. 377).

²⁵⁵ Но и в этом случае сообщение о селе Предславы относится к концу X—началу XI в. (до 1018 г.), что не лишает летописное сообщение значения при изучении княжеского землевладения в X в.

²⁵⁶ Зимин А. А. Холопы..., с. 53—55.

²⁵⁷ ПВЛ, I, с. 43.

²⁵⁸ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 110—111, 171—173; ПВЛ, II, с. 305—306. — И. Я. Фроянов полагает, что Ольга обложила данью «подвластные иноязычные племена води и веси» (Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 115), но при этом не учитывает, что на Мсте и Луге находилась зона славяно-финского синтеза (Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники..., с. 64—81).

чительной ее части.²⁵⁹ Многое в ее понимании зависит от источниковедческого анализа. Возможно, эта фраза имеет вставочный характер и в ней отражены местные новгородские сведения об «устроениях» Ольги в землях по Мсте и Луге.²⁶⁰ Б. Д. Греков рассмотрел летописный текст как соединение двух слоев сведений. По его мнению, летописец одни известия относил непосредственно к деятельности Ольги: об «установлении» уставов и уроков у древлян, погостов и даней по Мсте, оброков и даней по Луге. Другие были отнесены ко времени Ольги на основании всего круга сведений, которыми располагал летописец (отсюда отсылки к настоящему времени: «и сами ее стоять в Плескове и до сего дне», «и есть село ее Ольжичи и доселе»), при этом летописец при описании деятельности Ольги добавил Днепр и Десну, где стояли Ольжичи, и, возможно, приписал Ольге результаты деятельности других князей.²⁶¹

Раскрытие понятий, обозначающих сферу деятельности Ольги и других князей в X в., указывает на важные мероприятия великокняжеской власти «по всей земле» (равно как и распространение погостов, см. выше, с. 62—64), относящиеся к увеличению размеров княжеского домена.

О содержании слова «ловище» («места для звериной и рыбной ловли») среди исследователей существенных разногласий нет.²⁶² К «ловищам» следует присоединить также «перевесища» — «места охоты на птиц».²⁶³ Под «знаменными» понимались «значки, отметы, знаки собственности».²⁶⁴ Эти известия по-

²⁵⁹ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства, с. 251; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 300—302; Юшков С. В. Общественно-политический строй..., с. 108; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения..., с. 149; Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда. — ИЗ, 1963, т. 76, с. 240—242.

²⁶⁰ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 110—111, 171—173; ПВЛ, II, с. 305—306.

²⁶¹ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 301—302. — Л. В. Черепнин рассматривал реформы Ольги как реакцию правящей знати на восстание древлян 945 г. (Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения..., с. 149). Следует отметить, что еще Н. П. Павлов-Сильванский критиковал оценку учреждений древнего права как созданных единовременно «творцами-законодателями». По его мнению, погосты не были созданы постановлениями Ольги, как и сотни в Англии королем Альфредом. Они «делали какие-либо распоряжения относительно погостов и сотен, упорядочившие или как-либо изменявшие их организацию. Отсюда, вероятно, и пошли предания о создании ими этих учреждений» (Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907, с. 87).

²⁶² Срезневский, II, стб. 38; Филин Ф. П. Лексика..., с. 146; Львов А. С. Лексика..., с. 166; Соловьев С. М. История России..., кн. I, с. 156; Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866, с. 12, и др. — Принятая традиционное толкование, Л. В. Черепнин допускал, что «ловища» могли означать также объекты обложения мест охоты и охотничьих приспособлений (Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения..., с. 149).

²⁶³ ПВЛ, I, с. 43.

²⁶⁴ Срезневский, I, стб. 988—989; Рыбаков Б. А. Знаки собственности в Древней Руси. — СА, 1939, т. XVIII; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства, с. 251.

казывают необоснованность мнения И. Я. Фроянова о нескольких княжеских селах в X в., «заводившихся с промысловыми целями».²⁶⁵ Данные о ловищах и знамениях «по всей земле» (даже если принять их как указание на новгородские земли из цикла новгородских преданий об Ольге), а также о перевесницах по Днепру и Десне, т. е. в центральных районах Древнерусского государства середины X в., исходных центрах образования и развития древнерусской государственности, сообщают об особой отрасли формирующегося великокняжеского домена — о заповедных княжеских лесах, в которых «знамениями» отмечались их границы, борти, определялись места ловищ и перевесниц. Леса были важным хозяйственным объектом, источником строительных материалов, топлива, продуктов питания, охоты и т. д. Поэтому с развитием социального и экономического неравенства началась, вероятно, борьба за захват лучших лесных участков. В древнерусских экономических условиях она осложнялась тем, что промысел пушного зверя был тесно связан с употреблением биса и куниц в денежном обращении (следует отметить, что нарушение межсвоя знаков — «перетеса» в лесу наказывалось, согласно ст. 34-й КП, столь же строго, как межи на пашне, — в 12 гривен).

В захвате лесных угодий, вероятно, лучших по своим качествам, великокняжеское хозяйство было аналогично западноевропейским королевским и княжеским доменам, которые включали в себя значительные лесные владения.²⁶⁶ Уже в VI в. меровингские короли имели свои леса (*silva regalis*), в которых они охотились и где запрещалось охотиться другим, причем в этих лесах были стражи — лесники (*custos silvae*).²⁶⁷ Таким образом, «уставление» княжеских ловищ, перевесниц и знамений, относимое летописью к Ольге, свидетельствует о включении этих лесных угодий в княжеский домен. Показательно, что именно конфликт на «ловах», вероятно, вызванный нарушением права княжеской охоты, стал причиной убийства Люта Свенельдича Олегом Святославичем.

С именем Ольги ПВЛ связывает также владение великокняжеской семьи «местами». Значение слова «место» было разъяснено И. И. Срезневским как «особенное сельбище», т. е. вид поселения, возможно, неукрепленного, в отличие от города.²⁶⁸

²⁶⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 51.

²⁶⁶ Серовайский Я. Д. О путях формирования феодальной собственности на леса и пастбища во Франкском государстве. — СВ, 1969, сб. 32; 1971, сб. 33. — Исследователь не сомневается, что ядром «королевских лесов» при Меровингах и Каролингах были угодья бывшего императорского фиска, однако этот вопрос представляется более сложным, поскольку в раннесредневековой Англии, где не было такой преемственности, королевские леса также существовали.

²⁶⁷ Greg. Tur., X, 10.

²⁶⁸ Это значение убедительно подтверждается приведенными примерами: «Ярослав прѣкви ставляше по градом и по местом»; «несть места, ни вси, ни сел тацех редко, иде же (татарове) не воеваша»; «въеха

Таким образом, в материалах, относящихся к X в., содержатся данные о сложном составе княжеского домена. В него входили дворы, села, города, неукрепленные поселения городского типа — «места», леса. Вероятно, их число было значительным, однако определенных сведений об этом нет. При изучении княжеского домена эти материалы следует учитывать, но нельзя преувеличивать или преуменьшать их значение. Дворы были центрами хозяйства служилой и местной знати, однако их состав и роль в господском не княжеском хозяйстве раскрывают более поздние материалы XI—XII вв.

ЗАВИСИМОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Генезис господского хозяйства был двуетадийным процессом формирования личной земельной собственности и рекрутирования зависимого эксплуатируемого населения. В источниках, сообщающих о событиях IX—X вв., содержится много известий о войнах русов и о захвате ими многочисленных пленных, которых продавали на рынках Центральной Европы, Византии и мусульманского Востока.²⁶⁹ Однако данных о формах эксплуатации пленных на Руси очень мало. Как сообщается в предании, княгиня Ольга после взятия Искоростеня «старейшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работе предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави платити дань».²⁷⁰ Судя по контексту этого известия, а также по употреблению слова «работа» в русских памятниках XI—XII вв., это понятие обозначало подневольный труд в домашнем хозяйстве господина и на сельских работах,²⁷¹ однако о конкретных формах эксплуатации и содержания таких людей сведений нет.

В русско-византийских договорах упоминается еще один вид зависимых людей — челядь. Тексты договоров позволяют определить их общественное положение.

В договорах 911 и 944 гг. большое внимание уделяется поимке и возвращению хозяевам беглых челядинов (ст. 9-я первого договора, ст. 3-я, 4-я — второго). По договору 911 г. беглый или потерянный челядин мог принадлежать, вероятно, не только князьям и боярам, но и купцам («но и гости аще погубиша челядинъ»). Статьи о поимке беглой челяди стоят в договоре 944 г. сразу же за основными вводными статьями, что указывает на

в место, а в город нельзе бысть въехати» (Срезневский И. И. Чтения о древних русских летописях. — Зап. АН, 1862, т. II, № 4, с. 35).

²⁶⁹ Зимин А. А. Холопы..., с. 21—28

²⁷⁰ ПВЛ, I, с. 43.

²⁷¹ Срезневский, III, стб. 2—4; Черепнин Л. В. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси. — ИЗ, 1956, т. 56, с. 237—239.

большое значение, которое придавалось этому вопросу. Челядин-ном назывался и русский, и византийский зависимый.²⁷²

Челядин мог не только убежать. Его могли украсть (ст. 19-я договора 911 г.). Его продавали, о чем свидетельствует «челядинная цена», которая учитывалась при выкупе пленного (ст. 9-я договора 911 г.) (по А. А. Зимину, «челядинная цена» — это отрабатываемая выкупная цена пленника, и в этом случае она не может свидетельствовать о продаже челяди). Других прямых свидетельств о продаже русскими в X в. челяди нет.

Указанные признаки свидетельствуют о полной зависимости челяди от своего господина. Между тем некоторые данные в текстах договоров позволяют более обстоятельно определить фактическое положение челяди в первой половине X в.

В ст. 12-й договора 911 г. записано: «О том, аще украден будетъ челядинъ рускыи, или ускочить, или по нужи продаи будетъ, и жаловати начнуть Русь, да покажетъ ся таковое от челядина,²⁷³ и да поимуть и в Русь...».²⁷⁴ В понимании этого текста большое значение имеет определение лица, которое «по нужи» продавало челядина, и раскрытие выражения «по нужи».

В первом казусе («аще украден будетъ») подразумеваются 3 лица: челядин, господин и вор. Во втором казусе («или ускочить») определяются отношения 2 лиц: челядина и господина. В третьем казусе неясно, кем продаи «по нужи» челядин — господином или третьим лицом.²⁷⁵ А. А. Зимин, полагая, что здесь идет речь о насильственной продаже, в одном случае предположил продажу челядина русским купцом,²⁷⁶ а в другом — насильственную продажу челядина вследствие того, что «его господин пустил „в торг“ и он наделал каких-то долгов, выплатить которые господин оказался не в состоянии или просто не захотел».²⁷⁷

²⁷² По мнению Н. Лавровского, статья договора 944 г., указывающая на бегство зависимых от византийцев («аще ли кто от людий царства нашего, ли от города нашего, или от инехъ городъ ускочить челядинъ нашъ къ вамъ»), является буквальным переводом с византийского подлинника (Лавровский Н. О византийском элементе... с. 31, 174—175).

²⁷³ Ф. Миклошич и вслед за ним А. А. Шахматов и Д. С. Лихачев исправляют «о челядине» (Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916, т. I, с. 39; ПВЛ, I, с. 28); в Лаврентьевском, Ипатьевском, Радзивилловском и других списках — «от челядина». Поскольку конъектура Миклошича значительно изменяет смысл текста, представляется более правильным следовать за чтением всех списков ПВЛ, как предложил А. А. Зимин (ПРП, I, с. 9).

²⁷⁴ ПВЛ, I, с. 28.

²⁷⁵ Ранее мы полагали, что целью ст. 12-й было удовлетворение византийской стороной жалоб Руси о челяди, и поэтому ограничивали все три казуса отношениями челядина и господина (Свердлов М. Б. Об общественной категории «челядь» в Древней Руси. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 55). Такая интерпретация ограничивала возможности толкования ст. 12-й, и мы признаем справедливым упрек в этом А. А. Зимина. Однако Зимин, подчеркнув, что в первом казусе подразумеваются три лица, не учел, что во втором казусе имеются в виду только челядин и господин (Зимин А. А. Холопы... с. 36, прим. 115).

²⁷⁶ Зимин А. А. Холопы..., с. 36.

²⁷⁷ Там же, с. 37.

В подтверждение последнего мнения А. А. Зимин сослался на В. О. Ключевского, по словам которого «еще в X в. арабские писатели заметили, что русские купцы имели обычай поручать своим рабам ведение торговых дел».²⁷⁸ Поскольку В. О. Ключевский не указал арабских авторов, известия которых он имел в виду (нам такой источник неизвестен), ссылка на это мнение не может подтвердить гипотезу А. А. Зимины, точно так же как и толкование предполагаемых взаимоотношений между челядином и господином, основанное на перенесении в X в. юридических норм об отношениях холопов и господ в ПП 200 лет спустя.

Слово «нужа» в памятниках XI—XII вв. применялось в значениях «нужда, необходимость», «принуждение, насилие», «притеснение» и т. д.²⁷⁹ Поэтому, по формулировке договора 911 г., господин продавал челядина, нарушая его права. Если предположить насильственную продажу челядина третьим лицам, то в этом случае третий казус фиксирует нарушение прав собственности господина. При всех казусах основанием для возвращения челядина была жалоба «Руси», т. е. господина или стоящих за господином или челядином лиц.

Нарушение права собственности на челядина уже упоминалось в первом казусе о краже челядина, поэтому насильственная продажа третьим лицом является лишь вариантом первого случая. В композиции статьи — это неудачный повтор после казуса бегства челядина. Если считать третий казус фиксацией отношений трех лиц, господина, челядина и Руси, которая обжалует такую продажу, то он воспринимается как большая новая тема в отношениях господина и челядина по сравнению со вторым казусом. Поэтому нам представляется, что продажа «по нужи» предусматривает продажу челядина господином насильственно или по нужде, по необходимости. В этом случае складывалось, казалось бы, парадоксальное положение. Русь могла обжаловать такую продажу, и челядин возвращался в Русь. Вместе с тем существовала «челядинная цена», что свидетельствовало о продаже русскими челяди в Византии. По нашему мнению, в этом противоречия нет. Существовала челядь, которую продавали. Но была челядь, которую продавать было нельзя, и в случае ее продажи насильно или по необходимости, если была жалоба со стороны Руси, челядин возвращался на Русь. Объяснение этому явлению мы видим в широком значении термина «челядин», восходящем к родо-племенному обществу. В последнем слова «челядь», «чадь» означали группу людей, свободных родственников и патриархальных рабов, подчиненных главам семей, родов, говоря шире, — свободным мужам (см. выше, с. 21). В начале X в. в состав продаваемой челяди входили несвободные. Но свободных родственников, по разным причинам неравноправных,

---

²⁷⁸ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959, т. VII, с. 359.

²⁷⁹ Срезневский, II, стб. 473—474.

продавать было нельзя. Они находились в службе, обслуживали главу семьи, и тот не имел права их продавать в Византии.

Предполагаемые пережиточные ограниченные формы зависимости объясняются также тем фактом, что ни в праславянский период, ни в раннеклассовом восточнославянском обществе не отмечается существование абсолютной власти главы семьи или рода над подчиненными ему членами. Поэтому становится понятным, почему в случае кражи, бегства и продажи челядина учитываются не только жалобы Руси, но и показание самого челядина («да покажетъ ся таковое от челядина»), т. е. за ним признается право юридического лица. Челядь, которую в начале X в. можно было продавать, — это патриархальные рабы; они были полностью во власти господина, и за ними не стояли семейно-родственные коллективы. Применение термина «челядин» для обозначения различных групп зависимых свидетельствует о его широком значении в X в. Беглых зависимых византийцев также называли «челядью», хотя в Византии X в. существовала развитая система феодальной эксплуатации. Неразвитая терминология, обозначающая зависимое население, нашла адекватное выражение в лексике переводов договоров, которые, возможно, были близки ко времени их заключения.²⁸⁰

Терминология арабских источников начала X в. также позволяет проследить различия в обозначении зависимых у русов. Их многие исследователи называют одним словом — «рабы». Как писал Ибн Русте, «они (русы. — М. С.) отпосыта хорошо к своим рабам».²⁸¹ В этом тексте использовано слово رقيق — раб, т. е. такой раб, которого продавали (ср. تجارة الرقيق — работорговля). Вместе с тем современник Ибн Русте Ибн Фадлан видел в Булгаре, что у русов были бедняки и «невольники». Нам представляется обоснованным такой перевод араб. مملوك — «мамлюк» (букв. «находящийся во владении»). А. П. Ковалевский отметил терминологическое различие в словоупотреблении Ибн Фадланом слова عبد — «раб как таковой», غلام — «отрок», «молодой раб» и مملوك — «невольник», «свободный человек, обращенный в рабство».²⁸² В рассказе Ибн Фадлана наглядно видно различие между богатыми русами, бедными и зависимыми.²⁸³ Под последними, названными Ибн Фадланом «мамлюками», естественно предположить челядинов, которых не продавали как рабов,²⁸⁴ но которые попали в зависимость от своих господ.

²⁸⁰ Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960, с. 118—120.

²⁸¹ Хвольсон Д. А. Известия..., с. 36.

²⁸² Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана..., с. 143, 243, прим. 736, 639.

²⁸³ Там же, с. 143.

²⁸⁴ См. выше, с. 76. Царь булгар в виде пошлины собирал десятого раба رقيق из тех, которых русы везли на продажу (Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана..., с. 141, 233, прим. 653).

Договоры 911 и 944 гг. могут дать некоторое представление и о развитии социальной терминологии зависимого населения на Руси в IX—X вв. В текстах обоих договоров последовательно различаются челядины и «полоняники», статьи о них являются самостоятельными. «Полоняник» захвачен в другой стране, его продают, покупают и выкупают. Челядин бежит от хозяина (может прихватить и его добро), его могут украсть или насильно продать. Русские, «работающе у грек», выкупаются на Русь, если «пленьищи», а не челядь (911 г., ст. 9-я, 12-я, 13-я; 944 г., ст. 4-я, 7-я). Указанные существенные различия свидетельствуют о том, что термины «полоняник» и «челядин» были в X в. неоднозначны. «Полоняник» представлял собой товар для продажи, захваченный на войне. Владение им продолжалось от захвата или купли до продажи. Челядин тесно связан с хозяйством господина. Он — собственность господина и предмет продажи. С другой стороны, есть ограничения в распоряжении судьбой челяди различного происхождения, что является реликтом большесемейных отношений родо-племенного общества. Такого рода зависимость свидетельствует о продолжающихся на Руси процессах имущественной и социальной дифференциации свободного населения, часть которого попадала в состав челяди. Терминологическое различие и различие по существу отмечаются также в том, что при выкупе за «полоняника» дается «челядинная цена». Поэтому, соблюдая терминологическую четкость договоров, не следует называть «полоняников» челядинами, и наоборот, а обе эти категории зависимого населения — рабами или холопами без доказательства идентичности их социального положения. В XI—XII вв. постоянное включение пленников в состав челяди, зависимого от господина населения, привело к тому, что понятие «челядин» перекрыло понятие «полоняник», и в древнерусском языке появилось устойчивое языковое сращение «ополонишася челядью и скотом» — пленники стали называться челядью.²⁸⁵

СТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА НА ЗЕМЛЮ И ПРОЦЕСС КЛАССООБРАЗОВАНИЯ

В результате изучения общественных структур, которые образовались в процессе общественного производства и разделения труда, устанавливаются две социальные системы, основным содержанием которых стала эксплуатация непосредственных производителей: государство и господское хозяйство. Формирование обеих систем основывалось на внеэкономическом принуждении, характерном для раннеклассовых обществ. Однако в отличие от рабовладельческого общества, основанного на эксплуатации класса рабов-иноплеменников, которые становились орудием производ-

²⁸⁵ Свердлов М. Б. Об общественной категории «челядь»..., с. 56—58; Зимин А. А. Холопы..., с. 30—31.

ства, общиной свободных непосредственных или опосредованных (при государственном и храмовом рабовладении) рабовладельцев при сопутствующих формах долгового рабства, запрещенного в развитом рабовладельческом обществе, общественно-экономический строй Древней Руси складывался в результате имманентного разложения племенного строя, которое вело к образованию системы социально-экономической эксплуатации соплеменников от господского хозяйства до государства в целом, что характерно для феодальной общественно-экономической формации. Поэтому в рабовладельческом обществе «община (как государство), с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время она их гарантия».²⁸⁶ При этом форма политической организации — демократия, олигархия или деспотия — не меняет этой сущностной системы отношений. В процессе имманентного генезиса феодализма складывалось классово-сословное общество, политической формой которого была феодальная монархия и иерархическая структура господствующего класса, воспроизводство и обогащение которого происходило в результате эксплуатации в личных хозяйствах и в системе государства через службу сюзерену. Определение имманентного генезиса феодальных производственных отношений, возникших в результате разложения племенного строя, позволяет показать содержание системы отношений собственности в Древнерусском государстве IX—X вв.

Раскрытию содержания феодальной собственности на землю посвящено большое число работ. Их историографический анализ свидетельствует о значительных различиях в ее определении (прежде всего на материалах черного землевладения XIV—XVI вв.): 1) черносошные крестьяне являются полными собственниками земли; 2) собственником земли является феодальное государство, а черные крестьяне — феодально зависимые владельцы земли, имеющие право ее отчуждения; 3) земельная собственность была разделенной между феодальным государством в лице князя и крестьянами-волощанами.²⁸⁷ Сторонники различных точек зрения привлекли многочисленные теоретические и фактические аргументы в их пользу, уточнили формулировки. В решении поставленных вопросов большое значение приобретает определение генезиса феодальной собственности на землю. Следует отметить, что в новейших работах все больше внимания уделяется анализу государственных, а не личностных форм эксплуатации на ранней стадии генезиса феодализма.²⁸⁸ Однако пути

²⁸⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 466.

²⁸⁷ Сverdlov M. B. Генезис феодальной земельной собственности в Древней Руси. — ВИ, 1978, № 8, с. 40—47; Горский А. Д. К вопросу о сущности черного землевладения на Руси в XIV—XV вв. — В кн.: Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979, с. 25—31.

²⁸⁸ Щапов Я. Н. О социально-экономических укладах в Древней Руси XI—первой половины XII в. — В кн.: Актуальные проблемы истории Рос-

формирования раннефеодальной системы собственности на землю определены еще недостаточно ясно.

Анализ письменных источников, археологические и сравнительно-исторические материалы подтверждают наблюдения К. Маркса и Ф. Энгельса о племени как верховном собственнике земли в период родо-племенного строя.²⁸⁹ Эта мысль была развернуто сформулирована К. Марксом: «Итак, *собственность* означает *принадлежность* индивида к *какому-либо племени* (коллективу) (означает иметь в нем основу для своего субъективно-объективного существования), а через посредство отношения этого коллектива к земле... к внешнему первоначальному условию производства (так как земля есть одновременно и сырье, и орудие, и плод) как к неотъемлемой предпосылке его индивидуальности, к способу существования последней. *Мы сводим эту собственность к отношению к условиям производства...* Основное условие собственности, покоящейся на племенном строе (к которому первоначально сводится община) — быть членом племени».²⁹⁰ При таком понимании собственности на землю при племенном строе особое значение приобретает установленный в историографии факт включения в состав Древнерусского государства в IX—X вв. племенных княжений и племенных союзов. Он позволяет глубже понять дальнейшее развитие отношений собственности и племенной социально-политической структуры в период становления государства.

Уже в IX—X вв. Древняя Русь включала в свой состав все восточнославянские племена и ряд балтских и угро-финских племен, представляя собой крупнейшее государство Европы. Восточнославянские племена с более развитой системой хозяйства (хотя и различной по структуре в зависимости от природных условий в лесостепной и лесной зонах), основанной на земледелии, подчинили в этот период и в последующее время народы с разной системой хозяйства (при условном делении): «...прибалтийские земледельческие народы (пруссы, литовцы, латыши, эстонцы, воль, ижора) — на западе; причерноморские кочевые народы, степные скотоводы (печенег, торки, половцы) — на юге; известные своими охотничье-рыболовными промыслами корелы, лопари (саамы), коми, югра (ханты-манси) — на севере; смешан-

---

сии эпохи феодализма. М., 1970, с. 100—104; Каптанов С. М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте. — Там же, с. 194—196; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма, с. 165—166, 322; Łowmiański H. Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego. — Kwartalnik historyczny. Warszawa, 1977, № 1, s. 171; Свердлов М. Б. Генезис..., с. 54—55; Гавлик Л. Вопросы типологии генезиса феодализма в Европе и Передней Азии и славянские народы. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 142; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980, с. 44—45.

²⁸⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 20; т. 21, с. 161, 167; Свердлов М. Б. Генезис..., с. 48—50.

²⁹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 481—482.

ные формы хозяйства наблюдались у народов Поволжья (черемисы-мари, мордва, буртасы, вяда) и Северного Кавказа (косоги-черкесы, ясы-осетины)». ²⁹¹ Эти народы входили в состав единого Древнерусского государства, долго сохраняя свои этнические, социально-экономические и историко-культурные особенности. Различными были темпы политической интеграции, более быстрые у этнически единых восточнославянских племен. При этом экономическая и социально-политическая организация племенного княжения показала значительные возможности быстрого развития в составе единого государства.

Верховная земельная собственность племени становилась прерогативой государственной власти, являясь основанием реального содержания государственной территории в пределах определенных границ, а также суверенного права распоряжения и принуждения. Великими киевскими князьями взимались дани «примученных» племенных княжений в результате политического подчинения. К ним же стали отходить и внутривременные подати, которые перераспределялись среди господствующего класса.

При таком понимании политического подчинения племенных княжений и узурпации верховной собственности племени на землю раннеклассовым государством, как представляется, «окняжения» земли не было.

Мысль об «окняжении волости» восходит к дореволюционной историографии. Содержанием «окняжения», по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, было распоряжение княжескими чиновниками-волостелями общинными угодьями в XV—XVI вв., поскольку «древнейший государственный строй» «покоился на сложившемся органически территориальном мирском самоуправлении», тогда как «власть князя» «отличалась чрезвычайной слабостью и представляла собой, так сказать, надстройку над древними самоуправляющимися общинными союзами». ²⁹²

Советские историки вложили в понятие «окняжение» классовое содержание. По мнению В. В. Мавродина, «процесс окняжения земли» — это «развитие феодального княжеского хозяйства и „устройство“ земли Русской с целью установления регулярных поборов (всех видов) с населения». ²⁹³ Наиболее обстоятельно тезис об «окняжении» земли соседских общин был разработан Л. В. Черепниным. Он выделял два этапа: завоевание новых территорий и «подчинение свободных общинников путем распространения на них суда и дани государственной (княжеской) властью как органом правящего класса». Средствами «окняжения» были строительство крепостей, где селились княжеские дружинники, полюдье, превращение погостов в административно-фискальные округа. Формой эксплуатации была дань, взимаемая с лично свободных крестьян. Процесс «окняжения» территории соседских

²⁹¹ Пашуто В. Т. Особенности структуры. . ., с. 92—93.

²⁹² Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси, с. 256—259.

²⁹³ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства, с. 163.

общин приводил к их феодализации, к созданию фонда земель, которые впоследствии получили «название „черных“, к превращению данн в феодальную ренту». Указывая, что так же шел процесс зарождения и развития феодальных отношений в ряде других стран. Л. В. Черепнин привел мнение Н. Ф. Колесницкого,²⁹⁴ согласно которому «феодализм существовал и в „государственной“ форме, при которой вовсе не обязательны лишение крестьян личной свободы или экспроприация их собственности», «между частновотчинной и государственной формой эксплуатации населения не существовало коренных различий».²⁹⁵ Под влиянием этой обстоятельной разработки термин «окняжение» стал широко использоваться в историографии 70-х гг.

Признавая важность наблюдений Л. В. Черепнина, считаем, что указанные средства «окняжения» были формой распространения сферы действия великокняжеского административно-судебного аппарата. Не «окняжение», предполагающее существование в течение длительного времени значительного массива «неокняженных» земель, а включение племенных княжений в состав территории Древнерусского государства являлось формой установления раннефеодальной эксплуатации непосредственных производителей через систему податей. Мысль об «окняжении» исходит из полной самостоятельности сельских общин, тогда как они ко времени завоевания были лишь частью социально-политической структуры племенного княжения. Поэтому включение племенного княжения в состав Древнерусского государства означало замену племенной верховной собственности на землю государственной, распространение государственного суверенитета на племенную территорию, в связи с чем «внешние» племенные границы становились государственными, а рубежи, отделявшие племенное княжение от Древнерусского государства, ликвидировались. Последующее социально-экономическое и политическое развитие племенных княжений осуществлялось в составе единого государства.

Таким образом, в IX—X вв. происходило становление верховной собственности государства на землю, что выражало систему поземельных социально-экономических отношений господства и подчинения в пределах Древней Руси, которые обеспечивали обогащение и воспроизводство господствующего класса. Другой стороной этого процесса стало превращение неэксплуатируемой земельной собственности лично свободного крестьянина в составе соседской общины в вид феодальной земельной собственности, эксплуатируемой государством посредством системы податей. Видимо, последним обстоятельством, а также растущим феодальным угнетением объясняется процесс внешней и внутренней восточнославянской колонизации в X—XI вв. и позднее, когда лично свободные земледельцы уходили от государственных податей и кня-

²⁹⁴ Колесницкий Н. Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах. — ПИДО. М., 1968, кн. 1, с. 636.

²⁹⁵ Черепнин Л. В. Русь..., с. 149—155.

жеского суда, стремясь к собственности на землю, не связанной с системой феодальных отношений, что было проявлением классового антагонизма в Древней Руси. Однако такая тактика в пределах государственной территории приносила лишь временный успех до приезда данщика или установления княжеского погоста.

Реакция восточнославянских земледельцев на установление верховной собственности государства на землю неизвестна. Возможно, ее острота была притуплена первоначальным длительным периодом внутриплеменных сборов добровольных податей и постепенным распространением государственного административно-судебного аппарата. В более поздних источниках произошедшие изменения осмысления не нашли. Поэтому как пример восприятия установления верховной собственности государства на землю в процессе быстрого политического объединения племен, находившихся на переходной стадии от родо-племенного к раннеклассовому обществу, можно привести сообщения исландских саг о деятельности норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого в первой половине X в. Исландец Снорри Стурлусон сообщает в «Саге о Харальде Прекрасноволосом»: «Всюду, где Харальд устанавливал свою власть, он вводил такой порядок: он присваивал себе все отчины²⁹⁶ и заставлял всех бондов платить ему подать, как богатых, так и бедных. Он сажал в каждой фюльке ярла, который должен был поддерживать закон и порядок и собирать взыски и подати. Ярл должен был брать треть налогов и податей на свое содержание и расходы... Харальд конунг настолько увеличил дани и подати, что у ярлов было теперь больше богатства и власти, чем раньше у конунгов. Когда все это стало известно в Траундхейме, многие знатные люди пришли к конунгу и стали его людьми». В «родовой» исландской «Саге об Эгиле» сообщается: «Конунг Харальд присвоил в каждой фюльке все отчины²⁹⁷ и всю землю, заселенную и незаселенную, а также море и воды. Все бонды должны были стать зависимыми от него держателями земли. Лесорубы и солевары, рыбаки и охотники — все они также были обязаны повиноваться ему. От этого гнета многие бежали из страны, и были тогда заселены многие обширные, еще пустовавшие земли на востоке... так и на западе...». Наконец, в «Саге об Олаве Святом» содержится аналогичное сообщение о том, что Харальд Прекрасноволосый «полностью присваивал всю землю и весь одаль, как населенные земли, так и пастбища, острова в море, леса и пустующие земли, а всех бондов превратил в своих арендаторов и поселенцев».²⁹⁸

²⁹⁶ Вероятно, перевод понятия «одадь» как «отчина» наиболее близок по смыслу; по мнению А. Я. Гуревича, одадь — земельная собственность большой семьи, что сужает, как представляется, понятие «одадь» (Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977, с. 42—81).

²⁹⁷ В переводе С. С. Масловой-Лошанской для понятия «одадь» использовано более неопределенное понятие «наследственные владения».

²⁹⁸ Снорри Стурлусон. Круг земной/ Отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980, с. 44; Исландские саги/ Под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956, с. 68; Гуревич А. Я. Свободное крестьянство..., с. 93—94.

А. Я. Гуревич отметил, что концепция о конунге как собственнике всей земли сложилась постепенно. Также постепенно, на протяжении IX—X вв., формировалась система податей и повинностей.²⁹⁹ Однако важно подчеркнуть, что в сознании древних норвежцев верховная собственность государства (персонифицированного в короле) на землю связывалась с политической централизацией, установлением государственного аппарата, взиманием регулярных податей и повинностей. Причем верховная собственность короля распространялась в равной мере на всю территорию государства: населенные и ненаселенные земли, пастбища и леса, острова, моря и реки, хотя в сагах не говорилось о прямом отнятии земли у бондов. Важно отметить также социальные последствия верховной государственной собственности на землю, которые упомянуты в сагах: 1) королевские ярлы обладали большим богатством и властью, чем племенная знать, что привлекало последнюю на службу короля (и способствовало ее интеграции со служилой знатью); 2) королевской власти в равной мере подчинялись все группы непосредственных производителей (что объясняется единой системой земельной собственности, отражающей новые общественные отношения в процессе производства); 3) началась активная внешняя (и, вероятно, внутренняя) колонизация на континенте и островах. Таково было народное понимание «общественного переворота», который произошел в Норвегии при переходе от родо-племенного строя к раннефеодальному вне синтеза с элементами разлагающегося рабовладельческого способа производства. В Норвегии свободные крестьяне-бонды на протяжении всей ее истории являлись основными непосредственными производителями в сельском хозяйстве, крепостнические отношения не сложились, в системе государства феодальная эксплуатация лично свободных осуществлялась посредством податей, а в господском хозяйстве непосредственные производители подвергались различным формам экономического и внеэкономического принуждения. Таким образом, древнорвежские материалы подтверждают, по нашему мнению, предложенное выше понимание процесса становления верховной собственности государства на землю в синхростадиальный период перехода от родо-племенного строя к раннефеодальным отношениям.³⁰⁰

---

²⁹⁹ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство..., с. 107—108.

³⁰⁰ И. Я. Фроянов возражает против ошибочно отождествляемых им мнений об «окняжении земли», «установлении верховной феодальной собственности на землю», «верховой княжеской собственности» (Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь (1), с. 9; 2) Киевская Русь (2), с. 50), не предлагая собственного определения отношений земельной собственности на Руси X—XIII вв., но повторяя вслед за К. Д. Кавелиным и другими авторами, что «верховная собственность князя на территорию управляемой им волости немыслима в условиях постоянного перемещения князей на Русь, замечаемого на протяжении второй половины XI—XII столетия» (Киевская Русь (2), с. 50). Это высказывание не отвечает на вопрос о верховной собственности князя в X—первой половине XI в., до «постоянного перемещения князей», абсолютизирует эти «перемещения», ошибочно сводит

Установление верховной собственности государства на землю — основное средство производства и «всеобщий предмет человеческого труда»³⁰¹ имело решающее значение в процессе классового образования в Древней Руси. Она определила социально-экономическое положение крестьянства (в широком смысле) как совокупности мелких производителей в сельском хозяйстве,³⁰² как единого класса общества вне зависимости от различия хозяйственных систем, земледельческой (при разной степени развития земледелия), охотничье-промысловой, скотоводческой и смешанных, сложившихся в соответствии с природными условиями, в которые попадали разные этнические группы. Согласно классическому определению В. И. Ленина, «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».³⁰³ Исходя из такого определения класса, следует констатировать, что социальная

верховную собственность государства на землю к собственности князя. И. Я. Фроянов не принял во внимание, что совокупность производственных отношений «составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка...» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6—7). Государство осуществляло внешние и внутренние функции на всей своей территории. Поэтому в периоды единого Древнерусского государства и феодальной раздробленности «перемещения» князей не имели никаких социально-экономических последствий, поскольку князья становились во главе сложившихся социально-экономических и социально-политических систем. Так что изменения происходили лишь персональные — в смене князей, посадников, данщиков и т. д. Не князья создавали феодальную систему собственности и общественных отношений, а феодальная система собственности и общественных отношений создавала князей. Поэтому в любом князе лишь персонафицировалось право верховной собственности феодального государства на землю. В данной связи важны наблюдения В. Л. Янина об особенностях развития княжеской власти и отношений земельной собственности в Новгороде, где в X—XI вв. основой богатства местной знати являлись «государственная, корпоративная феодальная собственность на всю территорию Новгородской земли», а также «участие местных бояр в эту эпоху в распределении государственной ренты». Это участие выражалось в боярском, а не княжеском контроле за податными и судебными доходами и в их сборе. «Своеобразными наследственными кормлениями» при этом становились погосты. С образованием в начале XII в. обширных боярских вотчин, по мнению В. Л. Янина, князья и их администрация «не смогли достаточно внедриться в систему землевладения, чем и была предопределена победа боярства» (Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Л., 1982, вып. 1 (11), с. 90—91).

³⁰¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

³⁰² Крестьянство. — СИЭ. М., 1965, т. 8, стб. 122—123.

³⁰³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

группа — крестьянство, — занятая в сельском хозяйстве, при образовании верховной собственности государства на землю оказалась в одинаковом отношении к основному средству производства — земле (с пашнями, лугами, пожнями, тонями, лесами). В общественной организации труда формирующееся в IX—X вв. крестьянство было самым значительным эксплуатируемым классом. Возможности роста его эксплуатации феодалами с помощью системы государственных податей и повинностей и в господском хозяйстве были безгранично велики. Поэтому, являясь самой большой социальной группой непосредственных производителей, крестьянство обладало в процессе развития феодальных отношений все меньшей долей общественного богатства и все более обогащало класс феодалов в результате развивающейся системы внеэкономического и экономического принуждения. С другой стороны, верховная собственность на землю, способствуя консолидации господствующего класса, не занятого в процессе материального производства, стала основой феодальной государственной эксплуатации непосредственных производителей через систему податей и повинностей, впр и продаж, взимающих часть прибавочного труда при расширенном воспроизводстве или необходимого труда при простом воспроизводстве. Эта форма эксплуатации осуществляла воспроизводство и обогащение служилой части господствующего класса, в которую входила часть владельцев господских хозяйств. Такую систему перераспределения государственных податей среди господствующего класса К. Маркс назвал «вассалитет без ленов или лены, состоящие только из даней».³⁰⁴ Эксплуатация государством лично свободного крестьянства характерна для раннефеодальных общественных отношений и в странах Западной Европы,³⁰⁵ что позволяет определить вобщности этого вида раннеклассовых отношений в процессе генезиса феодализма. Поэтому представляется верным указание на то, что верховная собственность государства на землю является определяющей чертой раннего феодализма, и как следствие этого государственные подати имели феодальный классовый характер, а система государственного управления была средством осуществления господствующим классом внеэкономического принуждения лично свободных непосредственных производителей.³⁰⁶

---

³⁰⁴ *Marx K.* Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, p. 76.

³⁰⁵ *Колесницкий Н. Ф.* К вопросу... — О взаимопроникновении сеньориальных и государственных элементов в системе феодальных отношений см.: *Бессмертный Ю. Л.* Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма. — В кн.: Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов-на-Дону, 1978.

³⁰⁶ *Щапов Я. Н.* О социально-экономических укладах..., с. 100—104; *Каштанов С. М.* Феодальный иммунитет..., с. 194—196; *Черепнин Л. В.* Русь..., с. 165—166; *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция..., с. 43—45.

В IX—X вв. происходил также процесс образования господской земельной собственности, которая была экономической основой эксплуатации зависимого населения в вотчине. В отличие от Западной Европы, где уже на ранней стадии генезиса феодализма существовала крупная земельная собственность вследствие романо-германского синтеза общественных отношений (крупное римское землевладение, королевский домен и церковное землевладение),³⁰⁷ в Древней Руси господское хозяйство начиналось с небольших вотчин: дворов — центров хозяйственной деятельности у служилой и племенной знати и, возможно, сел. Вероятно, боярам передавались леса с ловищами, перевесищами и бортями. К X в. относится сложение княжеского домена, в который входили «города» — укрепленные центры, «места» — открытые поселения, села, леса и угодья для охоты и рыбной ловли.

Система производственных отношений в Древней Руси — крупнейшем государстве Европы, сложившемся в IX—X вв., — определила социально-политическую структуру страны. Великий киевский князь, в котором персонифицировалось право верховной собственности государства на землю, стал главой государства с высшим объемом политических и юридических прав, выразителем функций государственного суверенитета.³⁰⁸ Служба князю создавала привилегированное положение старшей дружины — княжих мужей и бояр и младших рядовых дружинников. Дружина являлась частью господствующего класса, включавшего также местную знать — бояр. В то же время дружина, входившая в систему административно-судебного управления, не охватывала всего формирующегося государственного аппарата. На содержание дружины расходовалась дань от завоеванных земель, доходы от вир и продаж, а также подати от отдельных территорий русского государства. Таким образом, в IX—X вв. складывалась иерархическая система служилых князю людей, материальное положение которых обеспечивалось денежными поступлениями, а не передачей земель в вотчинное владение. Система социального гос-

---

³⁰⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 498. 499.

³⁰⁸ Верховная государственная собственность на землю могла осуществляться и боярской олигархией (как в Новгородской земле), которая перераспределяла земельный фонд в вотчинные владения (Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981). Впрочем, по нашему мнению, генезис «корпоративной собственности веча» на землю и формы ее реализации изучены еще недостаточно: отсутствует объяснение генезиса княжеского домена в новгородских условиях («выбор территории домена» не раскрывает социально-экономических причин его появления), образование вотчинной системы отнесено лишь к XII—XIII вв., что объясняется значительным в это время числом княжеских булл и распространением посадничьих печатей, возможно, скреплявших поземельные акты, но без учета словесно-обрядовой процедуры при поземельных сделках, и, вероятно, малой распространенности печатей для скрепления актов в XI в. Вместе с тем показанные В. Л. Яниным клановое боярское городское землевладение и денежные операции как источник роста вотчинного землевладения позволяют установить различные пути генезиса сложной феодальной системы землевладения в Новгородской земле (там же, с. 241—283).

подства и подчинения осуществлялась не только в пределах государства в целом, но и в хозяйствах князей, знати и дружинников посредством эксплуатации зависимого населения. Различные положения в системе общественного производства создало определяющие предпосылки для процесса классовообразования и социально-юридического его выражения в раннефеодальном обществе — процесса образования сословий, который выразился в трехчленном делении общества: князья и боярство, лично свободные непосредственные производители, в различной степени социально и экономически зависимые, объединенные понятием «челядь».

Анализ общественных отношений на Руси IX—X вв. не только позволяет установить социальную структуру, совершенно отличную от той, что сложилась на стадии разложения родо-племенного строя, но и проследить основные направления генезиса раннефеодального классового общества: сложение иерархической социальной верхушки, руководящей системой государственного управления, эксплуатация ею свободного населения в пределах всего государства и зависимых, своих соплеменников и пленных, в господских дворах, превращение лично свободного крестьянства в податное сословие, отстраненное от государственного управления. Устанавливаются основные черты, характерные для раннефеодальных обществ, восходящие генетически к разлагающемуся родо-племенному строю, распад которого был ускорен политическим объединением восточнославянских и неславянских территорий. При этом в результате происходивших социально-политических ограничений ранее полноправных членов племени понятие «свобода» стало приобретать, по словам А. И. Неусыхина, негативное значение — «отсутствие известных форм личной и материальной зависимости того или иного лица от собственника-землеладельца».³⁰⁹ Идеологическое оформление социальные процессы нашли в официальном принятии христианства — религии феодального общества — в 988 г., хотя первая серьезная попытка официального крещения Руси была предпринята великой княгиней Ольгой уже в середине X в. Появление церкви — корпоративного феодала — вело к немедленному установлению десятины — ренты, которая существовала на протяжении всего средневековья,³¹⁰ а позднее — к церковному землевладению. Раннефеодальные отношения, рост эксплуатации непосредственных производителей в системе государства и в господском хозяйстве привели к первым социальным конфликтам в конце X—начале XI в., что отразилось в предании о замене Владимиром вир казнью разбойников («и умножишася зело разбоеве»)³¹¹ и в сообщении хрониста Титмара Мерзебургского о «беглых сервах», под которыми в Герма-

³⁰⁹ Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, с. 33.

³¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 350.

³¹¹ ПВЛ, I, с. 86—87.

нии X—XI вв. понимались беглые феодально зависимые люди.³¹² Развитие восточнославянского общества в IX—X вв. достигло такого уровня, когда государство должно было «держат в узде противоположность классов». Ф. Энгельс писал: «...так как оно... возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса».³¹³ Именно поэтому Русь IX—X вв. была не эфемерным варварским государством — объединением племен, подчиненных силой, а устойчивой этнической и социальной основой, на которой продолжалось развитие феодального Древнерусского государства. Основными чертами такого государства уже в X в. были: 1) территориальное деление не по племенам, а по погостам и городам с волостями; 2) учреждение публичной власти в виде княжеской династии, аппарата княжеского административно-судебного управления, в который входила служилая часть господствующего класса, при ликвидации веча — органа племенного самоуправления; 3) формирование регулярно взимаемой фиксируемой системы налогов (она включала в себя, вероятно, поземельное обложение), социальной функцией которой стала эксплуатация лично свободных непосредственных производителей.

---

³¹² Thietmari chronicon, VIII, 32; *Свердлов М. Б.* Відомості про Київ у хроніці Тітмара Мерзебурзького. — УІЖ, 1971, № 8.

³¹³ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 171.

ОБЩИНА И СЕМЬЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Анализ социальной структуры Древнерусского государства показывает ее раннефеодальный характер. Основным содержанием ее стали растущие межклассовые отношения. С развитием классового общества изменилась также природа внутриклассовых отношений, семьи и общины. Их изучение позволяет глубже понять содержание социальной структуры Руси IX—X вв. и предпосылки ее последующего развития.

В дореволюционной историографии отмечается как полное игнорирование изучения семьи и общины, так и преувеличение родовых, семейных и общинных связей в древнерусском обществе сторонниками «родовой» (И. Ф. Г. Эверс, А. Рейц, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев и др.) и «общинной» (И. Д. Беляев и др.) теории (модификацией последней можно считать «задружную» теорию Ф. И. Леонтовича). Вместе с тем дореволюционными исследователями (впрочем, формально-юридическими сторонниками «государственной школы») были поставлены вопросы о влиянии государства на общину, об изучении общины с помощью сравнительно-исторического метода (М. М. Ковалевский, Ф. И. Леонтович), об описании больших неразделенных семей, печниц и двориц.¹ Однако уже в домарксистский период развития историографии стало очевидно, что неопределенность научных категорий, «догматический» схематизм поисков в роде и общине «основного начала» древнерусской истории² не позволили представителям различных школ определить характер древнерусской общины и семьи. В работах советских историков-марксистов их изучение было продолжено с принципиально иных методологических позиций — они рассматривались как формы общественно-хозяйственных организаций, которые изменялись под влиянием развивающихся производительных сил и всей совокупности общественных отношений в системе определенных социально-экономических формаций. Од-

¹ Дореволюционную библиографию и историографию общины и семьи см.: Якушкин Е. И. Обычное право. Ярославль, 1875, вып. 1, 2; М., 1908, вып. 3, 4; Максимов А. Н. Что сделано по истории семьи. М., 1901; Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963; Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966, с. 287—292, 409—410 и сл.; Лаптин П. Ф. Община в русской историографии последней трети XIX—начала XX в. Киев, 1971.

² Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938, т. I, с. 55.

нако при верности исходных методологических позиций конкретное определение развития древнерусской общины и семьи оказалось в значительной мере различным.

Б. Д. Греков отметил, что древнейшие известия ПВЛ свидетельствуют о существовании в VIII—IX вв. больших патриархальных семей — «родов», которые в X—XI вв. распались, в результате чего объединенными сельских жителей стали соседские общины. Решающими показателями в определении соседского характера общины, состоявшей в основном из малых семей, по мнению Б. Д. Грекова, были малые дома, система правоотношений, виды налогов.³ В связи с этим Б. Д. Греков пришел к важному выводу, согласно которому основное значение наблюдений Ф. Энгельса о древнерусской верви заключается не в идентификации большой семьи и верви (как считал М. М. Ковалевский), а в определении «наличия больших семей в России уже в глубокой древности, о связи их с сельской общиной и о месте большой семьи в эволюции семьи от матриархальной к индивидуальной».⁴

Основные результаты исследований Б. Д. Грекова древнерусской общины и семьи были широко поддержаны и развиты, хотя и с определенными различиями, в последующей историографии.⁵ Другие исследователи обращали большее внимание на возможности изучения большесемейных общин, придя к выводу о складывании на Руси верви — задруги⁶ или к характеристике верви как промежуточной стадии между семейной и территориальной общиной.⁷

³ Греков Б. Д. 1) Киевская Русь. М., 1953, с. 73—96, 547—560; 2) Полпца. М., 1951.

⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 551. — Анализ взглядов Маркса, Энгельса, Ленина на историю общины см.: Александров В. А. Сельская община в России (XVII—начало XIX в.). М., 1976, с. 25—38.

⁵ Правда Русская. Учеб. пособие. М.; Л., 1940, с. 48; Романов Б. А. Люди и нравы. Л., 1947, с. 251—279; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 88; Черепнин Л. В. 1) Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси. — ИЗ, 1956, т. 56, с. 236; 2) Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Г., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 155—157; Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.; Л., 1963, с. 74—82; Шапов Я. Н. 1) Брак и семья в Древней Руси. — ВИ, 1970, № 10; 2) Большая и малая семья на Руси в VIII—XIII вв. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

⁶ Юшков С. В. 1) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 8—12; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 117—120; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 120—124.

⁷ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 26. — См. также аналогичное, но эклектически соединившее противоположные выводы мнение В. И. Горемыкиной: 1) К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970, с. 25—45; 2) Об общинном и индивидуальном хозяйстве в Древней Руси. — ИСССР, 1973, № 5. — Наиболее существенные недостатки работ В. И. Горемыкиной по этому вопросу отмечены Ю. А. Кизиловым: Спорные вопросы истории древнерусского феодализма. — Там же.

При изучении типологии общины, в частности древнерусской, существенное значение имеют этнографические исследования. М. О. Косвен предложил считать как форму развития общины патронимию. По его определению, «патронимия — историческая общественная форма, *свойственная патриархально-родовому строю*. Она представляет собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование (курсив наш. — М. С.)».⁸ Впрочем, источники не позволили М. О. Косвену дать «прямой и решающий» ответ на вопрос о верви на Руси как патронимии.⁹ Несмотря на существенные недостатки понятия и термина «патронимия»,¹⁰ оно стало широко использоваться в последующей историкографии прежде всего как обозначение семейного и хозяйственного единства малых семей, хотя признаки патронимии в древнерусских материалах не прослеживаются.¹¹ В результате значительно усложнившегося этнографического анализа исследователи приходят к новым определениям форм перехода от рода или первобытной общины к соседской не только традиционно через семейную общину, но и через первобытную соседскую общину¹² или «пракрестьянскую и крестьянскую общину», в которых определяющее значение имеют хозяйственные ячейки — дворы.¹³ Это создает более благоприятные условия для выяснения генезиса парцеллы как господствующей формы организации крестьянского хозяйства — одной из

---

⁸ Косвен М. О. Семейная община... с. 97—98.

⁹ Там же, с. 112—118, 133—167.

¹⁰ Крюков М. В. О соотношении родовой и патронимической клановой организации. — СЭ, 1967, № 6, с. 87—88; Бутинов Н. А. Община, семья, род. — Там же, 1968, № 2, с. 93.

¹¹ Рапов Ю. М. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? — СЭ, 1969, № 3. — Термин «патронимия» использован недавно В. Л. Яниным и Б. А. Колчиным для обозначения «родового земельного владения, организующего в пределах своей компактной территории разнообразное по сословной принадлежности население, которое делится на собственно семью, находящуюся в привилегированном положении, и зависимых от нее людей» (Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы Новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 37), т. е. для обозначения социально-экономических отношений в феодальном обществе, далеких от этнографических характеристик ячейки «патриархально-родового строя».

¹² Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972; Хазанов А. М. Община в разлагающихся первобытных обществах и ее исторические судьбы. — ВДИ, 1975, № 4.

¹³ Семенов Ю. И. 1) Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. — В кн.: Становление классов и государства. М., 1976; 2) О стадильной типологии общины. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

предпосылок отношений эксплуатации в сельском хозяйстве до-капиталистических обществ.¹⁴

В связи с недостаточной этнографической разработанностью форм перехода от рода к соседской общине, что ограничивает возможности использования немногочисленных лингвистических и письменных исторических источников, важнейшее значение для изучения темы приобретают археологические материалы. Площадь славянских поселений VI—VII вв. (культура пражского типа) невелика, обычно не более 1 га. Жилищ на поселениях — 20—30, но на полностью раскопанных селищах около с. Корчак обнаружено 7, 12, 16 жилищ. Они были разновременны, за исключением 5—6 жилищ. Тонкий культурный слой свидетельствует о непродолжительности поселений (от одного-двух до нескольких десятилетий). Небольшие прямоугольные жилища (от 8—10 до 18—20 кв. м), одинаковые по конструкции, находились в непосредственной близости друг от друга. Между жилищами располагались небольшие хозяйственные ямы. Скопление хозяйственных сооружений занимало отдельный участок. Эти материалы позволили И. П. Русановой считать, что небольшие поселки представляли собой большесемейные общины, состоящие из парных семей.¹⁵ Аналогичный вывод сделан по материалам Подесенья середины и третьей четверти I тыс. Е. А. Горюнов также отметил на поселениях скученное расположение ям-погребов без достоверной связи с определенными жилищами, хотя встречаются хозяйственные ямы, несомненно относящиеся к жилищам, но по размерам меньшие, чем обычные ямы-погребов.¹⁶ Поселки XI—XII вв. расположены небольшими гнездами (от 2—3 до 14 поселений), поэтому И. П. Русанова предположила, что начался распад большой семейной общины и стали образовываться патронимии (Е. А. Горюнов объяснил «гнезда» селищ не столько переходом от родовых к территориальным связям, сколько необходимостью частых переселений при подсечном земледелии).¹⁷ Отсутствие главных домов, а также признаков коллективного владения орудиями, которые выразились бы в их концентрации на поселениях, не позволяет согласиться с характеристикой таких семейных коллективов как этнографически описанных патронимий, хотя и имелись тенденции роста хозяйственной самостоятельности выделившихся новых семей. Существование большесемейных общин в VI—VII вв. исследователи обоснованно объясняют уровнем развития производительных сил, когда при подсечной системе земледелия и архаичности пахотных орудий требовались

¹⁴ Данилов В. П., Данилова Л. В., Растяжников В. Г. Основные этапы развития крестьянского хозяйства. — В кн.: Аграрные структуры стран Востока. М., 1977, с. 7—10.

¹⁵ Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 44. 48—49.

¹⁶ Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981, с. 25—26, 34—35.

¹⁷ Русанова И. П. Славянские древности..., с. 49; Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян..., с. 12—15.

усилия больших коллективов.¹⁸ Однако в связи с тем, что неизвестны система производства и распределения продуктов, формы взаимопомощи малых семей в процессе производства, характеристика общин только как большесемейных представляется ограниченной. Отдельно расположенные жилища (на расстоянии 12—24 м) у славян уже в V в. в районах, близких с областью развитой черняховской культуры,¹⁹ и на славянских селищах VI—VII вв. — между Прутом и Днепром (на расстоянии 10—15 и 20—24 м) наряду с кучным расположением²⁰ говорят о хозяйственной автономности малых семей.

Из этого факта следуют важные для трактовки историко-этнографических материалов выводы. Как показывают этнографические исследования, «поскольку поздний род был явлением преимущественно надстроечного порядка, основное экономическое значение имели первобытные соседские община и большая семья, в которых на разных таксонометрических уровнях шло вызревание частнособственнических начал позднейших классовых обществ».²¹ Исходя из этого наблюдения, а также археологического материала, под «родами» древнейшего слоя преданий ПВЛ,²² относимого к VI—VII вв., следует понимать объединения «первобытных соседских общин». Коллективное производство и потребление продуктов определяли права большесемейных общин на занимаемую землю — часть племенной территории. Как писал Энгельс, в период первого крупного общественного разделения труда у пастушеских и земледельческих племен «обрабатываемая земля оставалась еще собственностью племени и передавалась в пользование сначала роду, позднее самим родом — домашним общинам, наконец, отдельным лицам; они могли иметь на нее известные права владения, но не больше».²³ В связи с существованием большесемейных общин как единых семейно-хозяйственных коллективов на данной стадии общественного развития можно предположить, что как юридическое лицо она была коллективным ответчиком на суде, а ее члены имели право мести, реликты чего отразились в ст. 1-й КП (см. ниже, с. 102—103).

С развитием сельскохозяйственных орудий (распространение железных напильников, улучшение конструкции серпов и т. д.), ремесел и промыслов производственные возможности малой семьи

---

¹⁸ Русанова И. П. Славянские древности..., с. 50; Горюнов Е. А. К истории Днепровского Левобережья в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 10.

¹⁹ Терпиловский Р. В. Население Нижнего и Среднего Подесенья III—V вв. Автореф. канд. дис. Киев, 1980, с. 7.

²⁰ Березовец Д. Т. Поселение улличей на р. Тясмине. — В кн.: Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА, 1963, № 108, с. 155; Рафалович П. А. Славяне VI—IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972, с. 49; Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974, с. 87.

²¹ Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории, с. 31.

²² ПВЛ, I, с. 12.

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 161.

значительно возросли, что привело к росту ее экономической самостоятельности, распаду хозяйственных связей больших семей и образованию соседских общин.²⁴ Произошедшие изменения отразились на характере поселений. Появились поселки, занимающие несколько гектаров, с параллельным расположением домов, окруженных хозяйственными сооружениями, что превращало их в отдельные усадьбы. Иногда встречались на поселениях «гнезда» домов, являвшиеся, по предположению И. П. Русановой, «наследием семейной общины и патронимии».²⁵ Впрочем, как отметил И. И. Ляпушкин, «гнездовое» расположение жилищ при осевой планировке поселений, определяемой формой пойменных останцов, наблюдается лишь на их повышенных местах, что объясняется предосторожностями против половодий. На останцах с ровным рельефом такой планировки не прослеживается. При скученном расположении на городищах дома, окруженные ямами-погребам, занимали серединную часть без определенной планировки, тогда как постройки хозяйственного и производственного назначения были вынесены на край поселения. Небольшая площадь домов (10—20 кв. м), находимый в них хозяйственный инвентарь, ограниченные запасы продовольствия говорят о том, что эти дома могли принадлежать, по убедительному мнению И. И. Ляпушкина, лишь малым семьям, ведущим индивидуальное хозяйство, что при отсутствии следов коллективного производства свидетельствует о складывании в VIII—IX вв. соседских общин.²⁶

В VIII—IX вв. с образованием племенных княжений и племенных союзов происходил процесс складывания соседской общины — марки. А. И. Неусыхин предположил, что промежуточной формой общины была земледельческая, для которой характерны верховная собственность общины на всю землю, прекращение вмешательства общины в распределение права пользования землей и в производство отдельных домохозяйств при переделах, а после их прекращения закрепление за домохозяйствами права пользования определенными земельными участками при сохранении за общиной неподеленных угодий. Для земельной общины характерно двухполье как система сельского хозяйства и система общинной чересполосицы в конах. Каждое домохозяйство представляло собой большую семью, состоящую из трех поколе-

---

²⁴ Об экономике восточных славян VIII—начала X в. см.: *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, 1968, № 152.

²⁵ *Русанова И. П.* Славянские древности... с. 49—50. — Подобное объяснение комплексов жилищ встречается уже давно (*Федоров Г. Б.* Посад Екимовского поселения. — В кн.: *Культура Древней Руси*. М., 1964, с. 272—273).

²⁶ *Ляпушкин И. И.* 1) Городище Новотроицкое. МИА, 1958, № 74, с. 224—225; 2) Славяне Восточной Европы, с. 132—133, 166. — Вероятно, дополнительные возможности для изучения истории семьи содержит погребальная обрядность, однако при недостаточной изученности погребальных комплексов VI—IX вв. и спорности этнического определения некоторых их видов делать выводы на таком основании преждевременно.

ний: супругов, их жепатых сыновей и детей этих последних. Земельный аллод предусматривал ограниченное право наследования пахотного надела в пределах большой семьи. Дальнейшее развитие шло по пути образования соседской общины, состоявшей из малых семей, развития трехполья и превращение аллода в отчуждаемую собственность малой семьи.²⁷

Материалы VIII—X вв. не позволяют охарактеризовать восточнославянскую общину как земледельческую. Как отмечено выше, основными видами земледелия в это время стало двухполье и трехполье. По характеру жилищ и их групп нельзя проследить существование больших семей из трех поколений как семейно-хозяйственных коллективов, хотя отрицать существование родственных связей их обитателей нельзя. О формах распределения общинной земли данных нет, но можно установить хозяйственную самостоятельность малых семей. Формы наследования, фиксируемые уже в русско-византийском договоре 911 г., свидетельствуют о свободном распоряжении наследством («кому будет писал наследите именье его, да наследит е»). Если «работающий» умирал в Византии, не оставив завещания, и «своих» у него там не было, то «имение» следовало вернуть на Русь «малым ближикам», т. е. близким кровным родственникам, вероятно братьям, сыновьям, дочерям,²⁸ а не «роду» или большой семье, единому семейно-хозяйственному коллективу, что указывает на распад архаических большесемейных связей. В пользу существования хозяйственно и юридически самостоятельных малых семей свидетельствует также уплата дани восточнославянскими племенами в IX—X вв. от «дыма», который по археологическим материалам отождествляется с «домом». Причем никаких оснований для предположения абстракции «дыма» как объединения нескольких домов с печами или как главного дома с печью, обслуживавшего несколько жилищ без печей (как в задруге), археологические материалы не дают.²⁹ Таким образом, по материалам VIII—X вв.

²⁷ *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, с. 10—13. — Мысль о земледельческой общине как определенном этапе развития общины была поддержана В. В. Дорошенко (*Дорошенко В. В., Янелъ З. К.* Заметки о новой литературе по истории феодальной России. — ИСССР, 1968, № 5, с. 152).

²⁸ ПВЛ, I, с. 28; Срезневский, I, стб. 113; ср.: *Беляев И.* О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича. М., 1858, с. 10—11.

²⁹ *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. Л., 1975, с. 17—49, 116—121, 161—163. — Булгары на Волге, жившие в сходных со славянами природных условиях, в начале X в. царю ежегодно платили по шкурке от каждого дома; такой же была дань булгар хазарскому кагану (*Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 136). Приведенные Г. В. Абрамовичем материалы XIII—XVI вв. для определения тождества понятий «дым» и «большая семья» этого тезиса, по нашему мнению, не подтверждают (*Абрамович Г. В.* К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм. — ИСССР, 1981, № 2, с. 61—63). Ср. приведенные нами материалы, а для XVI—XVII вв. см.:

можно сделать вывод об ослаблении под влиянием развивающихся производительных сил семейно-экономических связей «первобытной соседской общины и патриархальной большой семьи»³⁰ и о процессе формирования соседской территориальной общины — элемента классового общества.

Археологически сельские поселения XI—XIII вв. изучены еще недостаточно. Все же предварительные исследования позволяют установить, что площадь сельских населенных пунктов в лесной зоне в этот период колебалась от 1250 до 60 000 кв. м, поселения более 2 га составляли меньшинство, причем в земле вятичей и в Смоленской земле отмечается мельчание сел в XII—XIII вв. (до 0.5—1.5 га³¹), что, вероятно, можно расценить как проявление их малодворности и дальнейшего роста хозяйственной самостоятельности малых семей в составе общины.

Характер семейных и общинных связей раскрывается и по письменным источникам. В русских нарративных и юридических памятниках XI—XIII вв. семьи представителей разных классов и групп общества упоминаются неоднократно. Наиболее часто в летописях сообщается о семьях князей и бояр, что объясняется происхождением и идейной направленностью этих памятников. Их известия свидетельствуют о малом, индивидуальном типе княжеских и боярских семей. Такого же рода сведения и о семьях простых горожан.³²

Сведения о составе семьи свободных земледельцев и зависимых категорий населения встречаются очень редко, но отдельные указания есть. Летописец приводит следующие слова Владимира Мономаха (под 1103 г.): «...оже начнет смердъ орати и половчинъ приеха вдарить смерда стрелою, а кобылу его поиметь, а в село въехавъ, поиметь жену его и дети и все именье его возметь, то лошади его жалуешь, а самому чему не жалуешь».³³ На такой же состав семьи свободного «людина» — общинника указывает ст. 7-я ПП: «Будеть ли стал на разбой без всякоя свады, то за разбойника люди не платять, но выдать и всего с женою и с детми на поток и на разграбление». Аналогичен состав семьи лично зависимых холопов: «Аже холоп крадеть кого любо, то господину выкупати и любо выдати и, с кимъ будеть крал, а жене и детям не надобе; но уже будуть с нимъ крали и хоронили, то всех выдати» (ст. 121-я ПП). Таким образом, на Руси XI—XII вв. в различных классах, у феодалов (князей и бояр), сво-

---

Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма. — ИСССР, 1981, № 3.

³⁰ Возможно, ее формой была патриархальная братская семья (Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 202—210).

³¹ Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения Древней Руси. — Тр. ГИМ, 1956, вып. 32, с. 15—18; Никольская Т. Н. 1) Сельские поселения земли вятичей. — КСИА, 1977, вып. 150, с. 7; 2) Земля вятичей. М., 1981, с. 42—65; Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, 1960, № 92, с. 22—23, 25.

³² НПЛ, с. 206, 209, 227, 263, 277, 280, 324; ПСРЛ, II, стб. 45, 334.

³³ ПСРЛ, II, стб. 252—253.

бодных (горожан и земледельцев) и несвободных (холопов), источники отмечают лишь малые семьи.

Поскольку терминология кровного родства и свойства в классовом обществе не отражает социально-экономические формы существования семейного коллектива, основным критерием в установлении его типа, а также верви является определение имущественных отношений, которые зависят от характера собственности и юридического статуса семьи. Ценнейшим источником для изучения типов восточнославянской семьи в XI—XIII вв. как семейно-хозяйственных коллективов является Русская Правда. В качестве юридических лиц она указывает индивидуумов — господина (иногда более определенно — князя, боярина), простого свободного (купца, смерда, «людина» или обозначаемого просто «кто»), зависимых, а также коллективного субъекта права — вервь.

В нормах Русской Правды, относящихся к гражданскому и процессуальному праву, истец и ответчик выступают без участия родственников, больших и малых семейных коллективов с обеих сторон. В статьях КП и ПП об оскорблениях, травмах, нарушениях собственности последовательно проводится принцип индивидуальной ответственности, а не большесемейной и родовой и возмещения одному лицу (ст. 2—7-я и сл. КП; ст. 8-я, 20-я, 21-я и сл. ПП; о праве мести в ст. 1-й КП и ПП см. ниже). Только в двух случаях, как отмечалось ранее, уголовное право предусматривает ответственность малой семьи (ст. 7-я, 12-я ПП).

В КП отчетливо выражен принцип малосемейной собственности. Так, ст. 14-я КП и ст. 35-я ПП, учитывая практику древней устной процедуры свода, указывают лишь на личное владение украденным, причем названы не только предметы личного потребления, но также скот и конь, которые могли бы относиться к коллективному владению. Отношения феодальной эксплуатации господином челядина, холопа и закупа, включая их имущественные и денежные отношения, также указаны вне большесемейных и родовых коллективов (см. ниже, с. 149—174).

Глава семьи свободно распоряжался имуществом, причем в качестве наследников названы дети и жена (ст. 92-я и 93-я ПП). Показателен раздел имущества между детьми без завещания, причем нет и речи о существовании большесемейного владения. Об этом же свидетельствуют статьи о наследовании имущества без сыновей. Если у смерда незамужняя дочь, то она получает после смерти отца часть наследства, если она замужем, то все наследство отходит князю (ст. 90-я ПП). Если у боярина или княжеского дружинника только дочери, то они получают свое наследство целиком, причем исключаются ближайшие родственники мужчины.³⁴

---

³⁴ Как отметил А. Е. Пресняков, норма о выморочном характере наследства боярина и дружинника при отсутствии сыновей ранее была аналогичной наследованию смердов, на что указывает отрицательная форма

Имущественные дела по разделу наследства и по другим статьям ясно очерчивают круг членов семьи — это жена, сыновья и дочери (ст. 94-я, 95-я, 100—102-я, 104—106-я и 108-я ПП). Показательна для характеристики малой семьи как устойчивой семейно-хозяйственной единицы ст. 99-я ПП, согласно которой в случае малолетства детей и вторичного замужества матери опекунов над детьми и имуществом передается близкому родственнику или отчиму, а не роду, семье или какому-либо коллективу в целом. Опекуны не имели на имущество прав собственности, оставляя у себя лишь доходы от него.

Характерно постановление ст. 103-й ПП, согласно которому вдова самостоятельно распоряжается унаследованным имуществом. Если вдова умрет без завещания, то ее имущество получает тот из детей, «у кого будет на дворе была и кто ю кормил». И в этом случае не предполагаются дальние и ближние родственники. Особое внимание следует обратить на тот факт, что женщина, которая стала вдовой, полновластно распоряжается унаследованным хозяйством мужа без контроля со стороны его родственников, что свидетельствует о хозяйственной и юридической самостоятельности малых семей. Как отметил И. Д. Беляев, эта норма Русской Правды перекликается с законами других славянских народов, но значительно отличается от древнеримского и германского законодательства, по которым вдова оставалась под опекой детей.³⁵

статьи о боярском и дружинном наследстве (*Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1938, т. I, с. 188—189). О передаче выморочного имущества князю см.: *Свердлов М. Б.* Смерды в Древней Руси. — ИСССР, 1970, № 5, с. 68—69. — По Псковской судной грамоте (XIV—XV вв.) прослеживаются права родственников на имущество членов малой семьи, умерших без завещания (ст. 88—91-я), однако эта норма типична для обычного права в период господства малой семьи (*Матвеев П. А.* Очерки народного юридического быта Самарской губернии. — В кн.: Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878, т. I, отд. 1, с. 27—28; *Пахман С. В.* Очерк народных юридических обычаев Смоленской губернии. — В кн.: Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900, т. II, с. 68). Показательно, что так называемое право родового выкупа было широко распространено среди феодалов (*Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947, т. I, с. 18—27), т. е. оно входило в систему феодальных отношений, а не противостояло ему как нефеодалное. См. также о наследственном праве феодалов Западной Европы: *Бессмертный Ю. Л.* Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII веков. М., 1969, с. 65—66. — Напротив, по массовым поземельным актам XVI в., «родовой выкуп в крестьянской среде был редчайшим явлением» (*Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978, с. 45—47).

³⁵ *Беляев И.* О наследстве без завещания..., с. 45—47. — По мнению Ю. Г. Алексеева, «возможности матери распоряжаться своей частью строго ограничены кругом ее детей — сыновей, в крайнем случае дочерей» (*Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980, с. 97). С такой интерпретацией согласиться нельзя, поскольку в ст. 103-й ПП по отношению к детям указано: «А матерня часть не надобе детям». Содержание ст. 103-й определено регламентацией отношений наследования вдовы и ее детей (ст. 101—104-я и 106-я ПП), а в ст. 93-й ПП вдова характеризуется как неограниченная владелица наследства, выделенного

При жизни матери опека родственников над потерявшим отца ребенком исключалась. Дети являлись реальными владельцами наследства. Если мать выходила второй раз замуж, дети от разных браков получали наследство своего отца; аналогично решался вопрос наследования при вторичном браке вдовца (в ст. 94-й, 104-й при указании «детей» сыновья и дочери не различались). Если отчим-опекун растратил часть имущества первого мужа и умер, то возместить убытки сводному брату должен сын отчима (ст. 105-я ПП). И. Д. Беляев отметил аналогичные постановления в западнославянских и германских судебныхниках, отражающие самостоятельное юридическое положение малой семьи.³⁶

Таким образом, в Русской Правде малая семья из родителей и детей является самостоятельной семейно-хозяйственной единицей, обладающей правом наследования по завещанию и без него. Уголовная ответственность, а также право возмещения истцу (за исключением соучастия семьи холопа в воровстве и «разбоя» свободного «людина») индивидуальны. Любая взаимопомощь родственников, большесемейных и родовых коллективов в денежных и имущественных делах, в отношениях зависимых и господ также не предусматривается. Все это свидетельствует о том, что в Древней Руси только индивидуум и малая семья учитывались в законодательстве как субъекты семейного и частного права. Не исключена возможность, что вследствие неравномерности исторического развития восточнославянских племен в глухих районах Древнерусского государства сохранилась архаическая большая семья, однако по письменным памятникам XI—XV вв. ее существование не прослеживается.

Вывод о малой семье как основном типе семейной организации в Древней Руси XI—XIII вв., сделанный на основе летописных памятников и Русской Правды, подтверждается другими источниками: актами, берестяными грамотами, нарративными и эпиграфическими материалами. В них полностью отсутствуют сведения о больших самостоятельных коллективах, родство указывается по отцу, значительно реже по деду без упоминания родового или патронимного родства.

Хотя под влиянием природных условий в период внешней и внутренней колонизации Восточной Европы в результате борьбы за экономическую и социальную стабильность семьи из трех или более поколений или нескольких братьев с семьями продолжали существовать в городах и в сельской местности, как следует из материалов XV—XVI вв., их сущность как семейно-хозяйственных коллективов изменилась — они стали неразделенными семьями, т. е. такими родственными коллективами, которые ведут общее хозяйство (неразделенно), реализуют право собственности

мужем: «...а что на ню мужъ възложить, тому же есть госпожа». Это предполагает свободное распоряжение ею имуществом по отношению ко всем лицам (ср. историографическую традицию: Правда Русская, II, с. 677—680).

³⁶ Беляев И. О наследстве без завещания..., с. 38—40.

над семейным участком земли и хозяйством в целом при личной уголовной и хозяйственной ответственности членов неразделенных семей и свободе семейного выдела, что отличает их от патриархальных больших семей родо-племенного общества. Такая неразделенная семья существовала в период господства малой семьи и регенерировалась на ее основе в разных типах: родители — женатые дети — внуки, женатые братья — дети — племянники.³⁷

Развитие от большой семьи VI—VII вв. (при формирующейся хозяйственной автономии парных семей) к экономически и юридически самостоятельным малым семьям XI—XII вв. и реконструируемым для этого периода (вследствие отсутствия известных источников) «неразделенным» семьям подтверждает наблюдения К. В. Чистова о необходимости различия «первичных» или «традиционных» этнографических форм от «вторичных», «производных», внешне похожих на «первичные» и «традиционные».³⁸ Большая патриархальная и неразделенная семьи относятся к разным историческим периодам. Большая патриархальная семья была этапом развития от разлагающегося рода к формирующейся малой семье, неразделенная семья существовала в период господства малой семьи и регенерировалась на ее основе. Большая патриархальная семья — институт распадающегося племенного общества, неразделенная — семейный коллектив классового общества. Большая патриархальная семья является следствием неразвитых производительных сил, неразделенная обусловлена необходимостью коллективных трудовых затрат или объединения («неразделенности») экономических потенциалов хозяйств малых семей в целях экономической стабильности совместного владения. Поэтому восточнославянские неразделенные семейно-хозяйственные коллективы типологически отличны от экономически и юридически единых патриархальных больших семей с их коллективной правовой и имущественной ответственностью и распоряжением землей, скотом и орудиями труда. Учитывая принципиальные различия больших, малых и неразделенных семей, следует соблюдать терминологическую четкость при использовании этих определений с тем, чтобы одинаковые названия не обозначали различные стадияльно и типологически семьи.

Установленные факты позволяют охарактеризовать сообщения вступительной части ПВЛ, написанной в начале XII в. Нестором,³⁹ об умыкании древлянами девиц у воды, о многоженстве

³⁷ Самоквасов Д. Я. Семейная община в Курском уезде. — В кн.: Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878, т. I, отд. III, с. 11—15; Матвеев П. А. Очерки..., с. 21—22; Харузин Н. Я. Очерки первобытного права. М., 1898, вып. 1, с. 20—21 и сл.; Косвен М. О. Семейная община..., с. 80—90; Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, с. 148—152; Александров В. А. Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVIII—начала XIX века. — ИСССР, 1979, № 6, с. 39.

³⁸ Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы культуры. — В кн.: Расы и народы. М., 1975, вып. 5, с. 32—41.

³⁹ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 38.

у радимичей, вятичей и северян в противоположность полянам⁴⁰ не как свидетельства о полигамной патриархальной семье⁴¹ или парном браке,⁴² а как проявление исторической концепции летописца, для которого при ответе на вопрос, «откуда есть пошла Русская земля», историческим, политическим и культурным центром была земля полян и Киев. Идеализация полян очевидна, поскольку на протяжении всего средневековья отмечаются отклонения от норм семейной жизни и заключения брака: двоеженство, сожителство близких родственников, брачные похищения (с сохранением обрядности и терминологии в новое время) и т. д.⁴³ Вместе с тем, как отметил Б. А. Романов, простой люд не знал многоженства, которое встречалось в домах феодалов.⁴⁴ Не было проявлением архаичности заключения брака упоминание вена в Ипатьевском списке ПВЛ, как полагает И. Я. Фроянов,⁴⁵ поскольку обычай давать приданое или платить вено (последнее делали также князья⁴⁶), восходящий к древности, стал частью имущественных отношений во время заключения брака и юридически оформлялся в дotalьном праве от древних судебныхников и обычаев до буржуазного законодательства.⁴⁷

Не подтверждает имеющегося в литературе мнения о том, что в ст. 1-й КП и ПП подразумевалась большая патриархальная семья из трех поколений, отождествление указанных там лиц, обладающих правом на месть, с реальным составом родственников большой семьи. По этим статьям правом мести обладали мужчины по кровному родству лишь во втором поколении: отец и сын, братья, дяди и племянники. Третье поколение по кровному родству (деды и внуки) и все свойственники лишены права на месть. Это свидетельствует об ограничении кровной мести и круга мстителей. Упоминание среди них сына сестры только подчеркивает пережиточный характер данной правовой нормы, призна-

⁴⁰ ПВЛ, I, с. 15.

⁴¹ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 79.

⁴² Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 27.

⁴³ РИБ. Изд. 2-е. СПб., 1908, ч. 1, стб. 143—144; Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 200—233; Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879, с. 377—379; Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881, с. 5—21; Державин Н. С. Обычаи «умыкания» невест в древнейшее время и его переживание в свадебных обрядах у современных народов. — В кн.: Сб. статей, посвященных В. И. Ламанскому. СПб., 1907, ч. I.

⁴⁴ Романов Б. А. Люди и нравы, с. 247—279.

⁴⁵ ПСРЛ, II, стб. 10; Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 27.

⁴⁶ ПВЛ, I, с. 80, 104.

⁴⁷ Ланге О. О правах собственности супругов по древнерусскому праву. СПб., 1886, с. 25—106; Ефименко А. Исследование народной жизни. М., 1884, вып. I, с. 14—15, 70—73; Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах..., с. 22—32; Смирнов И. М. Очерк культурной истории южных славян. Казань. 1900, вып. II, с. 188—189; Косвен М. Брак — покупка. — Красная новь. 1925, № 2. — О превращении обычаев похищения и покупки невест в свадебную обрядность уже в IX—X вв. писал С. В. Юшков (Общественно-политический строй..., с. 117—120).

ющей право на месть члена чуждого семейно-хозяйственного коллектива. Это указывает на существование в родовом обществе права мести всех кровных родственников.⁴⁸ Таким образом, ст. 1-я КП и ПП не дает состава большой семьи или «приближения» «к кругу славянской большой семейной общины».⁴⁹

Если верны сделанные выше наблюдения об основном типе восточнославянской семьи, пережиточных и обрядовых обычаях, отклонениях от норм семейной жизни, то вывод И. Я. Фроянова, согласно которому в Древней Руси семейные отношения «были настолько перегружены пережиточными чертами, что говорить о господстве индивидуальной семьи в это время можно лишь в плену самогипноза»,⁵⁰ остался недоказанным.

Сделанные наблюдения имеют принципиальное значение при определении характера древнерусской верви.⁵¹

Известий об общине-верви XI—XIII вв. очень немного. Согласно ст. 19-й КП, если убьют «в обиду» (т. е. известны причина — «обида» и убийца) огнищанина или княжеского подъездного, то коллектив («люди») не платит, а отвечает один убийца. По ст. 20-й КП, когда огнищанин убит в разбое, то виру платит вервь, если она не ищет (или скрывает) убийцу. Таким образом, вервь предстает как коллектив с определенной территорией и функцией самоуправления (сама ищет убийцу). В том случае, когда убийца известен или найден вервью, он отвечает индивидуально.

Уже из статей КП становится очевиден соседский характер верви, поскольку за убийцей в качестве коллективного ответчика или коллективного поручителя не стоит большая семья или вся община, когда она сама ищет убийцу, а не укрывает его. Еще более определенно характеризуют вервь как соседскую общину статьи ПП. Ст. 3-я повторяет постановление ст. 20-й КП о коллективной ответственности верви, если она не найдет убийцу княжого мужа, убитого на ее земле. При уплате виры время платы не ограничивается сжатыми сроками (ст. 4-я ПП). Если убитый не опознан, вервь за него не платит. Вервь должна также найти

---

⁴⁸ ПРП, I, с. 86. — Возможно, в этой норме отразились пережиточные представления, восходящие к эпохе перехода от матрилокальности к патрилокальности через авункулокальность (Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии, с. 208).

⁴⁹ ПРП, I, с. 86.

⁵⁰ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 29.

⁵¹ Нет необходимости привлекать устаревшие работы Н. А. Полевого и В. А. Мадейковского, чтобы доказывать заимствование термина «вервь» из древнескандинавского *varf*, как это делает М. Хельман (*Hellmann M. Zum Problem der ostslawischen Landgemeinde. — In: Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen. Stuttgart, 1964, Bd. II, S. 260—261*). «Вервь» — славянское слово. См.: Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, с. 171; Топоров В. Н. О двух праславянских терминах из области древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

нарушителя собственности («аже будет росечена земля или знамение, или же ловлено, или сеть») или платить за него (ст. 70-я ПП). Показательны формы уплаты виры за убийство. Если оно совершено на пиру или в ссоре, то верви разрешается участвовать в уплате виры, если раньше убийца «вкладывался» в уплату общинной «дикий виры». «Головничество» убийца платил сам. Если убийца не участвовал в «дикий воре», вервь ему не помогала (ст. 5-я, 6-я, 8-я ПП). Однако если убийство совершено «в разбое» (подразумевается разбойное нападение или убийство как проявление социального протеста), то «люди» (вервь) не платили за «разбойника», а он сам с женой и детьми отдавался «на поток и разграбление». Показательно также название доли головника в коллективной выплате за убийство — «ис дружины». Этимология этого слова указывает не на родственные отношения людей, а на добровольное объединение самостоятельных индивидуумов.

Таким образом, сведения Русской Правды о верви недвусмысленно, на наш взгляд, свидетельствуют о существовании верви — соседской общины и малой семьи как единственной юридически ответственной семейной ячейке составляющих ее членов. Внутренние функции общины выражались в административно-судебном самоуправлении, главным органом которого был, вероятно, сельский сход — вече, а также в денежной взаимопомощи в делах об убийстве (вопрос о производственных функциях общины — тема особого исследования). Внешняя функция общины определялась ее статусом социального коллектива, обладающего административно-судебным самоуправлением, — она как единый коллектив признавалась княжеской администрацией и судом, которые осуществляли над ней высшее управление и юрисдикцию. Поэтому справедлива характеристика верви Я. Н. Шаповым как «юридического лица, первичной административной ячейки общества» и как «автономной организации, обладающей функциями внутреннего управления».⁵² Включенная в систему государственного административно-судебного управления, община стала институтом раннефеодального общества.

Соседские отношения малых семей в сельской общине стали причиной их имущественной и социальной дифференциации, в результате чего в XI в. сложились различные формы феодальной эксплуатации, которой подвергались крестьяне и которую не могли предотвратить общинные и семейные коллективы. Данный комплекс семейных и общинных отношений устанавливается по общерусским памятникам, РП и летописным сводам. Его можно считать господствующим на большей части Древнерусского государства. Вероятно, в лесостепи, где природные условия были более благоприятными для ведения индивидуального земледельческого хозяйства, чем в лесной зоне, складывание соседской об-

---

⁵² Шапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 16.

щины произошло раньше. Можно также предположить, что на огромной территории разнородной Руси в отдаленных районах существовали патриархальные семейные общины и большие семьи, прежде всего, вероятно, промысловые и скотоводческие. Их социально-правовое положение определялось коллективным владением землей и коллективной правовой ответственностью, что учитывалось практикой административно-судебного управления. Однако определяющей формой семьи во всех классах древнерусского общества стала малая семья, а основным видом социального крестьянского коллектива, в котором осуществлялись внутриклассовые отношения, явилась соседская община — марка. «Марка, — по словам Ф. Энгельса, — сохранялась на протяжении всего средневековья в тяжелой непрерывной борьбе с землевладельческой знатью. Однако потребность в ней всегда была еще настолько велика, что повсюду, где знать присвоила себе крестьянскую землю, устройство сел, попавших в феодальную зависимость, оставалось устройством марки, хотя и сильно урезанным в результате посягательств феодалов».⁵³

---

⁵³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 337.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФЕОДАЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ НА РУСИ В XI—ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII В.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГОСПОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА¹

Анализ общественных отношений в X в. показал, что в это время складывается раннефеодальное господское хозяйство, основывающееся на эксплуатации различных видов зависимых — челяди. Источники не позволяют проследить этот процесс достаточно подробно для X в. в отличие от XI—XIII вв. Между тем исследование характерных черт господского хозяйства способствует определению одного из путей становления феодальных отношений в древнерусском обществе. Структура вотчины была тесно связана с общим процессом развития феодального способа производства. В этой связи М. А. Барг справедливо отметил, что «получение ренты составляло подлинную движущую пружину феодальной организации общества, которой подчинялись хозяйственная, социальная, политическая и другие стороны общественной жизни в пределах подвластной сеньору территории, поэтому в средневековой вотчине в большей или меньшей степени перекрещивались все указанные стороны общественного строя».² Поэтому при изучении генезиса и структуры феодального общества в Древней Руси особое значение приобретает определение структуры господского хозяйства и системы эксплуатации в нем зависимого населения.

В ст. 19—28-й, 32-й, 33-й КП, в которых указана защита княжих людей и княжеского хозяйства, упомянут круг лиц, занятых в системе хозяйства княжеского двора (огнищанин, подъездной, тиун, конюх, сельский и ратайный старосты, рядович, смерд, хо-

¹ При характеристике господского хозяйства используются понятия «домен» и «вотчина». Термин «домен» обозначает наследственные земельные владения короля в Западной и Центральной Европе. В советской историографии он употребляется для обозначения княжеских владений в древнерусский период. Здесь и далее под доменом подразумеваются наследственные владения князей, которые включали вотчины, крепости, города, волости, леса и пастбища, разбросанные в разных районах княжества или вне его, под вотчиной — комплекс феодальной земельной собственности (земли, постройки, живой и мертвый инвентарь) и связанных с нею прав на феодально зависимых крестьян (*Бессмертный Ю. Л.* 1) Домен. — СИЭ. М., 1964, т. 5, стб. 285—286; 2) Вотчина. — Там же, 1963, т. 3, стб. 755).

² Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973, с. 71.

лоп, роба, кормилица и кормилец), называется или подразумевается хозяйственный комплекс (двор, клеть, конюшня, хлев, скот). Сведения о княжеском хозяйстве содержатся также и в ст. 29—31-й, 34—40-й КП, включенных в княжеский домениальный устав, где в отличие от предшествующих норм нет прямого указания на принадлежность к княжескому двору. В историографии указывалось на возможность подобного толкования этих статей.³ И. Я. Фроянов обвиняет такой подход к статьям, следующим за ст. 28-й КП, в «натяжках». Правильно, на наш взгляд, замечая, что ст. 29—40-я КП (за исключением ст. 32-й, 33-й) могут относиться не только к княжеским владельческим правам, но и правам других лиц, И. Я. Фроянов приходит к заключению, что при изучении княжеской вотчины эти статьи привлекаться не могут.⁴ Однако в основе такого вывода находится ошибочная посылка: поскольку формулировка статей приобретает расширительный характер, И. Я. Фроянов исключает из сферы их применения княжеское хозяйство, хотя, наоборот, эти нормы относятся к княжескому и некняжескому хозяйству.⁵ Именно так, расширительно, сформулировано большинство статей ПП. Таким образом, мнение И. Я. Фроянова не опровергает толкование ст. 29—31-й, 34—40-й КП как относящихся к княжескому и некняжескому хозяйству, причем при включении в домениальный устав эти нормы приобретали новую функцию по охране крупной феодальной собственности. Поэтому можно полагать, что нормы КП свидетельствуют также о домашней птице, бортях, сене, дровах, лодьях в составе княжеского хозяйства.

Однако данные КП не отражают в полной мере сложность княжеского домена вследствие неразвитости древнерусского законодательства в XI в. и ограниченности задач судебника. Только в результате антифеодальных восстаний конца 60-х—начала 70-х гг. XI в. и начала XII в. после редактирования норм Русской Правды и кодификации новых уставов о холопах и закупках в первой четверти XII в.⁶ ПП наряду с нарративными источниками обеспечивает достаточный объем информации о хозяйственно-социальной структуре феодального хозяйства. Поэтому данные ПП, относящиеся к концу XI—началу XII в., подтверждаемые письменными источниками, можно ретроспективно использовать для анализа княжеского хозяйства XI в. Все статьи

---

³ Пресняков А. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, с. 290—294; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, с. 459—460; Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941, с. 69; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 143—147.

⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 52—53.

⁵ Свердлов М. Б. К истории текста Краткой редакции Русской Правды. — ВИД. Л., 1978, т. X, с. 156.

⁶ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 175—247.

КП о княжеском и некняжеском хозяйстве были включены в ПП в таком же или редакционно измененном виде.

«Хозяйственные» статьи КП и ПП соотносятся между собой следующим образом:

кп	пп	кп	пп
21	40	36	81
28	45	37	81
31	41	38	40
32	71, 75	39	82
34	70, 71, 72	40	42
35	79		

Содержание параллельных статей КП и ПП свидетельствует лишь о редакционном совершенствовании законодательных норм, а не о существенных изменениях в отражаемых ими хозяйственных явлениях (см. наказания за кражу жеребцов, коровьего молока, различных людей, морской, набойной, струга, челна, за разные виды разорения борти, за нарушение межей, бортной, ролейной, дворной, в ст. 45-й, 72-й, 76-й, 79-й ПП, тогда как в КП, в ст. 28-й, 32-й, 34-й, 35-й, более кратко указывались те же объекты похищений и нарушений).

Судебные нормы ПП, дополнительные к КП, отражающие положение хозяйства, немногочисленны и не относятся специально к княжескому хозяйству. Ст. 84-я и 73-я ПП о злонамеренном убийстве коней, скота и подрубливании «знаменных» и «межных» дубов являются новыми по отношению к КП, но они сообщают сведения, уже известные по КП и ПП о существовании на княжьем дворе коней и скота (ст. 28-я КП) и использовании межевых знаков и знаменной тамги (ст. 28-я, 34-я КП; ст. 70—72-я ПП). Ст. 76-я ПП о разорении борти является дополнительной к нормам с аналогичным содержанием ст. 32-й КП и 75-й ПП. Статьи сообщают о гумне и жите в яме (ст. 43-я, 83-я ПП). Существование этих хозяйственных объектов в господском хозяйстве подразумевалось в связи с упоминаниями господской пашни (ст. 24-я КП). Способ хранения зерна в ямах у восточных славян известен по археологическим материалам еще в IX—X вв. Новыми являются ст. 69-я и 80-я ПП о наказаниях за убийство бобра и за разрушение охотничьей снасти, что является охраной господских прав на охоту и ценных зверей княжеского леса. Совпадение по содержанию статей о господском хозяйстве свидетельствует о том, что за промежуток времени между составлением норм КП и ПП в княжеском хозяйстве существенных перемен не произошло, а редакционные изменения и незначительные дополнения этих норм в ПП следует отнести к развитию законодательства, которое происходило вследствие развивающихся общественных отношений, классовой борьбы и внутренней эволюции феодального писаного права.

Резиденцией феодала, князя и боярина, центром господского владения был двор. Источники XI—XII вв., более обстоятельные,

чем данные X в. (см. выше, с. 65—67), позволяют установить основные строения двора и его хозяйственную структуру.⁷

Княжеский двор ставился в городе и на селе. На дворе Изяслава Ярославича в Киеве стоял двухэтажный дом — терем с сенями. «Терем камен», «двор теремной над горою» в конце X—XI в. являлся княжеским дворцом. Это было высокое башнеобразное здание или часть дворцового комплекса с шатровой крышей. Сени служили соединительным звеном, переходом между избой — теплым зимним помещением и клетью — летней спальней и кладовой для имущества и были парадным помещением.⁸ На дворе князя находилась гридница — большое помещение для дружинников, вероятно, стоявшая в некоторых случаях отдельно от княжеского дворца или боярского дома.⁹ В теремной комплекс входили также повалуши — холодные горницы, богато расписанные «истобки» — теплые избы, где могла поместиться небольшая дружина. Поэтому терем или хоромы не всегда представляли собой один дом, иногда это были целые комплексы отдельных зданий, соединенных переходами и сенями,¹⁰ двух- и трехэтажными домами.¹¹ На дворах, в городе и на селе, князья часто строили рядом с дворцами церкви, которые соединялись с ними крытыми переходами.¹² Дворы князей и церковных иерархов окружала каменная или деревянная ограда с воротами.¹³

В XI—XIII вв. во дворах князья хранили наиболее дорогие вещи: золото, серебро, оружие, одежды.¹⁴ Изредка в летописи сообщалось о хранившемся на княжеских дворах, в кладовых, изобилии продовольствия, вина и меда (500 берковцев меда и 80 корчаг вина во дворе князя Святослава Ольговича в Путивле), имущества («тяжкого товара всякого до железа и до меди, и не могли бяхуть от множества всего того вывозити»

---

⁷ В новейшей историографии феодальный двор, который в определенных условиях становился замком, обстоятельно рассмотрен Б. А. Рыбаковым (*Рыбаков Б. А. Киевская Русь*. — В кн.: *История СССР с древнейших времен*. М., 1966, т. I, с. 522—532).

⁸ *Каргер М. К. Древний Киев*. М.; Л., 1961, т. II, с. 7—79, 83—84.

⁹ *Воронин Н. Н. Жилище*. — В кн.: *История культуры Древней Руси*. М.; Л., 1951, т. I, с. 219, 222—224.

¹⁰ Там же, с. 220—222; *Каргер М. К. Древний Киев*, т. II, с. 85—86; *Снегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси IX—XIII вв.* Л., 1972, с. 235—259.

¹¹ *Холостенко П. В. Черниговские каменные княжеские терема в XI в.* — В кн.: *Архитектурное наследство*. М., 1963, вып. 15; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Смоленский детинец и его памятники*. — СА, 1967, № 3; *Снегальский Ю. П. Жилище*..., с. 251, 259—271; *Раппопорт П. А. Древнерусское жилище*. — В кн.: *Древнее жилище народов Восточной Европы*. М., 1975, с. 141; *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В. Дворец в Полоцке*. — КСИА, 1981, вып. 164.

¹² *Воронин Н. Н. Жилище*, с. 224—226; *Рагич А. А. К вопросу о княжеских дворцах в стольных городах Галицкой Руси XI—XIV вв.* — В кн.: *Культура средневековой Руси*. Л., 1974, с. 188—191.

¹³ ПСРЛ, I, стб. 317—318; II, стб. 352; *Каргер М. К. Древний Киев*, т. II, с. 206—216.

¹⁴ ПСРЛ, I, стб. 484; II, стб. 161, 473.

в сельском дворе Игоря Ольговича).¹⁵ В хозяйственном комплексе княжеского двора находились погреба, медуши, бретяницы — кладовые бортевого меда, скотницы для казны, подвалы и кладовые, многочисленные и вместительные.¹⁶

О размерах дворов, их количестве и значении в хозяйственно-административной и политической деятельности князей свидетельствует ряд историко-археологических материалов. Как отметил М. К. Каргер, княжеский двор в Киеве в середине XII в. стал называться «Ярославль двор», иногда с эпитетом «великий». Видимо, он занимал с жилыми и хозяйственными постройками значительную территорию, а также большое незастроенное пространство, где могло разместиться «множество княн».¹⁷ Один княжеский двор в городе не исключал строительства другого двора в том же городе или недалеко от него. В одном Киеве помимо княжеского двора XI в., который с середины XII в. стал называться «Ярославль двор», были многочисленные вотчинные дворы, причем не только князей — правителей Киева, но и властителей других княжеств. Кроме «Ярославля двора» в Киеве известен Новый двор, где в 1197 г. Рюрик Ростиславич построил церковь Василия. На Выдубицком холме находился Красный двор Всеволода Ярославича, который, вероятно, построен, как и находившийся рядом с ним Выдубицкий монастырь, когда Всеволод был князем в Переяславле. Под 1068 г. указан «двор Брячиславль», вероятно, полоцкого князя Брячислава Изяславича. «Двор Мстиславль», упомянутый под 1147 г., принадлежавший матери Владимира Мстиславича, был построен, судя по названию, Мстиславом, сыном Владимира Мономаха. Княжеские дворы существовали также на Острове, напротив Выдубицкого монастыря (упомянуты под 1149 и 1240 гг.), под Киевом находился также Теремец (1150 г.). У Юрия Владимировича Долгорукого было два двора — Красный двор в Киеве (вероятно, по наследству от отца) и «Рай» за Днепром. Официальной княжеской резиденцией был также двор в с. Берестове. Вне города, «под Угорским», т. е. между Берестовым и Верхним городом, в XII в. существовал еще один княжеский двор.¹⁸ Резиденциями, которые имели также военно-политическое значение, стали усадьба в Кидекше, двор во Владимире для Юрия Долгорукого и Боголюбово для его сына Андрея.¹⁹ Ростислав Мстиславич кроме детинца в Смоленске в середине XII в. построил резиденцию, удаленную от города, а в самом Смоленске или недалеко от него каждый из пяти сыновей имел свой двор.²⁰

Наглядное представление о княжеских дворах-замках дает

---

¹⁵ Там же, II, стб. 333, 334, 449.

¹⁶ Воронин Н. Н. Жилище, с. 226—228.

¹⁷ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, т. I, с. 268—269, 279.

¹⁸ Там же, с. 272—277.

¹⁹ Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV вв. М., 1961, т. I, с. 59.

²⁰ Алексеев Л. В. О древнем Смоленске. (К проблеме происхождения начальной истории и топографии). — СА, 1977, № 1, с. 100—101.

Любеч. Он состоял из мощных оборонительных сооружений с подъемным мостом, из многоэтажных зданий (дворцовых башен, башни-донжона, дворцового комплекса, церкви), хозяйственного комплекса, ям для хранения зерна и воды, большого двора и ремесленного посада.²¹

Поскольку дворы были не только административно-хозяйственными центрами, но и княжескими резиденциями, где происходили важные политические события,²² князья стремились их богато украсить. Об этом свидетельствуют частые названия этих дворов в XI—XII вв. — «красные», а также архитектурные и археологические памятники.²³

Княжеский двор в качестве резиденции князя или его представителя — посадника, наместника, тиуна — был также и местом суда. В ст. 38-й КП указано, что если вор не убит на месте преступления, а продержан до рассвета, то его должно вести на княжеский двор. Это же положение повторено в ст. 40-й ПП. Поскольку Русская Правда была общерусским судебником, можно предположить существование княжеских дворов в административных центрах княжеского управления в городах и волостях по всей Руси. При чем дворы являлись местонахождением не только князя и его дружины,²⁴ что делало бы их функции временными, лишая реального содержания норму ст. 38-й КП и 40-й ПП, но и его мужей (посадников, огнищан, тиунов и т. д.),²⁵ которые могли постоянно осуществлять административные функции. Поэтому можно полагать, что не только вотчинные,²⁶ но и административные княжеские дворы становились хозяйственными комплексами с домами слуг, жилищами зависимых людей и хозяйственными постройками.

Таким образом, письменные и археологические источники позволяют определить княжеский двор как резиденцию, состоящую из сложного комплекса жилых и хозяйственных помещений, защищенную оборонительными сооружениями, как центр хозяйственной и административной деятельности князя и место действия важных политических событий. В состав вотчины входили также ремесленники-холопы (ст. 15-я ПП).²⁷ Однако работали ли они на княжеском дворе или вели хозяйство самостоятельно, следует определять на археологических материалах вследствие отсутствия данных письменных источников.²⁸

---

²¹ Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. — КСИА, 1964, вып. 99.

²² Каргер М. К. Древний Киев, т. I, с. 268—269.

²³ ПВЛ, I, с. 159; II, с. 442; ПСРЛ, II, стб. 223, 489; Каргер М. К. Древний Киев, т. II, с. 59—77; Воронин Н. Н. Зодчество..., т. I, с. 201—261.

²⁴ ПРП, I, с. 103.

²⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7-е. Пг.—Киев, 1915, с. 631.

²⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 144.

²⁷ См. комментарии к ней: Правда Русская, II, с. 317—318.

²⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 490—501.

В летописях сообщается также о существовании в XI—XIII вв. боярских дворов. При изложении событий 882 г. летописец XI в. указывал в качестве топографического ориентира Олмин двор. Кто был Олма — неизвестно, но он построил церковь Николы на Аскольдовой могиле. Видимо, он был боярином. При топографических описаниях Киева, в рассказах о политических событиях и народных восстаниях летописцы указывали в Киеве во второй половине XI в. боярские дворы Гордяты, Никифора, Воротислава, Чюдина, Коснячко, Путаты, в первой половине XII в. — Ратши, Глеба, Борислава.²⁹ Лишь случайно в связи с нападением половцев в 1161 г. в Киеве упомянуты дворы попа Лихача и некоего Радьслава, что свидетельствует о существовании дворов не только у бояр, но и у простых горожан.³⁰ Так же можно интерпретировать известие о сгоревших в Вышгороде дворе тысяцкого и «инех» семи дворах.³¹

М. К. Каргер предполагал в боярских дворах особые владельческие внутригородские территории, огороженные высокими заборами, в связи с чем он присоединился к мнению Б. Д. Грекова о тождестве в XI в. понятий «двор» и господские «хоромы», куда укрывались ударившие свободных мужей холопы (ст. 17-я КП и ст. 65-я ПП). Новейшие археологические исследования показали, что принципом массовой жилой застройки Киева в X—XIII вв. явилось строительство дворов, состоявших из сложного комплекса жилых и хозяйственных построек, огороженных заборами.³² На двор как на центр хозяйства «дома», прежде всего господского, указывает ст. 100-я ПП, согласно которой при разделе имущества «двор отень» остается младшему сыну. На двор как на место проживания господина или хозяина указывают также ст. 102-я и 103-я ПП.

Часты упоминания дворов бояр и горожан в новгородском летописании. Новгородец, ремесленник или купец, предлагает родителям продать двор и переселиться в Смоленск или Киев, где дешевле хлеб (НБГ, № 424, XII в.).³³ В Новгороде понятия «двор», «дом» и «хоромы» перекрывали друг друга, что отражает полисемантизм этих понятий как обозначений жилищно-хозяйственных комплексов.³⁴

Раскопанные в Новгороде дворы-усадыбы феодалов и горожан аналогичны киевским княжеским и боярским дворам. По мнению П. И. Засурцева, все новгородские усадыбы, как правило, были

²⁹ Каргер М. К. Древний Киев, т. I, с. 279—282.

³⁰ ПСРЛ, II, стб. 515. — М. К. Каргер предполагал, что Радьслав был боярином (Древний Киев, т. I, с. 282).

³¹ ПСРЛ, II, стб. 534.

³² Каргер М. К. Древний Киев, т. I, с. 283; см. также: Воронин Н. И. Жилище, с. 223; Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков. Киев, 1980, с. 67—86; Новое в археологии Киева. Киев, 1981, с. 80—140.

³³ Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 83.

³⁴ См., например: НПЛ, с. 233, 234.

ограждены частоколом, или плетнем. Во дворах находились значительные по площади (до 130—140 кв. м) жилые дома, хозяйственные постройки, бани, сады, огороды, помещения для скота, вероятно для содержания молодняка и свиней, тогда как взрослые коровы, лошади, овцы держались, очевидно, на открытых дворах или в открытых загонах (последнее замечание вызывает сомнение, поскольку нестойловое содержание скота в северной климатической зоне зимой едва ли возможно, поэтому более вероятно предположить содержание крупного рогатого скота, потребляющего ежедневно значительное количество кормов, в загородных дворах-усадебках).³⁵ Что касается зданий, входивших в боярские хоромы, то, по мнению П. И. Засурцева, дом представлял собой большую избу-пятистенку. Ю. П. Спегальский полагал, что боярские хоромы — это сложный архитектурный комплекс, состоявший из сеней, спален, теплой избы, повалуши — помещения для приема гостей и т. д.³⁶ Большие боярские дома-хоромы с богатым инвентарем изделий находят и в других городах Древней Руси.³⁷

Советские археологи неоднократно обращали внимание на небольшие, хорошо укрепленные городища-замчища, которые найдены в Новгородской и Псковской земле, на Волге и Оке, в Поднестровье. Эти замчища убедительно интерпретируются исследователями как усадьбы феодалов в XI—XIV вв., находящиеся в сельской местности.³⁸ Исследователи неоднократно отмечали не-

---

³⁵ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967, с. 62, 64, 111—115, 117—123 и сл.; см. также: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. — Мнение П. И. Засурцева об открытом содержании скота на дворах принял А. Л. Шапиро (Проблемы социально-экономической истории XIV—XVI вв. Л., 1977, с. 74). На существование хлева — закрытого помещения для скота указывает уже ст. 38-я КП. О господском хлеве, где содержался скот, сообщает также ст. 58-я ПП (ср. расширительную формулировку ст. 41-й ПП, по которой хлев мог быть как господским, так и крестьянским).

³⁶ Спегальский Ю. П. Жилище..., с. 231—267. — Новейшие материалы о новгородской городской усадьбе см.: Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

³⁷ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.). — В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974; Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Л., 1981, и др.

³⁸ Тараканова С. А. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода. — Тр. ГИМ, 1940, вып. XI. — Существенным коррективом является наблюдение об отсутствии культурного слоя в боярских городках-замках за пределами Новгорода, на основании чего сделан вывод об их назначении как места временных остановок бояр во время объезда владений, а не постоянных резиденций. См.: Мавродин Вал. В. О некоторых полукруглых городищах Новгородской области. — Вестник ЛГУ, 1964, № 20; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 51; Третьяков П. Н. 1) Древлянские «грады». — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952; 2) Средневековые замчища Смоленщины. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962; Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, 1960, № 92, с. 51—125; Никольская Т. Н. Земля вятичей. М., 1981, с. 72—96.

достаточную их изученность. Таким образом, дальнейшее изучение таких памятников содержит еще большие возможности для исследования феодальных усадеб. Между тем уже сейчас можно указать на тесную связь городища-усадьбы с сельским хозяйством и слабое и одностороннее развитие ремесленного производства.³⁹ П. А. Раппопорт поставил вопрос, насколько правомерно можно применить термин «замок» к деревянным укрепленным усадьбам русских феодалов. Отвечая на него, он отметил, что до XIII в. феодальные замки были тоже деревянными. Однако определяющим в понятии «замок» является не конструкция укреплений, а его назначение — укрепленное жилище феодала, крепость и резиденция одновременно.⁴⁰ Принимая это мнение, отметим, что многочисленные остатки укрепленных феодальных центров — замков свидетельствуют о значительном распространении феодальных вотчин в сельских местностях.

Русская Правда, нарративные и археологические источники позволяют определить хозяйственный комплекс двора князя и боярина. При этом следует иметь в виду, что загородный двор — центр вотчины отличался от городского двора-усадьбы, что сказывается прежде всего в различных видах содержания скота и кормов, количественно ограниченных в городских условиях. На дворах, в основном княжеских, упоминаются погреба, медуши для хранения вареного меда и вина, бретяницы — погреба с бортным медом, амбары и кладовые, скотницы — казнохранилища.⁴¹ Согласно КП, на дворе имелись клетки и хлев (ст. 21-я, 31-я и 38-я КП; ст. 41-я ПП). В хлеве находился скот (ст. 41-я и 58-я ПП), в клетях хранились пищевые запасы и зерно. В НБГ, № 411, 275, 363 (XIII—XIV вв.), упоминается также подклет — нижний этаж двухэтажной избы, который использовался для хозяйственных целей, в частности для хранения пива и солода. В боярском доме в нижних помещениях находились клетки и различные хранилища, а во дворе — отдельно стоящие подсобные строения: поварни, пивоварни, амбары, сушила, погреба и ледники.⁴²

К хозяйственному дворовому комплексу, прежде всего в сельской местности, относились также гумно и зерновые ямы, стога сена и склады дров, которые считались возами (ст. 39-я КП; ст. 43-я, 82-я и 83-я ПП; НБГ, № 53).⁴³ На гумне в большом количестве хранили в копнах и обрабатывали зерновые культуры. Как сообщается в Ипатьевской летописи под 1146 г., на гумне

---

³⁹ Седов В. В. Сельские поселения... с. 124.

⁴⁰ Раппопорт П. А. 1) Хабаров городок. — СА, 1958, № 3, с. 228; 2) О типологии древнерусских поселений. — КСИА, 1967, вып. 110, с. 6.

⁴¹ Ржигза В. Ф. Очерки из истории быта домонгольской Руси. — Тр. ГИМ, 1929, вып. 5, с. 16—17; Каргер М. К. Древний Киев, т. I, с. 277—278.

⁴² Спегальский Ю. П. Жилище... с. 267. — Многочисленные новейшие материалы о дворах и дворовых постройках в Новгороде см. в кн. «Археологическое изучение Новгорода».

⁴³ См. также: ПСРЛ, II, стб. 333.

в селе Игоря Ольговича находились 900 стогов хлеба.⁴⁴ Понимание слова «гумно» как места обработки и хранения урожая зерновых злаков широко распространено в литературе и не нуждается в доказательстве, поскольку оно широко используется в этом значении в древнерусском и современном русском языках.⁴⁵ Вероятно, в результате описки С. В. Юшков написал о 900 стогах сена в селе Игоря Ольговича.⁴⁶ На эти слова сослался И. Я. Фроянов, который предполагает незначительное развитие земледелия в вотчинном хозяйстве, и признание 900 хлебных стогов противоречило бы его мнению. По его аргументации, «не так просто представить себе столь огромное гумно», слово «гумно» «употреблялось в смысле утолченного, утоптанного места».⁴⁷ Однако И. Я. Фроянов напрасно не учитывает обычное значение слова «гумно», поэтому его мнение противоречит письменным источникам. Ст. 43-я ПП указывает альтернативно: «Аже крадеть гумно или жито в яме», — свидетельствуя о хранении зерновых на гумне (краже сена посвящена ст. 82-я ПП). Ипатьевская летопись также отмечает хранение жита на гумне: «В то же лето бысть буря велика... и розноси хоромы, и товаръ, и клетки, и жито из гумень...».⁴⁸ Таким образом, вопреки мнению И. Я. Фроянова под 900 стогами на гумне в селе Игоря Ольговича следует понимать не сено, а зерновые культуры, и совершенно верно мнение, согласно которому это сообщение является одним из доказательств широкого распространения земледелия в княжеском домениальном хозяйстве.

Ко двору относились также земли, границы которых были обозначены межей (бороздой, камнями, кустами и пр.) (ст. 72-я ПП: «аже... дворную тыном перегородить межю»). В этом случае возводимый тын противопоставляется легким оградительным сооружениям или условно обозначенным границам, используемым обычно для указания меж на полях, огородах и в садах. Таким образом, в состав двора входили обрабатываемые земли. В пользу этого мнения свидетельствуют примыкавшие даже в городских условиях к дворам-усадебам или находившиеся в пределах огражденной усадебной территории огороды, сады и пахотные

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Срезневский, I, стб. 609; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977, вып. 4, с. 158—159; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1935, т. I, стб. 418—419; Толковый словарь русского языка/ Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935, т. I, стб. 639. — Слово «гумно» восходит к праславянской лексике со значением 'место, где скот топчет (снопы)' (Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, с. 37).

⁴⁶ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 49.

⁴⁷ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 61.

⁴⁸ ПСРЛ, II, стб. 314. — Недвусмысленные указания на хранение и обработку зерновых на гумне см.: Остромирово евангелие 1056—1057 года/ Изд. А. Востоковым. СПб., 1843, стб. 259в; НБГ, № 354, XIV в.; Срезневский, I, стб. 609; II, стб. 1298.

земли.⁴⁹ Отсюда следует, что на примыкавших ко двору землях возделывались не только разнообразные садово-огородные, но и полевые культуры, которые в XI—XIII вв. выращивались на Руси.⁵⁰ На городском дворе даже в городских условиях Новгорода, как отмечалось ранее, содержался скот. Ст. 21-я КП, указывая случаи убийства княжеского управителя — огнищанина у клетки, коней и у крупного рогатого скота,⁵¹ не уточняет, произошло ли это на дворе или вне его, хотя ст. 38-я КП называет хлев как составную часть не княжеского двора. Между тем в ст. 58-й ПП сообщается о хлеве на дворе господина, князя или боярина, на которого работал закуп. Штрафы КП и ПП, относящиеся к княжескому и не княжескому хозяйствам, за кражу коней, крупного и мелкого скота, свиней и птицы (ст. 21-я, 28-я, 31-я, 36-я и 40-я КП; ст. 42-я, 45-я и 81-я ПП) лишь конкретизируют виды домашних животных и птиц, которые содержались на дворах.

К хозяйству господского двора относились также сельские промыслы, прежде всего бортничество (ст. 32-я КП; ст. 75-я и 76-я ПП). Помимо того, что мед удовлетворял потребности жителей двора, он был и предметом долговых операций при условии возвращения долга в увеличенном количестве (ст. 50-я ПП). Наглядной иллюстрацией подобного вида долга является НБГ № 61

⁴⁹ Засурцев П. И. Новгород..., с. 79—81, 100—104, 114—115; Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976, с. 35; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы..., с. 17.

⁵⁰ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). — Учен. зап. ЛГПИ, 1949, т. 80, с. 131—132; Синская Е. Н. Историческая география культурной флоры. Л., 1969, с. 183; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 152—156.

⁵¹ В историографии ведется дискуссия по поводу ст. 21-й КП об убийстве огнищанина при защите им княжеского имущества или в связи с его нападением на чужое добро (обзор мнений см.: Правда Русская, II, с. 154—159; Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 53—55). В зависимости от интерпретации значительно изменялся смысл статьи: стоял ли огнищанин на страже княжеского домена (мнение А. Е. Преснякова, С. В. Юшкова, Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина) и поэтому он был под охраной судебного или сам совершал нападения на чужие домовладения хозяйства (мнения М. Ф. Владимирского-Буданова, М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина; см. также работу М. Д. Приселкова, который полагал, что в тексте пропущено слово «отрок»; он допускал, что князь был беспощаден к своим мелким агентам, отрокам огнищанина и тиуна за воровство княжеского добра: Приселков М. Д. Задачи и пути дальнейшего изучения Русской Правды. — ИЗ, 1945, т. 16, с. 246—247). Формально оба вида интерпретации возможны, однако в пользу первой точки зрения свидетельствует грамматический строй статьи: за убийство огнищанина следует убить убийцу (Пресняков А. Е. Княжеское право..., с. 241; Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 55), — а также характер княжеского домовладения устава, предусматривавшего защиту княжеской администрации и зависимых людей от нападений со стороны противников княжеского домена, т. е. прежде всего свободных смердов, на которых наступали княжеская администрация и хозяйство, а не наоборот. В этом случае отпадает недоумение М. Н. Тихомирова, согласно которому «непонятно, зачем понадобилось узаконивать случаи убийства огнищанина или тиуна, совершившего кражу» (Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941, с. 66).

(XIII в.), по которой возвращался долг в 10 пуд. меда. На княжеских дворах собиралось большое количество продуктов, относящихся к пчеловодству. Согласно упомянутому ранее известию Ипатьевской летописи, в погребах князя Святослава Ольговича хранилось 500 берковцев меду (т. е. 5000 пуд.), а смоленский князь Ростислав Мстиславович передал «на посвет» церкви Богородицы «из двора своего» 8 капей воска (т. е. 32 пуда).⁵²

Существенное значение, вероятно, имело в хозяйстве феодала рыболовство. Однако в Русской Правде этот промысел не отражился. В ПП предусматривается только штраф за разорванную сеть (ст. 70-я), однако неясно — это рыболовная или охотничья снасть. КП и ПП наказывают только за кражу лодки (ст. 35-я КП; ст. 79-я ПП). Следует отметить, что терминология рыболовства очень плохо представлена в древнерусской письменности XI—XII вв.⁵³ Этим скудным сведениям можно противопоставить богатейшую лексику названий рыб и многочисленные археологические находки рыболовецких снастей (сетей, крючков, гарпунов) и остатков рыб.⁵⁴ О больших операциях в торговле рыбой и, возможно, о сборах рыбной подати свидетельствуют НБГ, № 92, 134, 144 (XIII—XIV вв.) и др. Согласно ст. 42-й КП и 96-й ПП, рыбы входили в «покон» вирнику и «урок» городнику.

Наконец, одним из любимых развлечений феодалов и в то же время промыслом была охота. КП и ПП предусматривают штрафы за кражу пса, ястреба и сокола (ст. 37-я КП; ст. 81-я ПП). ПП добавляет только наказание за разрушение охотничьей снасти — перевеса и, возможно, сети (ст. 70-я, 80-я).⁵⁵ Ст. 69-я ПП о штрафе за кражу бобра, новая по отношению к КП, может свидетельствовать о начале звероводства в феодальном хозяйстве, которое стало появляться наряду с промысловой охотой.

Таким образом, по источникам XI—XIII вв., двор феодала — это комплекс жилых и хозяйственных построек, резиденция господина, универсальное хозяйство, в котором не только разводили скот, птицу, занимались рыболовством и охотой, но и выращивали садовые, огородные и полевые культуры. Разумеется, в конкретных условиях города и сельской местности, в различных природных зонах состав двора варьировался, и в данном случае представлена модель двора феодала. Его сложный состав зависел не только от социальной функции — быть резиденцией феодала, центром господского владения, но и от необходимости удовлетворять хозяйственные потребности господина и его окружения. Ведение хозяйства превращало двор в центр непосредственной экс-

⁵² ДКУ, с. 144; ПСРЛ, II, стб. 334.

⁵³ Филин Ф. П. Лексика..., с. 146—147.

⁵⁴ Куза А. В. Рыбный промысел в Древней Руси. Автореф. канд. дис. М., 1970; Усачева В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб. — В кн.: Этимология. 1971. М., 1973. — См. эту же статью в последующих сборниках, вышедших в 1975 и 1976 гг.

⁵⁵ Богатую терминологию охоты в письменных памятниках XI—XIII вв. см.: Филин Ф. П. Лексика..., с. 145—146.

плуатации зависимого населения, занятого не только обслуживанием господина, но и ремесленным и сельским трудом. Установленная хозяйственная структура двора соответствует обычному для европейского средневековья устройству двора феодала — центра сеньории, который обычно был резиденцией господина (он также назывался «двор» — *curtis*, в романских языках — *cour*, в германских — *hof*, по-английски — *manor*).

Источники отмечают в составе княжеской вотчины села. Б. Д. Греков собрал сведения нарративных и юридических источников о владельческих селах, княжеских и боярских, в XI—XII вв., хотя следует отметить, что для XI в. таких известий очень немного.⁵⁶ Впрочем, это объясняется небольшим числом письменных источников XI в. по истории господских и крестьянских хозяйств, а не отсутствием или малым количеством этих хозяйств. Ст. 24-я КП сообщает о сельском старосте, что свидетельствует о включении сел в XI в. в состав домена. Сообщения нарративных источников XII в. о княжеских и боярских селах совершенно недвусмысленны. Согласно письменным и археологическим источникам XII в., княжеский домен состоял из сел, которые вблизи Смоленска находились между боярскими владельческими селами, с укрепленными «замчищами» — усадьбами, из княжеских городов Ростиславля и Мстиславля, а также сел (Рогнедино, возможно, Княгинино и др.), расположенных далеко от Смоленска. Таким образом, княжеский домен в Смоленской земле был сложен по своему составу и распределялся отдельными комплексами на значительной территории княжества.⁵⁷

С. В. Юшков обоснованно поставил вопрос о существовании в составе княжеского домена городов и волостей.⁵⁸ В. Т. Пашуто также отметил княжеские «частновладельческие» города в Древ-

---

⁵⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 137—139. — Из новых наблюдений следует отметить мнение Б. А. Воронцова-Вельяминова о селах варяга Шимона, который в 1068 г. отправился с Владимиром Мономахом в Ростов и оставался там тысяцким. Его именем, чуждым русской антропонимике, были названы четыре села на территории Ростово-Суздальского княжества, что свидетельствует о землевладении Шимона (*Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977. с. 127—132*). О значительном распространении феодального землевладения в Смоленской земле в первой трети XII в., по наблюдениям В. В. Седова, свидетельствует взимание основной части дани в ее северных волостях, где городища — феодальные замки были малочисленны или отсутствовали вовсе. В центральных и южных областях, где наблюдалась концентрация городищ — замчищ, находились только небольшие малоплатежные волости, что объясняется, вероятно, сбором дани местными землевладельцами, а не смоленским князем (*Седов В. В. Городища Смоленской земли. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978. с. 146*).

⁵⁷ Седов В. В. Сельские поселения..., с. 31, 49, 127—128; Третьяков П. Н. Средневековые замчища Смоленщины. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962; Алексеев Л. В. Домен Ростислава Смоленского. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.

⁵⁸ Юшков С. В. Очерки..., с. 44—49.

пей Руси.⁵⁹ Уязвимым является предположение С. В. Юшкова о принадлежности князю на особом праве «всякого города, строившегося по инициативе князя и на его средства», поскольку такое строительство (например, возведение оборонительных крепостей по южнорусским рекам) было государственным предприятием. Вместе с тем заслуживает внимания его тезис о городах как центрах военно-административного и административно-хозяйственного управления, к которым «тянули» соседние территории. Такие города, по С. В. Юшкову, могли строиться князьями, захватываться у соседних князей, развиваться путем предоставления ремесленникам и торговцам льгот, а также покупаться (в Ипатьевской летописи под 1158 г. упоминаются «слободы купленные с данями», и города, которые Андрей Боголюбский передал владимирской церкви Богородицы).⁶⁰ Вероятно, эти города были опорными пунктами княжеского землевладения, они входили в домен с окружающими их волостями.

Выше мы уже отмечали включение городов в состав домена в X в. Источники XI—XIII вв. позволяют расширить наши сведения о домениальных городах. Город Брагин и другие «многи дары» киевский князь Рюрик Ростиславич подарил в 1187 г. к свадьбе своей снохе Верхуслане Всеволодовне.⁶¹ Неизвестно, входил ли ранее Брагин в княжеский домен или был обычным городом Киевского княжества, но после свадебного дара он стал личным княжеским владением. Ранее, под 1159 г., упомянут «город княгинин», жены Святослава Владимировича.⁶² Лучин, вероятно, тоже был городом, в котором смоленский князь Ростислав Мстиславич собирал определенное число (цифра в тексте не сохранилась) гривен, а также мыт и «корчмите».⁶³ В 1173 г. в Лучине, на пути из Новгорода в Смоленск, у Рюрика Ростиславича родился сын, «и дасть ему отецъ его Лучинъ городъ, ве немже родися»,⁶⁴ т. е. князь подарил город новорожденному Михаилу. Согласно «рукописанию» Владимира Васильковича (около 1287 г.), город Кобрынъ был в домене князя, а по завещанию оказался в вотчине княгини: «дал есмъ княгине своей по своему животе город свой Кобрынъ, и с людьми, и з данью, како при мне давали, тако и по мне ать дають княгине моеи».⁶⁵ Обоснованно также предположение Б. Д. Грекова о передаче во владение первому русскому митрополиту г. Переяславля.⁶⁶ И. Я. Фроянов, по-

---

⁵⁹ Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 95—97.

⁶⁰ ПСРЛ, II, стб. 491, 599. — В Лаврентьевской летописи в аналогичном, но редакционно измененном тексте написано: «...города ея и дани, что же башеть даль церкви тои блаженны князь Андрей» (ПСРЛ, I, стб. 375).

⁶¹ Там же, стб. 658.

⁶² Там же, стб. 502.

⁶³ ДКУ, с. 143.

⁶⁴ ПСРЛ, II, стб. 567.

⁶⁵ Там же, стб. 903.

⁶⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 139—140.

лагая (неясно — почему), что такое владение осуществлялось на «частном праве», отвергает это мнение. Он видит в этом княжеском акте передачу кормления митрополиту, а не предоставление права условного феодального владения.⁶⁷ Однако такое утверждение декларативно. Близкие по времени западноевропейские средневековые материалы середины—второй половины X в. позволяют установить статус городов в составе земельных владений. Епископ Титмар, излагая события 974 г., связанные с передачей Оттоном II его епископству значительных владений, писал: «Он (император Оттон II. — *М. С.*) со щедрым благочестием позаботился о бедном до того мерзебургском епископстве и вверил (*tradidit*) попечителю его Гизелеру, так как он его высоко ценил, в первых, аббатство Польде, далее город Цвенкау со всем относящимся к службе (*ad servitutem*) святого Иоанна Крестителя⁶⁸ и передал (*permisit*) все, что охватывает стена города Мерзебурга, с евреями, купцами и деньгами,⁶⁹ а также лес между Заале и Мильде, расположенный между пагами Сьюзули и Плейснер, поселения Корен, Нерхау, Паузитц, Портиц и Гундорф, и все это он удостоверил, когда собственной рукой скрепил грамоты».⁷⁰ Юрисдикция в этих городах не определена, однако и административно, и как церковная единица Мерзебургское епископство оставалось во власти императора, о чем свидетельствует передача марки Мейсенской марке в 976—979 гг., а после того как Гизелер стал магдебургским архиепископом, земли Мерзебургского епископства были разделены между епископствами Хальберштадта, Мейсена и Цейца.

Таким образом, владение церкви городами в составе княжеств также означает административное управление, сбор и потребление податей. Однако верховная политическая, административная и, возможно, судебная власть оставалась в руках князя, который всегда мог распорядиться судьбой этих владений. Такой вид феодального владения, как промежуточный между вотчиной, полностью или частично снабженной иммунитетными правами, и кормлением — правом пользования частью (или целиком) государственных податей от населения при отправлении обязанностей княжеской административной и юридической власти на определенный срок был типичен для феодальных отношений и широко распространен. И поэтому нет оснований считать его кормлением

⁶⁷ Аграрная история северо-запада России. Л., 1971, с. 59—60.

⁶⁸ Кафедральная церковь в Мерзебурге. Вероятно, ей был передан город Цвенкау.

⁶⁹ Денежные поступления от города.

⁷⁰ Thietmari chronicon, III, 1. — Ср. близкий по содержанию текст Ипатьевской летописи: «и дая (Андрей Боголюбский. — *М. С.*) и (церкви Богородицы во Владимире. — *М. С.*) много имения, и слободи куплены, и с даньми, и села лепшая, и десятины в стадах своих и торгъ десятии», «а бояре (Ростиславичей. — *М. С.*) учаютъ на многое имание святое Богородице Володимерское, золото и серебро възяста, первый день ключи полатии церковных отъяста и город ея и дани, что бяше далъ церкви тои князь Андрей» (ПСРЛ, II, стб. 491, 598, 599).

или противопоставлять его кормлению либо вотчине с иммунитетными правами, учитывая значительное разнообразие видов привилегий в осуществлении феодального права собственности.

Города появлялись в составе доменов и в результате их строительства князьями. На это указывают названия городов, носящих имена их основателей с притяжательными суффиксами. В народном предании, записанном в Лаврентьевской летописи под 1128 г., рассказывается о женитьбе Владимира Святославича на Рогнеде и о том, как малолетний Изяслав по наущению матери с мечом выступил против отца. Владимир рассказал об этом боярам. «Они же рекоша: „Уже не убий ея, детяти деля сего, но въздвигни отчину ея. И даи ей с сыном своим“. Володимер же устрои город, и да има, и нарече имя городу тому Изяславль».⁷¹ Как показывает источниковедческий анализ, это предание, опирающееся на реальную историческую основу, существовало в XI в., во время работы летописца над ПВЛ.⁷² Для нас в данном случае важно, что для читателей и слушателей в XI и XII вв. строительство города, название его именем князя с притяжательным суффиксом, указывающим на князя как на владельца города, и вотчинное владение городом были реальностью. Вероятно, некоторые названия (Владимир, Коснятин) указывали лишь князей — основателей городов. Но княжеские имена с притяжательными суффиксами говорили о домениальном владении, подобно тому как названия дворов свидетельствовали об их владельцах, а не о строителях: Бориславль, Брячиславль, Воротиславль, Радьславль, Ярославль, Вакеев, Гордятин, Ратьшин, Чудин, Глебов, Деместиков, Никифоров. Объяснение происхождения подобных городских топонимов можно найти в разрастании княжеских крепостей и замков феодалов с образованием посада,⁷³ при этом княжеский замок иногда мало отличался от города⁷⁴ (впрочем, систематическое исследование русских замков X—XIII вв. еще в 1964 г. оставалось одной из насущных задач археологов⁷⁵), укрепленные сельские поселения превращались в феодальные замки и города.⁷⁶ Вместе с тем при объяснении возникновения древнерусских городов появились крайние точки зрения, объясняющие «города, организуемые князьями», как «в основном... военные форты, отбивающие нападения извне»,⁷⁷ и все города, названные именами князей, как княжескую домениальную собственность.⁷⁸

---

⁷¹ ПСРЛ, I, стб. 300—301.

⁷² ПВЛ, II, с. 321—322.

⁷³ Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. — КСИИМК, 1951, вып. 41, с. 9, 11—12.

⁷⁴ Раппопорт П. А. О типологии..., с. 7.

⁷⁵ Рыбаков Б. А. Любеч..., с. 21..

⁷⁶ Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, 1956, № 52, с. 64.

⁷⁷ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 49.

⁷⁸ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в. М., 1977, с. 222—223.

Анализ письменных источников, а также результатов археологических исследований укрепленных поселений XI—XIII вв. (работы Б. А. Рыбакова, Н. Н. Воронина, П. А. Раппопорта, В. В. Седова, Л. В. Алексеева, В. И. Довженка, П. П. Толочко и др.) указывает на то, что в различных землях Древней Руси существовали домениальные города. Их особую группу составляли поселения, названные именами князей. Происхождение их названий объясняется, вероятно, тем, что первоначально строился княжеский двор — замок или крепость, и название обозначало его владельца и строителя. Отсюда аналогичность городских названий наименованиям княжеских и боярских дворов. В дальнейшем замки и крепости разрастались в города — торгово-ремесленные и административно-политические центры. Поэтому судьбы городов, названных именем князя, оказывались различными. В период существования единого Древнерусского государства некоторые такие города воздвигались для закрепления новых территорий. Подобные города-крепости строились в период феодальной раздробленности для укрепления рубежей феодальных княжеств. Другую группу составляют феодальные замки и домениальные города, которые строились как княжеские резиденции и центры домениальных владений, причем в XII в. прослеживается связь между появлением домениальных городов во Владимиро-Суздальском и Смоленском княжествах и стремлением княжеской власти к распространению домена в земледельческих районах. Некоторые из замков, такие как южнорусские Василев и Юрьев, разрастались и становились обычными городами, другие сохраняли основную функцию княжеских замков (Ольгов, Всеволож, Данилов). Домениальные Юрьев и Белгород оказались тесно связанными с учрежденными епископиями, однако они не стали епископскими городами (как в Западной и Центральной Европе) вследствие зависимости древнерусской церкви от сильной княжеской власти. Первоначальный статус многих городов установить не удастся из-за незначительного числа сведений о них. Вместе с тем можно отметить почти полное отсутствие городов, названных именем князя, в Переяславском княжестве и полное их отсутствие в Новгородской земле, что объясняется слабостью в них княжеской власти, и повсеместное распространение названий городов, производных от не княжеских имен, что было следствием, вероятно, их происхождения от боярских вотчин (Богуславль, Носов, Русотин, Пирятин и др.). Эти факты позволяют предположить, что немногочисленные недвусмысленные указания домениальных городов в письменных источниках отражали широко распространенное явление.⁷⁹

Уже в XI в. существовали княжеские домениальные волости. Как следует из сообщения Ипатьевской летописи, Ярополк Изяславич (ум. в 1086 г.) передал Десятинной церкви и Печерскому

---

⁷⁹ Свердлов М. Б. К изучению древнерусских топонимов как исторического источника. — ВИД. Л., 1982, т. XIII.

монастырю «всю жизнь свою, Небольскую волость, и Деревьскую, и Лучьскую, и около Киева».⁸⁰ «Вся жизнь» территориально значительно меньше княжества Ярополка. Это свидетельствует о том, что князь передал монастырю свои домениальные владения. Такое понимание естественно вытекает из содержания текста и принято в советской историографии.⁸¹ Вероятно, ошибочно М. Н. Тихомиров интерпретировал этот вклад как передачу Небольской волости в полное владение или только для получения с нее дохода.⁸² В-первых, речь в летописи идет о «всей жизни», а не об одной волости. Во-вторых, здесь смешаны два разных понятия — домениальное полное владение и форма эксплуатации владения посредством взимания дани — налога, причем одно не исключает другого. И. Я. Фроянов, интерпретируя рассматриваемое известие, противопоставил сбор дохода с домениальных волостей домениальному владению, на основании чего сделал необоснованный, на наш взгляд, вывод, что княжеский вклад волостей в монастырь не был земельным пожалованием.⁸³ Следует отметить, что слово «жизнь» наряду с основными значениями входило в круг понятий, обозначавших домениальное владение. Поэтому в Ипатьевской летописи под 1146 г. в прямой речи при перечислении нанесенного войной ущерба говорится: «Се еста землю мою повоевали, и стада моя и брата моего заяли, жита пожъгли, и всю жизнь погубила еста», а ранее в летописном изложении событий говорилось о захвате 3000 «кобыл стадных» и 1000 коней, «по селомъ пожгоша жита и дворы».⁸⁴ В данном контексте очевидно значение слова «жизнь»: это источник существования — село, продовольствие, имущество,⁸⁵ личное владение в целом, тогда как «земля» означала в данном случае княжество в целом. Значение слова «жизнь» как «кормленная волость» в данном тексте не подразумевается.⁸⁶ Аналогичны и другие случаи употребления этого

⁸⁰ ПСРЛ, II, стб. 492.

⁸¹ Юшков С. В. Очерки..., с. 48; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 138; Шапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 332. — О. М. Рапов выразил «сомнение относительно этого сообщения», поскольку во второй половине XII в. Луцкая и Деревская земли были самостоятельными княжествами (Рапов О. М. Княжеские владения..., с. 84). Однако в данном известии перечисляются, по нашему мнению, лишь отдельные домениальные волости этих земель (например, волость «около Киева»). Поэтому сомневаться в данном сообщении нет достаточных оснований, к тому же за период около столетия волости могли отнять у монастыря, на что указывают запретительные формулы уставных, вкладных и договорных грамот (см. ниже, с. 197).

⁸² Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. М., 1955, с. 35.

⁸³ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 77.

⁸⁴ ПСРЛ, II, стб. 332. — Курсив наш.

⁸⁵ Срезневский, I, стб. 873; Черепнин Л. В. Еще раз о феодализме в Киевской Руси. — В кн.: Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976, с. 18.

⁸⁶ Мнение о том, что волость, кормившая князя, именуется «жизнью», И. Я. Фроянов подтверждает также указанием на вклад Ярополка в Пе-

слова: «Изяславъ же то стоя и пожже все села их (черниговского князя Святослава Ольговича и его союзников. — М. С.) оли и до Боловаса. Нача Изяславъ молвити: „Се есмы села их пожгли вся и жизнь их всю, и они к намъ не выйдутъ. А поидем к Любчю, идеже их есть вся жизнь“». Как видим, понятия «кормленная волость» в данном контексте также нет. В последующем тексте, в жалобе Святослава Ольговича на действия Изяслава Мстиславича в 1148 г., это еще более очевидно («А се паки Изяславъ пришед опять к Чернигову, ставъ на Олгове поле, ту села наша пожгли они до Любча и всю жизнь нашу повоевали»⁸⁷), поскольку разоренные земли и сожженные села указаны на большой территории между Десной и Днепром, не совпадающей с понятием «волость». На тесную связь понятия «жизнь» именно с селами, продовольствием и имуществом, которое там находилось (причем в домениальном владении), указывают слова Мстислава Изяславича к своим дружинникам: «Вы есте по мне из Рускы земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизни лишився». После этого он клянется: «Любо голову свою слою, паки ли отчину свою налему и вашу всю жизнь»⁸⁸ (т. е. он обещает вернуть села и необходимые для жизни феодала доходы от сел). Не подтверждает мнение И. Я. Фроянова указание на передачу доходов от земель королевским приближенным в виде пожалований. Этот институт, прослеживаемый в Древней Руси в X в., охарактеризован Марксом как «вассалитет без ленов или лены, состоящие только из даней».⁸⁹ В развитом феодальном обществе он стал одним из видов феодальной эксплуатации — кормлениями.⁹⁰ Случаи кормлений, приводимые И. Я. Фрояновым в подтверждение предполагаемой им связи «корм» — «жизнь» — «кормленная волость», не позволяют сделать вывод, что «древнерусские князья на хлебном довольствии стояли каждый в своем княжестве — волости».⁹¹ Даже в приведенных И. Я. Фрояновым примерах те князья, которые «кормились», находились в чужих владениях: в 1100 г. Владимир, Святополк и Олег предлагали «кормить» Василька

черский монастырь трех волостей и ссылкой на то, что братья Рогволода Борисовича «вземше под ним волость его и жизнь его всю» (Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 63; Аграрная история..., с. 58). Однако первый пример с большим, по нашему мнению, основанием можно толковать как свидетельство о домениальных княжеских волостях, а понимание второго ошибочно, поскольку речь там идет не о волости, а о Полоцком княжестве, с которого Рогволод был свергнут полоцанами в 1151 г. (ПСРЛ, II, стб. 445, 493).

⁸⁷ ПСРЛ, II, стб. 361, 363.

⁸⁸ Там же, с. 409—410.

⁸⁹ Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, p. 76.

⁹⁰ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947, т. I, с. 263—280; Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 51—53; Аграрная история..., с. 60—61.

⁹¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 64.

у себя, потерпевший поражение Ярослав Всеволодович попросил брата Константина: «накорми мя хлебом» — и получил в управление Радилов, Михаил Всеволодович, киевский князь, кормился на землях галицко-волынских князей Даниила и Василько, Федор Михайлович также кормился новгородским хлебом в Пскове с разрешения великого князя Андрея и «всего» Новгорода, тогда как Бориса Константиновича Новгород «кормил» Корелю.⁹² Таким образом, здесь речь идет о кормлениях как передаче всех доходов или их части кормленщику. Конечно, среди государственных налогов были натуральные поставки, прежде всего хлеб, что явилось основой фигуральных выражений и реальных отношений, связанных со сбором налогов и кормлением, но в тех же примерах указано серебро как вид налога.⁹³ Не следует забывать денежных и меховых налогов в X в., а также хорошо известной раскладки налогов только в денежной форме по уставной грамоте Ростислава Мстиславича 1137 г. Тогда на материалах XIII—XV вв., приведенных И. Я. Фрояновым, нельзя будет обосновывать мнение, по которому «тот факт, что они отражают архаические явления, придает им значительную ретроспективную силу».⁹⁴ Таким образом, источники не подтверждают точку зрения И. Я. Фроянова о возможности интерпретации вклада князя Ярополка Изяславича только в виде натуральных поборов с волостей, а не самих домениальных волостей. На возможность передачи князем отдельных волостей церкви свидетельствует также распоряжение Ростислава Мстиславича о домениальных «уездах княжих», которые стали владением смоленской епископии.⁹⁵ Как отметил С. В. Юшков, домениальные княжеские города и волости завещались, менялись, покупались.⁹⁶ Последнее наблюдение подтверждается теперь не только сообщением о купленных слободах Андрея Боголюбского,⁹⁷ но и графитто XII в. в Софии Киевской о покупке княгиней у Бояна, вероятно боярина, «всей земли» за 70 соболиных гривен.⁹⁸

Следует отметить замечание С. В. Юшкова о передаче киевскому Печерскому монастырю Андреем Боголюбским в 1159 г. (по заповеди отца) городов Василева на Стугне и Мическа на Тетере (Юшков ошибочно полагал Мическ на р. Мике), правых притоках Днепра, т. е. далеко от Владимиро-Суздальского княжества, хотя Андрей еще не владел Киевщиной.⁹⁹ Это наблюде-

⁹² Там же, с. 62—63.

⁹³ Примеры см.: там же, с. 63.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ ДКУ, с. 143.

⁹⁶ Юшков С. В. Очерки..., с. 47—48.

⁹⁷ ПСРЛ, II, стб. 491.

⁹⁸ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1963, вып. 1, с. 61—64. — Следует отметить, что число домениальных княжеских волостей было значительно большим, чем указывают источники, поскольку домениальные города являлись центрами домениальных волостей (см., например: Алексеев Л. В. Полоцкая земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 226—229).

⁹⁹ Юшков С. В. Очерки..., с. 48.

ние имеет большое значение, поскольку указывает на владения князя, которые находились в чужом княжении. Когда Юрий Долгорукий начал княжить в Киеве в 1149 г., он посадил Андрея в Вышгороде. Вероятно, к этому времени относятся приобретение Андреем в домениальное владение городов Василева и Мическа или Василевской и Мической волостей либо передача их ему отцом в вотчину. Именно в Мическе остановился Андрей в 1151 г. и оттуда отправил «сторожей» узнавать, где находится его отец.¹⁰⁰ После смерти Юрия в 1158 г. его сыновья были изгнаны из Киевской земли, однако вотчины за князьями, вероятно, сохранились. Поэтому Андрей мог подарить в 1159 г. свои киевские владения Печерскому монастырю. В результате последующих политических событий монастырь мог быть лишен этих владений.

Наблюдение С. В. Юшкова подтверждает известие о вкладе Ярополком Изяславичем в Печерский монастырь до 1086 г. «всей жизни»: «Небльскую волость, и Деревьскую, и Лучьскую, и около Киева». Волости Ярополка разбросаны на огромном пространстве. Однако такое расположение вотчинных владений князя объясняется его биографией. Отец Ярополка Изяслав Ярославич был киевским князем до 1078 г. (с перерывом в 1073—1077 гг.). После возвращения в Киев Изяслав дал сыну Вышгород. Отсюда у Ярополка могла появиться вотчина около Киева. После гибели Изяслава киевским князем стал Всеволод Ярославич, который сделал Ярополка владимирским и туровским князем. Этим объясняются его волости на Волыни и в Деревской земле. Таким образом, известие летописи о вкладе Ярополка в Печерский монастырь сообщает не только о существовании княжих домениальных волостей, но и о сохранении за князем вотчинных прав на его владение, когда князю по разным причинам приходилось менять княжение.

И. Я. Фроянов полагает, что Ярополк передал Печерскому монастырю свою волость около Киева во время пребывания в Вышгороде, а волынские волости — позднее.¹⁰¹ Действительно, в летописи не указано, была ли «дача» Ярополка одновременной или совершалась в разное время. Однако форма записи «вда всю жизнь свою» с последующим разъяснением, из чего состояла «вся жизнь» Ярополка, указывает на одновременное существование в домениальном владении вотчин на юго-западе Руси и около Киева. Глагол «вда» в аористе, обозначавшем действие, совершенное без повторов и перерывов, а не в имперфекте, обозначавшем действие длительное и повторяемое, свидетельствует о разовом вкладе князя в монастырь, вероятно, в виде завещания. Такое понимание текста подтверждается последующим изложением, которое не вызывает сомнений в подобном использовании глагола «вда» для указания разовых княжеских вкладов в монастырь: «Глебъ же вда въ животе своемъ съ княгинею 600 гривен серебра

¹⁰⁰ ПСРЛ, I, стб. 330.

¹⁰¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 76.

и 50 гривен золота,¹⁰² а по княжи животе княгини вда 100 гривенъ серебра а 50 гривенъ золота,¹⁰³ а по своем животе вда княгини 5 сель и съ челядью и все да и до повоя».¹⁰⁴ Поэтому интерпретация И. Я. Фроянова представляется нам недоказанной.

Со всей очевидностью на несовпадение княжеских домениальных владений с границами собственных княжеств указывает известие Лаврентьевской летописи под 1195 г.: «Посла... князь Всеволод Юрьевич тивуна своего Гюрю с людьми в Русь и созда град на Городци на Вьстри, обнови свою отчину».¹⁰⁵ Как следует из этого сообщения, владими́ро-суздальский князь Всеволод Юрьевич (1176—1212 гг.) послал в южнорусские земли в свою отчину, расположенную всего в 45 верстах от Киева, тиуна — управляющего с людьми, которые построили в пограничном между Киевской и Черниговской землями (собственно на территории Переяславского княжества¹⁰⁶) поселении Городец (или Городок) на р. Остер оборонительное сооружение — «град» (судя по названию, Городец был укрепленным поселением — городищем). Однако Киевская земля не была в это время владением Всеволода Юрьевича. Отец Всеволода, Юрий Владимирович, был киевским князем 35 лет назад (занимал киевский стол в 1149—1150, 1155—1157 гг.). Показательно, что в 1150—1151 гг. Городец, или Остерский Городок, был опорной базой Юрия Долгорукого и его сыновей в борьбе за киевский стол, куда они укрывались во время поражений.¹⁰⁷ Таким образом, Городец был домениальным владением Юрия еще до 1149 г. и оставался таковым после его изгнания в Суздаль в 1151 г. Вероятно, для уничтожения опорной базы Юрия в южнорусских землях враждебные ему князья в 1152 г. совершили поход на Городок, и «разведоша Городокъ Гюргевъ, и пожгоша и, и божницу святого Михаила верхъ бяша нарубленъ деревом, и то сгоре».¹⁰⁸ Здесь прямо указано, что Городок принадлежал Юрию Долгорукому. Об этом же косвенно свидетельствует строительство Юрием в 1152 г. другого Городца на Волге с таким же названием, где также стояла церковь св. Михаила.¹⁰⁹ Только Глеб Юрьевич ненадолго (1169—1171 гг.) захватил Киевское княжение. Все остальное время киевским княжеством владели князья из других семейств. В 1195 г. великим князем был Рюрик (1195—1202 гг.) из враждебных Всеволоду и его родственникам и детям Ростиславичей. То, что Городец более 30 лет

---

¹⁰² Нет оснований полагать, что здесь суммированы разновременные вклады и записан итог.

¹⁰³ Это разовый вклад.

¹⁰⁴ ПСРЛ, II, стб. 492—493. — Это тоже разовый вклад с формулировкой, аналогичной указанию о вкладе Ярополка.

¹⁰⁵ Там же, I, стб. 412.

¹⁰⁶ Зайцев А. К. Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 80.

¹⁰⁷ ПСРЛ, II, стб. 396, 416, 444—445.

¹⁰⁸ Там же, стб. 446.

¹⁰⁹ Медведев А. Ф. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 158.

оставался вотчиной владими́ро-сузда́льских князей, свидетельствует об «экстерриториальности» княжеских владений, которые оставались в домениальной собственности независимо от превратностей политической судьбы князя.

Показателен тот факт, что уже во второй половине XI в. сложились домениальные владения, территориально не находившиеся в пределах одного княжества. На это указывают известные земельные вклады, разбросанные на огромных территориях: упомянутый ранее вклад Ярополка Изяславича, а также «дача» Ефремом, в бытность переяславским епископом или киевским митрополитом, Печерскому монастырю до 1096 г. в Суздале церкви с селами, для управления которыми и хранения доходов в Суздале был построен «монастырский двор Печерского монастыря».¹¹⁰ В древнейшей сохранившейся новгородской договорной грамоте 1264 г. как сложившееся отношение (на этом целовал крест Новгороду еще Ярослав Всеволодович, который был новгородским князем с перерывами с 1215 по 1246 г.)¹¹¹ сформулировано условие: «ни сельъ ти держати по Новгородской волости, ни твоеи княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ; ни свободъ ставити по Новгородской волости».¹¹² Эта статья содержится также в договорах 1266 г. и последующих договорных грамотах как запрещение покупать села в Новгородском княжестве и «даромъ приимати» их от закладников (эти условия то включались, то исключались из договоров, смотря по соотношению сил князя и Новгорода).¹¹³ Совершенно очевидно, что за два года, разделяющие договоры, такие новые формы приобретения сел князьями, боярами и слугами-дворянами сложиться не могли, поэтому в новой формулировке следует видеть совершенствование договора как правового документа, а не свидетельство о новом со-

¹¹⁰ ПСРЛ, I, стб. 492—493; *Шапов Я. Н.* Церковь..., с. 331—332.

¹¹¹ Вопрос о древнейших письменных договорах Новгорода с князьями неоднократно рассматривался в историографии. А. Е. Пресняков полагал, что договор, датированный 1263 г., древнейший, ранее были отдельные постановления, отсюда неустойчивость формуляра (*Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. 71. — Аналогичное мнение см.: *Кочин Г. Е.* О договорах Новгорода с князьями. — Учен. зап. ЛГПИ, т. 19, 1939, с. 210). Л. В. Черепнин отметил указания начала XIII в. на «грамоты Ярославли», составление которых отнесено им к Ярославу Владимировичу (1182—1199 гг.); при нем «шла дальнейшая работа над договорным формуляром» (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948, ч. I, с. 252—253). Не рассматривая этого вопроса в целом, как и датировки сохранившихся договорных грамот, которые различаются на 1—2 года (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948, ч. I, с. 254—266; *Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1956, т. V, с. 302—306. — В. Л. Янин относит «грамоты Ярослава» к 1220-м гг.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 136), отметим, что летописные и актовые данные недвусмысленно указывают на существование таких грамот во время Ярослава Всеволодовича.

¹¹² ГВНП, с. 9—10.

¹¹³ Там же, с. 11 и сл.

циально-экономическом явлении. Таким образом, договоры отражали сложившиеся формы княжеского землевладения. Князья приходили на новгородский стол и уходили с него, но земельные приобретения в виде купель, закладов и дарений оставались, что представляло значительную опасность для Новгорода: оставалась основа для последующего политико-экономического вмешательства (князья становились новгородскими землевладельцами и сеньорами зависимых от них людей) и для расхищения контролируемого Новгородом земельного фонда. Вероятно, княжеские земельные купли XIII в. продолжали традицию этого института, установившуюся, согласно сведениям о куплях земель и слобод, в XII в., что позволяет данные договоров Новгорода с князьями в XIII—XIV вв. ретроспективно использовать при определении юридического статуса и социально-экономического значения купли в составе княжеского домена XII в.

Н. Л. Подвигина, основываясь на анализе новгородских материалов и результатах их исследований в трудах Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова и В. Л. Янина, убедительно показала автономность существования княжеского домена в составе новгородских земель в XII—XIII вв. Впрочем, ею не определен статус домена по отношению к самим князьям. Она отмечает, что в результате частых перемен на княжеском новгородском столе в XII—первой трети XIII в. князья не были заинтересованы в увеличении своих владений, которые могли в любой момент потерять. Положение, по мнению Н. Л. Подвигиной, «несколько изменилось» в середине XIII в., когда Новгород признал суверенитет великих владимирских князей, и поэтому князь с великим княжением получал новгородский стол и княжеские земельные владения.¹¹⁴ Однако отмеченное Н. Л. Подвигиной изменение не оказывало существенного влияния на характер новгородского княжеского домена, поскольку само владимирское княжение было объектом частых перемен враждующих княжеских домов, вплоть до подчинения Москве Твери, установления в Новгороде постоянного московского влияния и преемственного владения московских князей владимирским княжением, что произошло в первой половине XV в.¹¹⁵ Таким образом, принципиальных изменений в характере княжеских земельных владений в Новгороде не произошло.

Уже древнейшие сохранившиеся договоры Новгорода с великими князьями свидетельствуют о значительной и разнообразной хозяйственной деятельности князей на Новгородской земле, что позволяет предположить все эти формы активности и в собственных княжениях в XIII в. Князья покупали села, принимали их «даром», т. е. в заклад, ставили села и слободы, т. е. вотчинные поселения, временно или постоянно освобожденные от податей,

¹¹⁴ Подвигина Н. Л. Очерки..., с. 37—40.

¹¹⁵ Например, с середины XIII в. (Андрей Ярославич) до середины XIV в. (Семен Иванович Гордый) на владимирском великом княжении князья менялись около 15 раз.

владелі пожнями-сеножатыми и захватывали их у других.¹¹⁶ Таким образом, существование волостей и сел, купленных, захваченных, а позднее полученных «без куп» в заклад, прослеживается с XI по XIII в. Начало этих княжеских доменов следует видеть во дворах, княжеских селах и городах, случайно упомянутых в известиях, относящихся к X в. Развитие домена заключалось в появлении княжеских владельческих волостей, становлении и разрастании княжеского домена как собственности, независимой от политических границ княжеств, расширении форм приобретения домена (купля, обмен, закладничество).¹¹⁷ Разбросанность крупных домениальных владений на огромные расстояния в составе различных государств в средние века — факт, хорошо известный в историографии.¹¹⁸

Источники позволяют определить хозяйственную структуру боярской вотчины. Вероятно, первоначальной формой ее организации был двор. В известиях источников о Руси XI в. содержатся недвусмысленные указания на боярские дворы (сведения о которых были приведены выше), села крупного и мелкого боярства (эти сведения собраны и проанализованы в литературе),¹¹⁹ а также города и волости, принадлежавшие боярской

---

¹¹⁶ ГВНП, с. 9—11 и сл.

¹¹⁷ См. также: Юшков С. В. Очерки..., с. 45—50.

¹¹⁸ Boutruche R. Seigneurie et féodalité. Paris, 1968, vol. 1, p. 114—115. — Уже К. Лампрехт писал, что крупное землевладение состояло из мелких земельных комплексов, чересполосно расположенных с чужими владениями. При этом земельная собственность даже мелкого собственника была разбросана отдельными участками на площади от 30 до 40 кв. миль. А владения крупного землевладельца, например Прюмского монастыря, находились в сотнях деревень, отдаленных огромными расстояниями (Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX—начала XX в. М., 1958, с. 282, 288, 310). А. Пиренн отмечал, что домениальные владения находились в районах, подчиненных разным князьям (по его словам, «это случалось часто»), и даже на территориях с разными языками (Pirenne H. Histoire économique et sociale du moyen âge. Paris, 1963, p. 49—50). Он объясняет эти случаи по отношению к церкви пожертвованиями вкладчиков, а по отношению к светским лицам матримониальными союзами и наследованием. Но при этом упускаются основные причины: условная иерархическая земельная собственность, социально-политическая система феодализма, при которой земельные владения не совпадают с «политическими» границами княжеств, и социально-экономическая активность крупных феодальных вотчин.

¹¹⁹ Сводку мнений о боярском землевладении, высказанных в дореволюционной и советской литературе, сделал О. М. Рапов. Он собрал также сведения о сложном составе боярской вотчины в XII—первой половине XIII в. и отметил, что кроме дворов и сел в нее могли входить волости и города (Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII—XIII вв. — В кн.: Польша и Русь. М., 1974). Существование боярских «частновладельческих» городов отметил ранее В. Т. Пашуто, который справедливо указал на малую изученность этого вопроса (Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города, с. 97). Археологи также прослеживают боярские замки — «города», некоторые из которых названы по имени владельцев (Раппопорт П. А. 1) Мстибогов городок. — КСИА, 1962, вып. 87; 2) О типологии древнерусских поселений, с. 6—7; 3) Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. —

знати. В существовании боярских сел в XII—XIII вв. никто не сомневается. Находки берестяных грамот подтвердили и расширили круг сведений о боярском землевладении в этот период.¹²⁰

Уже в дореволюционной историографии было обращено внимание на известия, относящиеся к середине XII в., о владении селами не только бояр, но и дружинников:¹²¹ «Разъграбиша Кияне съ Изяславомъ дружины Игоревы и Всеволоже, и села и скоты, взяша именья много в домехъ и в манастирехъ»; «Изяславъ же рече дружине своей: „Вы есте по мне из Рускы земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизни лишився...“». ¹²² В советской историографии особое внимание обращено на ст. 91-ю ПП, в которой было закреплено наследственное владение бояр и дружинников движимым и недвижимым имуществом: «Аже в боярехъ любо в дружине, то за князя задница не идеть; но оже не будетъ сыновъ, а дщери возмутъ» (Синодально-Троицкая группа Русской Правды). В более позднем редакционном изменении Археографического II списка заголовков статьи другой: «Аже в боярехъ любо в дружине» изменены на «Аще в боярстеи дружине». Как отметил А. А. Зимин, эти изменения заголовков были вызваны углублением процесса феодализации, и поэтому норма статьи о наследовании бояр и княжеских дружинников была распространена на основные группы свободного населения Древней Руси.¹²³ Согласно убедительному мнению А. Е. Преснякова, отрицательная формулировка ст. 91-й свидетельствует об отмене ранее действующего порядка: раньше наследство боярина и дружинника при отсутствии сыновей отходило князю. Это предположение А. Е. Пресняков подтвердил аналогичной нормой о передаче имущества смерда без сыновей князю (ст. 90-я ПП), а также подобными положениями средневековых славянских и германских судебныхников.¹²⁴ Аналогию норме древнерусского права можно найти также

КСИА, 1967, вып. 110, с. 191—192; *Седов В. В.* К истории поселений Червоной Руси. — КСИА, 1974, вып. 139).

¹²⁰ *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... с. 113—122. — О строительстве боярами вотчинных городов могут свидетельствовать следующие названия, производные от не княжеских имен, с притяжательными суффиксами: Воротиславль, Дедославль, Комов, Кучелмин, Пирятин, Русотин и др.

¹²¹ *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 4-е. СПб., 1912, с. 78.

¹²² ПСРЛ, II, стб. 328, 409. — И. Я. Фроянов, повторяя свое, по нашему мнению, недоказанное предположение о слове «жизнь» как обозначении «волостных сборов, предназначавшихся князьям и его окружению, в том числе боярам, занимавшим „высокооплачиваемые“ должности на служебной лестнице», предполагает во втором сообщении известие о различных кормах, натуральных и денежных (*Фроянов И. Я.* Киевская Русь (I), с. 68), опуская в интерпретации указания прежде всего на села дружинников, в тесной связи с которыми слово «жизни» обозначает доход и продукты питания от сел и накопленные имущества.

¹²³ ПРП. I, с. 180.

¹²⁴ *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1938, т. I, с. 188—189. — Аналогичные наблюдения сделаны В. Никольским: О началах наследования в древнейшем русском праве. М., 1859, с. 364. — Они были поддержаны Б. Д. Грековым (Киевская Русь, с. 343).

в старом правиле о передаче в королевскую корону выморочного имущества феодала в грамоте чешской королевы Кунигунды 1245 г., хотя еще в 1222 г. по постановлению Пшемисла I Отакара при отсутствии сыновей и дочерей имущество феодала (*nobilis*) передавалось ближайшим наследникам.¹²⁵ По мнению А. Е. Преснякова, в изменении прав наследования ст. 91-й отразилось постепенное выделение личных и наследственных прав лиц свободных, но входящих в личную зависимость от князя, в сферу влияния княжого права, противопоставленного системе народного общинного права.¹²⁶ Б. Д. Греков интерпретировал изменение в праве наследования бояр и дружинников как отражение их прав на землю бенефиция, т. е. пожизненно, с последующим превращением его в наследственное владение — феода.¹²⁷ Наблюдение А. Е. Преснякова позволяет определить важную закономерность в развитии древнерусского права наследования. Первоначально наследство бояр, дружинников и смердов без сыновей отходило князю (при выделении незамужним дочерям части имущества и при лишении наследства замужних дочерей, как в ст. 90-й ПП о наследстве смерда). Вместе с тем на основании ст. 90-й и 91-й ПП можно проследить отличия в развитии прав наследования на Руси и в других славянских странах. При лишении органов народного самоуправления верховных функций власти, а также при концентрации политической и административной власти феодальным государством право распоряжения земельными участками владельцев без сыновей или выморочными переходило князю, что становилось одной из его прерогатив как выразителя права верховной земельной собственности государства.

Учитывая сложную структуру княжеской дружины, большую широту понятия «дружина» по сравнению со «старшей дружиной» — боярами,¹²⁸ недвусмысленное разделение понятий «боярин» и «дружинник» в ст. 91-й ПП, следует заключить, что в XII в. дружинники стали владельцами сел, землевладельцами. Вместе с тем следует отметить, что стремление к владению землей отмечается у служилых людей уже в первой половине XI в. Например, родители Феодосия после рождения сына (ок. 1036 г.) переселились из Василева в Курск, «князю тако повелевшу». Но уже к 13 годам Феодосия они владели «селом» под Курском, куда Феодосий ходил работать «съ рабы своими».¹²⁹

¹²⁵ *Codex diplomaticus et epistolarium regni Bohemiae*. Pragae, 1962, t. IV, s. 174; 1912, t. II, s. 224.

¹²⁶ Пресняков А. Е. *Лекции...* т. I, с. 189—190.

¹²⁷ Греков Б. Д. *Киевская Русь*, с. 343. — Б. Д. Греков рассматривал ст. 91-ю ПП и как свидетельство об увеличении класса землевладельцев — дружинники, как и бояре, стали землевладельцами (там же, с. 141), — тогда как С. В. Юшков видел в ст. 91-й ПП доказательство владения бояр и княжих мужей землей не по признаку трудовой эксплуатации, подобной работе смердов, поэтому смерть главы семейства не влияла на правовую судьбу владения (Юшков С. В. *Очерки...*, с. 52).

¹²⁸ Пресняков А. Е. *Княжое право...*, с. 238—254.

¹²⁹ *Патерик Киево-Печерского монастыря*. СПб., 1911, с. 16—17.

О дальнейшем расширении круга землевладельцев свидетельствуют также известия XIII в. о владении дворян-слуг селами по новгородским договорным грамотам XIII—XIV вв.,¹³⁰ что указывает на развитие мелкого феодального землевладения по службе — от сел, передаваемых дружинникам, до сел дворян-слуг. Причем последним, подобно князьям и боярам, уже в грамотах середины XIII в. запрещалось держать села, покупать и принимать их даром,¹³¹ что свидетельствует о большой хозяйственной и социальной активности бояр и дворян в приобретении собственных сел помимо княжеских «дач». Особым вопросом является определение вотчинного или условного характера боярского и дружинного землевладения в XI—XII вв. Все материалы свидетельствуют о вотчинном характере не только крупного, но и среднего и мелкого землевладения в Древней Руси. М. Н. Тихомиров поставил вопрос о существовании условного феодального землевладения типа позднейших поместий уже в XII в. Однако аргументация приведенных косвенных данных столь уязвима, что нам представляются доводы противников этого мнения более убедительными.¹³²

Известия источников почти ничего не сообщают о структуре боярского хозяйства в XI в. Из преданий о Феодосии Печерском, который жил в Курске, ходил «съ рабы своими на село делати съ всякимъ прилежаниемъ»,¹³³ можно лишь заключить, что хозяйство отца Феодосия состояло из городской усадьбы и пригородного «села», в котором находилась господская пашня (см. ниже, с. 163).

В XII—XIII вв. боярское хозяйство обрисовывается в источниках как сложившийся комплекс. В 1177 г. Всеволод Юрьевич под Ростовом «села боярская взяша, и кони, и скоть», а Глеб Ростиславич отомстил нападением на Владимир «и села пожже боярская».¹³⁴ Раздельное указание сел, коней и скота свидетельствует о том, что село с характерным для него земледелием и промыслами отличалось как предмет добычи и разорения от находящегося там скота.

Структуру боярского села XII в. позволяет уточнить данная Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю (ок. 1192 г.).¹³⁵ В составе

¹³⁰ ГВНП, с. 10 и сл.

¹³¹ Там же, с. 11, 12.

¹³² Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание на Руси XII в. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952; ср.: Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. с. 161—262; Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 70—73.

¹³³ Патерик..., с. 17.

¹³⁴ ПСРЛ, I, стб. 382, 383.

¹³⁵ В дискуссии о подлинности грамоты, по нашему мнению, более убедительно мнение М. Н. Тихомирова, который считал ее подлинной (Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси. — ИЗ, 1945, т. 17, с. 222—233; см. также: Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв. — ВПД, 1.,

вотчины Варлаама были два села с церковью, земля, нивы, огород, ловища (рыбные и гоголиные) и пожни. На то, что под «землей» следует понимать пашню, указывает отличие понятия «земля» от леса и от пожни — покосной земли. Хутынскую землю Варлаам дал вместе с челядью и скотиной. О существовании пахотной земли свидетельствует также указание нивы в селе на Слудичи.¹³⁶ Меньше данных о структуре земельных владений Антония Римлянина (до 1131 г.), который за 70 гривен купил землю (вероятно, пашню) и топлю. Кроме того, Антоний купил за 100 гривен село Волховское, где жили три семьи.¹³⁷ Согласно законодательству Владимира Мономаха о закупках, у «господина», которым мог быть не только князь, но и боярин и дружинник, была собственная запашка, на которой работал закуп. «Господин» давал закупу плуг и борону, владел он также скотом (см. ниже, с. 171). Эти сведения подтверждают данные о структуре господского хозяйства Варлаама. На постоянство сложившейся структуры боярского землевладельческого хозяйства как по общерусской ПП начала XII в., так и по новгородским грамотам XII—XIII вв. указывает также НБГ, № 510 (первая половина XIII в.), в которой сообщается о боярской вотчине: «и розвьли есть цълядь, и скотину, и кобыль, и рожь».¹³⁸

Как свидетельствуют источники XI—XIV вв., хозяйство, земля и скот находились в феодальной собственности бояр. Свобода отчуждения земли подразумевается в сообщении Киево-Печерского патерика, согласно которому «друзи» (ранее шла речь о князьях и боярах) передавали села в виде вкладов в Печерский монастырь во второй половине XI в.¹³⁹ Вклады в монастыри в виде земельных угодий с селами, промысловыми участками и людьми в Новгородской земле известны в XII—XIII вв.¹⁴⁰ О свободе и различных формах отчуждения земли в боярских владениях свидетельствуют различные по происхождению источники XII—XIII вв. В приведенном ранее граффито XII в. в Софии Киевской указана покупка княгиней земли за 70 соболиных гривен у некоего Бояна, который был, вероятно, боярином (см. выше, с. 125). Согласно духовной Антония Римлянина, последний купил землю и топлю за 70 гривен, а также село Волховское с тремя семьями за 100 гривен.¹⁴¹ В статьях договоров Новгорода с князьями во

1976. т. VIII, с. 56—58; Андреев В. Ф. О подлинности данной Варлаама Хутынского. — В кн.: Проблемы отечественной истории, М.; Л., 1976, ч. II).

¹³⁶ ГВНП, с. 161—162. — Подробно о содержании данной см.: Андреев В. Ф. О подлинности данной..., с. 144—150.

¹³⁷ Нам представляется, что В. Л. Янин убедительно показал подлинность духовной Антония Римлянина, датируемой временем до 1131 г., и обосновал дату «купчей» Антония — середина XIV в. (Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 40—59).

¹³⁸ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М., 1975, с. 232—233.

¹³⁹ Патерик..., с. 31.

¹⁴⁰ ГВНП, № 104, 105.

¹⁴¹ См. также: НБГ, № 510 (конец XII—первая половина XIII в.): «...торговала еста съломъ бѣзъ мѣнь. А я за то съло пороучнь» (НБГ, из раскопок 1962—1976 гг., с. 105—107).

второй половине XIII в., восходящих к нормам первой половины XIII в., боярам и слугам-дворянам, как и князьям, запрещалось в новгородских землях ставить слободы, держать села, покупать их и «даромъ приимати» (см. выше, с. 128). Волынский князь Владимир Василькович, согласно его духовной (ок. 1287 г.), купил у боярина Федорки Юрьевича село Березовичи за 50 гривен кун, 5 локтей «скорлату» и бронь «дощатую».¹⁴²

Уже в середине XII в. Климент Смолятич осуждал «сущих славы хотящих, иже прилагают домъ къ дому, и села к селомъ, изгой же, и сябры, и борти, и пожни, и ляда же, и старины».¹⁴³ Это было, судя по форме изложения, не единичное явление. Тот факт, что известий о боярских земельных куплях-продажах не много, не может свидетельствовать о малой распространенности этого явления, поскольку сделки совершались устно, вероятно, по установленной словесно-обрядовой процедуре без письменного документального оформления.¹⁴⁴ Поэтому на основании имеющегося круга источников нельзя сделать вывод о начальном этапе или незначительном уровне развития боярского землевладения в XII в.

Определение состава хозяйственной структуры феодального домена предусматривает выявление категорий зависимого населения, которые в нем эксплуатировались.

СМЕРДЫ

Положение смердов в Древней Руси с давних пор привлекало внимание исследователей. Уже в начале изучения этого вопроса предлагались различные варианты его решения. Наиболее распространенные из них следующие: смерды были свободными (Болтин, Карамзин, Рейц), смерды были несвободными (Полсвой, Каченовский), смердами называлось все сельское население (Соловьев, Дьяконов), смерды — зависимые, сидящие на княжеской земле (Лешков, Ведров, Самоквасов). Имеются и другие мнения.¹⁴⁵

Как свободное сельское население смердов рассматривал В. И. Ленин. Он писал, что в России «отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабелили смердов еще во времена «Русской Правды»)»...¹⁴⁶ Эта же мысль о закабалении свободных земледельцев повторена В. И. Лениным и позднее.¹⁴⁷

Количество предлагаемых решений вопроса о смердах не уменьшилось и в дальнейшем.¹⁴⁸ Б. Д. Греков считал, что термин

¹⁴² ПСРЛ, II, стб. 904.

¹⁴³ Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитору Фоме. Сообщение Лопарева Х. СПб., 1892, с. 14.

¹⁴⁴ Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв.

¹⁴⁵ См.: Правда Русская, II, с. 171—182.

¹⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 199.

¹⁴⁷ Там же, т. 15, с. 131.

¹⁴⁸ Обстоятельные историографические обзоры см.: Черепнин Л. В. Русь..., с. 176—182; Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973, с. 84—93;

«смерды» означал как свободное сельское население, так и попавших в феодальную зависимость крестьян.¹⁴⁹ К этому мнению присоединился И. И. Смирнов, хотя в его исследовании много данных о свободных смердах и почти не приводится сведений о смердах зависимых.¹⁵⁰ С. В. Юшков видел в смердах только феодально зависимое сельское население.¹⁵¹ М. Н. Покровский, Б. А. Романов, Б. И. Сыромятников, М. Н. Мартынов, С. А. Покровский, Л. В. Черепнин, К. Р. Шмидт полагали,¹⁵² что смерды являлись свободным сельским населением, хотя положение их представляли по-разному. Другого мнения Е. Д. Романова. Возвращаясь к точке зрения С. В. Юшкова, она видит в смердах группу феодально зависимых крестьян.¹⁵³ А. А. Зимин доказывал, что смерды происходили из челяди — холопов.¹⁵⁴ И. Я. Фроянов считает смердов для XI—XIII вв. «покоренными племенами, обложенными данью» («внешние смерды»), позднее смердами становятся пленники-рабы, посаженные на княжеские земли.¹⁵⁵ Во втором значении интерпретировал смердов и Ю. А. Кизилов.¹⁵⁶ В. В. Мавродин придерживался другого мнения, близкого к выводам Б. Д. Грекова: «...термин „смерды“ обозначал первона-

Шушарин В. И. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964, с. 95—105.

¹⁴⁹ *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 242.

¹⁵⁰ *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.; Л., 1963, с. 42—102.

¹⁵¹ *С. В. Юшков.* 1) К вопросу о смердах. — Учен. зап. Саратовского университета, 1923, т. I, вып. 4; 2) Очерки...; 3) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, и др.

¹⁵² *Покровский М. Н.* Избранные произведения. М., 1966, кн. I, с. 165—168; *Романов Б. А.* Люди и нравы. Л., 1966; *Сыромятников Б. И.* О «смерде» Древней Руси. — Учен. зап. МГУ, 1947, вып. 116 (Тр. юрид. ф-та. Кн. 2); *Мартынов М. Н.* Восстание смердов на Волге и Шексне во второй половине XI века. — Учен. зап. Вологодского пед. ин-та, 1948, т. 4; *Покровский С. А.* О наследственном праве древнерусских смердов. — Советское государство и право, 1946, № 3—4; *Черепнин Л. В.* 1) Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси. — ИЗ, 1956, т. 56; 2) Общественно-политические отношения...; *Schmidt K. R.* Soziale Terminologie in russischen Texten des fruhen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964. S. 505.

¹⁵³ *Романова Е. Д.* Свободный общинник в Русской Правде. — ИСССР, 1961, № 4.

¹⁵⁴ *Зимин А. А.* О смердах Древней Руси XI—начала XII в. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962. — Однако по справедливому, на наш взгляд, замечанию Л. В. Черепнина, аргументы А. А. Зимина (вознаграждение смердов в 10 раз меньше, чем новгородцев в 1016 г., «соседство» смердов и холопов в ст. 26-й КП и летописных известиях, альтернативное использование слов «раб» и «смерд» в Киево-Печерском патерике, презрительный оттенок в употреблении слова «смерд» в XI в.) свидетельствуют об ухудшении положения смерда в процессе феодализации, о его приближении к холопу, «но это еще ничего не говорит о генетической зависимости смерда от челядина-холопа» (*Черепнин Л. В.* Русь..., с. 180).

¹⁵⁵ *Фроянов И. Я.* Смерды в Киевской Руси. — Вестник ЛГУ, 1966, серия истории, языка, литературы, вып. 1, № 2.

¹⁵⁶ *Кизилов Ю. А.* Предпосылки перехода восточного славянства к феодализму. — ВП, 1969, № 3, с. 100, 102.

частью сельское население вообще. Обязанности свободного смерда-общинника состояли в уплате дани и в выполнении некоторых повинностей. Впоследствии смердом стал называться крестьянин, попавший во внеэкономическую зависимость». Позднее В. В. Мавродин предположил, что «какая-то часть смердов, и, видимо, немалая, состояла из посаженных на землю княжеских холопов».¹⁵⁷

В работах 70-х гг. были высказаны в основном уже ранее сформулированные точки зрения, поэтому в них с особой очевидностью выявились недостатки аргументации односторонних характеристик общественного положения смердов: отсутствует убедительное объяснение указания смердов среди зависимого населения княжеского домена (ст. 26-я КП), а также изменения их социального статуса лично свободных земледельцев с развитием феодальных отношений и ростом государственной эксплуатации в исследованиях сторонников мнения о смердах как лично свободном населении.¹⁵⁸ Характеристики же смердов как рабов-пленников, посаженных на землю, отождествление их с рабами-холопами, неславянскими племенами-данниками¹⁵⁹ постулированы и не обоснованы данными источников.

Л. В. Черепнин вновь высказал свое мнение о смердах как государственных крестьянах, часть которых «в процессе феодализации» «была выпущена в силу экономических условий или в результате внеэкономического принуждения переходить под патронат князей».¹⁶⁰ Широкое применение термина «смерд» к лично свободным земледельцам отмечал Б. Видера.¹⁶¹

Большой интерес при определении статуса смердов — феодально зависимых с правами лично свободных — представляет исследование Б. А. Рыбакова. При анализе данных Русской Правды он пришел к следующим выводам: «1. Смерды не являются членами общины — верви, которых источники называют „людьми“, а не смердами. 2. Смерды лично свободны и четко от-

---

¹⁵⁷ Мавродин В. В. 1) Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси. — ИСССР, 1962. № 1, с. 70; 2) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 69.

¹⁵⁸ Покровский С. А. Общественный строй Древнерусского государства. — Тр. Всесоюз. юрид. ин-та. 1970, т. XIV; Свердлов М. Б. Смерды в Древней Руси. — ИСССР. 1970. № 5. — Критические замечания см.: Черепнин Л. В. Русь..., с. 181—182; Зимин А. А. Холопы..., с. 91—92.

¹⁵⁹ Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970, с. 47—52; Зимин А. А. Холопы..., с. 75, 95, 101—105; Фроянов И. Я. Киевская Русь (1). с. 119—126. — Критические замечания см.: Зимин А. А. Холопы..., с. 90; Черепнин Л. В. Еще раз о феодализме..., с. 20. — Следует отметить также значительную неполноту сообщений о смердах, рассмотренных В. И. Горемыкиной и И. Я. Фрояновым.

¹⁶⁰ Черепнин Л. В. Русь..., с. 176—179.

¹⁶¹ Widera B. Der freie Bauer in der vormongolischen Rus' vom. 10. bis 13. Jahrhundert. — In: Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. Berlin. 1977, Bd. 1.

делены от холопов. В отличие от холопов преступники из среды смердов платят князю штраф-продажу. 3. Неприкосновенность личности смерда ограждена „княжьим словом“, а по размеру компенсации „за муку“ смерд приравнен к огнищанину. 4. Смерд располагает каким-то владением (в составе которого есть кони), переходящим, как правило, по наследству, но в случае отсутствия сыновей отписываемым на князя. 5. В названных источниках нет никаких прямых данных о задолженности смердов, о продаже смердов в рабство и о бегстве смердов со своего места. 6. Смерды связаны с князем; нет ни одной статьи или дополнительной приписки о боярских смердах, хотя Устав Мономаха содержит несколько приписок типа „также и за бояреск“». По мнению Б. А. Рыбакова, смерды жили в княжеских селах, которые на юге Руси находились в домениальных владениях, а на севере — в домениальных островках-погостах, тогда как в весях жили крестьяне-общинники, «люди» Русской Правды, объединенные в верви. Смерды платили князю дань, составляли часть княжеского конного войска — кметей. Князь давал смерду землю («село») при условии «многообразной службы», причем смерд вел самостоятельное хозяйство, «не стесненное обычаем крестьянской верви и огражденное заботой князя».¹⁶²

Многие из этих выводов совпадают со сделанными нами наблюдениями. Вместе с тем некоторые предположения, на основе которых делается вывод о смердах только как о зависимых, нуждаются, по нашему мнению, в дополнительных исследованиях и доказательствах. Не рассматривая поставленный Б. А. Рыбаковым вопрос о генезисе смердов — «соумирающих» (он должен решаться лингвистами и археологами), отметим, что противопоставление «людей»-общинников смердам в селах по источникам не прослеживается, поскольку слово «люди» означало широкие слои сельского и городского населения вне зависимости от возраста, положения и специальности, продолжая семантику праслав. *l'udi для общего обозначения свободного населения. Поэтому в общине-верви (по Русской Правде) и в погосте Ляховичи, который был значительной по размерам волосткой, указаны «люди», а не смерды.¹⁶³ Следует отметить, учитывая широкое, социально неопределенное значение термина «люди», что при ограниченном понятии «смерды» только феодально зависимым населением оказывается, что свободное сельское население не имело в Древней Руси специального названия. В отношении различия понятий «село» и «весь», а также содержания понятия «село» в тесной связи с земельным участком отметим мнение А. С. Львова о лексике ПВЛ, которое можно распространить и на юридические памятники XI—XII вв.: в ПВЛ «слово село употреблено не в книжном, старославянском значении 'обрабатываемое

¹⁶² Рыбаков Б. А. Смерды. — ИСССР, 1979, № 1, 2.

¹⁶³ Янин В. Л. Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.

поле' или 'дом, обитель', а в собственно русском значении — 'населенный пункт'. Это значение, разумеется, развивалось из более древнего 'обитель, дом'». ¹⁶⁴ Это наблюдение можно подтвердить выразительным примером из ПВЛ, где «село» противопоставлено «городу» и отличается от «поля»: «...города вси опустеша, села опустеша; преидемъ поля, иде же пасома беша стада... все тыще ноне видимъ, нивы поростыше...». ¹⁶⁵ Уплата дани князю не является признаком зависимости, поскольку лично свободные сельские жители платили подати, которые стали средством их государственной эксплуатации с IX—X вв. (см. выше, с. 57). Вместе с тем Б. А. Рыбаков обратил внимание на статус феодально зависимых смердов, которые сохранили в княжеских домениальных селах права свободных, что имеет большое значение для дальнейшей разработки вопроса об определении форм зависимости смердов.

Обзор историографии свидетельствует о том, что среди исследователей продолжают сохраняться значительные различия в интерпретации социального положения смердов, хотя следует признать, что, несмотря на значительное усовершенствование интерпретации источников, аргументы определения смердов только как зависимых или только как свободных наиболее уязвимы. Причиной столь существенных разногласий в выводах являются небольшое число известий о смердах в источниках XI—XIII вв. и возможность различного, подчас противоположного толкования ряда таких сообщений. Между тем, как представляется, есть известия, которые можно интерпретировать только как свидетельства о свободных смердах.

В первом по времени летописном упоминании смердов сообщается о том, как после вокняжения в Киеве в 1016 г. Ярослав наградил свое новгородское войско: «...старостам по 10 гривенъ, а смердомъ по гривне, а новгородцомъ по 10 гривенъ всем». ¹⁶⁶ Данное известие было отнесено А. А. Шахматовым к древнейшему периоду новгородского летописания, своду 1050 г. ¹⁶⁷ При интерпретации смердов как свободного сельского населения это сообщение воспринимается как вознаграждение старост, сельского ополчения — смердов. Щедрая награда новгородцам есть благодарность за помощь после кровавого избиения новгородцев за их восстание против варягов. При определении смердов только как зависимых возникают неразрешимые трудности: почему Ярослав, привлекая в войско новгородцев-горожан, но игнорируя окрестное лично свободное сельское население, набрал воинов среди рабов-холопов, посаженных на землю, и рабов-челяди ¹⁶⁸ (смерды этого

¹⁶⁴ Львов А. С. Лексика..., с. 148.

¹⁶⁵ ПВЛ, I, с. 146.

¹⁶⁶ НПЛ, с. 175.

¹⁶⁷ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 620.

¹⁶⁸ А. А. Зимин, не замечая парадоксальности сложившейся ситуации, пишет лишь о неправомерности смердов, которая следует из большой разницы в вознаграждении (Зимин А. А. Холопы..., с. 100).

периода, по А. А. Зимину) или среди «внешних смердов» — «союзных Ярославу иноязычных племен, которые никакого отношения к сельскому населению Киевской Руси как таковой не имели» (И. Я. Фроянов приводит здесь же иное определение «внешних смердов» — они «выступают в роли покоренных племен, обложенных данью, которая не была феодальной рентой, а являлась самым распространенным по тому времени видом грабежа»).¹⁶⁹ По мнению Б. А. Рыбакова, смерды в XI—XII вв. являлись «полукрестьянским феодально зависимым населением», которое по общественному положению занимало промежуточную позицию между «людьми» крестьянской верви и низшим разрядом свободных княжеских министерялов, наделенных «обложенным данью земельным наделом (селом)» и обязанных «военной службой с этого надела».¹⁷⁰ Такое понимание данной общественной категории не противоречит интерпретации известия 1016 г., в котором, по словам Б. А. Рыбакова, смерды изображены «вне княжеского домена», как «самые младшие по рангу».¹⁷¹

Другим сообщением, которое свидетельствует, по нашему мнению, о смердах как основной массе свободного населения, является гордое заявление Владимира Мономаха в «Поучении»: «... и худого смерда и убогие вдовице не далъ есмь силным обидети».¹⁷² Указание на «худого смерда», которого «обижают» «силные», свидетельствует о том, что смерды были не холопы, которых защищала сила и власть господина (см. ниже, с. 165—166), а свободные люди, владельцы индивидуальных хозяйств; на них, как и на одиноких вдов, также лично свободных, покушались «силные», а князь предоставлял им справедливый суд. Покровительство вдовам и сиротам считалось одной из добродетелей судей и христианских правителей, о чем писал Владимир Мономах: «... и придавайте сирота, и вдовицю оправдити сами, а не вдавайте силным погубити человека».¹⁷³ В «Изборнике 1076 года», в «Премудрости Иисусова сына Сирахова», приведена обычная для христианской литературы того времени мысль: «Не имать презьрети и молитвы сираго, ни въдовица, егда извещаетъ беседу» (в греческом оригинале — ὀρφανός — «осиротевший», χήρα — «вдова»);¹⁷⁴ Иначе переведено изречение из поучения детям в житии Ксенофонта: ὀρφανῶν πρόστατε, χήρας ὑπερασπίετε — «убогыхъ посещайте, вдовице заштитайте».¹⁷⁵ Таким образом, уже во второй половине XI в. «худой смерд», подобно сиротам, убогим и вдовам, нуждался в покровительстве и правом суде князя от притеснений «силных», т. е. феодалов, что подразумевает их статус лично свободных людей, но вместе с тем и их

¹⁶⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 119, 125.

¹⁷⁰ Рыбаков Б. А. Смерды. — ИСССР, 1979, № 2, с. 56—57.

¹⁷¹ Там же, № 1, с. 56.

¹⁷² ПВЛ, I, с. 163.

¹⁷³ Там же, с. 157.

¹⁷⁴ Изборник 1076 года/ Под ред. С. И. Коткова. М., 1965, с. 389, 783.

¹⁷⁵ Там же, с. 478, 725. — Курсив наш.

непрочное социальное положение. Если Владимир Мономах твердо проводил политику княжеской защиты свободного сельского населения, то его внук Всеволод Мстиславич, видимо, уступил давлению «сильных». Отсутствие княжеской защиты («не блюдет смердъ»), а следовательно, реального обеспечения прав смердов послужило первой причиной изгнания Всеволода в 1136 г. с новгородского княжения.¹⁷⁶ Приведенные сообщения недвусмысленно указывают на сложившееся во второй половине XI—начале XII в. классовое противоречие феодального общества: наступление феодалов на социальные права и имущество лично свободного крестьянства и активное сопротивление последнего. И здесь дело не в пресловутом «смердолюбии» Владимира Мономаха (это мнение могло появиться лишь при полном непонимании классовой природы древнерусского общества), а в попытках притупить острые противоречия между быстро растущим классом феодалов и значительным еще и влиятельным классом лично свободного крестьянства. В этом заключалась одна из функций классового государства, чтобы «... классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе...».¹⁷⁷ А. А. Зимин видит в событиях 1136 г. и в новгородских договорах XIII—XIV вв. свидетельство о том, что смерды — скорее всего уже общинники, тянущие в свой погост, «масса новгородского крестьянства» (видимо, свободного, хотя А. А. Зимин этого не пишет, поскольку смерды, как и купцы, могли «закладываться» за князем).¹⁷⁸ Однако такая характеристика, не объясняющая быстрого изменения общественного положения смерда от раба-холопа в XI в. и «не вполне феодально зависимого крестьянина», правовое положение которого «напоминает холопа, посаженного на пекулии» по ПП в XII в.,¹⁷⁹ является, по нашему мнению, противоречивой. Ее причина коренится в ошибочном представлении о рабских и полурабских формах зависимости смердов в XI—XII вв.

Социальный статус смердов раскрывается в грамоте великого князя Изяслава Мстиславича, датируемой В. Л. Яниным 1134 г.,¹⁸⁰ в которой «село Витославицы, и смерды, и поля Ушково» переданы во владение новгородскому Пантелеймонову монастырю. В списке грамоты, открытом В. И. Корецким, указано: «А смердам витославицам не потянути им ни ко князю, ни к епископу, ни в городцкии потуги, ни к смердам ни в какие потуги ни иною вивирцою, а потянути им ко святому Пантелемону

---

¹⁷⁶ НПЛ, с. 24. — Об охране прав новгородских смердов сообщает НБГ № 562, утверждающая их право на «задьницу» — наследство (*Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в., с. 28).

¹⁷⁷ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 170.

¹⁷⁸ *Зимин А. А.* Холопы..., с. 260.

¹⁷⁹ Там же, с. 231.

¹⁸⁰ *Янин В. Л.* Очерки..., с. 60—79.

в монастырь к игумену и к братьи».¹⁸¹ При комментировании этих данных мнения исследователей разделились. По мнению Л. В. Черепнина, «смерды — это государственные крестьяне, выполняющие повинности в отношении князя и города (Новгорода) по разверстке общинных властей», которые должны были теперь пести повинности на монастырские власти.¹⁸² Столь же близка к тексту интерпретация Б. А. Рыбаковым повинностей, «определяемых князем, епископом, городом или же каким-то, очевидно, более широким коллективом смердов», до передачи их в монастырь.¹⁸³ Однако при характеристике смердов как полукрестьянского феодално зависимого населения, ведущего самостоятельное хозяйство и обязанного князю платить дань, как доверенных лиц, которым поручались государственные и вотчинные административные должности, как конных воинов — кметов неясно, почему смерды, жившие в селе Витославицы и несшие такие погуги, передавались в монастырь. И. Я. Фроянов увидел в грамоте свидетельство о начале передачи князьями «как представителями государства» государственных рабов-смердов «в руки частных лиц и духовных корпораций»,¹⁸⁴ а А. А. Зимин — сообщение о зависимости смердов от князя, епископа и города, опуская «погуги» к смердам, причем «с веверицами у смердов» оказывалась «какая-то не вполне еще объяснимая связь».

Интерпретация приведенного выше указания грамоты Изяслава Мстиславича была бы, как представляется, более полной и лишенной противоречий, если считать смердами лично свободное сельское население. Великокняжеской властью с согласия новгородского епископа и новгородских городских властей («по благословению епискупа Нифонта испрошал есмь у Новгорода») село со смердами и поля были переданы в господское владение монастырю. Поэтому смерды освобождались по отношению к князю, епископу, городу, общине-волости от податей и повинностей, которые должны были теперь исполняться на монастырь. Монастырь снабжался при этом иммунитетом: «А боле в тую землю, ни в пожни, ни в тони не вступатися ни князю, ни епискупу, ни болярину, ни кому». При этом связь смердов с веверицами оказывается вполне объяснимой — это обычные на Руси денежные подати со смердов (свободного сельского населения), о которых неоднократно упоминают новгородские источники XII в.¹⁸⁵ Форма их взимания раскрывается в сообщении о действиях в 1229 г. черниговского князя Михаила Всеволодовича, который стремился

¹⁸¹ *Корецкий В. И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю. — Исторический архив, 1955, № 5. — Аналогичный список см.: *Семенов А. И.* Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959, вып. 9.

¹⁸² *Черепнин Л. В.* Из истории формирования..., с. 247.

¹⁸³ *Рыбаков Б. А.* Смерды. — ИСССР, 1979, № 1, с. 53.

¹⁸⁴ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь (1), с. 125.

¹⁸⁵ НПЛ, с. 211, 232; ПСРЛ. Изд. 2-е. Л., 1925, т. V, вып. I, с. 183.

привлечь к себе новгородцев: «И целова крестъ на всеи воли новгородской и на всех грамотах Ярославлих; и вдасть свободу смердом на 5 лет дани не платити, кто сбежал на чюжую землю, а симъ повеле, хто zde живеть, како уставиле преднии князи, тако платите дань».¹⁸⁶ Отсюда следует, что установление дани в Новгороде являлось прерогативой княжеской власти (в новгородских условиях значительно ограниченной), дань собиралась регулярно (в противном случае свобода от дани на 5 лет необъяснима), и можно предположить, что подати были фиксированными («како уставиле преднии князи, тако платите дань»).

О правовом статусе смердов как лично свободных свидетельствуют ст. 45-я и 46-я ПП. Ст. 45-я: «А се уроци скоту... то ти уроци смердом, оже платятъ князю продажу»; ст. 46-я: «Аже будутъ холопи татѣ, суд княжь. Аже будутъ холопи татие... их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платитъ ко истьцю за обиду». Среди комментаторов этих статей существуют значительные разногласия. При понимании «оже» как «если» оказывается, что были смерды, которые платили продажу, штраф свободного человека, тогда как другие не платили ее (Н. Ф. Лавров, Б. Д. Греков, Б. А. Романов).¹⁸⁷ Это подтверждает мнение о существовании свободных и зависимых смердов. С. А. Покровский отметил значение «оже» как «потому что». В этом случае спорная фраза оказывалась разъяснением: потому что смерды платят продажу.¹⁸⁸ И. И. Смирнов обратил внимание на то, что формула «оже» («аже») «нигде не подразумевает наличие двух альтернативных субъектов какого-либо действия, а всегда означает лишь установление момента совершения данным одним субъектом определенного акта», подтверждая свое наблюдение формулировкой ст. 90-й ПП («Аже смерд умереть, то задница князю»).¹⁸⁹ А. А. Зимин назвал это наблюдение «глубоко верным», но интерпретировал его без дополнительных аргументов как свидетельство о смерде, который платил продажу, а в некоторых случаях не платил. Отсюда следовал неожиданный и неопределенный вывод, что «в каких-то случаях смерд рассматривался как холоп».¹⁹⁰ Однако такая интерпретация не опровергала толкования И. И. Смирнова. Но наиболее убедительным аргументом в подтверждение такой интерпретации формулы «оже» («аже») является содержание ст. 45-й и 46-й ПП, которое раскрывает, как показал Б. А. Рыбаков, их внутреннее смысловое единство. Из этого следует, что смерды, которые платят продажу,

¹⁸⁶ НПЛ, с. 274.

¹⁸⁷ Правда Русская, II, с. 403; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 225; Правда Русская. Учеб. пособие. М.; Л., 1940, с. 77—78.

¹⁸⁸ Покровский С. А. Общественный строй..., с. 87—89. — А. А. Зимин отметил, что в Русской Правде «оже» употребляется только в значении «если» (Холопы..., с. 219), однако при многозначности «оже» (Срезневский, II, стб. 628—629) это возражение не является доказательством, так как есть возможность его использования в ином смысле.

¹⁸⁹ Смирнов И. И. Очерки..., с. 64—65.

¹⁹⁰ Зимин А. А. Холопы..., с. 219—220.

т. е. свободные, противопоставлены холопам, которые не платят продажу, так как они несвободны. Такой анализ стал веским аргументом Б. А. Рыбакова в пользу объединения обеих статей в одну.¹⁹¹ Но и при сохранении традиционного деления статей их смысловое единство очевидно, поскольку разъяснение о холопах («их же князь продажею не казнитъ, зане суть несвободни») имеет смысл только как противопоставление смердам («оже платятъ князю продажу»). Это разъяснение литературного происхождения — как связка, объединяющая различные нормы, так как с юридической точки зрения оно бессмысленно в силу очевидности утверждения о несвободе холопов. Поэтому, как представляется, в ст. 45-й и 46-й III утверждается правовой статус смердов как лично свободных людей.

Интерпретация рассмотренных известий о смердах как о лично свободных раскрывает содержание сообщений о смердах, предполагающих их толкование как свободных и несвободных, объединяет данные XI—XIII вв., свидетельствуя о смердах как основной массе свободного сельского населения, социально-экономический и правовой статус которого определяется следующим образом: 1) по социально-экономическому положению смерд — земледелец, владеющий лошадей, «имением» и по актовым материалам XIV в. свободно отчуждаемой землей; 2) смерд находится под юрисдикцией и в «подданстве» «своего» князя; 3) он участвует в княжеском пешем войске, на войну у него мобилизуют лошадей; 4) княжеская правовая защита должна обеспечивать независимость смерда, как и других свободных, небогатых и незнатных, от «сильных»; 5) как свободный смерд платит продажу княжескому суду за совершенные преступления; 6) смерд живет в погосте и платит регулярную фиксированную дань — подать князю; 7) выморочное имущество смерда отходит князю как главе государства, в лице которого персонифицировалось право верховной собственности феодального государства на землю.¹⁹² Однако смерды подвергались растущей государственной эксплуатации посредством системы налогов, судебных вир и продаж. «Свобода» смердов в феодальном обществе приобрела иное содержание, чем в доклассовом обществе. Если в последнем, как отметил А. И. Неусыхин, она имела позитивное содержание полноправия, то в первом «она обозначает отсутствие известных форм личной и материальной зависимости того или иного лица от собственника-землевладельца и становится чисто негативной («свободный» — некрепостной)».¹⁹³ В основе изменения содержания «свободы» сельского населения находилась развивающаяся новая феодальная система общественных отношений, следствием которой явились государственные формы эксплуатации, передача смердов в господское хозяйство,

¹⁹¹ Рыбаков Б. А. Холопы. — ИСССР, 1979, № 1, с. 51.

¹⁹² Свердлов М. Б. Смерды в Древней Руси.

¹⁹³ Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, с. 33.

переход смердов в различные феодальные виды зависимости, осуществляемые посредством внеэкономического и экономического принуждения (см. ниже, с. 149—185) и санкционируемые правовыми нормами феодального государства.

Вместе с тем тезис о лично свободном состоянии смердов-земледельцев относится лишь к части смердов. Об этом свидетельствует ст. 16-я и 26-я ПП об уплате за убийство смерда и холопа одинаковой виры в пять гривен.¹⁹⁴ Впрочем, по нашему мнению, если названы рядом холоп и смерд и за их убийство положено одинаковое наказание, то это не значит, что их юридическое и социально-экономическое положение одинаково.

При объяснении появления смердов в домениальном уставе КН и пятигривенной виры за их убийство мы принимаем мнение Л. В. Черепнина, который писал, что в процессе развития феодальных отношений часть государственных земель стала дворцовыми владениями. «Их население (смерды) из состава государственных данников перешло в число вотчинных крестьян. Это было связано с изменением их юридического положения. Дворцовых смердов и имела в виду Правда Ярославичей, определяя сумму платежа за их убийство в 5 гривен».¹⁹⁵ Это мнение развивает взгляды С. В. Юшкова и Б. Д. Грекова на существование зависимых смердов. Они связывали эту зависимость с крепостничеством.¹⁹⁶ Однако включение смердов в состав княжеского и боярского владения еще не меняло существенно их экономического и юридического статуса, поскольку первоначально названия и, вероятно, размеры податей оставались прежними (см. ниже, с. 147—148) (они выплачивались господину, а не государству, причем в княжеском домине господин и глава государства совпадали). О судебном иммунитете в светских владениях в XI—XII вв. сведений нет.¹⁹⁷ Даже при передаче вотчин церквям и монастырям, в которых существовал церковный суд, не всегда указывалась передача населения под вотчинную юрисдикцию.¹⁹⁸ Поэтому в составе

¹⁹⁴ Обоснованные аргументы в пользу чтения «смерд и холоп» высказаны Б. А. Романовым (Правда Русская. Учеб. пособие, с. 50—51) и В. П. Любимовым (Любимов В. П. Смерд и холоп. — ИЗ, 1941, т. 10, с. 66—83); см. также: Зимин А. А. Холопы..., с. 102—105.

¹⁹⁵ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения..., с. 191.

¹⁹⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 225—239; 1) Юшков С. В. Очерки..., с. 96—104; 2) Общественно-политический строй..., с. 293—306.

¹⁹⁷ В княжеских владениях домениальный и государственный суд совпадали. В не княжеских господских владениях княжеский суд представлялся ограниченным в правах и находящимся в экономической зависимости закупам (см. ниже, с. 171—174). Видимо, в сфере вотчинного суда находились только лично зависимые холопы.

¹⁹⁸ «Се азъ князь великий Всеволодъ далъ есмь святому Георгию Терпужскыи погостъ Ляховичи съ землею, и съ людьми, и съ коньми, и лесъ...»; ср.: «Се азъ Мъстиславъ Володимиръ сынъ... повелелъ есмь... отдати Буице святому Георгиеви съ данию, и съ вирами, и съ продажами» (ГВНП, с. 139, 140); «И се даю святей Богородици и епископу десятину от всех даней смоленских что ся в них сходит истых кун, кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья»; «А се даю святей Богородици и епископу прощеники, с медом и с кунами, и с вирою, и с продажами,

господского хозяйства наряду с лично и экономически зависимыми были, вероятно, и смерды, находившиеся на статусе свободных людей, но обязанные выплачивать подати господину домена или вотчины. Таким образом, можно установить начальные формы зависимости больших масс свободных земледельцев в составе сел, переданных в господское хозяйство.

Не следует думать, что признание свободного статуса зависимых в составе господской вотчины было чем-то необычным в процессе генезиса феодальных отношений. При изучении раннефеодальных отношений в Западной Европе такая общественная категория отмечена давно.

Характер изменений в экономическом и правовом положении свободных, которые жили на вотчинных землях в каролингский период, сформулирован Ф. Энгельсом следующим образом: «Раньше юридически равноправные со своим вотчинником при всей своей экономической зависимости от него, они теперь и в правовом отношении стали его подданными. Экономическое подчинение получило политическую санкцию. Вотчинник становится сеньором, держатели становятся его *homines*; „господин“ становится начальником „человека“». ¹⁹⁹ Эти социально-экономические изменения объясняют особенности положения смердов, самостоятельных в хозяйственном отношении, находящихся под княжеской юрисдикцией, но при переходе в господское хозяйство попавших в категории людей, за которых в XI—XII вв. платилась пятигривенная вира.

Советские медиевисты раскрыли социально-экономическое содержание понятия «свобода» в феодальном праве как отсутствие форм личной зависимости от земельного собственника, что не исключало поземельную зависимость. Вне специфических уз личной зависимости держатели наделов в феодальных вотчинах не несли повинностей определенного характера (например, барщины) и рассматривались как свободные. ²⁰⁰ Эксплуатация «свободного» населения в феодальных господских хозяйствах отмечается также зарубежными медиевистами, хотя в буржуазной историографии не было раскрыто ее классовое содержание. ²⁰¹ Однако важно подчеркнуть, что социально-экономические причины зависимости, прежде всего земледельцев, заключались в экономической неус-

---

и не надобе их судити никакому же человеку» (ДКУ, с. 141. — Курсив наш).

¹⁹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 508—509.

²⁰⁰ Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства..., с. 33; Корсунский А. Р. О статусе франкских колонов. — СВ, 1969, т. 32, с. 27—28, 42—45; Мильская Л. Т. Светская вотчина в Германии VIII—IX вв. и ее роль в закреплении крестьянства. М., 1957, с. 77—78, 81—82.

²⁰¹ Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte. 2. Aufl. Berlin, 1885 Bd. IV, S. 333, Anm. 2; Lütge F. Die Agrarverfassung des frühen Mittelalters. Jena, 1937, S. 94—110; Boutruche R. Seigneurie et féodalité, vol. 1, p. 138—141, 337—338. — Ср. марксистское исследование, см. там же историографию: Müller-Mertens E. Karl der Grosse, Ludwig der Fromme und die Freien. Berlin, 1963.

тойчивости крестьянского хозяйства и социальной активности феодалов, которые в рамках вотчины и в общегосударственных масштабах путем княжеских раздач земельных владений и сидящих на них людей увеличивали число зависимого населения и размеры вотчинного земельного фонда, что в конечном итоге объясняется закономерностями феодального способа производства. Данные наблюдения позволяют лучше понять фактическое и юридическое положение тех смердов на Руси, которые вместе со своими землями передавались в вотчинное владение, платили налоги и отправляли повинности в пользу господина, а не государства, однако юридически им сохранялся первоначально статус свободного человека — они оставались под юрисдикцией князя. При такой интерпретации передачу смердов в вотчинное владение можно рассматривать как первый шаг к установлению их полной феодальной зависимости посредством предоставления светским и церковным феодалам полного иммунитета на владения.

Особо следует определить форму эксплуатации лично свободных смердов во владельческих хозяйствах. Основной податью смердов, перешедших во владельческие хозяйства, была дань, которая взималась ранее князем как главой государства. Смоленский князь Ростислав в середине XII в. передал епископу и кафедральной церкви Богородицы «дани» от погостов, которые продолжали взиматься уже церковным вотчинником.²⁰² Село Буйцы «с данью» было отдано Юрьеву монастырю великим князем Мстиславом Владимировичем и его сыном Всеволодом.²⁰³ О том, что дани взимались не только в княжеских и церковных хозяйствах, но и в других светских вотчинных хозяйствах, свидетельствует выражение Устава Ростислава Смоленского: «... что ся паречеть области Смоленское, или мала правити десятину святей Богородици, без всякого отписку деяти», т. е. по всему Смоленскому княжеству должна платиться десятина, кто бы ни владел «великой» или «малой» данью от смоленских владений. Неизвестно, передавались ли светскому вотчиннику, как духовному, княжеские судебные доходы от вир и продаж. В рассматриваемой уставной грамоте Ростислава Мстиславича дань передается то без виры, продаж и полюдья, то с полюдьем, как «на Копысе», в Лучине.²⁰⁴ В данной грамоте Мстислава Владимировича и его сына Всеволода с. Буйцы было передано с вирами и продажами, т. е. наряду с основной податью в пользу князя передан судебный иммунитет. По грамоте Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю передавалась в собственность волостка Ляховичи, но судебный иммунитет при этом не указан.²⁰⁵

Во владениях смоленского князя от тоней в Торопце и на Жижицком озере подать бралась рыбой. Десятина от рыбы пере-

---

²⁰² ДКУ, с. 141.

²⁰³ ГВНП, с. 140.

²⁰⁴ ДКУ, с. 143.

²⁰⁵ Янин В. Л. Грамота Всеволода Мстиславича...

давалась князем епископу и церкви Богородицы. Вероятно, от лично свободных смердов, основным занятием которых был рыбный промысел и которые попали во владельческие хозяйства, главный побор взимался рыбой. Оброк рыбой в светском вотчинном хозяйстве взимался в Новгородской земле с зависимых крестьян и свободных смердов и позднее — в XIV—XV вв.²⁰⁶

Во владельческих хозяйствах также продолжал взиматься государственный налог в пользу князя — дар.²⁰⁷ При этом следует отметить форму дара — кунницами, которые могли быть денежными единицами — кунами, ценным источником богатства — мехами. В XV в. дар составлял часть натурального оброка,²⁰⁸ в чем можно видеть дальнейшее развитие этой феодальной повинности, которая слилась с оброком. Эта же подать взималась и со свободных смердов.²⁰⁹ В пользу такого наблюдения свидетельствует взимание в 1137 г. дара мехами — «сорочками» с ряда погостов для новгородской Софии.²¹⁰ Дар от волостей в виде натурального оброка продолжал взиматься вотчинниками.²¹¹

Возвращаясь к ст. 25-й и 26-й КП, отметим, что эти статьи, входящие в состав княжеского домениального устава, отмечают смердов наряду с рядовичами и холопами в числе зависимого населения, за них уплачивается самый низкий штраф. Но отсюда не следует, что они были холопами-рабами. Низкая норма штрафа за убийство различных видов зависимых отразила начальный этап юридического оформления складывающегося сословия феодально зависимых крестьян. Однако только эта норма свидетельствует о приниженном положении домениальных смердов. Во всем остальном, вероятно, они равны со смердами, за которых продолжала платиться 40-гривенная вира.

Таким образом, нам представляется наиболее плодотворным то историографическое направление, которое предполагает смердов — лично свободных и смердов — феодально зависимых. Вместе с тем, по нашему мнению, недостаточно данных для определения зависимости смердов как крепостной или рабской. Первоначально смерды эксплуатировались в господских хозяйствах, сохраняя

---

²⁰⁶ Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 136; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты..., с. 209—210, 275—278; Янин В. Л. Я послал тебе бересту..., с. 137—139.

²⁰⁷ НБГ, № 136, 31, 320, 406. — О «даре» как государственной повинности см.: там же, № 1, 320. — Л. В. Черепнин считал, что содержание НБГ № 59 свидетельствует о государственной феодальной повинности — даре (Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты..., с. 240—242, 256—257), однако в Омвросии можно видеть старосту, который «во пороуки за сироты», передает собранный «дар» Степану, боярскому тиуну или ему подобному лицу.

²⁰⁸ Аграрная история северо-запада России..., с. 63—64.

²⁰⁹ НБГ, № 320.

²¹⁰ ДКУ, с. 148.

²¹¹ НБГ, № 216—218; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты..., с. 254—255.

права свободных (и в этом совершенно справедливы наблюдения Б. А. Рыбакова над социально-экономическим статусом смердов в княжеских доменальных владениях).

ЧЕЛЯДЬ И ХОЛОПЫ

Как отмечалось ранее, на Руси в X в. понятием «челядь» обозначалась широкая группа зависимых людей. Материалы XI—первой трети XIII в. позволяют более полно раскрыть содержание этого термина и определить его соотношение с категорией «холопов».

Несмотря на то что по поводу юридического и социального положения челяди и холопов высказывалось большое число исследователей, их оценка этих социальных категорий была в основном единодушна: челядь и холопы — это рабы. Такое единодушие среди ученых на протяжении двух с половиной веков историографии, сменившей за это время много научных направлений и школ, — редкий факт в оценке исторического явления. Лишь некоторые дореволюционные историки (И. Н. Болтин, С. М. Соловьев, А. Е. Пресняков, Н. А. Рожков и др.), стремясь к терминологической точности, избегали, хотя и не всегда последовательно, подменять термины «челядин» и «холоп» словом «раб». М. Ф. Владимирский-Буданов и П. И. Беляев отметили определенный комплекс юридических и экономических прав холопов, что значительно усложняло представление о холопстве, тогда как Н. И. Ланге указывал на отличия холопов от античных рабов.²¹² Однако в основном изучение челяди и холопства как общественной категории Древней Руси в дореволюционной историографии не пошло дальше выявления основных черт их социального положения и бездоказательного определения их как рабов, причем лишь изредка отмечались различия в общественном положении челяди и холопов. Это произошло потому, что их изучение было сведено к характеристике юридического положения как собственности господина и объекта права, причем определяющим в оценке челяди и холопов как рабов явился не анализ их социально-экономического положения, а констатация фактов их продажи, личной зависимости и безнаказанного убийства господами,²¹³ т. е. внешнего выражения сущностных социально-экономических отношений.

В советской исторической науке изучение челяди и холопов было продолжено на марксистской методологической основе. Эти социальные категории рассматривались в обществе, которое раз-

²¹² Историографический обзор см.: Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 162—164, 172—177.

²¹³ См., например: Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956, т. I, с. 274—276; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор..., с. 400—402; Дьяконов М. Очерки..., с. 104—113; Сергеевич В. Древности русского права. Изд. 3-е. СПб., 1909, т. I, с. 105—124 и сл.

вивалось от родо-племенного строя к феодальной формации. Поэтому для марксистской исторнографии, признающей основным законом исторического развития смену социально-экономических формаций, в том числе рабовладельческой, определение челяди и холопов как рабов было недостаточным. Оно ставило перед исследователями задачу установить характер рабства в Древней Руси: было ли оно патриархальным, тождественным рабству в рабовладельческом обществе или являлось особым видом рабства, характерным для феодального общества. Определение челяди и холопов как рабов требовало особой тщательности в разработке такой дефиниции. Между тем в понятие «раб» исследователи вкладывали самое разное содержание.

Б. Д. Греков предложил критерий, в основе которого находится отношение зависимого к средствам производства: «... раб — собственность хозяина, живет на иждивении хозяина, средств производства не имеет, работает господским инвентарем на хозяина, никаких государственных повинностей не несет и рассматривается как объект гражданского права. Крепостной крестьянин имеет собственное хозяйство, основанное на личном труде, а в силу зависимости от своего хозяина — феодала обязан ему феодальной рентой и в то же время несет многочисленные государственные повинности».²¹⁴ Это определение указывало наиболее характерные черты в социально-экономическом положении основной группы непосредственных производителей при развитии феодализма и в рабовладельческом обществе, но при этом оказалось, что не учтены лично зависимые, связанные со службой, а не с процессом материального производства, лично зависимые, которые владели средствами производства, и другие разнообразные отношения собственности в процессе генезиса феодализма. С. В. Юшков полагал, что патриархальное рабство продолжалось до XI—XII вв., видя доказательство этого тезиса в названии челядью рабов и холопов. Однако проблема заключалась в том, чтобы показать отличие патриархального рабства от непатриархального, дать дефиницию рабства.²¹⁵ В последующей литературе такое определение также не было дано, хотя понятие «рабы» широко применялось при таких характеристиках рабства, как «положение раба»,²¹⁶ «полнота власти господина»,²¹⁷ юридическое положение,²¹⁸ купля-продажа людей, жестокое обращение с ними, принуждение к тяжелым работам,²¹⁹ отождествление

---

²¹⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 175.

²¹⁵ Юшков С. В. 1) Очерки..., с. 24—25, 61—67; 2) Общественно-политический строй..., с. 88—89, 136.

²¹⁶ Мавродин В. В. 1) Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 156—157; 2) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 61—64.

²¹⁷ Романов Б. А. Люди и нравы, с. 49—87.

²¹⁸ Смирнов И. И. Очерки..., с. 138.

²¹⁹ Черепнин Л. В. 1) Из истории формирования..., с. 237—243, 257—259; 2) Русь..., с. 170—175, 186—187.

челядина со скотом и признание за холопом прав.²²⁰ Лишь А. А. Зимин предложил развернутое определение холопа как раба. По его мнению, «холопами в то время (в средневековой Руси. — М. С.) назывались люди, право владения которыми у господ было ничем не ограничено. Холоп не имел своей собственности и в любое время сам мог быть продан или отдан любому лицу. Холоп — это раб русского феодального общества».²²¹ Таким образом, в основу определения холопа-раба вновь положена личная зависимость от господина. Желая указать, что холопы не тождественны рабам античных обществ, характеризующимся теми же основными признаками, А. А. Зимин уточняет: холоп «мог быть посажен на землю и иметь ее участок в своем распоряжении. Церковь запрещала убийство холопа».²²² Однако эти черты не являются отличительными: в античном обществе раб мог иметь земельный надел и платил с него господину часть дохода. Илоты, пенесты, клароты были не только земледельцами, признавались им определенные права на обрабатываемую землю.²²³ Убийство раба или жестокое обращение с ним осуждалось во многих рабовладельческих обществах и даже в Римской империи начиная с принципата (церковь не запрещала, но только осуждала убийство холопа). Таким образом, признаки, приведенные А. А. Зиминим, не показывают различия холопов и античных рабов. Если челядь, холопы, смерды, закупы, рядовичи были рабами, то классом-антагонистом в системе производственных отношений должны быть рабовладельцы. Таким образом, исследование А. А. Зимина еще раз показало важность точного определения холопства как категории феодального общества.

Логическим следствием широкого толкования зависимого населения Руси как рабов на основании форм личной зависимости и юридического положения как объекта права явилось утверждение В. И. Горемыкиной о существовании древнерусского «рабовладельческого общества».²²⁴

Определению челяди и холопов как рабов на основе теоретического осмысления высказываний В. И. Ленина о рабстве посвящено исследование Е. И. Колычевой. В обосновании тезиса Е. И. Колычевой о существовании рабства вне связи с определенной формацией с первого разделения общества на классы до XX в. постоянными являются лишь правовые признаки: «... рабы не являлись правомочными гражданами страны; 2) закон приравнивал раба к вещи; 3) убийство раба не считалось уголовным преступлением».²²⁵ В этом перечне, который основан

²²⁰ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 110—111.

²²¹ Зимин А. А. Холопы..., с. 6.

²²² Там же.

²²³ Шишова И. А. О статусе пенестов. — ВДИ, 1975, № 3. — См. там же литературу вопроса.

²²⁴ Горемыкина В. И. К проблеме..., с. 47—71.

²²⁵ Колычева Е. И. Некоторые проблемы рабства и феодализма в трудах В. И. Ленина и советской историографии. — В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 138.

на ленинских высказываниях о рабстве, допущена существенная неточность. Ленин нигде не писал о рабах, что они «не являлись правомочными гражданами страны», поскольку понятие «правомочность» и «гражданство» к рабам неприменимо. Но В. И. Ленину, в положении рабов «основным было то, что рабы не считались людьми; не только не считались гражданами, но и людьми. Римский закон рассматривал их как вещь».²²⁶ От исследователей, определявших холопов как рабов, ускользнула, по нашему мнению, суть ленинского определения рабства как производственного отношения, когда рабы были вещью, говорящим орудием. Такое производственное отношение составляло сущность рабовладельческого способа производства и рабовладельческого социально-экономического уклада. При определении холопов как рабов в основу брались правовые и бытовые аспекты рабства, которые приводили в социально-политической и научной европейской практике к широкому употреблению понятия «рабство» по отношению к тяжелым формам зависимости в период феодализма и капитализма. Однако не правовые и бытовые признаки определяли сущность эксплуатации, характер социальных отношений. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал бесправное положение крепостных крестьян: «Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве... Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно».²²⁷ Но вместе с тем В. И. Ленин не отождествлял крепостничество с рабством, а указывал на него как на форму эксплуатации, характерную для более развитого феодального общества с иной социально-экономической структурой, пришедшую на смену рабовладельческой.

Обзор литературы о челяди и холопах показывает, что несмотря на значительные совпадения взглядов исследователей в определении челяди и холопов как рабов, в их методике и выводах отмечаются существенные различия. Вместе с тем из этой юридической дефиниции выпадает их конкретно-историческая социально-экономическая характеристика, а определение господствующего класса как феодалов становится формальным. Признание главной роли рабов в домениальном хозяйстве при отсутствии феодальных форм эксплуатации с необходимостью ведет к выводу о рабовладельческом характере социальных отношений на Руси, и в данном случае вывод В. И. Горемыкиной хотя и ошибочен, но последователен. Поэтому при изучении челяди и холопства основным является определение их социально-экономического положения и характера их эксплуатации.

Челядь упоминалась в русско-византийских договорах первой половины X в. (см. выше, с. 74—78). Употребление термина «челядь» в КП свидетельствует о том, что он продолжал использоваться в общественной жизни Древней Руси. Социальное

²²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 74—75.

²²⁷ Там же, с. 76.

содержание этой категории раскрывается в материалах письменных источников XI—XIII вв.

По ст. 11-й КП, если челядин скроется у варяга или колбяга, то беглого должно вернуть господину, а укрыватель платит «за обиду» 3 гривны. Ст. 16-я КП определяет процедуру «свода», если опознан бежавший или украденный челядин, который был затем продан или перепродан. Вместе с тем в КП, как и в русско-византийских договорах, термин «челядин» не указывает на конкретную форму социально-экономической зависимости и использования труда челядина.

Ст. 11-я и 16-я КП повторены в статьях 32-й и 38-й ПП, что свидетельствует о продолжающейся практике этих постановлений. Однако и в ПП положение челяди в хозяйстве господина не разъяснено, хотя в ней указаны другие категории зависимого населения с определенным кругом обязанностей по отношению к господину и оговоренным социальным статусом. Это свидетельствует о том, что термин «челядь», восходящий к родо-племенному обществу и относящийся к младшим членам большой семьи, в X в. и в последующее время продолжал быть широким понятием для обозначения различных видов категорий зависимого населения.²²⁸ Ст. 11-я и 16-я КП, как и соответствующие им статьи ПП, указывают также на значительное распространение владения челядью в среде свободного населения, поскольку в них сообщается о борьбе широких слоев свободных за челядь. Нарративные источники XI—XIII вв. позволяют установить один из источников челядинства — плен и проследить дальнейшую историю развития термина «челядин». В первой половине X в. «полоняник» и «челядин» четко различаются (см. выше, с. 78). Отсюда можно предположить, что в XI в. для обозначения взятого в плен человека стал использоваться термин «челядин» взамен термина «полоняник», который остался в лексике церковных и переводных памятников, и челядином стал называться зависимый, попавший в «челядинство» через плен или другим путем, причем словом «челядин» обозначались пленные вне зави-

---

²²⁸ По мнению А. А. Зимина, старый термин «челядин» в княжеском уставе, вошедшем в КП, заменен новым — «холоп», обозначающим теперь «все категории рабов», причем термин «челядин» «на целое столетие» исчез из летописи и Русской Правды (Зимин А. А. Холопы... с. 74). Однако уже на следующей странице Зимин приводит записи ПВЛ под 1095 и 1103 гг., где речь идет о захвате челяди, а ПП продолжает использовать термин «челядин», не заменяя его «холопом», что свидетельствует о широком значении термина «челядин» и узком значении древнего социального термина «холоп». Эти термины сосуществовали как обозначение социально неполноправных, а затем зависимых людей с периода разложения родо-племенного общества. Факт отсутствия слова «челядин» в статьях княжеского домениального устава является лучшим тому подтверждением, поскольку в нем конкретно перечислены категории зависимых людей, а общий, обезличивающий термин был неуместен. В этом устав аналогичен знаменитому *Capitulare de villis*, где указаны все виды зависимого люда, но не использован обобщающий термин *manscipia*.

симости от их прежнего, до плена, состояния.²²⁹ Поэтому представляется верным мнение Б. Д. Грекова, совпадающее с большой историографической традицией, согласно которой захваченные в плен разные категории свободного и зависимого населения, «люди», смерды, холопы, назывались челядью, причем захваченные пленники — челядь — могли использоваться в хозяйстве князей или продавались.²³⁰

Источники XI—XV вв. свидетельствуют о тяжелом юридическом и фактическом положении челяди: челядь продавали и дарили, передавали по наследству (ст. 90-я ПП), истязали, господин подвергался только церковной епитимии за убийство челядина.²³¹ Вместе с тем в списках Археографического вида Пушкинской группы ПП указывается новое по сравнению с более древней Синодально-Троицкой группой установление судебной пошлины в 9 кун за освобождение челядина. Эта новая запись отражает, по нашему мнению, древнее явление отпуска на волю патриархальных рабов в родо-племенном обществе, рабов — в рабовладельческом и феодально зависимых — в феодальном обществе Западной Европы. Однако не тяжелые формы содержания зависимых, а место в общественном производстве социальной группы и определение конкретных форм зависимости являются определяющими признаками общественного положения категории зависимого населения. Но именно этих сведений о челядине меньше всего. Известие об эксплуатации челяди — пленных в ПВЛ под 1031 г. сообщает о расселении пленных поляков по р. Рось, что не свидетельствует об их рабской зависимости.²³² В южнорусских летописях (Киевской и Галицко-Волынской) и Новгородской I летописи при изложении событий XII—XIII вв.

---

²²⁹ Свердлов М. Б. Об общественной категории «челядь» в Древней Руси. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 56—67.

²³⁰ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 166—169. — Ср. тенденциозную критику этого мнения: Покровский С. А. Общественный строй..., с. 155. — Возражения И. Я. Фроянова, по мнению которого челядью назывались только пленники-рабы, также основаны на одностороннем толковании источников, что уже отмечалось в историографии (Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 102—108; ср.: Черепнин Л. В. 1) Русь..., с. 171—172; 2) Еще раз о феодализме..., с. 19—20; Зимин А. А. Холопы..., с. 75).

²³¹ ПСРЛ, I, стб. 54, 62, 67; Памятники древней письменности. СПб., 1888, вып. 72, с. 25; Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. — ЧОИДР, 1912, кн. 3, с. 54, 121, 141, 244; ДКУ, с. 210; АИ. СПб., 1841, т. I, с. 161, 163.

²³² ПВЛ, I, с. 101. — Отождествление пленников и рабов является общим местом в работах сторонников мнения о рабовладении на Руси, хотя никто не показал формы эксплуатации и правового положения таких пленников. Между тем в конце XI—начале XII в. князья, подобно Ярославу Мудрому, использовали пленников для поселения их на своих землях и тем самым для экономического укрепления княжеств, что было обычной для раннего средневековья формой перелива рабочей силы: «и посем хотель есмь переяти болгары дунайские и посадити я у собе», «Ярополкъ же сруби городъ Желъди дрючаномъ, их же бе полонилъ» (там же, с. 170, 201. — Курсив наш).

указывается, что в селах князей и бояр жила челядь, но конкретные формы ее зависимости не отмечаются.²³³

Особенно показательна в этой связи запись Ипатьевской летописи под 1158 г. о вкладе вдовы князя Глеба в Печерский монастырь: «...а по своем животе вда княгини 5 сел и съ челядью, и все да и до повоя».²³⁴ Как отметил Б. Д. Греков, летописец хотел подчеркнуть, что жена князя Глеба отдала все, до последней нитки, в том числе 5 сел со всем сидевшим там населением, без учета различных слоев зависимых.²³⁵ Расширительное использование термина «челядь» прослеживается и позднее.²³⁶

Таким образом, на протяжении X—XIII вв. и в последующее время понятие «челядь» обозначало широкий круг категорий зависимого населения, связанного с господским владением. Именно этим обстоятельством объясняется, на наш взгляд, тот факт, что Русская Правда не указывает штрафа за убийство челядина, а юридические памятники и нарративные источники хотя и содержат многочисленные упоминания о челяди, но не указывают конкретные формы труда челядина в хозяйстве господина. Показательно, что в переводной литературе термин «челядь» использовался для обозначения широких групп зависимого населения.²³⁷

Первые упоминания термина «холоп» содержатся в ПВЛ при изложении библейского сюжета под 986 г., записанного в конце 30-х гг. XI в., и в ст. 17-й КП, более новой по сравнению со ст. 1—16-й КП.²³⁸ Однако из этого не следует, как полагают некоторые ученые, что «холопы» были новым по отношению к «челяди» понятием или социальной категорией, поскольку в обобщающих формулировках русско-византийских договоров и ст. 1—16-й КП использовано широкое понятие «челядь» («челядин»). «Правда Ярослава» (ст. 1—18-я КП) является первым по времени светским письменным памятником, где мог быть указан холоп, и он там назван.

Как уже отмечалось, термин «холоп» восходит к праславянскому периоду, и уже в родо-племенном обществе он обозначал людей неполноправных или младших в семье. Именно в этом смысле он употреблялся в старославянском и сохранился в западно- и южнославянских языках.²³⁹ Можно полагать, что и как термин, и как социальная категория «холопы» длительное время существовали у восточных славян и означали лично зависимых

²³³ ПСРЛ, II, стб. 492—493, 887; НПЛ. с. 51, 248; ср.: ГВНП. с. 161.

²³⁴ ПСРЛ, II, стб. 493.

²³⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 167; см. также: Черепнин Л. В. 1) Из истории формирования... с. 242; 2) Русь... с. 173—174.

²³⁶ Свердлов М. Б. Об общественной категории «челядь»..., с. 58.

²³⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 164—165, 168.

²³⁸ ПВЛ, I, с. 68; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... с. 161—162.

²³⁹ Фасмер, IV, с. 257; Трубачев, 8, с. 62—64.

от господина людей, но по содержанию этот термин был уже, чем слово «челядь».

Ст. 17-я КП определяет холопство как сложившийся институт, связанный с двором «господина».²⁴⁰ В ней указано, что господин может при желании защитить своего холопа, который ударил «свободного мужа»,²⁴¹ «хоромы» господина являются местом, где холоп, совершивший преступление, находится в безопасности, если господин не захочет выдать его на расправу, в случае укрывательства господин должен уплатить 12 гривен. Штраф в 12 гривен, такой же как в ст. 29-й КП за увод холопа или рабы, позволяет предположить, что жизнь ударившего холопа, по представлениям того времени, принадлежала пострадавшему «свободному мужу» и он мог безнаказанно его убить. Таким образом, основной юридический смысл ст. 17-й заключался в охране интересов холоповладельцев по защите зависимых от него холопов.²⁴² Вместе с тем ее свидетельства о полноте власти господина по отношению к холопу, о связи холопа с господином и его двором, наконец, о положении холопа по отношению к свободным указывают на холопство как на определенную сложившуюся категорию, которая попала в КП лишь по необходимости зафиксировать данный казус. Показательно, что законодатели XII в. оставили ст. 65-ю ПП без изменений, добавив только (в духе дальнейшего развития законодательства) возможность избавления холопа от смерти вне хором господина посредством выкупа «гривны кун за сором». Видимо, в основном решение казуса в XII в. и в последующее время удовлетворяло «свободных мужей» так же, как и в первой половине XI в.

В КП холопы упоминаются также в связи с определением денежных штрафов за убийство чужого холопа и его увод (ст. 26-я, 29-я). Эти статьи входят в так называемый «княжеский домениальный устав» в составе КП. Самый низкий штраф за убийство (5 гривен) объясняется тем, что холоп находился во власти господина и это был урок за холопа.²⁴³ Социально-юридический характер штрафа за увод холопа определяется тем же подтекстом, что и выкуп в 12 гривен ст. 17-й. Вместе с тем ст. 24—27-я КП позволяют определить, что в XI в. лично зависимые занимали разное положение в княжеском домениальном хозяйстве: одни входили в систему управления (сельские и ратайные старосты, кормильцы и кормилицы), другие — в систему непосредственного производства. Это сказалось на разли-

²⁴⁰ Романов Б. А. Люди и нравы. с. 52—53.

²⁴¹ Мы присоединяемся к интерпретации слова «пояти» как «взять господину» виновного холопа, а не «взять у господина», что согласуется со ст. 11-й КП и 65-й ПП (Зимин А. А. Холопы... с. 64—65).

²⁴² Мы согласны с аналогичным мнением А. А. Зимина, однако штраф в 12 гривен — это, на наш взгляд, не «челядинная цена» (Зимин А. А. Холопы... с. 65), поскольку Русская Правда такого понятия не знает. Речь в ст. 17-й КП идет о холопе, а не о челядине (это отождествление основано лишь на предположении).

²⁴³ Ср.: Зимин А. А. Холопы..., с. 78.

чин в их положении в системе штрафов за убийство: соответственно 12 и 5 гривен.²⁴⁴ При этом сосуществование терминов «челядин» и «холоп» в XI—XII вв. в КП и ПП, отсутствие терминологической замены в Правде «челядина» «холопом» не позволяет согласиться с мнением А. А. Зимина о том, что в «Уставе Ярославичей» «термин „холоп“ употребляется для обозначения всех категорий рабов». ²⁴⁵ Мы полагаем верными наблюдения, согласно которым в ПП различаются на протяжении всего текста термины «челядин» и «холоп». ²⁴⁶

В ПВЛ сообщения о челядине и холопах появляются при изложении событий X в., конца XI—начала XII в. ²⁴⁷ В Русской Правде челядь также «исчезла» и «появилась» в равной степени с холопами, так как статьи КП о челяди и холопах были записаны при Ярославе Мудром (тут мы согласны с А. А. Зиминым). ²⁴⁸ В ПП эти статьи повторены (ст. 16-я, 32-я, 38-я, 65-я), кроме ст. 29-й КП об уводе холопа или рабы. Статьи о холопах пополнены в ПП «Уставом о холопах». О жизненности термина «челядин» и о непрерывном его использовании для обозначения широкого круга зависимых свидетельствует замена в ст. 38-й ПП, которая объединяет нормы ст. 16-й и 29-й КП, термина «холоп» в норме ст. 29-й КП термином «челядин». ²⁴⁹

КП

Ст. 16-я: Аще кто челядин пояти хоцеть, познав свои, то к оному вести. у кого то будет купил...

Ст. 29-я: А оже уведеть чюжь холоп любо рабу. платити ему за обиду 12 гривен.

ПП

Ст. 38-я: Аще познаеть кто челядин свои украден. а поиметь и, то оному вести и по кунам до 3-го свода... а князю продаже 12 гривен в челядине или украдше.

Наблюдения И. И. Смирнова о строгом различии в ПП терминов «челядин» и «холоп» представляются нам верными только при объяснении тех норм, где «холоп» противопоставлен широ-

²⁴⁴ Нам представляется недоказанным мнение А. А. Зимина, согласно которому компенсация за убийство холопов определялась их реальной рыночной ценой — 5 гривен (Зимин А. А. Холопы..., с. 77). Такому предположению противоречат одинаковый штраф за убийство различных категорий населения (рядовичи, холопы, смерды, причем холопы — одна из категорий зависимых), определенное и устойчивое положение пятигривенного штрафа в системе штрафов за убийство княжских людей, свободных и различных по положению зависимых (80 : 40 : 12 : 5), что отражало, разумеется, не их различную рыночную стоимость, а их разное общественное положение. К тому же «рыночная цена» холопа не могла быть стабильна в XI—XII вв. и в последующее время.

²⁴⁵ Зимин А. А. Холопы..., с. 74.

²⁴⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 159; Смирнов И. И. Очерки..., с. 109.

²⁴⁷ ПВЛ, I, с. 39, 45, 48, 149, 160, 185.

²⁴⁸ Свердлов М. Б. К истории текста..., с. 149—155.

²⁴⁹ Тождество «продажи» и «обиды» является особым вопросом. Ср. мнения: Правда Русская, II, с. 189—190; Правда Русская. Учеб. пособие, с. 29; Зимин А. А. Холопы..., с. 78, 173.

кому понятию «челядь». Но при расширении понятия «холоп» для обозначения различных видов личной зависимости содержание терминов «челядин» и «холоп» начинает сближаться, что проявилось в ст. 38-й ПП.²⁵⁰ Поэтому нет необходимости допускать «противоречие» ст. 38-й ПП предполагаемым исследователем редакционным особенностям текста ПП.²⁵¹

Таким образом, на основании источников XI в., прежде всего КП, можно считать, что холопство как общественный институт сложилось до XI в. Они указывают на личную зависимость холопа от господина и самое низкое общественное положение в социальной структуре наряду с другими категориями зависимых в домениальном хозяйстве. Однако сведений об источниках холопства и о конкретных формах эксплуатации труда холопов в письменных памятниках XI в. нет. Их юридическое положение, помимо общих указаний на личную зависимость, также не раскрыто.

При изучении социально-экономического и правового положения холопов известия источников XI и XII вв. в исследованиях обычно объединяются, поскольку определяющим критерием является характеристика холопа как раба, и на этой основе устанавливаются основные черты холопства в XI в. При разделении известий источников о холопах в XI и XII вв. важно точно определить объем сведений о холопах в XI в. При такой постановке вопроса легко заметить, что полученный нами вывод значительно отличается от наблюдений А. А. Зимина. Их многие исходные тезисы постулированы: об использовании библейских правовых норм в древнерусском судопроизводстве, «ибо они соответствовали условиям тогдашней жизни» (?), о том, что «рабочую силу княжеских владений составляла еще челядь, т. е. в первую очередь холопы, посаженные на землю»²⁵² (терминологически не доказанным остается отождествление «холопа» и «челядина»). Сведений об указанной Зиминим форме эксплуатации рабов, челяди и холопов нет, а возможность использования для доказательства известия о том, что после похода 1031 г. Ярослава и Мстислава на Польшу Ярослав посадил свою часть пленных по р. Рось, следует обосновать, поскольку р. Рось находилась в пограничной с печенегами зоне, которая продолжала укрепляться со времен Владимира Святославича.²⁵³ И если пленные эксплуа-

---

²⁵⁰ Ср. возражения И. И. Смирнову: *Покровский С. А. Общественный строй...*, с. 150—151; *Зимин А. А. Холопы...*, с. 170—171.

²⁵¹ *Смирнов И. И. Очерки...*, с. 107—111. — И. Я. Фроянов не согласился с мнением об отмирании челядинства. Однако его аргументы убедительны не в равной мере. Если мнение о том, что КП — единый памятник и поэтому упоминаемые там термины «челядин» и «холоп» должны в равной степени использоваться, является формальным, поскольку не учитывает историю текста КП, то обращение к ст. 32-й и 38-й ПП подтверждает продолжение челядинства в XII в. (*Фроянов И. Я. Киевская Русь* (1), с. 101—102).

²⁵² *Зимин А. А. Холопы...*, с. 52, 56.

²⁵³ ПВЛ, I, с. 83, 101.

тировались в качестве рабов — рабочей силы в «княжеских имениях», а не для заселения и укрепления пограничной зоны, то почему эти «имения» находились в землях, наиболее подверженных набегам кочевников?

А. А. Зимин считает, что «феодализация шла в этот период (т. е. в XI в. — М. С.) за счет использования внутренних ресурсов крупного хозяйства, за счет трансформации труда челяди».²⁵⁴ Однако этот тезис основан на предположении о тождестве рядовичей и смердов с холопами, а этих последних с челядью и рабами, что в свою очередь нуждается в доказательстве. «С уменьшением числа походов, осаждением челяди на землю, с сокращением торговли челядью изменился и удельный вес различных источников рабства».²⁵⁵ На чем основано каждое из этих заключений — непонятно. В XI—XII вв., согласно ПВЛ, совершенно очевидно постоянное возрастание числа военных действий русских князей, причем не только с внешними врагами, но и друг с другом, так что уже на Любечском съезде князей в 1097 г. основным был следующий вопрос: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще?»²⁵⁶ Сведений о форме эксплуатации труда пленных нет никаких. Числовых данных о торговле на Руси челядью также нет, поэтому говорить о ее сокращении или росте не приходится.²⁵⁷ А на таких основаниях сделан важный вывод об «изменении удельного веса различных источников рабства». Учитывая, что основное определение челяди и холопов как рабов, по нашему мнению, осталось недоказанным, выводы А. А. Зимина о социально-экономическом и правовом положении холопов принять нельзя.

Только в ПП содержатся обстоятельные сведения о правовом и социально-экономическом положении холопа и его социального и юридического двойника — рабы в древнерусском обществе.²⁵⁸

В ст. 110-й ПП указываются следующие пути превращения свободного в полного (обельного) холопа. Первым путем названа продажа или самопродажа человека за очень небольшую сумму (до полугривны), причем при этом акте должны присутствовать свидетели и мелкая денежная единица — погата должна быть

---

²⁵⁴ Зимин А. А. Холопы..., с. 73.

²⁵⁵ Там же, с. 76.

²⁵⁶ ПВЛ, I, с. 170.

²⁵⁷ И. Я. Фроянов также не согласен с мнением о сокращении на Руси числа пленников; он полагает, впрочем, что «в Киевской Руси плен хотя и утрачивал решающую роль в развитии рабства, но не терял функции одного из главных источников, пополнявших армию древнерусских рабов» (Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 108). Однако этот корректив терминологически и по существу нам представляется неверным.

²⁵⁸ Обстоятельный разбор правового и фактического положения холопов в XII—XIII вв. см.: Зимин А. А. Холопы..., с. 170—197; Смирнов П. П. Очерки..., с. 103—229. — Следует, однако, иметь в виду, что конструктивные для этого периода наблюдения А. А. Зимина предполагают выделение внутри холопства закунов и смердов, а также превращение рабских форм зависимости некоторых категорий рабов-холопов в феодальную зависимость, что, по нашему мнению, осталось недоказанным.

предъявлена перед самым холопом. Как отметил Б. А. Романов, в приведенном законоположении отразились две ситуации: 1) самопродажа, хотя бы фиктивная, свободного в холопы, обставленная формальными удостоверениями добровольности сделки; 2) действительная продажа человека в холопы третьим лицом в той же обстановке.²⁵⁹ По ст. 110-й второй возможностью стать холопом была женитьба свободного на робе без договора (ряда), а если заключался договор, видимо о личной свободе, свободе детей и т. д., то он должен был соблюдаться. Третьим путем перехода в холопы являлось поступление на службу к господину без договора в должность управляющего хозяйством — тиуна или переход в эту должность посредством символической процедуры привязывания ключа, однако предоставлялась возможность быть управляющим хозяйством феодала и оставаться свободным, если при этом заключался договор. Обельными холопами становились закуп-вор и беглый закуп (ст. 56-я и 64-я). Однако законодатели стремились точно определить источники обельного холопства (ст. 61-я и 111-я) и тем самым ограничить круг людей, переходящих в юридический статус холопа.

По ст. 54-й ПП, если купец погубит чужой товар или деньги в результате несчастного случая, то нельзя ни «насилить» ему, ни «продать» его. Если он это совершит по своей вине, то во власти владельцев товара или денег «продать» купца-неудачника. Среди комментаторов этой статьи нет единодушия в отношении того, продавался ли купец лично, т. е. лишался свободы, или продавалось только его имущество.²⁶⁰ На наш взгляд, более верной представляется первая точка зрения, поскольку «продажа» человека, по ПП, означала «лишение свободы».²⁶¹ Так, нельзя было «продать» закупа в обельные холопы (ст. 61-я). Если купец, совершивший указанное в ст. 54-й ПП преступление, лишался свободы, то вполне логично предположить, что он тоже становился холопом и попадал во дворы крупных феодалов, у которых хватало денег на приобретение таких людей, чтобы они, полностью зависимые от власти феодала, выполняли его денежные и торговые операции. Это подтверждает мнение Б. А. Романова об участии в торговых предприятиях феодала «бывших купцов» — холопов.²⁶²

В дореволюционной и советской литературе неоднократно высказывалось мнение, что одним из источников холопства на Руси был плен. Однако в древнерусских юридических и нарративных

²⁵⁹ Романов Б. А. Люди и нравы, с. 83—84.

²⁶⁰ Правда Русская, II, с. 430—434; Зимин А. А. Холопы..., с. 165—169.

²⁶¹ См. также: ГВНП, с. 61; Черепнин Л. В. Из истории формирования..., с. 259—260.

²⁶² Романов Б. А. Люди и нравы, с. 78—79. — А. А. Зимин полагает, что такие купцы попадали в состав необельных холопов — закупов (Холопы..., с. 165—167), однако закупничество этих холопов ничем не доказано, да купцы и не могут попадать в закупы, поскольку последние эксплуатировались в системе сельскохозяйственного производства (см. ниже, с. 171—173).

памятниках не указываются формы эксплуатации труда плен-ных, поэтому нельзя достоверно судить, считались ли пленные холопами или более широко назывались челядью вне зависимости от конкретных форм эксплуатации. Одним из источников холопов, как и челяди в целом, было их воспроизводство, поскольку дети холопов оставались в социальном статусе своих родителей (ст. 99-я ПП).

Ст. 15-я ПП, указывающая штраф в 12 гривен за убийство ремесленника или ремесленницы, приравнивает их к кормильцам. Эта новая статья ПП по сравнению с КП свидетельствует о том, что в круг лично зависимых от господина непосредственных производителей в XII в. попали профессиональные ремесленники. Установление этого факта затрагивает дискуссионный в новейшей литературе вопрос о судьбах холопства в XII—XIII вв. По И. И. Смирнову, роль холопов в феодальном хозяйстве возрастала, по А. А. Зимину — она сокращалась. Если И. И. Смирнов основывался на нормах статей 46-й, 50-й и 89-й ПП, расширяющих сведения о юридическом и социальном положении холопов, то А. А. Зимин исходит из общей концепции сокращения холопства — рабства. Поскольку толкования статей ПП А. А. Зиминим концепционные, а не текстологические (за исключением убедительного объяснения ст. 43-й, согласно которой предусматриваются воровы — свободные, а не холопы), причем новые нормы ПП объясняются как юридические нововведения (подразумевающие новые социальные явления),²⁶³ нам представляется, что мнение А. А. Зимина не опровергает точку зрения И. И. Смирнова. Упоминание ПП среди зависимых людей вотчины ремесленников, за которых платили штраф 12 гривен, свидетельствует о расширении круга зависимых, челяди и холопов.²⁶⁴ Отметим в этой связи, что определение новых социальных отношений при сравнении КП и ПП оправдано, по нашему мнению, когда существуют текстуально совпадающие статьи. При появлении новых норм в ПП следует иметь в виду, что они могли возникнуть также в результате иных закономерностей развития писаного права (включая влияние классовой борьбы и развитие юридической мысли), поэтому они далеко не всегда являются доказательством новейших социальных изменений.

Определение источников холопства позволяет установить, что в его ряды рекрутировались люди разных общественных состояний: 1) свободные — юридически и экономически независимые, 2) экономически зависимые и ограниченные в правах, но сохранившие свободу закупы, 3) вероятно, пленники, 4) дети холопов. Методы похолопления также были самыми различными, однако в этом разнообразии есть объединяющие критерии: 1) насилие — наказание закупов, не исполнивших обязательства купцов, про-

²⁶³ Смирнов И. И. Очерки..., с. 127; Зимин А. А. Холопы..., с. 178—179.

²⁶⁴ См. также название владимирцев — «холопи каменьщи» — в прямой речи Ипатьевской летописи под 1175 г. (ПСРЛ, II, стб. 598).

даже третьим лицом, вероятно, плен; 2) свободное, но социально и экономически детерминированное поступление в холопы (действительная или фиктивная самопродажа, поступление на службу), когда причиной установления личной зависимости была социальная и экономическая нестабильность непосредственного производителя; 3) добровольное поступление в холопы в результате женитьбы на рабе; 4) преемственность социального статуса.

ПП отвечает на вопрос, у кого находились холопы: у князя (ст. 46-я), боярина (ст. 46-я и 66-я), «чернеца» (ст. 46-я), т. е. у монаха, а не у монастыря.²⁶⁵ Из содержания ст. 46-й можно предположить, что крупные феодалы, князья и бояре, уходя в монашество, могли брать с собой в услужение холопов. В монастырях они продолжали быть холопами чернецов-монахов.²⁶⁶

В источниках содержатся сведения о том, что делали холопы у своих господ. Холопы были заняты в руководстве доменальным хозяйством — они были тиунами, т. е. управляющими хозяйства феодала (ст. 110-я ПП). Холопы и рабы были также кормильцами и кормилицами детей феодалов (ст. 17-я ПП). Среди непосредственных производителей — холопов были ремесленники (ст. 15-я ПП).

В историографии отмечалось, что холопы были заняты в сельском хозяйстве, хотя этот вывод сделан на основе только агнографических памятников,²⁶⁷ в которых использовалось нивелирующее понятие «раб», не раскрывающее реальных категорий древнерусского зависимого населения. Основываясь на ст. 56-й, 64-й и 110-й ПП, можно предположить, что закупы и смерды переходили в полную власть господина вместе с принадлежавшими им земельными участками, скотом и сельскохозяйственным инвентарем, владельцами которых письменные источники изображают смердов и закупов. Естественно, что продукты от этих хозяйств поступали на двор «господина». Вследствие отсутствия свидетельства источников, а может быть, и отсутствия самого явления у нас нет данных о том, что господин в XI—XIII вв. сажал холопов на свою землю. Все же определенная часть холопов или челяди была занята обработкой господской запашки,

---

²⁶⁵ Романов Б. А. Люди и нравы, с. 57—58.

²⁶⁶ Б. А. Романов показал, что в памятниках церковной литературы есть сведения о таких «чернечских» холопах, названных там рабами, обычным церковным обозначением зависимых людей (Романов Б. А. Люди и нравы, с. 57—62). А. А. Зимин не обратил внимания на указание ст. 46-й о принадлежности холопов «чернецу», а не монастырю, а также на комментарий Б. А. Романова, поэтому увидел в ст. 46-й ПП свидетельство о зависимом населении, названном широким термином «челядь», поскольку монастыри трудом рабов не пользовались (Зимин А. А. Холопы..., с. 179). Однако недоказанность исходных данных делает вывод А. А. Зимина неубедительным. См. также указания на холопов новгородских епископов Луки и Стефана под 1055 и 1068 гг.: НПЛ, с. 183; ПСРЛ. Пг., 1915, т. IV, вып. I, с. 118, 125.

²⁶⁷ Романов Б. А. Люди и нравы, с. 61—62; Черепнин Л. В. Из истории формирования..., с. 238—239.

или, по мнению Л. В. Черепнина,²⁶⁸ на барщине, выходя на пашню из господского двора. В Киево-Печерском патерике рассказывается о будущем игумене Печерского монастыря Феодосии: «...и оттоле начать на труды подвижнее быти, якоже исходити ему с рабы своими на село делати съ всякимъ прилежанием».²⁶⁹ Следовательно, Феодосий со своими «рабами» выходил из города Курска на село, где занимался сельскохозяйственными работами. Использование винительного, а не местного падежа свидетельствует, по нашему мнению, о намерении автора рассказа сообщить о выходе Феодосия вместе с рабами «на село», таким образом, эти «рабы» жили в Курске во дворе господина.²⁷⁰

Холопы, видимо бывшие свободные купцы, были заняты в денежных и торговых операциях, причем господин в этих случаях имущественно отвечал за своего холопа. Он должен был платить за него, и при этом ограничивалось право господина отдать холопа-неудачника за долги (ст. 116—119-я).²⁷¹

Холоп стал настолько органичной частью ближайшего окружения феодала, что митрополит Кирилл в «Правиле» 1274 г. должен был специально оговорить запрещение ставить «раба на священничество», если тот не отпущен ранее на свободу.²⁷² Вероятно, холопы также обслуживали господина и были прислугой в хозяйстве, однако известий об этих функциях холопов в господском хозяйстве нет. Таким образом, можно полагать, что холопы в XII—XIII вв. были заняты во всех областях господского хозяйства — в управлении, в ремесленном и сельскохозяйственном производстве, в обслуживании господина и его двора, во внешних торговых связях вотчины.

Различия в положении, занимаемом в системе производства, приводили к разному хозяйственно-имущественному положению холопов. Смерды и закупы, попавшие в холопы, сохраняли, видимо, свои земельные участки и хозяйство. Собственное хозяйство имели также тиуны, которые устанавливали даже личное господство над другими холопами: «...не холоп в холопах, кто у холопа работает».²⁷³ Такие холопы-тиуны могли иметь земель-

²⁶⁸ Черепнин Л. В. Из истории формирования..., с. 238.

²⁶⁹ Патерик..., с. 17.

²⁷⁰ См. аналогичное толкование этой фразы Б. А. Романовым, который отметил также значение слова «село» как участка земли. Отсюда можно заключить, что работа «рабов» заключалась в страде на окрестных пахотных участках (Романов Б. А. Люди и нравы, с. 62. — О селе как «поле», «пашне» см. также: Рыбаков Б. А. Смерды. — ИСССР, 1979, № 1, с. 53—54). О сельскохозяйственных работах горожан см.: Рабинович М. Г. О земле-владении в русском феодальном городе. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978.

²⁷¹ Обстоятельный комментарий см.: Смирнов И. И. Очерки..., с. 175—186.

²⁷² Правило Кирилла, митрополита русского. — РИБ. СПб., 1908, т. VI, стб. 90; Романов Б. А. Люди и нравы, с. 63.

²⁷³ «Слово» Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переработкам/ Подготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932, с. 69. — По мнению Л. В. Черепнина, «Моление» Даниила Заточника датируется началом

ные участки до поступления в холопы или получить их от господина при поступлении в тиуны.²⁷⁴ В таких хозяйствах тиунов до их похолопления могли быть заняты холопы. Выразительные примеры существования холопов у феодально зависимых людей (*servi, mancipia*) в VIII—IX вв. в Западной Европе приведены А. И. Даниловым.²⁷⁵ Холоп мог накопить «имение», которое, впрочем, как и личность самого холопа, в конечном счете принадлежало господину.

Таким образом, различные методы установления зависимости, различный состав холопов сопровождался дифференцированным имущественным и производственным положением холопов в вотчинном хозяйстве в XII—XIII вв. Причем, вероятно, в холопстве основным было не лишение средств производства, а установление полной личной зависимости, т. е. лишение экономической и социальной свободы. Личная зависимость была средством мобилизации рабочей силы в вотчинном хозяйстве. Лишение свободы, установление полной личной и имущественной зависимости от господина, вело к юридической бесправности холопов.

Холоп и роба в ПП, как давно было отмечено в историографии, являются не субъектами, а объектами права. Они не обладают правоспособностью. За их убийство по-прежнему платится наименьший штраф в 5 гривен (ст. 16-я). Уточняя положения об убийстве холопа и робы, ст. 89-я ПП определяет, что за них вира (т. е. штраф в пользу князя за убийство свободного человека) не платится. В случае их убийства без вины с убийцы взимается «урок» (5 гривен, как за убийство «по вине»?) и «продажа» князю в 12 гривен. Таким образом, интересы владельцев стали охраняться лучше.²⁷⁶ Вместе с тем законодатели не сочли нужным зафиксировать казус убийства холопа господином, полагая, видимо, достаточным его решение по обычному праву. Только из юридических норм XIV в. узнаем, что за убийство холопа его владельцу не засчитывается душегубство, и он остается неподсуден.²⁷⁷ Такое отношение к холопам определялось их положением в обществе — они были лично зависимыми. Поэтому

XIV в. (Черепнин Л. В. К вопросу о «Послании» Даниила Заточника. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 69—80).

²⁷⁴ Ср.: Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII веков. М., 1969, с. 196—198.

²⁷⁵ Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX—начала XX в. М., 1958, с. 301—302.

²⁷⁶ На наш взгляд, справедливо замечание А. А. Зимина, что в основном ст. 89-я восходит к нормам предшествующего законодательства и не содержит сведений о количественном росте холопства вопреки мнению И. И. Смирнова (Смирнов И. И. Очерки..., с. 142—143; Зимин А. А. Холопы..., с. 172—173). Однако развитие норм ст. 89-й вследствие поддержки государственной властью интересов холоповладельцев свидетельствует о возрастании роли холопов в господском хозяйстве и об увеличении их активности, поэтому стало больше возможностей для их столкновения со свободными.

²⁷⁷ ДКУ, с. 210.

они не наказывались продажей-штрафом, взимаемым со свободных (ст. 46-я ПП). Холоп не мог быть свидетелем (ст. 66-я и 85-я ПП), хотя в необходимых случаях использовался в качестве свидетеля холоп — боярский тиун (ст. 66-я ПП), но учитывались показания холопов (ст. 85-я ПП), а также беглой челяди (ст. 38-я ПП). Это свидетельствует не о полном, а об относительном исключении холопов из дачи свидетельских показаний. Господин платил за правонарушения холопа (ст. 63-я ПП) и нес за него финансовую ответственность, когда холоп совершал денежные и торговые операции, с другой стороны, приобретенное холопом могло стать собственностью господина (ст. 116—119-я ПП). Но это не означало, как полагает С. А. Покровский, что холоп был абсолютно неспособен. Этот вывод сделан в результате одностороннего толкования источников в полемике с Б. Д. Грековым, С. В. Юшковым и А. А. Зиминим.²⁷⁸ Указанные выше элементы юридических прав, которые являлись отражением растущей дееспособности холопов (она отмечалась в историографии²⁷⁹), а также увеличения источников холопства, свидетельствуют против категорического утверждения С. А. Покровского.

Однако холопство было не только инструментом внеэкономического принуждения. Уже на самой ранней стадии, известной по источникам, холопство как социальный институт взамен свободы давало, насколько было возможно в феодальном обществе, гарантии жизни, защищенной от насилия других «силных». Как писал Даниил Заточник в «Слове» (XII в.), «зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многим: мнозии бо оставлять отца и мать, к нему прибегают».²⁸⁰ На то, что под «слугами» подразумеваются прежде всего холопы, указывает утрата на «службе» свободы. Об этом свидетельствует дальнейший текст Даниила Заточника: «Доброму бо господину, служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится большеи работы».²⁸¹

Поступление в холопство при наличии альтернативного решения свидетельствует о существовании для таких лиц положительных экономических и социальных последствий, которые были более существенны, чем сохранение личной свободы и статуса юридически полноправного человека. Власть феодала защищала холопов от наказания за преступления в тех случаях, когда господин поддерживал холопов. В свою очередь холопы были одной из основ хозяйственной и, говоря шире, экономической и военной мощи крупного феодала. Далекий от образа холопа-раба, «говорящего орудия», тип холопа, изображенного в «Молении» Даниила Заточника (XIII в.), — опасного для свободных слуги князя или боярина в «дорогих портах», «паче меры горделивого» и «буявого».²⁸² Холопы в XII в. посягали даже на княжескую

²⁷⁸ Покровский С. А. Общественный строй... с. 161—164.

²⁷⁹ Смирнов И. И. Очерки... с. 169—229.

²⁸⁰ «Слово» Даниила Заточника... с. 19.

²⁸¹ Там же, с. 19—20.

²⁸² Там же, с. 60—61.

собственность: они крали княжеских коней и ставили на них тамгу своего господина.²⁸³ Со временем холопы, защищенные властью феодала, стали орудием не только княжеского, но и боярского самоуправства.

Находиться в холопах, уже по известиям XII—XIII вв., не означало быть в этом состоянии без перспектив вернуться на свободу. Как следует из приведенных ранее слов Даниила Заточника, за хорошую «службу» холопов отпускали на свободу. Сам холоп мог выкупить себя у господина, став, по классификации церковного устава князя Всеволода Мстиславича, изгоем.²⁸⁴ Господин мог отпустить холопа на свободу по завещанию, и тогда тот назывался «задушный человек».²⁸⁵ Наконец, холоп мог получить свободу по суду. На такую возможность указывает судебная пошлина в 9 кун от процессов по «свободе» (ст. 109-я ПП). Если рассматривать эту пошлину как плату за процесс по оформлению вольноотпущенничества, то тогда следует предположить, что вольноотпущенничество оформлялось через судебный процесс, а постановления суда играли роль появившихся позднее отпускных грамот.

Отношения между холопами и их господами не были идиллическими. Они определялись господством и угнетением со стороны феодалов, полным бесправием холопов перед властью господина и почти полным отсутствием княжеской правовой защиты. Судьба холопа зависела от того, по словам Даниила Заточника, каким будет господин — «добрым» или «злым». Поэтому среди первых же упоминаний о холопах в источниках содержатся сведения об их выступлениях против господ.²⁸⁶ Холопы отвечали на угнетение и бесправное положение бегством, и феодалам пришлось разработать обстоятельные законоположения, связанные с поимкой беглых (ст. 112—115-я, 120-я ПП). Вся последующая история холопства сопровождается этими формами социального протеста — бегством и убийством господ, возможно, восстаниями.²⁸⁷

Название конкретной общественной категории — холопства — уже в XI—XIII вв. стало общим обозначением зависимого, бесправного состояния²⁸⁸ и начало употребляться в этом смысле наряду со словом «рабство», которое имело такое же содержание, но встречалось не в древнерусской юридической и социальной практике, а в литературе, опирающейся на терминологию переводных памятников прежде всего церковного содержания.²⁸⁹ Та-

---

²⁸³ ПСРЛ, II, стб. 541.

²⁸⁴ ДКУ, с. 157.

²⁸⁵ Романов Б. А. Люди и нравы, с. 68—69; Черепнин Л. В. Из истории формирования..., с. 256.

²⁸⁶ ПСРЛ, т. IV, вып. I, с. 118, 125; Зимин А. А. Холопы..., с. 68—72.

²⁸⁷ Зимин А. А. Холопы..., с. 68—72.

²⁸⁸ ПВЛ, I, с. 68; НПЛ, с. 62, 265; ПСРЛ, II, стб. 808, 851.

²⁸⁹ Замена в церковной практике термина «раб» термином «холоп» для обозначения людей, находившихся в полной зависимости от господина,

ким образом, источники позволяют установить, что упоминаемые в XI в. холопы были социальной группой лично зависимых людей, более узкой, чем челядь. Для XI в. и предшествующего времени, по словам В. В. Мавродина, «всякий холоп — челядин, но не всякий челядин — холоп».²⁹⁰ С расширением круга холопов с разным объемом право- и дееспособности, умножением источников холопства содержание термина «холоп» стало более емким, приблизившись по значению к термину «челядин».

Итак, основным источником холопства был не плен, а личная зависимость соплеменников, устанавливаемая в результате социально-экономических процессов. Формы эксплуатации труда холопов в господском хозяйстве были самые различные, причем холопы могли находиться на службе, не иметь средств материального производства и владеть личным хозяйством. Рекрутированных из разных социальных групп и занимающих в значительной мере различное социально-экономическое положение холопов, в разной степени относящихся к средствам производства, объединяет один юридический признак — почти полное отсутствие правоспособности, определяемое личной зависимостью. Такое социально-экономическое положение позволяет определить холопство как сословие юридически бесправных людей, занимающих различное место в материальном производстве и обслуживании господского хозяйства. Широта охвата холопством различных социальных групп позволяет установить социальное значение личной зависимости в феодальном обществе — это средство рекрутирования слуг и рабочей силы в господское хозяйство вне связи с государственными источниками доходов и рабочей силы. Личная зависимость и определяемые ею социально-экономические и правовые последствия были формой прикрепления зависимого человека к господину в условиях отсутствия государственной системы прикрепления к земле или тяглу, и поэтому холопство может быть названо личной крепостью. Развивающиеся социально-экономические отношения способствовали изменениям в холопстве, но введение государственной системы крепостного права сделало личную крепость ненужной, и холопство как сословие было «отменено» законодательными постановлениями начала XVIII в.

Марксистско-ленинская концепция о смене общественно-экономических формаций показала основную тенденцию развития человеческого общества. Марксистская историческая наука отметила закономерность перехода от родо-племенного общества к феодальной формации, минуя рабовладельческую.²⁹¹ Исходя из этого, правомерно сравнивать холопов Древней Руси с категориями лично зависимых в земледельческих обществах, развивающихся от родо-племенного строя к феодальному, например с сервами и манципиями в системе общественных отношений герман-

отмечена Л. В. Черепниным (*Черепнин Л. В. Из истории формирования...*, с. 259).

²⁹⁰ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства, с. 157.

²⁹¹ Черепнин Л. В. Русь..., с. 142.

цев в период складывания у них феодальных отношений.²⁹² В отличие от стран романо-германского синтеза более ясно прослеживается процесс превращения германцев-общинников в сервов, устанавливаются формы их зависимости и эксплуатации в собственно германских и германо-славянских районах, где система римских рабовладельческих отношений не оказала влияния на складывающиеся раннефеодальные отношения, а система римского права повлияла лишь на терминологию, ограничив ее по отношению к феодально зависимым понятиями: лит, серв, анцилла, манципии. Как показал А. И. Неусыхин, сервы и манципии, которые находились на дворе господина или на земле и которых продавали или меняли, передавали по наследству с землей или без земли, с семьей или без семьи, являются категориями феодально зависимого населения, а не институтом рабовладельческого общества. Среди феодально зависимых крестьян в Германии А. И. Неусыхин отметил близкие к древнерусскому холопству формы зависимости: «...4) аллодисты, общинные наделы которых целиком или частично превратились в тяглые мансы и которые сами полностью или частично утратили свою личную свободу; 5) общинники, разными путями... впавшие в личную зависимость, но временно сохранившие части своих аллодов, которые они впоследствии утратят; 6) наконец, бывшие свободные крестьяне, подвергающиеся личному закабалению и превратившиеся в дворовых холопов».²⁹³ Эти наблюдения, сделанные на большом фактическом материале, помогают глубже понять природу холопства, его сходства с феодальным серважем и отличия от рабства.

В странах романо-германского синтеза юридическое положение сервов в VIII—IX вв. было близко правовому статусу холопов. Сервы были лично зависимыми. Их продавали, покупали, дарили и завещали. Они были лишены права обращаться за защитой в королевский суд. В делах о несервах их свидетельство не учитывалось. Имущество сервов принадлежало господину. Часть их жила на его дворе. Отличие серважа от холопства заключалось в источниках установления зависимости. Сервы IX в. являлись потомками рабов, части вольноотпущенников и колоннов меровингского времени, реже это были лишившиеся свободы

---

²⁹² Неусыхин А. И. 1) Возникновение зависимого крестьянства...; 2) Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964. — Библиографию проблемы см. в указанных работах А. И. Неусыхина и в книге: Барг М. А. Проблемы социальной истории...

²⁹³ Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства..., с. 26. — Плодотворность такого метода изучения форм личной зависимости становится особенно очевидна, если сравнить его с традиционным путем определения сервов как рабов, что нивелирует различные формы социально-экономической и личной зависимости в процессе генезиса феодализма. Второй путь предопределил неудачу изучения Г. М. Даниловой сервов и серважа в Западной Европе VI—IX вв. и их последующего сравнения с древнерусскими холопами (Данилова Г. М. Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев. Петрозаводск, 1974, с. 89—127).

общинники. Большая часть сервов наделялась земельными держаниями, за которые выполнялись многочисленные повинности, но к земле они прикреплены не были, являясь лично зависимыми.²⁹⁴

Вопрос об определении фактического и юридического положения холопов в Древнерусском государстве перерастает в проблему существования на Руси рабства. Если предложенное нами понимание холопов как сословия феодально зависимого населения верно, то в этом случае определение холопства как рабства в древнерусском феодальном обществе снимается. Выявление социальной природы холопства позволяет установить его сходство и различие с патриархальным рабством и рабством рабовладельческого способа производства в процессе генезиса классовых обществ. Как отмечено выше, патриархальному рабству родо-племенного общества свойственны только внешние источники, мягкие формы эксплуатации посредством службы и оброка при наделении домом и землей. Жизнь раба находилась во власти господина, но освобождение совершалось, вероятно, легко, причем у славян институт ограниченных в правах вольноотпущенников не сложился. При рабовладельческом способе производства, согласно ленинскому определению сущности рабства, рабы становились вещью, орудием производства. Они использовались в ремесле, сельском хозяйстве и быту в качестве слуг не только богатыми, но и среднего достатка гражданами, а также неполноправными (метеками). Были также государственные рабы, эксплуатация которых освобождала все свободное население от значительной части общественно необходимого труда. Поэтому в рабовладельческом обществе правомерно было восприятие рабов как «избавляющих от трудов» (*λυσίπονοι*).²⁹⁵ В процессе материального производства классу рабов противостояла община свободных граждан государства-полиса, непосредственных или опосредованных (социально-политической системой, государственным и храмовым рабовладением) рабовладельцев, из чего с необходимостью следовало сложение института вольноотпущенничества. Рабовладельческий способ производства определял структуру определенной социально-политической надстройки. При имманентном генезисе феодализма в Древней Руси патриархальное рабство развилось в класс-сословие феодально зависимых холопов; основным источником холопства являлось похолопление соплеменников. Источником квазирабского правового статуса холопов стала необходимость внеэкономического принуждения лично зависимых. Однако место холопов в системе феодальных производственных отношений было совершенно иным, чем в родо-племенных и рабовладельческих обществах, причем нет никаких следов «посаждения» холопов на землю или использования эргастериальных форм труда на земле. Поэтому определение холопов как рабов, предполагаю-

²⁹⁴ История Франции. М., 1972, т. I, с. 58—59.

²⁹⁵ Доватур А. И. Рабство в Аттике в VI—V вв. до п. э. Л., 1980, с. 118.

щее рабовладельческие производственные отношения, привносит в систему производственных отношений в Древней Руси те формы, которые не существовали (использование понятия «раб» по отношению к холопам допустимо как описательное, но затемняющее сущность их социально-экономического положения). Установление этого факта не исключает предположения, что в районах прежде всего с неславянским населением, удаленных от территорий с развитыми феодальными отношениями, существовало как уклад патриархальное рабство — пережиточная форма отношений родо-племенного общества.

ЗАКУПЫ

Одним из важнейших вопросов в изучении феодально зависимого крестьянства и определении форм социально-экономической активности феодалов является установление характера закупничества. Б. Д. Греков называл проблему закупов «одним из самых беспокойных вопросов» в русской и советской историографии.²⁹⁶ Как неоднократно отмечалось, мнения дореволюционных исследователей сводятся в основном к двум объяснениям сущности этой формы зависимости: договору о найме и договору о займе. Положительным вкладом в изучение вопроса было привлечение сравнительно-исторических западноевропейских материалов и сведений о закупах в литовско-русских источниках XV—XVI вв. Однако эти исследовательские приемы не оказались достаточно эффективными, поскольку исходным моментом сравнительно-исторического анализа оставалось определение статуса закупов на Руси в XII—XIII вв.

Советские исследователи основное внимание уделили изучению не юридических, а социально-экономических форм зависимости закупов в условиях формирующихся феодальных отношений. Однако единомыслия в их выводах не было. Основной темой дискуссий было определение экономического положения закупов, вследствие чего устанавливался их социальный статус. Одни исследователи полагали, что закуп жил на дворе господина, получал от него плуг, коня, борону, работал на господской пашне. На этом основании делался вывод о том, что закупничество было крепостнической формой зависимости,²⁹⁷ подобием деревенской служилой кабалы.²⁹⁸ Оно являлось следствием выкупа холопа на свободу.²⁹⁹ Закупы — «деклассированная часть древне-

²⁹⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 195. — Историографические обзоры см.: Правда Русская, II, с. 438—481; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 195—199; Смирнов И. И. Очерки..., с. 230—236; Зимин А. А. Холопы..., с. 121—125.

²⁹⁷ Юшков С. В. Очерки..., с. 67, 80—85. — Как полукрепостного, сидящего на господской земле, охарактеризовал закупа С. А. Покровский (Общественный строй..., с. 131—137).

²⁹⁸ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 200, 207.

²⁹⁹ Зимин А. А. Холопы..., с. 127—142.

русского общества», «людским резервом» которой был «„люмпен-пролетариат“ на русской почве», «полурабы, а не феодально зависимые».³⁰⁰ Другие исследователи, наоборот, предполагали существование у закупов собственного хозяйства, сельскохозяйственного инвентаря, коня и, возможно, земли.³⁰¹ Промежуточной точкой зрения является мнение о «каком-то собственном хозяйстве» закупа при условии работы на господской пашне господским конем и земледельческими орудиями.³⁰² Это последнее обстоятельство предполагало в закупах статус феодально зависимых крестьян.

Ст. 57-я и 58-я ПП указывают на работы закупа только в процессе сельскохозяйственного производства на пашне («ролейный» закуп) и по обслуживанию господского скота. Анализ ст. 57—59-й ПП позволяет считать, что закуп владел конем и земельным участком.³⁰³ В пользу последнего утверждения свидетельствует использование понятия «отарица» для перевода *πελορία* в «Пандектах» Никона Черногорца при обозначении личной собственности, что разъясняет «отарицу» в ст. 59-й как земельное владение, принадлежащее за купу, а не господину. Ст. 56—58 ПП предусматривают платежеспособность за купов и ставят их перед законом в равные денежные отношения с господином, который должен был платить за нарушение юридических и имущественных прав закупа (ст. 59—61 ПП). Ст. 60-я и 61-я ПП свидетельствуют о денежной зависимости закупа от господина. Форма зависимости, характер эксплуатации, а также название закупа «наймитом» (ст. 61-я ПП) указывают на отработки денежного долга с процентами (возможно, также за зерно и земледельческие орудия, плуг и борону) как на форму установления зависимости свободных земледельцев. Согласно условно называемому «Уставу о закупах», за закупами сохранялись права свободного человека, что резко отличало их от холопов, хотя устанавливаемая феодальная зависимость предусматривала право господина бить закупа «про дело» (ст. 62-я ПП), т. е. насилем подчинять его своей власти, но тут же отмечается, что за битье «без вины» господин наказывается как за битье свободного.

Если сделанные нами наблюдения верны, то как оценить древнерусский перевод *ἡμιδούλος* словом «закуп» в сочинении «16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского»? Это упоминание было введено в научный оборот И. И. Яковкиным³⁰⁴ и указывалось исследователями в подтверждение мнений о закупах как о неполных холопах,³⁰⁵ как о холопах, выкупающихся

³⁰⁰ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 128—129, 132.

³⁰¹ Романов Б. А. Люди и нравы, с. 69—79; Черепнин Л. В. 1) Из истории формирования..., с. 252—257; 2) Русь..., с. 182—186.

³⁰² Смирнов И. И. Очерки..., с. 281—358.

³⁰³ Свердлов М. Б. К изучению формирования феодально зависимого крестьянства в Древней Руси. (Закупы Русской Правды). — ИСССР, 1976, № 2. — См. там же анализ историографии вопроса.

³⁰⁴ Яковкин И. И. Закупы Русской Правды. — ЖМНП, 1913. № 4.

³⁰⁵ Юшков С. В. Очерки..., с. 85.

на свободу,³⁰⁶ и о характере термина «наймит».³⁰⁷ Большое место в системе аргументации этот перевод занял в работе И. Я. Фроянова. Он привел следующую выдержку: «И закуп бысть Еории прежде убо продав свои закон наймит (наемник) бысть пища ради...».³⁰⁸ На основании того, что закуп Григорий «наймит бысть пища ради...», т. е. испытывал крайнюю нужду, и соответствующей интерпретации данных ПП он высказал следующие положения: 1) «люмпен-пролетариат» — резерв закупничества, 2) поскольку по «Толкованию» и ПП закупы получали все необходимое от господина, то «высказываться о крестьянстве закупа без больших натяжек попросту невозможно», 3) поскольку в переводе греческое ἡμιδούλος — «полураб» — переведено как «закуп», то «под закупками на Руси XII в. скрывались полурабы, а не феодально зависимые».³⁰⁹

Поскольку упоминание «закупа» и «наймита» в переводе «Слов» является одним из аргументов важных научных выводов (о «наймите» см. ниже, с. 174—175), его следует рассмотреть особо. Надо определить, как слово «закуп» относится к последующему в тексте понятию «наймит» и каково его значение в рассказе о том, как Григорий попал в зависимость «пища ради».³¹⁰

Грамматический разбор текста показывает, что слово «закуп», относимое к подлежащему «Еории», является членом предшествующего предложения (при расстановке знаков препинания И. Я. Фрояновым у подлежащего оказалось два глагола «бысть», относящихся к разным предложениям). Слова «и закуп бысть» являются концом фразы: «...ни яко чистъ бе кападокъ, но от рода арменьска, смесенъ яко москъ от коня и мьскы и закупъ бысть», — которая соответствует греческому тексту, в современном переводе звучащему так: «...и что он не чистый был каппадокиец, но от рода армян, смешанный и полураб, как мул (букв. полуосел. — *М. С.*) от лошади и осла».³¹¹ Совершенно очевидно, что характеристика «полураба» (и перевод этого слова — «закуп») в данном контексте социальной окраски не имеет. Социальное положение Григория указано в следующем предложении: «Еории, прежде, убо продав свои закон, наймит бысть, пища ради и чрева все творяше», — т. е. отмечается, что Григорий был наймитом и работал за пропитание, но определение этого статуса не относится к предшествующему предложению. Словом «наймит» переведено μισθωτός — «наемный работник, слуга, наймит». Это — обычный для древнерусских сочинений перевод.³¹² При переводе презрительной характеристики Григория, противника

³⁰⁶ Зимин А. А. Холопы..., с. 139.

³⁰⁷ Смирнов И. И. Очерки..., с. 293.

³⁰⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 128.

³⁰⁹ Там же, с. 128—132.

³¹⁰ И. И. Смирнов считал, что слово «закуп» использовано для пояснения слова «наймит» (Очерки..., с. 293).

³¹¹ Яковкин И. И. Закупы Русской Правды, с. 104, 105.

³¹² Срезневский, II, стб. 287—288.

св. Афанасия, нечистого каппадокийца, смешанного и полураба, подобного мулу от лошади и осла, древнерусский переводчик подобрал эквивалент для понятия «полураб» (ни свободный, ни раб — «закуп», т. е. ни свободный, ни холоп). Подобное словопотребление полностью совпадает с характеристикой экономического, социального и правового положения закупов, приведенной нами выше, и не может быть основанием для определения их как рабов или наймитов.

Таким образом, закупы были категорией людей, которые попали в зависимость через ссуду — долг под проценты — «купу», которую они должны отрабатывать в хозяйстве господина. У закупов были свои земельные наделы и тягловый скот, которые служили экономической основой частичного сохранения прав свободного человека.³¹³ Источником установления такой формы зависимости была экономическая слабость индивидуального крестьянского хозяйства, благосостояние которого разрушалось в результате неурожая и падежа скота, нехватки рабочей силы, а также социальных явлений — войн и феодальных междоусобиц, притеснений со стороны государственного аппарата данями, вирами и продажами, а также насилий князей, бояр и их окружения над соседями. Свободные смерды разорялись, их хозяйство оказывалось в тяжелом положении, и они должны были обращаться за поддержкой деньгами, земледельческим инвентарем, зерном в экономически стабильные княжеские и боярские хозяйства при условии погашения долга и процентов отработками.

Анализ положения закупов позволяет расширить наши представления о социальной и экономической активности феодалов. Большие имущественные и денежные накопления позволяли феодалам ссужать деньги свободным смердам-земледельцам, которые за «купу» должны были работать в хозяйстве феодала, на господской пашне и ухаживать за скотом.³¹⁴ Господа старались превратить временную зависимость в постоянную, но законодательство запрещало это делать. Вместе с тем Русская Правда в духе раннефеодального законодательства предоставляла господам возможности для принуждения закупов: бить «про дело», превращать в обельных холопов за тайное бегство и воровство (ст. 56-я, 62-я, 64-я ПП).

Использование труда закупов в господском хозяйстве свидетельствует не только о существовании там господской запашки, но и об отработках экономически зависимых крестьян, обладавших земельным наделом, живым и мертвым инвентарем.

Закупничество конца XI—начала XII в. было, вероятно, новым общественным явлением. По своему содержанию оно явля-

---

³¹³ Наиболее близкие характеристики закупничества были сделаны Б. А. Романовым и Л. В. Черепниным (*Романов Б. А. Люди и нравы*, с. 87—101; *Черепнин Л. В. Русь...*, с. 182—183).

³¹⁴ О значении денежных отношений в процессе генезиса феодализма см.: *Янин В. Л. Я послал тебе бересту...*, с. 161.

лось институтом, воплощавшим глубинные процессы имущественной и социальной дифференциации восточнославянского общества, более сложные, чем указанные в ПП порядные отношения при ссуде денег под проценты, при передаче меда и зерна с возвращением в увеличенном количестве (ст. 50-я). Закупы были новым общественным явлением. На это указывает происхождение обозначающего их термина, свидетельствующего об экономической форме установления зависимости в отличие от древних названий «челядин» и «холоп», восходящих к большесемейным связям в родо-племенном обществе.

Изучение закупничества позволяет определить один из видов внутреннего расслоения древнерусского общества под влиянием социально-экономических причин, установления экономической зависимости свободного сельского населения от господ, князей и бояр, которая в условиях раннефеодального общества вела к внеэкономическому принуждению, юридической зависимости от господина, неравноправию. На этой основе можно выявить один из путей формирования феодальных общественных отношений.

НАЙМИТЫ, РЯДОВИЧИ, ВДАЧИ

Определение социального статуса закупа по ПП ставит важный вопрос о соотношении этой категории зависимого населения с другими группами, близкими по формам зависимости, которые некоторыми исследователями отождествлялись с закупничеством.

Применение термина «наймит» по отношению к за купу в ст. 61-й ПП легло в основу изучения И. И. Смирновым найма в Древней Руси. По его мнению, «наймит» восходит к слову «найм» в значении платы за труд. Но поскольку в «16 словах Григория Богослова» понятие «закуп» связано со словом «наймит», которое является эквивалентом греч. *μισθωτός* — наемник, а в «Правосудии митрополичьем» XIV в. указаны «челядин-наймит» и «закупный наймит», то И. И. Смирнов пришел к выводу, что основным в «найме» было приобретение рабочей силы для вотчинного хозяйства. При этом между двумя сторонами складывались отношения господина и челядина, а не кредитора и должника.³¹⁵

Для соблюдения терминологической точности следует иметь в виду, что в Древней Руси употреблялось понятие «наймит» для обозначения «наемного работника».³¹⁶ Вероятно, перевод *μισθωτός* как «наемный работник», «наймит» был закономерен, если учесть существование аналогичного института наемных работников в Древней Руси. Вместе с тем существование понятия

³¹⁵ Смирнов И. И. Очерки..., с. 291—296.

³¹⁶ НПЛ, с. 22, 206; Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977, с. 140—141, 144—148; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980, с. 135—138.

«найм» — проценты (это прямое указание Кирика никто не подверг сомнению)³¹⁷ привело, вероятно, к созданию аналогичной по названию формы, но с другим содержанием: «наймит» — человек, выплачивающий долг с процентами. Этим можно объяснить использование термина «наймит» как эквивалента «закупу» в ст. 61-й. Что касается «16 слов Григория Богослова» (см. выше, с. 172—173), то, как показывает грамматический анализ, в этом сочинении понятия «закуп» и «наймит» не отождествлены, поскольку они относятся к разным предложениям (рассмотрение «найма» в XIV—XV вв. вслед за И. И. Смирновым выходит за пределы данного исследования).

Таким образом, мнение И. И. Смирнова не опровергает вывода о происхождении закупничества из отработок денежного долга с процентами при сохранении личной свободы закупа. Вместе с тем оно обращает внимание на использование наемного труда специалистов в хозяйствах крупных феодалов, которые нуждались в высококвалифицированном труде или в массовом применении труда (например, при больших строительных работах), не имея для этого достаточного количества зависимых работников.

Как отмечалось, исследователи давно уже предполагали существование договора-ряда при заключении закупнических отношений, определяя их как договор-найм или договор-займ. На этой основе закупы отождествлялись с рядовичами. Наиболее последовательно такое мнение было проведено А. А. Зиминим. Он считает и тех и других холопами-рабами, которые раньше других «приобретали черты феодальной зависимости».³¹⁸ По нашему мнению, экономическое и юридическое положение закупов позволяет отметить их существенные отличия от статуса холопов и уточнить их отношение к рядовичам.

Термин «рядович» редко упоминается в древнерусских юридических и нарративных источниках. В КП рядович назван в группе статей, где указаны свободные и зависимые люди, связанные с княжеским хозяйством (ст. 22—27-я). За убийство рядовича платили 5 гривен (ст. 25-я), как за смерда и холопа (ст. 26-я). Это самая низкая плата. Но в определении сущности рядовичей исследователи расходятся. Их мнения сводятся к двум основным точкам зрения: рядович — «рядовой», обыкновенный зависимый или свободный; рядович — свободный или зависимый, заключивший со своим господином ряд.³¹⁹ Среди новейших интерпретаторов, несмотря на различие исходных оценок, намечается тенденция к отождествлению понятий «рядович» и «холоп». А. А. Зимин, принимая мнение, по которому «рядович — это человек, заключивший ряд со своим хозяином», делает вывод: «Поскольку за его (рядовича. — М. С.) убийство платилась не вира,

³¹⁷ Новейшие материалы о понятии «найм» — проценты см.: НБГ, из раскопок 1962—1976 гг., с. 104—105, 124—127.

³¹⁸ Зимин А. А. Холопы..., с. 132—142.

³¹⁹ Правда Русская, II, с. 166—170; Зимин А. А. Холопы..., с. 115—117.

а урок в 5 гривен, как и за холопа, то, очевидно, и сам рядович был холопом... Итак, рядович по своему правовому положению холоп».³²⁰ Далее он приводит постановления, по которым рабы-пленники отрабатывали свою выкупную цену (эти постановления А. А. Зимин привлекает также для объяснения понятия «челядин» в X в. и закупничества в XII в.). Таким образом, среди рядовичей-холопов были также полоняники.³²¹

При понимании термина «рядович» как «рядовой» терминологическая четкость судебного кодекса сохраняется.³²² Однако, согласно текстологическим наблюдениям В. П. Любимова по поводу ст. 26-й КП, при перечислении различных категорий с повторяющимся предлогом «в» в КП имеются в виду самостоятельные сюжеты.³²³ Принимая во внимание это наблюдение, можно сделать вывод, что в контексте статей 22—27-й КП ст. 25-я с указанием рядовича является самостоятельной от предыдущих и последующих статей. Если этот вывод правильный, то тогда логическим следствием является не только констатация самостоятельности ст. 25-й и 26-й КП, но и различие понятий «рядович», «смерд» и «холоп». Более того, можно утверждать на этом основании, что рядович — не смерд и не холоп, хотя виру за них платили одинаковую. Об этом же свидетельствует расположение статей — 14-й о рядовиче и 16-й о смерде и холопе — в ПП (между ними находится ст. 15-я о ремесленниках). Следовательно, законодатели не придавали значения связи статей о рядовичах, с одной стороны, и о смердах и холопах — с другой.

Постановление КП о рядовичах было включено в состав ПП (ст. 14-я), но сформулировано оно более расширительно: «А за рядовича 5 гривен. Тако же и за бояреск». Добавление «тако же и за бояреск» свидетельствует об актуальности в конце XI — начале XII в. вопроса о защите жизни рядовича. Однако на основе этого добавления нельзя, по нашему мнению, судить, появились ли рядовичи у бояр во второй половине XI в. (и поэтому они отмечены в ПП) или боярские рядовичи существовали уже в период составления КП и судебник их не отметил, поскольку основной задачей включенного в его состав домениального устава была защита княжеского хозяйства. Для однозначного решения этого вопроса пока нет данных.

Таким образом, текстологический анализ не подтверждает предположения о значении социальной категории «рядович» как понятия «рядовой», «обыкновенный» по отношению к смерду или холопу в ст. 25-й и 26-й КП. Вместе с тем самостоятельность этих терминов может быть основой для негативного определения рядовича — он не смерд и не холоп. Несмотря на незначительное количество известий, все же есть данные для определения общественного положения рядовича.

³²⁰ Зимин А. А. Холопы..., с. 117.

³²¹ Там же, с. 31—33, 117—119, 129.

³²² Черепнин Л. В. Русь..., с. 186.

³²³ Любимов В. П. Смерд и холоп. — ИЗ, 1941, т. 10, с. 69—70.

Как уже отмечалось, в историографии существует давняя традиция объяснять термин «рядович» через понятие «ряд» — соглашение, — который заключался между свободным, с одной стороны, и князем или боярином — с другой. В отличие от древнейших социальных терминов, восходящих к родовому строю и происходящих от круга семейно-родовых отношений, понятие «ряд» содержит в себе информацию об установлении формы зависимости (в этом оно аналогично названию другой новой социальной категории — *закупа*). Ключом для раскрытия понятия «рядович» является установление содержания «ряда» как юридического термина. Русская Правда указывает несколько случаев, когда в результате ряда устанавливаются отношения имущественной и социальной зависимости. Рядом — договором сопровождалась ссуда денег под проценты, передача меда или зерна с условием возвращения долга в увеличенном количестве, женитьба на робе и переход в тиунство с условием сохранения личной свободы (ст. 50-я, 110-я ПП). Судя по присутствию послухов, обязывающих обе стороны исполнять условия ряда (ст. 50-я), и наличию ряда, который защищает поряжающегося от холопства, обе стороны в ряде представляли собой свободных людей. Глухой намек ст. 110-й («како ся будеть рядил, на том же стоять») указывает, что при заключении ряда помимо условия о сохранении свободы поряжающегося могли быть другие условия, ставящие его в определенную зависимость от господина. Стремление к сокращению попыток ограничить похолопление поряжающихся ясно прослеживается в ст. 110-й.

Характер зависимости и использование труда рядовичей в вотчинном хозяйстве показывают, что исследователи, видевшие в них свободных низших членов княжеского хозяйственного или административного управления, были правы (с некоторыми различиями в толкованиях),³²⁴ однако такая характеристика не является полной.³²⁵ Учитывая различные возможности установления отношений по ряду, мы считаем верным мнение Б. А. Романова, который принимал толкование термина «рядович» от слова «рядиться» на работу по ряду, договору (С. М. Соловьев, Н. И. Ланге,

³²⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959, кн. I, с. 231; Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Изд. 5-е. Киев, 1899, вып. I, с. 40; Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. Харьков, 1914, вып. I, с. 130—133; Пресняков А. Е. Княжое право..., с. 293; Карский Е. Ф. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930, с. 96; Юшков С. В. Общественно-политический строй..., с. 301.

³²⁵ Подобное замечание уже было сделано А. А. Зиминным, который указал, что в ст. 110-й ПП отмечается не менее двух видов отношений по ряду. Однако другой аргумент — позднее происхождение «Слова» Даниила Заточника (XII в.), — на основании которого, по мнению Зимина, видна «слабость этого варианта объяснения ст. 25-й КП», вызывает недоумение, так как «Слово» одновременно ст. 14-й ПП о рядовичах, повторяющей ст. 25-ю КП. тогда как сам Зимин использует данные «Правосудия митрополичья» (XIV в.) при толковании ПП (Зимин А. А. Холопы..., с. 116—117, 120, 121, 132).

Б. Д. Греков), понимая под «рядовичем» свободного.³²⁶ Это мнение, на наш взгляд, полностью соответствует указаниям Русской Правды, тогда как определение рядовича как холопа основывается на соседстве статей о них в КП (но не в ПП) и одинаковой виры.

Как соотносились между собой рядовичи и закупы? По мнению Б. Д. Грекова, «едва ли может быть какое-либо сомнение в том, что закуп — одна из разновидностей рядовичей».³²⁷ Действительно, юридически их положение достаточно близко: 1) указание рядовича отдельно от холопа (ст. 25-я и 26-я КП и 14-я и 16-я ПП) и противопоставление закупов холопам (ст. 56-я и 61-я ПП) свидетельствует о последовательном отличии рядовичей и закупов от холопов; 2) закупа и «вдача» (или «за дачу») заприщало превращать в холопы (ст. 61-я и 111-я ПП); 3) с закупа и с заключившего ряд под проценты можно было брать только по ряду, но больше не «принимать» (ст. 50-я и 60-я ПП). А. А. Зимин предполагает «хронологическую последовательность смены терминов», поскольку в КП есть рядович, но нет закупа, а в «новых статьях» ПП появляется закуп, но нет рядовича.³²⁸ С этим коррективом нельзя согласиться, поскольку ст. 14-я ПП о рядовичах повторяет и даже в более расширенной редакции ст. 25-ю КП. Рядовичи названы в «Слове» и «Молении» Даниила Заточника (XII—XIII вв.). Неясно также, почему рядович должен был быть обязательно указан в статьях, основным содержанием которых являлось определение юридического положения холопов, закупов, а также норм наследования.

Вопрос о тождественности закупов и рядовичей закономерен, но решать его следует не на основе близости юридических норм, которые свидетельствуют о социально-правовой близости (не тождественности), а исходя из социально-экономического положения.

Рядовичи вовлекались в сферу феодального домена, и поэтому вира за них, как и за смердов, оценивалась в 5 гривен, однако они в отличие от закупов не становились его рабочей силой. Рядовичи, по словам Б. А. Романова, «выдвигались у Заточника в повседневных мелочах жизни свободного „мужа“ на первый план как злейший разносчик бесправия и насильничества, питаемого феодальными привилегиями»,³²⁹ хотя по закону рядовичи и закупы в личную зависимость — холопство могли перейти только в соответствии с законодательными постановлениями. Такое понимание социально-экономического положения рядовичей раскрывает смысл афоризма «Слова» Даниила Заточника (XII в.): «Не

---

³²⁶ Правда Русская. Учеб. пособие, с. 49—50. — Критическое замечание А. А. Зимина в адрес Б. А. Романова об ошибочности ссылки на новгородские писцовые книги конца XV в. при толковании термина «рядович», справедливое само по себе, не опровергает этого мнения, соответствующего данным ПП.

³²⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 208.

³²⁸ Зимин А. А. Холопы..., с. 119.

³²⁹ Романов Б. А. Люди и нравы, с. 24.

имеи собе двора близъ царева двора и не дрѣжи села близъ княжа села: тивунъ бо его, аки огонь, трепетицею накладенъ, и рядовичи его, аки искры. Аще от огня устережешися, но от искоръ не можеша устерегтися и сожжения портъ». По Даниилу Заточнику, рядовичи наряду с княжеским тиуном, за убийство которого по ст. 12-й ПП платилась высшая вира в 80 гривен, являются самой большой опасностью для соседей княжеского села. Следовательно, рядом с княжеским тиуном оказывались (если наше предположение о содержании понятия «рядович» правильно) свободные тиуны-управители, свободные, женившиеся на робах, но сохранившие свободу по ряду, различного рода имущественно зависимые, но лично свободные, порядившиеся с князем или его администрацией. Рядовичи угрожали соседям княжеского двора или села, но их самих защищала власть князя, реальная сила княжеской вотчины.

В историографии к закупам относился также «вдачь» статьи 111-й ПП, причем в интерпретации термина большое значение приобретало толкование графики его написания. При прочтении слова слитно получался термин «вдачь» — зависимый, не потерявший свободы. При чтении слов раздельно («в даче») «дача» оказывалась самостоятельным понятием, интерпретируемым как «хлеб», «придаток», «милость», за которую запрещается похолопливать свободного, при этом термин «вдачь» оказывается «мнимым» (по определению Б. А. Романова), появившимся в результате позднейшей замены «е» на «ь».³³⁰

Для «окончательного решения» вопроса о тождестве «вдача» и закупа А. А. Зимин сравнивает ст. 111-ю ПП со ст. 27-й «Правосудия митрополичья» и приходит к выводу о «сходстве» отражаемых в них явлений, но поскольку «Правосудие» говорит о закупе, «следовательно, к закупу относится и ст. 111-я ПП».³³¹ Необходимо отметить, что в литературе ст. 27-я «Правосудия» о челядине-наймите сравнивалась со ст. 56-й ПП о холопах, в результате чего делался вывод о тождестве социально-правового положения закупа XII в. и челядина-наймита XIV в.³³² Мнение А. А. Зимина о таком соотношении неясно. Иным путем, посредством текстологического анализа ст. 111-й в составе различных групп списков Русской Правды и определения записи с содержанием рассматриваемых норм, продолжил изучение общественного положения «вдачей» Ю. Г. Алексеев. Он установил, что в древнейшей группе — Синодально-Троицкой, — отражающей общественные отношения в XII—XIII вв., в главу о холопстве

³³⁰ Правда Русская, II. с. 708—715; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 110; Зимин А. А. Холопы... с. 119—120; Алексеев Ю. Г. Статьи о «вдачестве». (Опыт терминологического анализа древнерусских юридических текстов). — ВИД. Л., 1978, т. IX, с. 160—163.

³³¹ Зимин А. А. Холопы..., с. 120—121.

³³² Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 203—204; Смирнов И. Н. Очерки..., с. 325—326.

включался «текст негативного плана о „даче“, не содержащий наименования того человека, к которому эта „дача“ относится». В XIV в. в Пушкинском списке самостоятельной статьи о «вдаче» еще не было. Она появляется в конце XIV—начале XV в. при составлении протографа Карамзинского извода. Рассматривая содержание правовых норм, Ю. Г. Алексеев пришел к выводу: в ст. 111-й в XII—XIII вв. речь идет о лично свободном, получившем «дачу-милость» от господина, что является основой его зависимости. Он отрабатывает ее в течение года³³³ и затем прекращает связь с хозяйством господина. Таким образом, несмотря на некоторое сходство с закупом, лицо, получившее «дачу», закупом не являлось. «Дачей» был прежде всего хлеб, недостаток которого возникал в результате неустойчивости индивидуального крестьянского хозяйства. Установление зависимости было краткосрочным и неформальным. Сравнивая более позднюю редакцию ст. 111-й о «вдаче» с близкими по содержанию нормами Закона Судного людем, Ю. Г. Алексеев отметил, что в них речь идет о «вдачестве» — новом социальном явлении, о «вдавшемся человеке». Эта форма зависимости не приравнивается к холопству. Она продолжает иметь временный и в значительной мере «неформальный» характер, может быть прекращена по инициативе человека, попавшего в зависимость. В то же время эта зависимость не может быть погашена работой на господина. «Вдачь» может выйти на свободу, только уплатив выкуп, что свидетельствует о более тяжелой форме зависимости и затруднении выхода из нее.³³⁴

Анализ ст. 111-й ПП с близкими по содержанию нормами «Правосудия митрополичья» (ст. 27-я) и Закона Судного людем привел нас к аналогичным выводам. Это делает для нас наблюдения Ю. Г. Алексеева наиболее убедительными и позволяет отослать читателя к выполненной им работе. При анализе ст. 111-й следует еще раз подчеркнуть, что, согласно первой части статьи, предоставляемые «хлеб» (зерно или пропитание) и «придаток» (т. е. «то, что при-дается» — дается дополнительно, безотносительно к его материальному выражению) не являются основанием для превращения в закупы или холопы. Во второй части статьи указывается, что, если взявший «дачу» хочет отойти раньше оговоренного срока, он должен вернуть господину «милость». Удачную параллель этому слову в западноевропейской социально-экономической истории средних веков нашел Н. Л. Рубинштейн — *grasagium*, хотя непонятно, почему он отнес это слово

³³³ В исследованиях выражение «оже не доходить года» часто понимается как указание на годичный срок зависимости «вдачей». Однако, учитывая многозначность слова «год» как указание «времени» вообще и «срока» в частности (Срезневский, I, стб. 537), для ограничения времени зависимости «вдачей» одним годом нет достаточных оснований, на что уже обращалось внимание в историографии. См. мнения М. Ф. Владимирского-Буданова, А. Е. Преснякова, И. И. Яковкина, Б. Д. Грекова (Правда Русская. Учеб. пособие, с. 87), а также М. Н. Тихомирова (*Тихомиров М. Н. Пособие...*, с. 110).

³³⁴ Алексеев Ю. Г. Статьи о «вдачестве»...

только к земельному участку.³³⁵ Согласно определению Дигест (XXXIII, 26, I), «*precarium* — это то, что уступается (дается) для пользования тому, кто просит, по его просьбам». Таким образом, термин *precarium* в своем первоначальном значении хорошо объясняет содержание слова «милость»; это то, что получило данное лицо от господина безотносительно к материальному содержанию, прежде всего, вероятно, «хлеб» и «придаток». При отходе не предусматриваются ни проценты, ни какие-либо другие виды экономической зависимости — только возвращение «милости». Возможно, «в милость» входил земельный надел. Однако реконструкция прекарных поземельных отношений, аналогичных западноевропейским, на основании материалов ст. 111-й была бы необоснованной, поскольку в ней упоминаются только «хлеб» и «придаток», а других сведений о формах «дачи» нет.³³⁶ В третьей части ст. 111-й отвергается возможность внеэкономических санкций, если лицо вернет или отработает «дачу».

Таким образом, в ст. 111-й ПП речь идет о свободном человеке, который хотя и находится в определенной экономической зависимости, но сохраняет все права свободного человека. Он свободно отходит от своего господина, только должен вернуть взятую от него помощь — «милость». Полученные от господина «хлеб» и «придаток» не могут стать основанием для превращения этого лица в холопы.

Правовая тенденция рассматривать свободного человека и даже дворянина *de par la terre* как серва, если он проживет на земле сеньора один год и один день, отразилась и во французских кутюмах XIII—XIV вв.³³⁷ Возможно, лица, взявшие «дачу», были близки к институту госпитов, на что указывают сохранение госпитом личных прав свободного, возможность уйти в любое время и обязанность рассчитаться с собственником земли перед уходом. Ограничение права ухода было вызвано не особенностями происхождения крестьянина или юридического статуса держания, а особым видом производственных отношений. Вместе с тем есть и отличие: госпит оказывался в юрисдикции сеньора, тогда как у вдача оставался княжеский суд.³³⁸ Неизвестно, какие повинно-

³³⁵ Рубинштейн Н. До історії соціальних відносин у Київській Русі XI—XII ст. — Наук. зап. Наук.-дослід. котедри історії україн. культури. Харків, 1927, № 6, с. 54.

³³⁶ В этом отношении «милость» имеет полную аналогию с ранне-средневековым *feos* внеземельного происхождения, который означал обычно оружие, одежду, лошадей, иногда продукты питания, передаваемые господином зависимым от него людям. Это понятие по содержанию связывается, с одной стороны, с бенефицием, с другой — с феодем (*feodum*), земельным пожалованием (*Bloch M. La société féodale. Paris, 1939, p. 253—257*). Таким образом, «милость», будучи экономическим средством установления вассальной зависимости, не свидетельствует о ее первоначальном земельном содержании, что не отрицает последующего развития этого института в поземельные отношения. О характере прекарных поземельных сделок см.: Мильская Л. Т. Светская вотчина..., с. 91—114.

³³⁷ Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня..., с. 231.

³³⁸ Ср. институт «свободных гостей» (*liberi hospites*) в Польше XII—XIII вв.

сти несло лицо, взявшее «дачу», и появлялись ли у него владельческие права на «дачу», как у госпита на гостизу.

Таким образом, по нашему мнению, ст. 111-я ПП свидетельствует о сложении в XII в. института, близкого к прекаристам, который охватывал широкий круг зависимых смердов и купцов без утраты ими свободы в вотчинных хозяйствах. Эти люди, как и другие зависимые, были жертвами социальной активности князей и бояр и в хозяйственной деятельности способствовали дальнейшему укреплению вотчинного хозяйства.

ПРОЩЕННИКИ

В Древней Руси упоминаются также прощенники — категория людей, защита прав которых не предусматривалась Русской Правдой. В уставе смоленского князя Ростислава Мстиславича они названы в связи с передачей их с повинностями и судебным иммунитетом церковным вотчинникам: «А се даю святей Богородици и епископу: прощенники с медом, и с кунами, и с вирою, и с продажами...».³³⁹ Взимание с прощенников продаж в княжеском суде свидетельствует о том, что они были свободными людьми. Передача прощенников «с кунами» означает, по нашему мнению, что прощенники платили дань — денежный налог смоленскому князю (ср.: «И се даю святей Богородици и епископу: десятину от всех даней смоленских, что ся в них сходит истых кун...»)³⁴⁰ Таким образом, по основным правам и обязанностям они приравнены к свободному населению. Специальное указание на взимание меда как на повинность прощенников свидетельствует о том, что они жили в селе и имели специализированное хозяйство.³⁴¹

Прощенники упоминаются также среди церковных людей в Уставе Владимира, сложение архетипа которого относится к первой или второй половине XII в.³⁴² В результате тщательного текстологического анализа Я. Н. Шапов пришел к выводу, что в первоначальном тексте Устава статьи о церковных людях, среди которых названы прощенники, не было, а когда эта статья появилась, среди перечисленных церковных людей они еще не упоминались.³⁴³ Это важное наблюдение позволяет установить позднее появление прощенников среди церковных людей и тем самым опре-

---

³³⁹ ДКУ, с. 141.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ О связи прощенников с селом может свидетельствовать отражение этого термина в сельской топонимике. См.: НПЛ, с. 100. — В. О. Ключевский полагал, что прощенники платили медовый и денежный оброки за пользование бортными лесами и полевыми участками на княжеской земле (Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959, т. VII, с. 368).

³⁴² Шапов Я. П. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 115—135.

³⁴³ Шапов Я. Н. Церковь... с. 294—295.

делить первоначальное возникновение этой категории населения в системе светских отношений господства и подчинения.

Установление этого факта важно при определении генезиса института прощенничества. Как полагал В. О. Ключевский, прощенниками становились прощенные, отпущенные на волю без выкупа холопы, «доставшиеся князю» за преступления, долги или приобретенные каким-либо другим способом. Смоленские прощенники были, по его мнению, наделены земельными участками (неясно только — до или после освобождения). Проводя параллель с византийскими сельскими рабами, В. О. Ключевский отмечал, что они получали иногда личную свободу с обязательством оставаться на пашне в положении прикрепленных к земле людей.³⁴⁴ Близок к такой оценке С. В. Бахрушин, который предполагал пожизненную работу прощенников на землях церкви.³⁴⁵ Ограниченность этого положения отмечал Б. Д. Греков. Он подчеркивал различные причины выхода прощенников из своего состояния: это могли быть бывшие холопы и свободные люди, попавшие в зависимость от церковных и светских феодалов. По положению они близки к изгоям и являются крепостными, а не рабами.³⁴⁶ Возражая против мнения о «чудесном исцелении» как причине прощенничества, С. В. Юшков предполагал, что прощенниками становились люди, превращенные в холопов за долги, но получившие впоследствии прощение, свободу.³⁴⁷ Л. В. Черепнин в качестве основной причины прощенничества указывал на преступление и последующую крепостную зависимость от церкви.³⁴⁸ Недавно к характеристике прощенников как многочисленной группы людей, которые тем или иным способом получили «прощение», «чудесное исцеление» и в результате этого оказались под эгидой церкви, вернулся Я. Н. Шапов, убедительно, на наш взгляд, показав предполагаемую связь прощенников и вольноотпущенников. Я. Н. Шапов подтверждает свое толкование «прощенничества» следующими аргументами. В ряде источников слова «проща», «прощение» выражают «выздоровление», «исцеление». Это означает, что церковь, организуя больницы, подчиняла себе исцелившихся. Свидетельство Устава Ростислава Мстиславича указывает, по его мнению, на то, что «Ростислав передал епископии крестьян и ремесленников не своей вотчины, а тех, которые вне зависимости от места проживания были объединены связью с церковью, но зависимость их от смоленской кафедральной церкви не была еще узаконена».³⁴⁹

Однако эти аргументы представляются недостаточно убедительными. Примеры с употреблением слова «прощение» в значе-

³⁴⁴ Ключевский В. О. Сочинения, т. VII, с. 367—368.

³⁴⁵ Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси. — ИМ, 1937, кн. 2, с. 66.

³⁴⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 256—257.

³⁴⁷ Юшков С. В. 1) Очерки..., с. 119; 2) Общественно-политический строй..., с. 307.

³⁴⁸ Черепнин Л. В. Из истории формирования..., с. 256.

³⁴⁹ Шапов Я. Н. Княжеские уставы..., с. 88—91.

нии «исцеление» приведены из источников XV—XVI вв. (ссылка на перевод апокрифической книги Еноха без указания редакции апокрифа не является информативной, поскольку от этого зависит определение места и времени перевода).³⁵⁰ Отметим, что в извлечениях из славянской книги Еноха, включенных в «Мерило праведное», в списке, датированном серединой XIV в., используется слово «исцеление», а не прощение.³⁵¹

Корневая основа слова указывает на его происхождение от глагола «прощати», основное значение которого «прощать, извинять», тогда как «прощать» в значении «исцелять» было вторичным значением, более поздним.³⁵² Показательно, что в Изборнике 1076 г. слово «прощение» использовалось только в основном значении.³⁵³ В греческом оригинале древнерусскому слову «прощение» соответствует ἄφεσις — т. е. «отпущение, прощение».³⁵⁴ Для обозначения «излечения» употреблялось слово «исцеление» и глагол «исцелити».³⁵⁵

Упоминание в грамоте Ростислава прощенников вне конкретных мест проживания, по нашему мнению, вполне понятно, поскольку князь «давал» церкви земельные владения с людьми, которые там живут: «село Дросенское со изгой и з землею», «село Ясенское и з бортником, и з землею, и с изгой», «землю в Погоновичах Моишинскую» и т. д., «огород с капустником, и з женою, и з детми». Индивидуальные хозяйства прощенников находились в разных местах, и перечисление их было невозможно. Основа зависимости прощенников была личная, а не поземельная. Поэтому князь указывал не земли, где жили прощенники, а самих зависимых. В этом отношении характер передачи прощенников аналогичен «даче» единственного «тетереvника с женою и з детми святей Богородици и епископу» с общим указанием его проживания «за рекою».³⁵⁶ Впрочем, Л. В. Алексеев, исходя из реконструируемого им текста Устава Ростислава Смоленского, полагает, что место проживания прощенников указано — села Дросенское и Ясенское.³⁵⁷

Как иллюстрацию превращения свободных в прощенников, занятых в господском хозяйстве после прощения преступления, исследователи приводили рассказ об иноке Григории, который

---

³⁵⁰ Мещерский Н. А. Апокрифы в древней славяно-русской письменности (ветхозаветные апокрифы). — В кн.: Методологические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 1, с. 199—209.

³⁵¹ Мерило праведное по рукописи XIV века/ Издано под наблюдением и со вступительной статьей академика М. Н. Тихомирова. М., 1961, с. V, 73.

³⁵² Срезневский. II, стб. 1374—1375.

³⁵³ Изборник 1076 года, с. 202, 432, 543, 590, 601—602.

³⁵⁴ Там же, с. 749.

³⁵⁵ Там же, с. 255, 313 и сл.

³⁵⁶ ДКУ, с. 144.

³⁵⁷ Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли. — В кн.: *Słowianie w dziejach Europy*. Poznań, 1974, s. 88.

выкупил воров, а те до конца жизни «вдашася на работу братии» Печерского монастыря. Других воров Григорий не передал в суд, а «осудил» на вечную работу Печерскому монастырю.³⁵⁸ Однако, по справедливому замечанию Я. Н. Шапова, в тексте не говорится, что Григорий простил «татей». Наоборот, он «осудил их в работу», т. е. на подневольный труд.³⁵⁹ Нам также представляется, что эти известия свидетельствуют о прощении как избавлении от уголовного наказания или наказании «работой».³⁶⁰ Однако они не имеют отношения к прощенникам, поскольку при длительной хозяйственно-экономической связи с господским хозяйством прощенники были бы названы среди зависимого населения домена. Вместе с тем специализация прощенников, по нашему мнению, свидетельствует об их связи с господским хозяйством. Этимология слова, восходящая к «прощати», и его светское происхождение подсказывают содержание этого социального термина. Прощенниками, вероятно, являлись должники, которым были прощены долги, оставлена свобода вместо обращения в холопство, но которые должны были выполнять определенные повинности в пользу господина. Освобождение от подневольных обязанностей, «прощение» холопства объясняют использование «прощенный» в значении «освобожденный», «вольноотпущенник» в Ефремовской кормчей XI в.³⁶¹ Вероятно, такое прощение рассматривалось как «богоугодное» дело, положительно оцениваемое церковью. «Прощенники» появились наряду со вдовицами, калекками, хромцами, слепцами, которые указаны в Уставе Владимира, не потому, что все они эксплуатировались в церковных хозяйствах, а потому, что покровительство им считалось «богоугодным» делом.

Упоминаемые среди «церковных людей» «пущенники» и «задушные люди» указывают на то, что в Древней Руси существовал отпуск на волю при жизни и по завещанию господина. По формам последующей зависимости они могли быть близки к «прощенникам», что сказалось во взаимозамене терминов в различных редакциях церковного Устава Ярослава. Для «задушных людей», отпущенных по завещанию, в западноевропейской средневековой терминологии есть аналогичное слово *proanimati*.³⁶² Однако, свидетельствуя о формах отпуска на свободу, эта терминология ничего не сообщает о последующей эксплуатации «отпущенных» людей, а в юридических и нарративных источниках сведений об этих людях, включенных в широкие понятия свободных или челяди, не содержится. Поэтому связь «пущенников» и «задушных людей» с господским хозяйством можно определить только при открытии новых источников.

³⁵⁸ Патерик..., с. 96—98, 198—199; Бахрушин С. В. К вопросу..., с. 66; Черепнин Л. В. Из истории формирования..., с. 256.

³⁵⁹ Шапов Я. Н. Княжеские уставы..., с. 87.

³⁶⁰ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 256—257.

³⁶¹ Срезневский, II, стб. 1611.

³⁶² Юшков С. В. 1) Очерки..., с. 118—119; 2) Общественно-политический строй..., с. 307.

В КП упоминается еще одна социальная категория — «изгой». Раскрытию ее содержания посвящена большая литература.³⁶³ Было установлено, что слово «изгой» восходит к тому же корню *žī-/*goi-, что и русское слово «гоить» — «холить», «жить». Приставка «из» придавала слову значение лишения качества. Поэтому многие исследователи стремились определить, что означал процесс лишения «жизни». Одни авторы особо подчеркивали, что изгой были люди, изжитые из своей социальной среды, потерявшие с ней связи.³⁶⁴ Другие обращали особое внимание на экономические причины появления изгойства, которые выражались в лишении изгоев средств к существованию.³⁶⁵ Б. Д. Греков видел в изгоях прежде всего вольноотпущенников, бывших холопов, которых посадили на землю. По его мнению, изгой были городские — для них характерна свобода и вира в 40 гривен — и деревенские, главным образом вольноотпущенники, посаженные на господскую землю крепостные.³⁶⁶

Другие исследователи объединяли указанные выше причины, показывая сложный характер изгойства. С. В. Юшков, считая первоначальной причиной появления института изгоев нарушение связей с социальной группой, подчеркивал экономические факторы и указывал на разорение как на основной момент в переходе людей в изгон, которые в зависимости от патронажа делились на «княжих» и «церковных».³⁶⁷ И. И. Смирнов считал изгоями вышедших из общины смердов.³⁶⁸ Л. В. Черепнин отметил два пути образования изгойства: лишение земли и средств производства и выкуп из рабства, в результате чего бывшие свободные и рабы подвергались феодальной эксплуатации.³⁶⁹ И. Я. Фроянов подчеркивает деление изгоев на свободных и зависимых — выкупившихся на свободу холопов.³⁷⁰

Несмотря на значительное разнообразие мнений, нам представляется, что все они в значительной степени верны. Ошибочность заключается в стремлении особо подчеркнуть некоторые стороны рассматриваемого понятия в ущерб прочим.

³⁶³ Правда Русская, II, с. 48—57.

³⁶⁴ Калачев Н. В. О значении изгоев и состоянии изгойства в Древней Руси. — В кн.: Архив историко-юридических сведений. М., 1850, кн. I, с. 57—72; Соловьев С. М. История России..., кн. I, с. 238; Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1861, т. I, с. 37—38; Пресняков А. Е. Княжое право..., с. 276—279; Покровский С. А. Общественный строй..., с. 137—139.

³⁶⁵ Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860, с. 69—70; Дьяконов М. Очерки..., с. 113—115; Сергеевич В. Древности..., т. I, с. 298—302.

³⁶⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 247—255.

³⁶⁷ Юшков С. В. Общественно-политический строй..., с. 307—312.

³⁶⁸ Смирнов И. И. К вопросу об изгоях. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

³⁶⁹ Черепнин Л. В. 1) Из истории формирования..., с. 243—245; 2) Русь..., с. 175.

³⁷⁰ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 136—146.

Изгойство, вероятно, было широким, охватывавшим различные социальные группы явлением, отражавшим глубинные социально-экономические процессы. Определение этимологии термина «изгой» — «изжитый» объясняет происхождение изгоев вследствие нарушения связей со своей социальной группой. Это в свою очередь является причиной широкого распространения термина в самых различных слоях общества. Из-за малого числа известий источников этот тезис является гипотезой, основанной на этимологии термина. Ст. 1-я КП и ст. 1 ПП, в которых указана вира в 40 гривен за убийство изгоя наряду с гридином, купцом, ябетником и мечником (в ПП добавлен боярский тиун), свидетельствуют о том, что закон охранял положение изгоя как свободного человека. Вместе с тем в уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича (1136 или 1137 гг.) записано: «...село Дросенское со изгой и з землею святей Богородици и епископу и село Ясенское и з бортником, и з землею, и съ изгой святей Богородици».³⁷¹ Климент Смолятич тогда же осуждал тех людей, которые хотят славы, «иже прилагают домъ къ дому, и села к селомъ, изгой же, и сябры, и борти, и пожни, и ляда же, и старины»,³⁷² т. е. собирают богатства в виде земель и людей, сидящих на ней. Раскрывает смысл этих, казалось бы, противоречивых сведений Устав новгородского князя Всеволода, датированный, по новейшим исследованиям, XIII в.: «А се церковнии люди ... изгойи трои: поповъ сынъ грамоты не умеетъ, холопъ из холопства выкупится, купецъ одоужаетъ».³⁷³ Как показал А. Е. Пресняков, этот текст является глоссой в первоначальном тексте Устава.³⁷⁴ В ней указаны люди из трех социальных групп, духовенства, купечества и холопства, которые изменили свое по-

³⁷¹ ДКУ, с. 143.

³⁷² Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме. Сообщение Лопарева Х. СПб., 1892, с. 14.

³⁷³ ДКУ, с. 153, 157.

³⁷⁴ Пресняков А. Е. Княжое право..., с. 48. — Для понимания семантической сложности термина «изгой», содержавшего не только негативный смысл, большое значение имеет следующее замечание О. Н. Трубачева по поводу нашей работы: «Немалые трудности ждут интерпретаторов слова *изгой*. Было бы неверно сводить все к прямолинейному толкованию слова и его семантики как 'из-житый, выжитый (из своей среды и т. п.)'. Приставка *из-* знает не только значение лишения качества. Из материалов и доводов Свердлова — историка — тоже объективно явствует, что изгойство означало определенное обеспечение, пусть с моментами отделения и ограничения в правах. Надо иметь в виду связь слов *изгой* и активного поныне *иждивение*, последнее — на базе древнего каузатива *jъzъiviti 'содержать, прокормить, выкормить'. Точнее, *изгой* — в духе словообразования и семантики этого гнезда — 'тот, кто кормится', „выкормыш“. Слав. *jъz-gojъ, *jъz-ziviti очень напоминают греч. ἐκ-τρέφω 'выкармливать, вскормить', ἐκ-τετραμμένος 'вскормленный (напр., сын)'. Есть ли основания говорить здесь о ранней славянской кальке с греческого юридического термина, неясно. Яркий греческий пример с ἐκτρέφω подробно обсуждается, насколько помню, С. А. Жебелевым в его работе о Савмаке и „последнем Перисаде“ (ἐκτρέψαντον αὐτόν 'выкормившего его', т. е. Савмака — о Перисаде) (Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. — ИГАИМК, 1933, вып. 70, с. 27—28. — М. С.).

ложение в обществе, и не обязательно в худшую сторону — холоп выкупился. Поэтому, если для безграмотного сына попа, который не может вести церковную службу, и разорившегося купца 40-гривенная вира является подтверждением прав этих изгоев как свободных и полноправных, то для изгоя — выкупившегося холопа эта норма дает права нового юридического статуса, предоставляя высокую денежную охрану жизни взамен прежней пятигривенной. К изгоям также относится князь без княжества: «...аще князь осиротеет». Независимо от того, была ли эта приписка «лирической» или «иронической»,³⁷⁵ она отражает действительное употребление понятия «князь-изгой».³⁷⁶

Таким образом, оказывается, что многозначность в употреблении слова «изгой», заложенная при образовании термина, сохранилась и в последующее время. Изменение социального статуса людей могло происходить как следствие социально-экономических, социально-политических и субъективных («попов сынъ грамоты не умеетъ») причин. Сделанные наблюдения позволяют определить положение и формы эксплуатации изгоев в вотчинном хозяйстве, учитывая полисемантическую терминологию. Известие о холопе, выкупающемся на свободу, не одиноко в кругу упоминаний письменных памятников об изгоях. В «Предсловии покаянию» указывается: «А се паки горее всего емлющемъ изгойство на искупающихся отъ работы: не имуть бе видети милости, не помилование равно себе създанного рукою божиею человека, ниже насытившися ценою уреченною».³⁷⁷ Основная мысль этого высказывания состоит в том, что с выкупающегося холопа следует брать только «уреченную цену», а «емлющие изгойство» решительно осуждаются. Из дальнейшего текста следует, что были люди, которые «имали изгойство» на детях выкупившегося холопа. Поэтому изгойство в данных текстах — это прибавка, накладка на «уреченную цену» холопа.³⁷⁸ Таким образом, в «Предсловии» осуждалось злоупотребление, прикрывавшееся законными формами.

Такой интерпретации И. Я. Фроянов противопоставил свое понимание известий источников. По его мнению, выкупившийся на свободу холоп оставался под властью прежнего господина. Он это связывал с вольноотпущенничеством, «промежуточным состоянием от рабства к свободе», указывая на существование вольноот-

---

Думается, что такого рода лингвистические уточнения, как о собственном смысле термина *изгой*, могут оказаться полезными и для истории».

³⁷⁵ ДКУ, с. 157; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 251. — Б. А. Романов допускал, что эта «шутливая вставка» была сделана самим князем Всеволодом (Люди и нравы, с. 304).

³⁷⁶ Покровский С. А. Общественный строй..., с. 138—139.

³⁷⁷ РИБ. СПб., 1908, т. VI, стб. 842.

³⁷⁸ Калачев Н. В. О значении изгоев..., с. 63; Мрочек-Дроздовский П. Исследование о Русской Правде. — ЧОИДР, 1886, кн. I, с. 65—68; Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959, т. VI, с. 497—499; Дьяконов М. Очерки..., с. 115; Пресняков А. Е. Княжое право..., с. 276; Юшков С. В. Очерки..., с. 311; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 252; Черепнин Л. В. Из истории формирования..., с. 244.

пущенничества не только в раннесредневековой Западной Европе, но также в Древней Греции, Риме и Византии. Для подтверждения мысли о продолжении зависимости освободившегося холопа от власти господина в русских источниках И. Я. Фроянов привел текст из «Предсловия»: «...потомъ же, будя свободенъ, ти добудеть детей, то начнуть имати изгойство на нихъ...»,³⁷⁹ — видя в этом проявление «практики, обусловленной реальными условиями Руси XI—XII вв., где стабильность общественного статуса того или иного индивида легко могла быть подорвана, окажись он в социальном одиночестве».³⁸⁰ Следует отметить, что в отличие от такой однозначной интерпретации А. Е. Пресняков осторожно писал, что требование «изгойства» или выкупа за детей, рожденных на свободе, ставит вопрос, «на который, впрочем, не может быть прямого ответа по недостатку данных: не явились ли подобные притязания господ на „изгойство“ пережитком более древних воззрений и отношений, по которым вышедший на волю холоп оставался под известной властью господина?» Он отмечал как аналогичное явление либертинат в Западной Европе.³⁸¹ Таким образом, И. Я. Фроянов предложил не новые данные, а суждение, аргументация которого нуждается в существенных коррективах.

Социально-экономическое и юридическое положение вольноотпущенников в Древней Греции, Риме, раннесредневековой Византии и Западной Европе показывает, что их отождествление с древнерусскими изгоями невозможно, поскольку в рабовладельческом и раннефеодальном обществах для вольноотпущенничества характерно продолжение экономической зависимости от господина, ограничение правоспособности по сравнению со свободным (в частности, меньшая вира за убийство), существование специальной разработанной процедуры отпуска на свободу. Защита жизни изгоев 40-гривенной вирой как свободных людей и княжеских чиновников, а также указание на выкупившегося холопа наряду с безграмотным поповичем, «одолжавшим» купцом и «осиротевшим» князем свидетельствуют о полной личной свободе этих категорий изгоев, в том числе и выкупившихся холопов.

Свидетельства уставной грамоты Ростислава Мстиславича и Климента Смолятича о зависимых изгоях, населявших село, следует понимать не как известия о селах, населенных вольноотпущенниками, а как сведения о людях, изменивших социальный статус, ставших зависимыми. Такого рода употребление слова «изгой» будет закономерно, если видеть в нем не название определенной социальной категории, а общее обозначение группы людей, меняющих общественное положение, что связывалось с изменениями комплекса прав и обязанностей, а не с отношениями зависимости. Исходя из материалов, характеризующих положение изгоев, следует, что текст «Предсловия»: «потом же, будя свобо-

³⁷⁹ РИБ, т. VI, стб. 843.

³⁸⁰ Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 140—141.

³⁸¹ Пресняков А. К. Княжое право..., с. 275.

ден (курсив наш. — М. С.), ти добудеть детей, то начнуть имати изгойство на них» — свидетельствует не о вольноотпущенничестве изгоев и продолжающихся связях с патроном, а о несправедливом взимании выкупных денег с детей выкупившегося изгоя, челядина или холопа, о свободном состоянии выкупившихся изгоев. Жители сел Дросенского и Ясенского, изменив свой социальный статус, попали в церковное вотчинное хозяйство, стали зависимыми. однако характеристика изгойства при этом как крепостного состояния или как общественно-экономического положения, приближенного к нему,³⁸² является, по нашему мнению, необоснованной, поскольку форма эксплуатации изгоев неизвестна. Следует иметь в виду, что изгой как социальная категория не были названы в КР и ПР среди зависимого населения, за жизнь которого устанавливалась вира 5 гривен, что свидетельствует об особом социальном статусе изгоев и рассмотренных выше особенностях использования этого социального термина.

Подводя итоги анализа хозяйственно-социальной структуры феодального домена, следует отметить ее сложный характер. Хозяйственным организующим центром был двор господина. Княжеские дворы распределялись, вероятно, по всем землям княжеского домена. Боярские дворы известны, но их количество и расположение в вотчинных владениях установить невозможно, кроме дворов-резиденций. Дворы, сельские и городские, были центрами управляющего аппарата домена, а также некоторых видов зависимого населения: прежде всего холопов — ремесленников, кормильцев, домашней прислуги господина.

Дворы были укрепленными сложными комплексами жилых и хозяйственных построек, которые при развитой системе защитных сооружений превращались в замки. Они являлись господскими резиденциями, где хранились накопленные богатства, ремесленные изделия и запасы продовольствия. Господский двор был многоотраслевым хозяйством, которое удовлетворяло прежде всего потребности феодала.

Для XI—XIII вв. по отношению к княжеским доменам и для XII—XIII вв. по отношению к боярским хозяйствам есть известия о вхождении их в состав сел, причем эти владения, включая дворы, располагались не компактной массой, а были удалены друг от друга на значительные расстояния. В княжеские домены входили также города и волости.

Крупная земельная собственность и сложное по структуре домениальное хозяйство подразумевали широкое привлечение рабочей силы. Наиболее древним способом ее мобилизации в господское хозяйство был плен, однако письменные источники ничего

---

³⁸² Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 254; Фроянов И. Я. Киевская Русь (1), с. 145—146. — При определении статуса изгоев И. Я. Фроянов добавляет неясную формулировку: «Назвав их чистой воды феодально зависимыми, мы слишком бы упростили действительность. Они — в большинстве полусвободные».

не сообщают о формах эксплуатации труда пленных. В доменном хозяйстве эксплуатировались прежде всего подчиненные различными методами соплеменники и жители того же княжества. Смерды селами включались в состав княжеских доменных владений и, вероятно, княжескими постановлениями передавались боярам, при этом их права свободных людей первоначально сохранялись. Установление этой формы эксплуатации было следствием права верховной феодальной собственности государства на землю. В результате установления экономической зависимости через долг и его отработку с процентами в сельскохозяйственном производстве ограничивался в личных правах свободного человека закуп, однако феодальное законодательство подтверждало сохранение его социального статуса свободного.

Другие формы феодальной зависимости предусматривали большее значение личностных отношений, детерминированных социально-экономическими причинами. Полная личная зависимость от господина — определяющая черта социального положения холопов. Различное место холопов в системе производства и обслуживания господского хозяйства, разные формы похолопления, в которых отрыв от материальных средств производства сосуществовал с личными хозяйствами, свидетельствуют о том, что лишение свободы, личная крепость были основной причиной формирования особого сословия, объединенного юридическим положением объекта права. В XI—XIII вв. термин «холоп» приобрел расширительное значение для обозначения различных по месту в общественном производстве и формам эксплуатации категорий лично зависимых людей. Столь же широк по социально-экономическому содержанию термин «изгой», который по отношению к зависимому крестьянству был, видимо, общим обозначением людей, изменивших социальный статус, включая тех, кто попал в феодальную зависимость.

Древнерусская вотчина подчиняла себе людей без ограничения личной свободы путем заключения рядов-договоров (рядовичи), предоставления «дачи» и ссуд под выплату процентов (наймиты, наряду с наймитами — наемными работниками).

Таким образом, древнерусские домен и вотчина XI—XIII вв. как социальные организмы были сложным явлением. Они всеми методами экономического и внеэкономического принуждения стремились обеспечить свои потребности в рабочей силе, обогатиться посредством ростовщических сделок, поставить в зависимое положение свободное крестьянское и ремесленное хозяйство, окружить себя свободной клиентеллой. Все это было предназначено для укрепления экономической стабильности и роста домена, а также вотчины и вело к возрастанию социального и политического влияния их господ — князя, боярина, церкви. Изученные виды земельных и прочих господских владений, феодально зависимого населения в разной степени были представлены в отдельных княжеских и тем более боярских, а позднее и дворянских хозяйствах, что определялось особенностями социально-экономическими

ческого развития, климатической зоны, спецификой исторического развития и даже субъективным фактором.

Вследствие небольшого числа источников ограничены возможности изучения эволюции феодальной вотчины в XI—XIII вв. Основной источник для исследования этой темы — Русская Правда — развивался как источник права самостоятельно, вне древней римской и византийской традиции. Древнерусское законодательство совершенствовалось в значительной мере под влиянием острой классовой борьбы, которая вынуждала кодифицировать общественно-правовые отношения на Руси. Например, было бы мало известно о социальном положении холопов и совершенно ничего не известно о закупах, если бы не внесенные в ПП уставы о холопах и закупах. Можно лишь предположительно считать, что такие формы экономической зависимости, как закупничество и наймитство, сложились во второй половине XI—начале XII в. Развитие (но не возникновение) институтов рядовичей и «людей, взявших дачу», также относится, вероятно, к этому времени, тогда как закладничество появилось, возможно, во второй половине XII—начале XIII в. Вместе с тем древние общественные категории смердов, челяди, холопов, изгоев, восходящие к периоду родо-племенного общества, изменялись и развивались в течение всего рассматриваемого периода, хотя проследить эту эволюцию можно лишь в общих чертах.

Формы социально-хозяйственной активности домена и вотчины позволяют установить, что помимо государственных распоряжений земельный фонд господского хозяйства мобилизовывался путем попадания в число зависимых мелких земельных собственников-аллодистов. Таким образом, их земельные владения состояли не только из крупных господских владений, но и из мелких земельных участков зависимых холопов, закупов, зависимой клиентеллы, которые разрезали массивы земель соседской общины. Последствия этого явления становились одной из причин социальных конфликтов, жертвами которых становились домениальные управляющие — огнищане (ст. 19-я и 20-я КП). Особым видом мобилизации господских земель в XII—XIII вв. стали купли.

Хозяйственная универсальность феодальной вотчины, сложившаяся к XI в., разнообразие методов установления зависимости были причиной различных форм эксплуатации в господском хозяйстве. Применение труда холопов и закупов на пашне свидетельствует об отработочной ренте. Натуральные и денежные повинности, взимаемые в господских владениях, переданных князем церкви или боярам, также являлись феодальной рентой — материальным выражением эксплуатации зависимого населения. Однако в данном случае денежная рента не была высшей формой развития ренты. Она характерна как натуральная и отработочная рента, по справедливому замечанию Л. Т. Мильской, и для раннефеодальных отношений.³⁸³

³⁸³ Мильская Л. Т. Светская вотчина..., 86.

Сохранение названий государственных податей и, вероятно, первоначального их количественного выражения в домениальных и вотчинных владениях объясняется тем, что с землями феодалам передавались средства внеэкономического принуждения и административной власти. Наличие у феодально зависимого крестьянина средств производства при значительном разнообразии форм зависимости было причиной различных видов эксплуатации в господском хозяйстве. Маркс в связи с этим писал: «Далее, ясно, что во всех формах, при которых непосредственный работник остается „владельцем“ средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства».³⁸⁴ Поэтому различие между передачей в Древней Руси сел, погостов с землями и населением из государственных владений или княжеского домена в вотчину духовных и светских феодалов и предоставлением в их пользу десятин или фиксированных податей от населения не имеет принципиального значения, поскольку изменение форм эксплуатации происходило в виде перераспределения доходов от эксплуатируемого свободного и феодально зависимого населения внутри класса феодалов и основано оно на системе верховной феодальной собственности государства на землю.

Материалы о структуре мелкой вотчины в Древней Руси до XIII в. незначительны, хотя и позволяют определить ее основные черты. Однако важно подчеркнуть, что по многочисленным западноевропейским материалам «какие-либо структурные отличия в хозяйственной организации мелкой и крупной вотчины в раннефеодальный период» не прослеживаются.³⁸⁵ Это важное наблюдение позволяет предположить, что мелкая вотчина аналогична установленной выше крупной древнерусской вотчине, что может свидетельствовать о единстве социально-экономических процессов в господских хозяйствах феодального периода.

---

³⁸⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 353. — А. И. Неусыхин полагал, что Маркс в данном случае имел в виду переход от отработочной ренты к продуктовой, «который происходил на определенной стадии развития феодального способа производства, а не те формы оброка, которые были распространены еще в дофеодальный период и прямым продолжением которых является взимание оброка в мелкой вотчине „разбогатевших общинников“» (Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства..., с. 41). Это утверждение, справедливое в первой части, не совсем точно во второй. По нашему мнению, у Маркса исходная посылка — «непосредственный работник остается „владельцем“ средств производства и условий труда» — создает в процессе эксплуатации различные условия даже в пределах одной стадии развития феодальной формации: от крепостнического барщинного труда «несвобода» «смягчается» до оброчного обязательства. И древнерусские материалы подтверждают это мнение.

³⁸⁵ Мильская Л. Т. Светская вотчина..., с. 85.

СТРУКТУРА КЛАССА ФЕОДАЛОВ В XI—ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII В.

Феодалыные отношения в господском хозяйстве составляли лишь часть социально-экономических связей в общественной структуре Древней Руси. Одновременно развивающиеся общественные отношения в системе государства способствовали дальнейшему увеличению эксплуатации лично свободных непосредственных производителей господствующим классом в целом, создавая предпосылки для усложнения его иерархической структуры, основы которой сложились в предшествующий период.

КНЯЗЬЯ

Князья становились высшим по объему социально-политическим и юридическим правам немногочисленным сословием. Социально-политические функции князя определялись его положением как главы классового государства — машины «для поддержания господства одного класса над другим»,¹ — которое осуществляло внутреннее управление и внешнюю защиту страны (анализ этих функций княжеской власти в тему данного исследования не входит). Социально-экономические функции князя определялись его обязанностями сюзерена, главы иерархически организованного господствующего класса, и в то же время самого крупного землевладельца — собственника домена. Верховная власть князя над территорией княжества как социально-экономическая функция была выражением верховной собственности феодального государства на землю. Уже в середине XI в. был сформулирован принцип суверенности власти князя-правителя над занимаемой территорией: «не преступати предела братия, ни стопити».² В 1097 г. на Любечском съезде князей он был определен на праве «отчины» — наследственного владения: «каждо да держитъ отчину свою».³ Этот принцип оставлял место политической иерархии князей, но подчеркивал полную их суверенность внутри собственных владений, являясь основанием для террито-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 73.

² ПВЛ, I, с. 108.

³ Там же, с. 170.

риальных претензий на «отчину» и осуществления княжеской власти над определенной территорией. В данной связи показательно изменение содержания понятия «отчина». Если в предании о Святославе «отчиной» названо все Древнерусское государство,⁴ то в конце XI в. «отчиной» стала строго определенная территория, на что указывают спор Владимира Мономаха и Святослава Ольговича о Стародубе⁵ и слова предания о Рогнеде, записанные в Лаврентьевской летописи под 1128 г.: «...въздвигни отчину ея и даи ея с сыном своимъ».⁶ Право на «отчину» (находился ли в ней князь или претендовал на нее) было высшим принципом в междукняжеских отношениях.⁷ Поэтому распоряжение князя землями княжества было реализацией прав владельца «отчины». Он передавал в управление, кормление и владение волости и города (наряду с деньгами), а иногда как откуп сыновьям, родственникам, союзным и враждебным князьям и другим представителям знати.⁸ Эти поземельные и политические мероприятия с необходимостью влекли за собой важнейшие для развития феодальных отношений социальные последствия: 1) численный рост господствующего класса в результате увеличения количества новых княжеских и боярских дворов и дружин, распространения в господских владениях вотчинного управления на районы княжеского административно-судебного аппарата, что вело к расширению социальной базы господствующего класса; 2) дальнейший рост эксплуатации непосредственных производителей вследствие

---

⁴ Там же, с. 48: «Ты, княже, чюжея земли щещи и блюдещи, а своя ся охабивъ... Аще ти не жаль очины своя...».

⁵ Там же, с. 165.

⁶ ПСРЛ, I, стб. 301.

⁷ Там же, II, стб. 299, 303, 310, 405, 409—410, 478 и сл.

⁸ ПВЛ, I, с. 108, 109, 116, 135, 143, 175—176, 181; ПСРЛ, I, стб. 319—320, 329; II, стб. 289, 343, 367, 372—373, 524—525 и др. — Данные формы распоряжения земельными владениями придавали черты патримониальности поземельным отношениям, складывавшимся в результате персонификации в князе права верховной собственности государства на землю. Однако ограничивать систему социально-экономических поземельных отношений в раннефеодальном государстве патримониальным характером (*Лосмянский Г.* Происхождение славянских государств. — ВП, 1977, № 12, с. 188—189) было бы ошибочно, поскольку свело бы сложную систему государственных отношений к нормам семейного и наследственного права. О патримониальных тенденциях, т. е. претензиях княжеских династий на абсолютное господство над соплеменниками и право полной собственности на землю, пишет Е. С. Макова (К истории генезиса и развития феодальной земельной собственности у южных и западных славян. — В кн.: Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979, с. 143), но неясно, выражают ли эти тенденции только возможность развития патримониальности или отражают существующую действительность. В посажении Рюриковичей, сменивших племенных князей, П. Я. Фроянов отмечает политические аспекты (*Фроянов И. Я.* Киевская Русь (2), с. 26), однако он не учел, что эти посажения и разделы существовали на протяжении всего древнерусского периода и были аналогичны подобным явлениям в других странах средневековой Европы, в чем выражалась одна из социально-экономических функций системы феодальных отношений на определенной стадии развития.

увеличения податей не только в пользу центральной власти, но и новых правителей; 3) развитие вассалитета.

Неразрывная связь социально-экономических и политических функций княжеской власти в системе феодальных отношений нашла выражение в распределении и перераспределении земельного фонда и доходов от государственных налогов. Церкви, корпоративной феодальной организации, передавались государственные и домениальные земли, десятина от государственных налогов и судебных штрафов, вир и продаж.⁹ Прямых данных о раздаче земель светским феодалам нет, что объясняется не отсутствием явления, а состоянием источниковой базы: до XIII в. сохранились единичные акты, относящиеся к церковному землевладению, светских жалованных грамот не сохранилось, хотя количество письменных актов в домонгольской Руси было значительным (сейчас известно более 700 печатей¹⁰). Можно предположить также широкое использование словесно-обрядовой процедуры при оформлении различного рода сделок, в том числе и поземельных.¹¹ Вместе с тем светское господское хозяйство, основанное на землевладении, было широко распространено (см. главу III), и лишь позднее случайное летописное известие указывает, что определенная часть этих владений появилась в результате княжеских раздач: как указывается в Ипатьевской летописи под 1287 г., «брат ти даетъ городъ Всеволожь бояромъ и села роздаетъ».¹² В первых же сохранившихся договорах Новгорода с князьями середины XIII в. запрещается им на Новгородской земле (что подразумевает подобные действия князей в собственных княжествах) «раздавать» во владение волости и «держать» села (князю, княгине, боярам, дворянам), а также лишать их без вины, «раздавать» государственные налоги — дани, «выводить», т. е. переселять,¹³ людей.¹⁴ В процессе распределения и перераспределения земельных владений вокруг них разгоралась борьба феодалов, включая посягательства князей на земли церкви.¹⁵ Впрочем, в результате дальнейшего развития феодальных отношений и экономического роста во всех землях Древнерусского государства,

⁹ ПВЛ, I, с. 106; ПСРЛ, I, стб. 348, 375; II, стб. 491, 598—599; ДКУ, с. 141—144, 146—148; ГВНП, с. 139—141. — Эти формы отношений князя и церкви обстоятельно изучены Я. Н. Шаповым (*Шапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 279—338*).

¹⁰ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. I.

¹¹ Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв. — ВИД. Л., 1976, т. VIII.

¹² ПСРЛ, II, стб. 900.

¹³ Ср.: «нарубание» «лучших мужей» в южнорусские крепости в конце X в. при Владимире Святославиче (ПВЛ, I, с. 83).

¹⁴ ГВНП, с. 9—13.

¹⁵ См. запретительные формулы актов и сообщения нарративных источников: ДКУ, с. 144—145; ГВНП, с. 139—141 и сл.; ПСРЛ, I, стб. 375; II, стб. 598—599; *Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959, с. 51; Шапов Я. Н. Церковь... с. 333—336.*

усиления местных феодалов, возрастания самостоятельности городов — центров развитого ремесла и торговли, которые привели к значительному увеличению социально-экономической и политической активности светских и духовных феодалов, а также торгово-ремесленного населения была ограничена центральная власть великих киевских и местных князей. Это вызвало появление или возрастание значения таких феодально-политических институтов, как собор, совет, вече, ряд.¹⁶

Источники недостаточно ясно раскрывают механизм перераспределения доходов от государственных податей, являвшегося функцией княжеской власти, но его социально-экономическая сущность вполне определена — средство воспроизводства и обогащения прежде всего служилой части господствующего класса. Поэтому летописец, автор предисловия к летописному своду, сохранившемуся в младшем изводе Новгородской первой летописи, упрекал современных ему дружинников, которые довольствовались двумястами гривнами, полученными от князя, и «складаху» на своих жен золотые «обручи», тогда как мужи «древних князей» «воевали» иные страны, а их жены ходили в серебряных «обручах».¹⁷ Реализация этой функции податей была неразрывно связана с общегосударственными задачами содержания административно-судебного аппарата и дружины, поэтому их значение и абсолютная величина все более возрастали.

Доходы от суда, виры и продажи продолжали служить средством обогащения князя и господствующего класса, становясь тяжелой формой эксплуатации. Уже к концу XI в. для определенной части знати, «мужей смысленых», было ясно: «Наша земля оскудела есть от рати и от продаж».¹⁸ Тогда же летописец, составитель Начального свода, обличал «творимые» виры.¹⁹ Функция судебного штрафа как регулярно взимаемой подати была столь очевидна, что в XI—XIII вв. глагол «продать» использовался в значении «обложить налогом».²⁰

Система княжеских налогов как необходимый элемент государственного строя сохраняла значение основного средства государственной эксплуатации непосредственных производителей. Продолжали существовать древние по происхождению подати:

---

¹⁶ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 11—20, 24—51. — Невнимание И. Я. Фроянова к социально-экономическим причинам возросшей социально-политической активности различных групп господствующего класса, торгово-ремесленного и сельского населения приводит к архаизации общественных отношений Древней Руси, ошибочной оценке системы отношений князя, дружины, войска, городов и т. д. (Фроянов И. Я. Киевская Русь (2)).

¹⁷ НПЛ, с. 104. — См. выше, с. 59.

¹⁸ ПВЛ, I, с. 143. — См. аналогичное высказывание под 1175 г.: «...они же (детские. — М. С.) многу тяготу людемъ симъ створиша продажами и вирами» (ПСРЛ, II, стб. 598).

¹⁹ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 55.

²⁰ ПВЛ, I, с. 142; ПСРЛ, II, стб. 208, 579.

«полюдь», которое из объезда населения для сбора натуральных и денежных податей стало названием денежного налога,²¹ дань,²² дар,²³ «поплужное» (см. выше, с. 57). В источниках XI—XII вв. упоминается «корм» — натуральные поставки, взимавшиеся для княжих судей, сборщиков дани, вирников, слуг (ст. 42-я КП; ст. 74 и 96-я ИП).²⁴ В первой трети XII в. отмечается значительное число новых податей: «гостинная дань» — с купцов, «торговое» — за право торговли, «мыт» — за право провоза товара, «корчмиты» — с корчмы, постоялого и питейного двора, «перевоз» — за перевоз товаров и людей через водную преграду. В середине XII в. упоминаются «погородье» — фиксированный денежный налог с городов, заменивший, вероятно, древний «урок»,²⁵ «почестье» — подать в денежной или натуральной

²¹ «На Копысе полюдья четыре гривны», «в Лучине полюдья... гривны» (ДКУ, с. 143); «полюдие даровьное, полътретиядесяте гривнь» (ГВНП, с. 140). По мнению Л. В. Алексеева, «полюдь» в первой трети XII в. — «осенний вооруженный поход князя с дружиной... в целях получения посильной, „даровой“ дани»; он ссылается также на данную грамоту Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю (Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли. — В кн.: *Słowianie w dziejach Europy. Poznań, 1974, s. 109*). Однако точное указание «полюдья» в денежном выражении, подобно прочим налогам, свидетельствует о превращении «полюдья» в фиксированный налог (см. выше, с. 60—62). В Новгородской земле «полюдие даровьное» произошло не от понятий «посильное», «даровое», а от названия подати «дар», который собирался во время полюдья, отсюда такое словесное сочетание для обозначения денежной подати.

²² ПСРЛ, II, стб. 903; ДКУ, с. 141—144; ГВНП, с. 140; Свердлов М. Б. Смерды в Древней Руси. — ИСССР, 1970, № 5, с. 71—72. — По мнению Л. В. Алексеева, «кто платил дань, не платил полюдья, и наоборот» (Устав..., с. 110). Эта мысль недостаточно ясна, если учесть ранее сделанное определение «полюдья» как похода для получения дани. Видимо, следует обратить внимание на многозначность термина «дани—дань» как обозначения всех податей («от всех даней смоленских») и как название отдельного налога («в Пацини дани 30 гривен... а гостиней дани неведомо»). В Новгородской земле оба вида налогов сосуществовали («се азъ... повелелъ есмь... отдати Буице... съ данию, и съ вирами, и съ продажами... А азъ далъ рукою своею и осеннее полюдие даровьное»: ГВНП, с. 140), а в Смоленской земле «полюдь» сопровождалось налогами-даниями от перевоза, торговли, корчмы, мыта (ДКУ, с. 146). Вместе с тем в XII в. «полюдь» стало названием объезда городов, а не общинников-смердов, вероятно, для суда и контроля над поступлением податей (в 1190 г. Всеволод Юрьевич был «в полюдья» 8 февраля в Переяславле, 25 февраля — в Ростове; см.: ПСРЛ, I, стб. 408—409), что было аналогично разъездам феодальных монархов с приближенными и дружинами по городам своих королевств с теми же целями.

²³ ДКУ, с. 147; ГВНП, с. 9 и сл.; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 252—257.

²⁴ ПСРЛ, II, стб. 932.

²⁵ А. Н. Насонов полагал, что истоки «погородья» XI—XII вв. восходят ко времени политического верховенства в X в. трех главных городов «Русской земли» — Киева, Чернигова, Переяславля. Оно собиралось не с города, а с области, причем не для местных князей, а для киевского князя (Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 47—50). Первое положение гипотетично, поскольку прямых указаний на такое происхождение «погородья» нет,

форме (меха, рыбы, мед, покрывала, скатерти, полотенца и т. д.).²⁶

Таким образом, значительное увеличение в XI—XII вв. княжеских налогов с населения, занятого сельским хозяйством, ремеслом и торговлей, и отсутствие данных о существовании налогов с феодалов, служилых и землевладельцев, обязанных обычной для феодального общества военной службой князю, свидетельствует о классовом содержании налогов, являющихся средством эксплуатации непосредственных производителей. В то же время система налогов делала немногочисленное княжеское сословие наиболее влиятельным социально-политически и могущественным экономически: в князьях, как в главах государств, персонифицировалось верховное государственное право на землю, они являлись также феодальными сюзеренами и возглавляли иерархический по структуре господствующий класс, в служилой части которого эти налоги перераспределялись.

БОЯРЕ И КНЯЖИЕ МУЖИ

Второй после князей группой господствующего класса были бояре. Князь являлся их сюзереном, рядом с князем указывались «его» бояре;²⁷ при этом бояре князей — сыновей отличались от бояр отца,²⁸ что свидетельствует об отношениях вассалитета между князем и боярами. Различия в социально-экономическом и социально-политическом положении вели к тому, что уже в XI в. бояре оказались дифференцированы на «великих» и «меньших» с различными судебными штрафами за оскорбление членов их семей; об этом свидетельствует церковный устав Ярослава Мудрого середины XI в.²⁹ Между указанными группами боярства складывались, вероятно, отношения субвассалитета, как следует из рассказа о ростовском тысяцком Георгии Симоновиче, который послал около 1130 г. «единого отъ бояръ своихъ, сущих под нимъ, Василия».³⁰

но и второе предположение осталось недоказанным, так как аргументы А. Н. Насонова можно толковать иначе: 1) «раздел» Смоленска в 1060 г. был, вероятно, политической акцией «триумвирата» Ярославичей, последовавшей после смерти смоленского князя Игоря Ярославича, когда в Смоленске не был «посажен» новый князь (ПВЛ, I, с. 109); 2) взимание «погородья» со смоленских городов помимо дани — проявление обычной средневековой множественности различных по происхождению податей с одной единицы обложения или территориальной общности.

²⁶ ДКУ, с. 146; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты..., с. 254—255.

²⁷ ПВЛ, I, с. 97, 121, 144; ПСРЛ, I, стб. 285, 291, 502, 928, 937; Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 23, 38, 39.

²⁸ ПВЛ, с. 143; ПСРЛ, II, стб. 730.

²⁹ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 293—294, 301—306.

³⁰ Патерик..., с. 189; Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977, с. 129—131.

Консолидация боярства в X в. и рост экономического могущества в XI—XIII вв. сопровождались значительными денежными накоплениями (цифровые данные на протяжении длительного времени известны лишь по отношению к новгородскому боярству). Как отмечалось ранее, во время чрезвычайного сбора бояре заплатили по 18 гривен — более чем в 100 раз по сравнению с простыми «мужами»; в 1137 г. с группы новгородских бояр — сторонников Всеволода Мстиславича взяли откуп 1500 гривен, в 1141 г. у посадника Якуна Мирославича — 1000 гривен, а его брата Прокопия — 100 гривен; в 1230 г. у посадника Дмитра Мирошкинича захватили столько, что разделили «по всему Новгороду» по 3 гривны.³¹ Общественное влияние бояр утверждалось также существованием у них дружин, состоявших из воинов и слуг-отроков, что продолжало традиции X в.³² Однако боярские отроки в отличие от княжеских были ближе к простым людям, чем к знатым, судя по противопоставлению «добрых людей» «простым людям» и «боярским отрокам».³³ Некоторые из них являлись холопами.³⁴

Процесс классообразования способствовал тому, что широкий по содержанию термин «боярин», относившийся к знатым и богатым людям, стал означать весь господствующий класс, не только служилую знать — членов дружины, как полагали некоторые исследователи,³⁵ но и местную, неслужилую знать.³⁶ Предпосылки этого сложились в X в. (ср. летописную запись XIII в., где слово «боярин» использовано как обозначение класса-сословия, отличного от земледельцев-смердов и горожан: «...и вся земля попленена бысть: бояринъ боярина пленивше, смерд смерда, град града...»³⁷). Это наблюдение раскрывает, как представляется,

³¹ ПВЛ, I, с. 97; НПЛ, с. 210, 212, 277.

³² ПВЛ, I, с. 117, 149, 187; Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII—XIII вв. — В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 194—195; Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976, с. 25—30.

³³ ПСРЛ, II, стб. 642.

³⁴ ГВНП, с. 162.

³⁵ Погодин М. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846, т. III, с. 501—502; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1939, кн. I, с. 227—229.

³⁶ Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1871, с. 104, 215—216; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7-е. Пг.—Киев, 1915, с. 25—27; Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959, т. VI, с. 146—147; Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 4-е. СПб., 1912, с. 77—80; Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, с. 245—254; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 142—144, 146; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 126—127 и сл.; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. — ИССР, 1970, № 1; Фроянов И. Я. Киевская Русь (2), с. 84. — Нельзя согласиться с использованием И. Я. Фрояновым термина дореволюционных исследований «земское боярство», поскольку «земства» в XI—XII вв. не было.

³⁷ ПСРЛ, II, стб. 739.

одну из загадок Русской Правды, которая не предусматривала правовую защиту жизни, чести и имущества боярина, хотя существование боярской вотчины и зависимых от бояр людей отмечается беглыми упоминаниями боярского тиуна, рядовича и холопа (ст. 1-я, 14-я и 46-я ПП). Дело в том, что термин «боярин» в XI—начале XII в., в период сложения и записи КП и ПП, при обозначении знати был широк и неопределен, подобно термину «челядин» по отношению к зависимым. Поэтому составители судебных книг называли или конкретно знать, находившуюся на княжеской службе, — «княж муж», или более широкие слои, охватывающие богатых и знатных,³⁸ а также различной степени богатства и состояния лично свободных людей, названных «муж», «господин» или просто «кто». Это может свидетельствовать о том, что боярство как сословие, обладающее правовыми привилегиями, в XI—XII вв. еще не сложилось, хотя процесс этот совершался.

Экономическое могущество и высокое общественное положение способствовали активным выступлениям бояр против княжеской власти в Новгороде уже в конце XI—начале XII в., в Ростовско-Суздальском и Галицко-Волынском княжествах во второй половине XII в., что было проявлением внутриклассового антагонизма, разраставшегося по мере становления боярства как класса-сословия.

Изменения в структуре господствующего класса оказали определяющее влияние на развитие социальной терминологии. Древний термин «муж», сохраняя обобщающее значение, продолжал относиться к простым «людям»³⁹ и к знати, окружавшей князя,⁴⁰ но понятие «княж муж» стало применяться по отношению к высшему разряду людей на княжеской службе. Поэтому при обозначении княжеской знати термины «боярин» и «муж» различаются недостаточно ясно, подчас перекрывая друг друга.⁴¹ Вместе с тем в комплексе известий о передаче в управление городов и волостей в XI—XIII вв. часто указывались не бояре, а мужи. «Мужами» названы также многие представители знатных фамилий, которые служили князьям на протяжении 100—150 лет.⁴² Отсюда не следует, что бояре не служили князьям и им не передавалось посадничество. Это означает, что «княжими мужами» делала только служба князю. Их охраняли особая княжеская защита в виде двойной виры — 80 гривен (ст. 1-я ПП), а также наказание всей общины — верви, на территории которой

---

³⁸ В древнерусском переводе «Девгениево деяние» в качестве эквивалента понятия «бояре» использовано слово «многоимцы» (*Кузьмина В. Д.* Девгениево деяние. М., 1962, с. 155).

³⁹ ПВЛ, I, с. 173.

⁴⁰ Там же, с. 174, 180—183 и сл.; ПСРЛ, II, стб. 319, 320, 340, 659—660 и сл.; ГВНП, с. 9, 10 и сл.

⁴¹ ПСРЛ, II, стб. 298. — Под 1136 г. записано: «... яша бояръ много, Давида Ярославича тысяцкого, и Станислава Доброго Тудъковича, и прочих мужий... многы бо бяше бояре Киевский изоимали...».

⁴² *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI—XIII вв. — ВИД. JL, 1979, т. XI, с. 223—231.

совершенно разбойное убийство «княжого мужа», если вервь не найдет убийцу (ст. 3-я ПП). Таким образом, княжеская служба отодвигала на второй план потомственное знатное (боярское) происхождение и поднимала незнатных лиц до положения наиболее привилегированной после князей сословной группы, т. е. была средством вертикальной мобильности для более низких групп населения. Источники не отмечают, что включение или невключение бояр в состав дружины влияло на изменение их социального статуса. Многочисленные бояре (неслужилая знать), не вошедшие в дружину и в княжеский административно-судебный аппарат, лишались определенных экономических преимуществ, связанных с княжеской службой. Однако их место в системе социальных отношений не становилось от этого менее значительным. Вместе с тем служилая знать была неразрывно связана с землевладением, что было причиной ее социально-политической близости к неслужилой местной знати. Поэтому «княжие мужи», находясь в определенном княжестве, служили сменяющим друг друга княжеским семьям, а переезжая с князьями одного княжеского дома, они возвращались в прежние владения, которые могли оставаться во владении их самих или родственников.⁴³ Наконец, служилые люди переезжали в иные земли, но и там они обзаводились новыми дворами и селами, как родители Феодосия, переведенные князем из Василева в Курск, и конунг Шимон, посланный тысяцким из Киева в Ростовскую землю.⁴⁴

ОТРОКИ И ДЕТСКИЕ

Место в характерной для феодального общества иерархической системе определялось различиями социальных функций. Если «княжие мужи», занимавшие высшие должности в государственном управлении и входившие в старшую дружину, находились на высшем уровне иерархии господствующего класса, то отроки и детские занимали в ней более низкое место. В многочисленной дореволюционной историографии подчеркивались отдельные функции отроков и детских, отмечались их различия в общественном положении⁴⁵ или же они отождествлялись, большей частью бездоказательно.⁴⁶ Советские исследователи, изучая

⁴³ Там же, с. 225—229.

⁴⁴ Патерик..., с. 3—5, 15—17; *Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории...*, с. 127—129.

⁴⁵ *Загоскин Н. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875, с. 53—54; Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876, с. 41; Дьяконов М. Очерки...*, с. 83; *Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор...*, с. 28; *Ключевский В. О. Сочинения, т. VI, с. 148—149.*

⁴⁶ *Дубенский Д. Памятники древнего русского права по хараейному списку. — В кн.: Русские достопамятности. М., 1843, ч. II, с. 25—27; Погодин М. Исследования..., т. VII, с. 86—88; Мстиславский В. В. О покленной вире или понятии об обвинительном процессе по Русской Правде. —*

прежде всего феодальные производственные отношения, не рассматривали обстоятельно эти общественные категории, ограничиваясь отнесением их к младшей дружине, определением их административно-судебных функций и не дифференцируя их общественного положения.⁴⁷ Лишь в новейшей литературе А. С. Львов предположил различия во времени появления и в происхождении терминов «отроки» и «детские», тогда как И. Я. Фроянов дал недостаточно ясные характеристики этих общественных категорий.⁴⁸

В XI—XIII вв. отроки упоминаются в составе ближайшего княжеского окружения как слуги, члены двора, личная дружина.⁴⁹ Во второй половине XI—начале XII в. они отмечаются в системе административно-судебного княжеского аппарата, сохраняя при этом свое название «отрок» как указание на принадлежность к определенной социальной группе. В ст. 9-й ПП, перечисляющей денежный и продовольственный корм княжеским судебным исполнителям, названы вирник и отрок, тогда как в «уроке Ярославлемь» — Поконе вирном (ст. 42-я КП), источнике ст. 9-й ПП, указан только вирник. Однако корм на неделю в обеих статьях полностью совпадает (в ПП регламентировано только потребление хлеба и пшена). Отсюда следует, что в первой половине XI в. отроки также участвовали в сборе вир, и указание на них в ст. 9-й ПП является результатом развития Русской Правды как источника права (см. также ст. 43-ю КП и 97-ю ПП). Отрок как самостоятельный княжеский чиновник, а также как помощник мечника или вирника указан в ст. 74-й ПП («о накладах») и как самостоятельное лицо судебного аппарата — в ст. 20-й ПП («о свержении виры»). Таким образом, источники ясно указывают важные функции отроков в административно-судебном аппарате наряду с их участием в дружине и со службой в княжеском дворе.

Исходя из вир ПП (ст. 11-я), видно, что отроки находились на значительно более низкой ступени, чем княжие мужи: за них платилась вира в 40 гривен. Однако они были свободными людьми, и это являлось определяющим в их социальном статусе. Поэтому неясно утверждение И. Я. Фроянова (присоединившегося к мнению М. Д. Затыркевича) на основании упоминаний отроков

Русская беседа, 1858, кн. 3, с. 118, 122—123; *Сергеевич В.* Древности русского права. Изд. 3-е. СПб., 1909, т. I, с. 244—425; *Пресняков А. Е.* Княжее право..., с. 242, и др.

⁴⁷ *Юшков С. В.* Очерки..., с. 32; *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 344; ПРП, I, с. 177, 184; *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 146.

⁴⁸ *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 226—228. — И. Я. Фроянов пишет: «Похоже, что они (отроки. — М. С.) происходили из рабов»; «...мы, разумеется, далеки от мысли, что все княжеские отроки вышли из пленников-рабов», тогда как «детские были возвращены на туземной, древнерусской почве» (Киевская Русь (2), с. 90, 91, 93).

⁴⁹ ПВЛ, I, с. 90, 93, 98, 143, 157, 163; см. также: ПСРЛ, II, стб. 831—832.

с неславянскими именами о происхождении «какой-то части отроков» из пленников-рабов,⁵⁰ что «накладывало отпечаток на положение отроков в целом, ущемляя их свободу и ставя в тесную зависимость от князя».⁵¹ Напротив, если пленные становились княжескими отроками, то на этом основании можно сделать важный вывод, что различные виды службы отроков на дворе, в дружине и государственном аппарате осуществлялись не холопами-министериалами, как в управлении домениальным хозяйством, а лично свободными людьми. Служба делала княжеского отрока свободным. Высокое общественное положение княжеских отроков способствовало тому, что в подробных летописных рассказах они назывались по именам,⁵² а самоназвание «отроки» в надписях (НБГ, № 225) свидетельствует об их самосознании как членов определенной социальной группы.

Княжеские отроки, исполнявшие обязанности слуг двора и занятые на административных должностях, входившие в состав младшей дружины, составляли численно большую социальную группу. В ПВЛ по Ипатьевскому списку под 1093 г. рассказывается, как Святополк Изяславич, только что вокняжившийся в Киеве, возражал «смысленем мужам», предупреждавшим против поспешного похода на половцев: «„Имею отрокъ своихъ 8 сотъ, иже могутъ противу имъ стати...“. Смыслени же глаголаху: „Аще бы пристроилъ ихъ 8 тысящъ, не лихо ти есть, наше земля оскудила есть от ратии и продажъ“».⁵³ В Лаврентьевском списке ПВЛ приводится тот же рассказ, но указано 700 отроков.⁵⁴ Однако первое чтение более предпочтительно, поскольку ясна логика возражения «смысленых мужей»: 800 отрокам они противопоставили 8000, тогда как во втором чтении соотношение чисел 700 и 8000 ничем не оправдано. Таким образом, даже если Святополк Изяславич назвал отроками всю младшую дружину и слуг княжеского двора, в этом же году пришедших из Турова в Киев и готовых выступить в поход, то совершенно очевидно, что у многочисленных князей в конце XI в. «отроков», составлявших часть дружины, административно-судебного аппарата и княжеского двора, было очень много — тысячи.

По летописи в 1093 г. можно отметить 15 владетельных князей. Видимо, в действительности их было больше. Если Свято-

---

⁵⁰ Приведенная этимология слова «отрок» не подтверждает это мнение, поскольку она рассматривается не в комплексе понятий семейно-возрастной этимологии праславянского периода, а как обозначение «человека, умеющего говорить на славянском наречии». Такого значения семантика слова не содержит, поэтому параллель со словом «немец», которая «невольно здесь напрашивается», ошибочна (Фроянов И. Я. Киевская Русь (2), с. 91).

⁵¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь (2), с. 91.

⁵² Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966, вып. 1, с. 18—24, 71—72; ПВЛ, I, с. 136, 149, 173.

⁵³ ПСРЛ, II, стб. 209.

⁵⁴ Там же, I, стб. 218.

полк Изяславич, который только что перешел из Турова на киевский великокняжеский стол, смог выставить в поход такое число младших дружинников, то можно предположить, что другие князья имели в это время дружину в 500—800 человек. В данном случае контрольной цифрой может служить сообщение о гибели «дружины» в 9000 человек у шести братьев Всеславичей, которые отправились в 1099 г. в поход на земгалов. В среднем число павших на дружину одного князя составило 1500 человек, но сюда входили также старшая дружина и, вероятно, пополнение «воев». Кроме того, не все дружинники пали, поскольку князья вернулись обратно. Если принять число младших членов дружины в 500—800 человек, то в этом случае окажется, что в 1093 г. на Руси было 7500—12 000 членов младшей дружины и двора, которые постоянно состояли при своих князьях. Реально количество князей и соответственно отроков и других членов дружины было еще большим. Отсюда следует, что младшее звено служилой части господствующего класса было чрезвычайно многочисленным к концу XI в. и содержание такого числа только младших служилых людей становилось одной из причин значительной эксплуатации лично свободного населения княжеств и зависимого люда домена (достаточно указать денежные раздачи дружинникам до 200 гривен).⁵⁵

Особой группой княжих служилых людей наряду с отроками названы детские. Детский следил за испытанием железом на суде, за что получал полгривны, тогда как мечник — только 5 куп (ст. 86-я ПП), т. е. детский был главным исполнителем приговора суда. В случае судебного раздела наследства между братьями детский исполнял постановление княжеского суда о разделе (ст. 108-я ПП). В качестве судебного исполнителя детский указан и в договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. (ст. 14-я и 22-я, см. также ст. 13-ю договора 1230 г.).⁵⁶ О том, что детским поручались важные административные должности посадников, свидетельствует летописное сообщение о Ростиславичах, которые, захватив Ростовское княжение, «раздаяла беста посадничества Руським (пришедшим из южнорусских земель. — М. С.) децькымь».⁵⁷ Детские входили также в состав княжеского окружения и в его дружину,⁵⁸ вероятно, в наиболее близкую к князю группу. Когда в 1169 г. дружина заявила Владимиру Мстиславичу: «А собе еси княже замыслил, а не едем по тебе, мы того не ведали», — Владимир, по словам летописца, посмотрев на детских, сказал: «А се будутъ мои бояре».⁵⁹ Таким обра-

⁵⁵ НПЛ, с. 103—104. — Данный текст Новгородской I летописи датируется А. А. Шахматовым концом XI в.; это мнение принято И. М. Троцким и М. Х. Алешковским, тогда как А. Г. Кузьмин относит его к первой трети XIII в. (Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 93—101).

⁵⁶ ПРП, II, с. 80, 81.

⁵⁷ ПСРЛ, I, стб. 374; II, стб. 598.

⁵⁸ ПВЛ, I, с. 172; ПСРЛ, II, стб. 390, 464, 495; I, стб. 324—325.

⁵⁹ ПСРЛ, II, стб. 536.

зом, в этом рассказе младшие члены дружины, детские, противопоставлены старшим членам дружины — боярам-мужам, которые отказываются исполнять приказ князя. Об отношении народа к детским как к судебным исполнителям и дружинникам, а также об их имущественном положении свидетельствует тот факт, что во время восстания во Владимире в 1175 г. после убийства Андрея Боголюбского были «избиты» не только княжеские посадники и тиуны, но и детские и мечники, «а дома их пограбиша».⁶⁰ Следовательно, детские владели и собственными домами, подобно мечникам, тиунам и посадникам.

Таким образом, юридические и летописные материалы свидетельствуют о том, что детские были членами судебных исполнительных органов и младшими дружинниками. Они владели собственными домами и, несмотря на название — «детские», были взрослыми людьми.

Сравнение функций отроков и детских показывает сходство и различие их общественного положения. Они входили в младшую дружину и являлись слугами князя, т. е. входили в систему его обслуживания. Существенные различия отмечаются по ПП: в судебно-административном аппарате отроки были помощниками вирника, мостника, возможно, мечника, а также самостоятельно действующими судебными лицами по взиманию вир, тогда как деятельность детского значительно более ограничена — он являлся судебным исполнителем. Таким образом, несмотря на большое сходство функций отроков и детских в системе государственных должностей, они были, видимо, неравны, причем возможности отроков были значительно шире, чем детских.

Во владимирском летописании XII в., вошедшем в Лаврентьевскую летопись, встречается понятие, обозначающее княжеских младших дружинников или слуг, — «пасынки».⁶¹ Однако этот термин, вероятно, не нашел распространения, поскольку больше он в источниках как название социальной группы в древнерусский период не встречается.

С XI в. вплоть до XVI в.⁶² для обозначения господских слуг, в том числе и княжеских, использовалось слово «паробки». Паробки были заняты в княжеском и боярском хозяйствах, являлись близким княжеским и боярским окружением⁶³ и выступали на стороне господина с оружием в руках.⁶⁴ Владимир Мономах в письме к Олегу Святославичу назвал паробками плохих молодых советников князя.⁶⁵ Однако, судя по употреблению, этим словом называли молодых людей и слуг, но термином, обозначавшим определенную социальную группу, оно не стало. В Вели-

---

⁶⁰ Там же, I, стб. 370.

⁶¹ Там же, стб. 380.

⁶² Срезневский. II, стб. 882.

⁶³ ПСРЛ, II, стб. 861; РИБ. СПб., 1908, т. VI, стб. 46.

⁶⁴ ПСРЛ, II, стб. 591, 737; НПЛ, с. 276.

⁶⁵ ПВЛ, I, с. 165.

ком княжестве Литовском паробками начали называть невольных людей.

Если наши наблюдения верны, то на их основе можно сделать следующие выводы. В княжеской дружинной и административно-судебной системе использовалась терминология, обозначающая различные возрастные периоды (муж — самостоятельный взрослый мужчина, отрок — подросток, детский — ребенок). Различное содержание общественных и имущественных прав этих членов большой и малой семьи определилось уже в родо-племенном обществе. Участие мужей, отроков и детских в княжеских дружинах, в составе слуг и близкого княжеского окружения позволяет предположить, что эта семейно-возрастная терминология была использована в восточнославянских княжеских дружинах в период военной демократии и в раннефеодальном обществе для обозначения различных групп дружины. Неясно только, различались ли первоначально эти группы по возрасту или сразу возрастные названия были перенесены на различные по положению группы дружины.

Комплекс известий XI—XII вв. свидетельствует о том, что к этому времени слова «муж», «отрок», «детский» использовались для указания официального положения взрослых людей, находящихся на княжеской службе и различных по кругу исполняемых обязанностей и по общественному положению. Как дублирование этой сложившейся системы можно отметить употребление слова «отрок» для обозначения боярских дружинников и слуг. Упоминания и косвенные свидетельства о домах отроков и детских указывают на существование у них самостоятельных хозяйств.⁶⁶ Этот факт может служить основанием для предположения, что отроки и детские имели свои дворы, где находилась в разной степени зависимая от них челядь. Не случайно, вероятно, в ПП последовательно использовалось слово «господин» для обозначения хозяина зависимых людей без конкретизации общественного положения «господина», как в статьях КП и ПП об охране княжеского домениального хозяйства, что предусматривает широкое социальное содержание понятия «господин». Были ли у отроков и детских свои земельные участки, зависимые люди, сидевшие на земле, посаженные на нее или попавшие в зависимость, но сами обладавшие землей (как попавшие в холопство смерды и закупы), — неизвестно.

СЛУГИ, СЛУГИ ДВОРНЫЕ, ДВОРЯНЕ

О дальнейшем развитии служилой части господствующего класса свидетельствует вхождение в его состав слуг княжеского двора. Понятия «служить» и «служба» имели широкое значение.

⁶⁶ Это наблюдение не исключает того факта, что слово «отрок» продолжало использоваться для названия подростков вообще или подростков-слуг при князьях и боярах (см., например, упоминание о «малом отроке» при князе Изяславе Ярославиче: Патерик..., с. 31).

Они отражали разнообразную практику феодальной службы князю, и поэтому слова «служить» и «служба» относились также к членам младшей дружины, отрокам и детским (при этом следует иметь в виду тесную хозяйственную и служилую связь младшей дружины с княжеским двором).⁶⁷ Применение широкого понятия «служба» к младшей дружине способствовало даже появлению в XIII в. постоянного словосочетания «бояре и слуги» для обозначения княжеской дружины на войне и сопровождающих князя лиц в мирное время,⁶⁸ т. е. понятие «слуги» вытеснило старый термин «дружина».

Вместе с тем «слугами» назывались также люди, находившиеся в личном услужении и при исполнении хозяйственных обязанностей. О таком содержании термина свидетельствуют слова Иоанна Златоуста, приведенные в Ипатьевской летописи под 1175 г.: «Иже кто противится власти, противится закону божью. Князь бо не носит мечь божии, ибо слуга есть».⁶⁹ В таком же значении использован глагол «слуговати» в Житии Феодосия в связи с прислуживанием отрока Феодосия, сына курского боярина, «на трапезе у властелина граду».⁷⁰ В Житии слово «служба» указано для обозначения хозяйственных функций в монастырской вотчине.⁷¹ Такое содержание понятий «служить» и «служба» на княжеском дворе способствовало их широкому применению в образовании новой социальной терминологии.

В XIII в. в Галицко-Волынском летописании упоминаются «слуги дворные», которые указаны как ближайшее окружение князя. Эти слуги подчинялись, вероятно, дворским — своего рода мажордомам. О дворских в южнорусских известиях XII—XIII вв. сообщается как о воеводах наряду с боярами.⁷² Таким образом, уже к XII в. могут относиться данные о слугах княжеского двора, подчиненных дворским, хотя сам термин «слуги дворные» появился в XIII в.⁷³ Однако в источниках сообщается об исполне-

⁶⁷ ПВЛ, I, с. 42, 91, 176; ПСРЛ, II, стб. 463—464.

⁶⁸ ПСРЛ, I, стб. 440—441; II, стб. 877, 901, 928, 936—937.

⁶⁹ Там же, II, стб. 592—593.

⁷⁰ Патерик..., с. 19. — Об использовании глагола «слуговати» в памятниках XI в. см.: Срезневский, III, стб. 425.

⁷¹ Успенский сборник XII—XIII вв./ Под ред. С. И. Коткова. М., 1971, с. 127.

⁷² ПСРЛ, II, стб. 544, 724, 777, 793, 796, 798, 804, 811, 822, 831—832, 834.

⁷³ Неясны возражения И. Я. Фроянова, который утверждает в связи с приведенными нами ранее указаниями южнорусского летописания на «слуг дворных» и «дворских» при отсутствии в нем термина «дворянин» для обозначения слуг княжеского двора (Свердлов М. Б. *Дворяне в Древней Руси*. — В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 56), что «есть основания предположить о существовании в Южной Руси конца XII—начала XIII в. княжеских дворов как обозначения совокупности слуг князя», а слово «дворяне» было «хорошо известно и весьма привычно в Южной Руси» (Фроянов И. Я. *Киевская Русь* (2), с. 96—97). Первое утверждение является неправомерным обобщением или ошибочной посылкой, так как «княжеский двор» не соответствовал «совокупности слуг князя», поскольку первый термин значительно шире второго, а знакомство

нии дворскими государственной функции — о воеводстве,⁷⁴ но нет данных о функциях «слуг дворных» вне двора, и поэтому неясна эволюция этой общественной категории.

Значительно больше сведений о слугах княжеского двора в северо-восточных и северо-западных княжествах, где они назывались аналогичным («слугам дворным») термином «дворяне». Источники свидетельствуют о семантическом изменении слова «дворянин» от «слуги княжеского двора» до «члена княжеского административного аппарата, вооруженного слуги князя, дружинника».⁷⁵ Расширение термина отражало начальную стадию длительного процесса интеграции различных групп низшего звена господствующего класса в составе дружины, княжеского двора и государственного управления в единый класс-сословие. Этот процесс выражался как во включении дворян-слуг княжеского двора в административно-судебный аппарат, так и в распространении понятия «дворянин» на членов княжеской администрации.⁷⁶ Семантика термина и соотнесение в источниках XII—XIII вв. дворян со слугами указывают на генезис дворян как социальной группы из слуг именно княжеского двора в отличие от младшей дружины — членов княжеского административно-судебного аппарата и княжеского двора. На сосуществование этих различных общественных категорий во второй половине XII в. и последующую замену их обобщенными понятиями «дворяне» и «слуги» в XIII—начале XIV в. (при альтернативном употреблении) в Новгородской и Северо-Восточной Руси указывает использование этих терминов в южнорусском, новгородском, северо-восточном летописании и в новгородских договорных грамотах (см. таблицу). Поэтому объяснение В. Д. Назаровым появления терминов «двор» и «дворяне» для обозначения лиц, «более или менее постоянно лаходящихся при князе и тесно связанных с функционированием княжеского аппарата власти», противопоставленного основной части феодалов, «хотя представители последних и включаются скорее всего в его состав»,⁷⁷ кажется правильным, но ограничен-

---

со словом «дворяне» в Южной Руси еще не означало, что оно стало там обозначением социальной категории.

⁷⁴ ПСРЛ, II, стб. 795—796, 798 и сл.

⁷⁵ Свердлов М. Б. Дворяне... — Терминология аппарата управления северо-восточных князей оказывала влияние на новгородскую социальную лексику, которая отразила развитие термина «дворянин» от обозначения члена боярского вотчинного управления в старорусской грамоте № 10 XII в. до судебных исполнителей на рубеже XII—XIII вв. в НБГ № 531 (НБГ, из раскопок 1962—1976 гг., с. 130—134, 150—151).

⁷⁶ Вероятно, аналогичной была эволюция «дворников» в средневековой Хорватии — от придворных служилых людей к членам королевского административного управления (Бромлей Ю. В. К реконструкции административно-территориальной структуры раннесредневековой Хорватии. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 255—260).

⁷⁷ Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.). — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 123.

Упоминание *отроков, детских, дворян, слуг* в древнейших летописных сводах и новгородских актах (конец XI—XIII в.)

Год	Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись	Новгородская I летопись	Новгородские акты
1097	отрок, детский, слуга	отрок	—	—
1127	отрок	—	—	—
1147	—	детский	—	—
1149	детский	отрок, детский	—	—
1152	—	детский	—	—
1159	—	отрок, детский	—	—
1169	—	детский	—	—
1175	детский, дворянин	детский, слуга	—	—
1176	детский	—	—	—
1182	—	слуга	—	—
1185	—	отрок	—	—
ок. 1192	—	—	—	отрок
1200	—	—	отрок	—
1210	—	—	дворянин	—
1214	—	—	дворянин	—
1215	—	—	дворянин	—
1216	слуга	—	—	—
1218	слуга	—	дворянин	—
1231	—	отрок	—	—
1234	—	—	детский	—
1237	слуга	—	—	—
1241	—	слуга	—	—
1255	—	слуга	—	—
1256	—	отрок	—	—
1261	—	слуга	—	—
1262	—	слуга	—	—
1263	слуга	—	—	—
1264	—	—	—	дворянин
1266	—	—	—	дворянин
1268	—	слуга	—	—
1270	—	—	—	слуга, дворянин
1276	—	слуга	—	—
1277	—	слуга	—	—
1280	—	слуга	—	—
1281	—	слуга дворный	—	—
1287	—	слуга дворный, слуга	—	—
1288	—	слуга дворный, слуга	—	—
1289	—	слуга	—	—
1291	—	слуга	—	—
1296—	—	—	—	слуга
1301	—	—	—	—

Примечание. Социальные термины указываются в единственном числе, в возрастном значении понятие *Отрок* не приводится.

ным вследствие хронологической неопределенности и отсутствия анализа княжеского аппарата управления XI—XIII вв. Из этого вывода следует, что «дворяне» были всегда — не существовало только самого термина, однако с этим согласиться нельзя. Появление термина «дворяне», означавшего первоначально слуг княжеского двора (аналогично «слугам дворным»), а затем распространение его в XIII в. для обозначения различных по общественному положению младших членов княжеского двора указывает, по нашему мнению, на новый этап развития служилой части господствующего класса. Нерасчлененные функции мужей, отроков, детских отражают первый этап существования служилой части господствующего класса, входящей в состав княжеского двора. Она составляла только часть дружины, куда входили также гриди, воины-профессионалы, личная охрана князя, исполнявшая военные функции. Состав государственного административно-судебного аппарата также был более широким: в него входили еще ябетники, мечники, емцы, подъездные, биричи, деятельность которых с участием в дружине не связывается. Вероятно, многие из этих должностей были престижные, и к их исполнению привлекалась местная знать и простые «мужи». Состав членов княжеского двора также не ограничивался мужами, отроками и детскими. Слугами княжеского двора, исполнявшими только хозяйственные функции, являлись огнищане, тиуны, ключники, личные слуги князя, к которым относилось понятие «слуговать» — прислуживать.

Вероятно, во второй половине XII—начале XIII в. усилились тенденции к совмещению военных и служилых функций, которые выразились в перерождении дружины (см. ниже, с. 215—219), в широком привлечении слуг княжеского двора в аппарат административно-судебного управления и в наделении их военными функциями, что привело к значительной унификации терминов, означающих различные категории служилой части господствующего класса.

Это было начало второго этапа формирования военно-служилого сословия.⁷⁸ Другими формами слияния княжеского двора и государственного управления в середине XII—XIII в. явились назначения на административные должности в домениальные города, в руководство городской и волостной администрацией тиунов, управляющих княжеским господским хозяйством,⁷⁹ а также предоставление военных и административно-судебных

---

⁷⁸ В этой связи представляется авторской схемой, не подтвержденной источниками, мнение И. Я. Фроянова, согласно которому состав дворян — «дворовых слуг князя, свободных и зависимых» (это наблюдение обосновано ссылками на дореволюционные работы, где были и другие мнения, а не на источники) «усложнялся за счет вхождения в него военных элементов, выпадавших из младшей дружины и оседавших в княжеском дворе» (Фроянов И. Я. Киевская Русь (2), с. 97).

⁷⁹ ПСРЛ, I, стб. 412; НПЛ, с. 66, 67, 322; ГВНП, с. 9 и сл.; ПРП, II, с. 75; ДКУ, с. 23, 144 и сл.

должностей княжеским кормильцам, меченосцам, печатникам и др.⁸⁰

Источники XII в. не позволяют с достаточной уверенностью судить об экономическом положении дворян. Нам неизвестно, получали ли они от князя пищу, кров и денежное содержание на княжеском дворе или им раздавались в вотчину, в условное владение или в корм княжеские села. В XIII в. возросшая роль дворян в системе государственного управления отразилась в изменении их социально-экономического положения. Согласно договору Новгорода и тверского князя Ярослава Ярославича 1264 г., дворянам наряду с князем, княгиней и боярами запрещалось «держать» села и ставить слободы по Новгородской волости. Учитывая указание грамоты на принятие подобных условий Ярославом Всеволодовичем, который был новгородским князем с 1215 по 1236 г. (с перерывами), следует предположить, что владение дворян селами в Новгородской земле практиковалось в первой половине XIII в. В договоре 1266 г. этих же сторон указывалось князю, княгине и дворянам: «...сел не държати, ни купити, ни даром приимати». Совершенно очевидно, что за два года такие существенные изменения в формах владения селами произойти не могли. Изменения же в формулировке статьи договора вызваны, по нашему мнению, совершенствованием формы договора как дипломатического и юридического документа. Поэтому можно предположить, что к середине XIII в. (или еще раньше) сложились самые различные формы владения землей и населявшими ее людьми не только князей и бояр, но и дворян — «держание» от князя или Новгорода, купля или принятие даром — в подарок, по завещанию или в заклад. Из договора 1266 г. следует также, что принимали закладников не только князья и бояре, но и дворяне, причем не только свободных земледельцев-смердов, но даже и купцов.⁸¹

Значительная экономическая и социальная активность дворян определялась их положением как приближенных княжеских слуг — членов государственного административного аппарата. Источники, сообщая о приобретениях земель дворянами в XIII в. на «чужих» новгородских землях, не содержат сведений о дворянском землевладении в «своих» княжествах, Владимиро-Суздальском, Тверском, Переяславском, Московском и др. Однако эти известия позволяют предположить не только аналогичные формы их экономической активности в «своих» княжествах, но и передачу князьями дворянам сел на «своих» территориях. Существование землевладения дворян предполагает использование в их хозяйствах труда феодально зависимого населения. Привлечение закладников и купцов не только князьями и боярами, но и дворянами свидетельствует об экономической стабильности их хо-

⁸⁰ ПСРЛ, I, стб. 435; II, стб. 546, 718, 724, 791, 792; НПЛ, с. 64; Смоленские грамоты XIII—XIV веков/ Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963, с. 63, 66.

⁸¹ ГВНП, с. 10, 11; см. также: с. 13.

зайств, а также о начальном процессе превращения дворян в господствующее привилегированное сословие, общественное положение которого определялось службой князю, участием в административно-судебном и военном княжеском аппарате.

М. Н. Тихомиров поставил вопрос о существовании в XII в. особой общественной категории «милостников» — «предшественников позднейших дворян». В подтверждение этого мнения приведены упоминания в Новгородской первой летописи о неких «милостниках» Всеволода Мстиславича, которые стреляли в Святослава Ольговича, и «милостниках» — убийцах Андрея Боголюбского (тут же он отмечал устное происхождение и неточности рассказа), а также упоминания Ипатьевской летописи о «милостнике» Святослава Всеволодовича Кочкаре, противопоставленном княжеским «мужам лучшим», и «милостнице» Малуше, матери Владимира Святославича (по Лаврентьевскому списку, ключнице). Показав, что «милостники» — это княжеские слуги, занятые в дворцовом хозяйстве, М. Н. Тихомиров соотнес этот термин с «милостью» ст. 111-й ПП, которую интерпретировал как земельное пожалование, и с летописными указаниями на «кормление хлебом», на основании чего сделал вывод о существовании в XII в. условного землевладения княжеских слуг.⁸² Этот вывод широко вошел в последующую литературу. Однако, как показал Л. В. Черепнин, в ст. 111-й ПП речь идет о запрещении обращать в холопство за ссуду, а «кормление хлебом» было феодальным институтом — кормлением.⁸³ Таким образом, осталось обоснованным лишь первое положение о «милостниках» — княжеских слугах, занятых в дворцовом хозяйстве.⁸⁴ Однако само слово «милостник», восходящее к «милости», и немногочисленные летописные сообщения подразумевают только княжеских приближенных. Отсюда очевидно основное значение слова, отмеченное И. И. Срезневским, — «любимец».⁸⁵ Поэтому, отмечая применение слова «милостник» к княжеским слугам, в состав которых входили дворяне, не следует, как представляется, реконструировать на этом основании особую социальную категорию. В пользу понимания этого термина в значении «любимец, близкий член дружины» свидетельствует его использование в «Девгениевом деянии» (перевод XI—

---

⁸² Тихомиров М. Н. Условное феодальное держанье на Руси в XII в. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

⁸³ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. М., 1968. кн. 1. с. 161—162. — О содержании «милости» см. выше, с. 180—181.

⁸⁴ Против мнения М. Н. Тихомирова резко возражал И. Я. Фроянов, хотя в позитивном определении он пришел к принципиально отличающемуся выводу, также выделяя «милостников» в особую общественную категорию, но давая при этом недостаточно ясное их определение: «милостники» — «младшие дружинники, т. е. прежде всего слуги военные, хотя, возможно, им приходилось заниматься и вопросами дворцового хозяйства» (курсив наш) (Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь (1), с. 70—73; 2) Киевская Русь (2), с. 93—95).

⁸⁵ Срезневский, II, стб. 138.

XII или XIII вв.).⁸⁶ «Милостники» были участниками военных действий и ближайшим окружением Девгенния, но они не являлись его «дворянами» и не могли получать от него условных земельных держаний. В аналогичном контексте византийской стихотворной версии «Дигениса Акриты» по отношению к приближенным воинам и слугам Дигениса использовано выражение «достойные удивления отроки» (*οἱ θαυμάστοι ἀγούροι*).⁸⁷

ДРУЖИНА

Определение социально-экономического положения и социально-политических функций общественных категорий, входивших в старшую (бояре, мужи) и младшую (гриди, отроки, детские, позднее дворяне) дружины, позволяет установить их дальнейшее развитие в XI—XIII вв. как социальных коллективов. Владение членов дружины (кроме гридей) землями и дворами свидетельствует о том, что тенденция к росту землевладения служилых людей, наметившаяся в IX—X вв. в результате интеграции представителей различных социальных групп в составе дружины и роста экономической независимости ее членов (см. выше, с. 131—132), в рассматриваемый период значительно усилилась. Деление дружины на старшую и младшую лишь отразило имущественную и социально-правовую дифференциацию служилой части господствующего класса. Вместе с тем установление многосторонних связей членов дружины с административно-судебным управлением, княжеским двором, дружиной как группой воинов раскрывает содержание понятия «дружина». Мужей-дружинников и бояр, которые стали князими мужами, было значительно меньше, чем бояр в целом, в число которых входило местное неслужилое боярство. Поэтому дружина и бояре хотя и непоследовательно, но различались в источниках конца XI—начала XII в.⁸⁸ Состав дружины, исполнявшей военные и административно-судебные функции, был уже, чем состав войска-ополчения княжества и княжеской воинской дружины в целом, а также государственного административно-судебного аппарата. Отсюда следует, что определяющим в понятии «дружина» стала служба князю, совмещающая различные функции, неразрывно связанная с княжеским двором. Этим объясняются такие формы существования дружины, как участие в войнах и социальных конфликтах,⁸⁹ присутствие при

⁸⁶ Кузьмина В. Д. Девгениево деяние. М., 1962, с. 42, 63, 147—151; Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981, с. 52—57.

⁸⁷ Digenes Akrites. Ed. by J. Mavrogordato. Oxford, 1956, p. 132.

⁸⁸ «О заднице боярьстей и о дружинней. Аже в боярех любо в дружине, то за князя задница не идетъ...» (ПП, ст. 91-я. — Так в древнейшей Синодально-Троицкой группе списков); «...и плакашеся по немъ (Святополке Изяславиче. — М. С.) бояре и дружина его вся» (ПВЛ, I, с. 196); «Изяславъ же съзва бояры своя и всю дружину свою, кияне...» (ПСРЛ. II, стб. 343—344. — Под 1147 г.).

⁸⁹ ПВЛ, с. 114, 133; ПСРЛ, I, стб. 320; II, стб. 283, 307, 334 и сл.

князе в его дворе-резиденции,⁹⁰ участие в его пирах,⁹¹ особая княжеская забота и щедрость по отношению к дружине, что стало литературным штампом в летописании XI—XIII вв.⁹² Связи князя с дружиной определялись единой феодальной природой их военных, административно-судебных и вассально-иерархических функций. Поэтому при их исполнении рядом с князем была его дружина. Но в XI—XIII вв. это был не отряд воинов, лично преданных князю, как в родо-племенном обществе (при таком подходе внешние формы существования дружины и ее отношения с князем воспринимались как исходные критерии в определении ее сущности), а сложный по составу социальный коллектив, который представлял собой организацию господствующего класса, осуществляющую управление феодальным государством, военную службу и личную вассальную службу князю, связанную с княжеским двором. Эта служба определила дружинный кодекс чести, преданность князю, детерминированную не морально-этическими нормами «верности», как в родо-племенном обществе, а доходами от государственных форм эксплуатации непосредственных производителей, материальными и социальными последствиями княжеских привилегий. Характер и функции дружины стали предпосылками дальнейшей интеграции в ее составе служилой и неслужилой частей господствующего класса вследствие роста землевладения дружинников и поступления на княжескую службу местной неслужилой знати, а также внутренней интеграции различных по функциям частей дружины, связанных со двором, воинов-профессионалов — личной охраны князя, членов княжеского административно-судебного аппарата, слуг княжеского двора, что привело к сложению в дальнейшем военно-служилого сословия дворян. Вместе с тем тесные связи дружины с неслужилой частью господствующего класса, рост землевладения дружинников способствовали появлению таких хорошо известных по летописям феодальных форм отношений князя и вассалов, как «дума» князя с дружиной, выражение дружиной особого мнения, отличного от княжеского, наконец, отъезд как разрыв вассальных отношений.⁹³ При этом древний по происхождению термин «дружина» лишь по традиции означал данную социальную общность уже в XI—начале XII в. Это объясняет, почему ст. 91-я ПП, как отмечалось выше, отличала дружину от бояр в целом, а в сообщении ст. 53-й

⁹⁰ ПВЛ, с. 114, 175.

⁹¹ Там же, с. 101, 111.

⁹² Там же, с. 101; ПСРЛ, II, стб. 551, 653, 703.

⁹³ Широко используемый в историографии пример отъезда — слова дружины Владимиру Мстиславичу: «О себе еси, княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали» (ПСРЛ, II, стб. 536). Однако в данном случае особенно важно для понимания причин самостоятельности дружины по отношению к князю, что в составе дружины названы происходившие из знатных новгородских родов Рагуил Добрынич и Завид, которые служили еще Мстиславу Великому (внучатым племянником его жены, вероятно, был Завид) и стали южнорусскими боярами (*Свердлов М. Б. Генеалогия...*, с. 228—229).

III о принятии устава о речах дружиной Владимира Мономаха назван небольшой круг доверенных лиц из 6 человек: 3 тысяцких и 3 мужа.⁹⁴ Поскольку внимание составителей ПВЛ привлекала военная и общественная деятельность князей, при изложении современных летописцам событий XI—начала XII в. (включая «Поучение» Мономаха) дружина упоминается в основном при описании военных событий. Беглость значительного числа упоминаний дружины не позволяет раскрыть ее реальное содержание, кроме того что это отряд воинов⁹⁵ или ближайшее окружение князя.⁹⁶ Некоторые сообщения называют «дружиной» широкую по составу группу людей и войско в целом,⁹⁷ тогда как другие, напротив, — небольшую группу людей.⁹⁸ Ряд известий не позволяет уверенно судить о содержании понятия «дружина».⁹⁹ Пожалуй, только три сообщения недвусмысленно указывают на дружину, как на княжеский отряд, но они не разъясняют, состояла ли эта дружина из воинов-профессионалов или из широкого круга служилых князю людей.¹⁰⁰ Столь же неопределенны известия о дружине в летописных сводах XII—первой трети XIII в., сообщающие о ней как о группе близких к князю людей во время

⁹⁴ Как отмечалось ранее в историографии, аналогичной была «дружина» — совет, состоявшая из пяти мужей, при уставлении так называемой Правды Ярославичей (*Мрочек-Дроздовский П.* Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде. — ЧОИДР. М., 1917, кн. 262. с. 64).

⁹⁵ ПВЛ, I, с. 92 («Се дружина у тебе отня и вои»), 96 («притиснуша Святополка с дружиною ко озеру»), 115 («собравъ дружины неколеко»), 116, 133, 172 («в мале дружине»).

⁹⁶ Там же, с. 101 («любяше дружину по велику»), 105, 111, 114, 133, 158, 169, 173 (князь с дружиной думает, подходит под благословение, пирует и т. д.).

⁹⁷ Там же, с. 35 («иссеченные» «нарочитые мужи»), 143 («Святополкъ же, не здумавъ с болшею дружиною отнею и стрыя своего»). — Слово «дружина» указано в единственном числе как понятие обобщающее (см. также с. 97). В этом случае «дружиной» названо войско Болеслава Храброго, хотя известно, что кроме польского отряда в него входили 300 немцев, 500 венгров и 1000 печенегов (*Thietmari chronicon*, VIII, 32). В ПВЛ (с. 186) дружиной названо также войско Всеславичей в 9000 воинов, а на с. 99 и 144 — «дружина» — эквивалент «полка», т. е. войска.

⁹⁸ ПВЛ. I, с. 148. — «Чадъ» хана Итлара названа «лешшею дружиною» (с. 160). Отбитые пленные и небольшой отряд — также «дружина» (с. 183, 190). «Дружины» двух князей помещаются в одном шатре, что подразумевает участие в советах небольшой группы доверенных лиц (с. 144, 179).

⁹⁹ Там же, с. 98, 135, 157, 159, 161, 181, 196, 201.

¹⁰⁰ Там же, с. 100 («Мѣстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави северъ в чело противу варягомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома»); см.: там же, с. 103—104. — Во время похода 1043 г. на Константинополь 6000 воинов было выброшено на берег, «и не идяше с ними никто же от дружины княжее. И рече Вышата (воевода. — М. С.): „Аще живъ буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною“», т. е. с «дружиной» в широком смысле — со всем войском. См. также с. 176: князь Василько, собираясь в поход, рассчитывал на помощь кочевников, а у Володаря и Давыда хотел попросить только младшую дружину.

войны и мира, но не раскрывающие ее сущности.¹⁰¹ Появились лишь сведения о «разграблении» дружины во время социальных и военных конфликтов.¹⁰² Некоторые сообщения раскрывают, в чем состояли богатства княжеской дружины. Под 1146 г. сообщается: «... разграбиша Кияне с Изяславом дружины Игоревы и Всеволоде и села и скоты, взяша именья много в домех и манастирех», т. е. свержение власти Ольговичей сопровождалось разгромом их владений и домов дружинников. Об их земельных владениях свидетельствуют слова потерпевшего поражение Изяслава Мстиславича (под 1150 г.) к «дружине своей»: «Вы есте по мне из рускыи земли вышли, своих селъ и своихъ жизнии лишився», — а также обращение к Рогволоду Борисовичу полочан (под 1159 г.), которые, имея в виду восстание 1151 г., с покаянием говорили: «... и жизнь твою всю разграбихом и твоея дружины»¹⁰³ (о содержании понятия «жизнь» см. выше, с. 123—124). О богатствах дружины свидетельствует добыча Мстислава Изяславича, который «зая товара много» дружины великого киевского князя Изяслава Давыдовича во время его похода 1159 г.: «золота и серебра, и челяди, и конии, и скота», между тем как Святослав Ольгович захватил в обозе жен бояр Изяслава и взял на них выкуп.¹⁰⁴ Эти сведения подтверждают сделанные выше наблюдения о владении членов старшей и младшей дружин землями, селами, дворами, зависимыми людьми, значительными богатствами.

Вместе с тем внутренняя имущественная и социальная интеграция дружины и широкие функции, военные, административно-судебные, а также исполнение обязанностей слуг княжеского двора привели не только к названию дружины (в широком смысле) по одной из ее частей — «отроки», «слуги», «дворяне», — как отмечено выше, но и к обозначению архаическим термином «дружина» лиц, различных по общественному положению (бояр и дворян), но объединенных службой князю.¹⁰⁵ Именно последним обстоятельством объясняется редкое употребление понятия «дружина» в новгородском летописании XII—первой трети XIII в., хотя в нем иногда использовался термин «дружина» для обозначения новгородских воинов не на княжеской службе¹⁰⁶ (ср. в ст. 5-й III название «дружиной» добровольного объединения лиц, которые «вкладывались» в уплату «дикой виры»).

Сделанные наблюдения позволяют не только назвать «дружину» «ближайшим военным окружением князя»¹⁰⁷ или «постоян-

¹⁰¹ ПСРЛ, I, стб. 296, 301, 304, 305 и сл.; II, стб. 283, 288, 290, 297—298, 302, 305—307 и сл.; НПЛ, с. 20, 30, 35.

¹⁰² ПСРЛ, I, стб. 296; II, стб. 485, 511.

¹⁰³ Там же, II, стб. 328, 409, 494.

¹⁰⁴ Там же, стб. 502.

¹⁰⁵ Рассказав о том, как «избили» рязанских князей, их бояр и дворян, летописец заключил: «Си же благочестивии князи рязанстии копцаша месяца июля въ 20. . . и прияша веньца от господа бога, и съ своею дружиною» (НПЛ, с. 58).

¹⁰⁶ НПЛ, с. 33, 45.

¹⁰⁷ Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI—XVIII вв. Л., 1970, с. 156.

ным воинским соединением, находящимся при князе»,¹⁰⁸ но и раскрыть классовое содержание этого понятия, характерное для феодального общества. Оно показывает плодотворность того направления, намеченного еще в дореволюционной историографии, впрочем, с однозначными характеристиками, согласно которому дружина являлась «совокупностью ближайших сотрудников князя по делам государственного управления и домашнего хозяйства», составной частью процесса образования боярства, объединением свободных людей, которые служат князю.¹⁰⁹ Между тем представляется ошибочным мнение В. О. Ключевского, преувеличивавшего вслед за С. М. Соловьевым социальные последствия передвижений князей и их дружин по различным княжествам, о князьях и дружинах как «перелетных птицах Русской земли», хотя исследователь под влиянием источников отмечал не только службу дружины, но также земли бояр и младших дружинников в XI и XII вв.¹¹⁰ В советской литературе было поддержано первое историографическое направление, причем особо отмечалось растущее землевладение дружинников.¹¹¹ Как писал Б. А. Романов, в XI—XII вв. «дружина терпит вместе с князем, рискует вместе с ним, выигрывает и продвигается вместе. А живет она с ним уже не „на едином хлебе“, а в своих домах, владеет своими селами, куда и ездит „на свое орудие“, по своим хозяйственным делам, как и сами князья».¹¹² Вместе с тем анализ функций членов дружины позволяет значительно увеличить число аспектов изучения дружины как составной части господствующего класса, административно-судебного аппарата, слуг княжеского двора, военной организации княжеств. Ее воспроизводство и обогащение осуществлялось в результате эксплуатации феодально зависимого населения в господском хозяйстве и лично свободного населения в системе государства. Вот почему неоправданным представляется основанное на субъективных выборке и интерпретации источников мнение И. Я. Фроянова о дружине как «постоянном кадровом воинстве, находящемся при князе на положении его соратников и помощников». «Окончательное исчезновение» дружины отнесено им ко второй половине XIII—XIV в. Отсутствие определений понятий «дружинные отношения» и «дружинный союз», неясно сформулированные «противоречивые тенденции» в дружине («склонность к подвижности» и «некоторая тяга к оседлости»), противопоставление «вассальных отношений» «дружинному строю», феодала-землевладельца нефеодалу-дружиннику (и здесь же ут-

---

¹⁰⁸ Львов А. С. Лексика..., с. 280.

¹⁰⁹ Дьяконов М. Очерки..., с. 81; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор..., с. 29; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907, с. 349; Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903, с. 312.

¹¹⁰ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956, т. I, с. 197, 199; т. VI, с. 145.

¹¹¹ Юшков С. В. Очерки..., с. 144—146; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 345.

¹¹² Романов Б. А. Люди и нравы. Л., 1947, с. 163.

верждение, согласно которому «появление у дружинников земельной собственности отнюдь не означало полного крушения дружины»¹¹³) и другие недоказанные, по нашему мнению, положения лишают наблюдения И. Я. Фроянова позитивного содержания.

ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС И АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЙ АППАРАТ

Значительное влияние на численный рост, вертикальную мобильность, интеграцию господствующего класса оказало развитие феодального административно-судебного аппарата, которое продолжало сложившиеся в IX—X вв. тенденции. Многочисленный институт посадников обеспечивал княжеское управление городами и окружающими их волостями, причем при перемене князей новый князь «сажал» своих посадников.¹¹⁴ Вероятно, в большинстве случаев посадниками становились мужи и бояре, но уже во второй половине XII в. посадничество раздавалось детским, что с осуждением отмечено летописцем.¹¹⁵ Источники XI—XII вв. позволяют определить основные функции посадников: 1) контроль над сбором уроков и даней и их распределение в соответствии с княжескими постановлениями; 2) исполнение высшей административной власти на местах от имени князя; 3) в соответствии с последней обязанностью взимание в пользу князя судебных штрафов или их доли в совместном с епископом суде.¹¹⁶ Это способствовало их обогащению, а также развитию посадничества в столь значительную систему автономного управления, что она могла заменять княжеские прерогативы.¹¹⁷ В Новгороде это и произошло, когда в конце 80-х гг. XI в. посадничество стало формой боярского представительства, а в 1117 г. установилось двоевластие князя и посадника.¹¹⁸ Институт тысяцких стал органом княжеского административного управления, куда назначались княжьи мужи и местная знать.¹¹⁹ Об этом свидетельствуют многочисленные указания тысяцких по князю, которому они служат, даже без названия города, где они являются тысяцкими (например, Роман, «тысяцкыи Михайлов», т. е. черниговского князя Михаила

¹¹³ Фроянов И. Я. Киевская Русь (2), с. 68, 71—73, 76—77, 80—81, 89.

¹¹⁴ ПВЛ, I, с. 135, 150, 168, 179—180, 197, 201; ПСРЛ, I, стб. 296, 305, 320, 427, 432; II, стб. 286, 333, 342, 356.

¹¹⁵ ПСРЛ, I, стб. 374; II, стб. 599.

¹¹⁶ ПВЛ, I, с. 88—89; ДКУ, с. 144; ПП, ст. 114-я.

¹¹⁷ Ср. слова Владимира Мономаха: «На посадники не зря, ни на бирь, сам творилъ, что было надобе, весь наряд» (ПВЛ, I, с. 163).

¹¹⁸ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 29—39.

¹¹⁹ См. данные о знатном происхождении тысяцких: ПВЛ, I, с. 132, 135, 148—150, 180, 181, 183, 185, 196; ПСРЛ, I, стб. 304; II, стб. 293, 298; НПЛ, с. 268; Янин В. Л. Актовые печати..., т. I, с. 63; Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории..., с. 130—132.

Всеслодовича),¹²⁰ а также сообщения о назначении тысяцких князьями.¹²¹ Основной функцией тысяцких было военное руководство. Поэтому в XI—XIII вв. «воеводство» связывалось с «держанием» «тысячи»,¹²² хотя в летописях много известий о тысяцких без воеводства и о воеводах без тысячи. Сотские также упоминаются в XI—XIII вв. Данные источников свидетельствуют об их высоком общественном положении, но не позволяют определить круг их обязанностей, а также происхождение власти — в результате выборов или княжеского назначения. Вместе с тем упоминание сотских среди бояр и мужей как владельцев дворов свидетельствует об их избрании или назначении из среды знатных горожан.¹²³ Сотни были территориальными единицами (главами купеческих сотен являлись старосты),¹²⁴ и, по наблюдениям В. Л. Янина, в новгородских условиях они организовывали не боярское свободное население, во главе их стояли не бояре. В XIII в. сотские стали представителями бояр, а не населения сотен.¹²⁵ Тот факт, что дворы сотских находились под угрозой разгрома во время киевского восстания 1113 г., когда двор тысяцкого был уже разгромлен,¹²⁶ свидетельствует о вхождении сотенной организации в систему государственного управления¹²⁷ и о социальном и имущественном выделении сотников из простого городского населения в южнорусских условиях уже к началу XII в. Десятки и возглавлявшие их десятские как форма низовой социальной организации племенного общества изжили себя, вероятно, уже к концу X—началу XI в., когда они упоминаются последний раз.¹²⁸ Возобновлению института десятских во второй половине XIII в. способствовала, видимо, попытка татаро-монгольских завоевателей установить систему административного управления, аналогичную собственной.¹²⁹ Еще один древний выборный институт — воеводство, — как отмечалось ранее, уже в X—начале XI в. был подчинен княжеской власти, и в XI—XII вв. воеводство «поручалось» близким к князю мужам.¹³⁰ Владимир Мономах только предупреждал в «Поучении» не передоверять

¹²⁰ ПСРЛ, I, стб. 298, 318; НПЛ, с. 260, 268.

¹²¹ ПСРЛ, II, стб. 324.

¹²² ПВЛ, I, с. 137 («воеводство держащую киевскую тысячу Яневи»).

¹²³ Там же, с. 196; НПЛ, с. 21, 42, 43, 54; ПСРЛ, II, стб. 608; Смоленские грамоты..., с. 35, 40.

¹²⁴ ДКУ, с. 153, 159.

¹²⁵ Янин В. Л. К проблеме новгородских сотен. — АЕ за 1973 г. М., 1974.

¹²⁶ ПВЛ, I, с. 196.

¹²⁷ Ср. совмещение административных и военных функций сотников в других славянских землях: Бромлей Ю. В. 1) К вопросу о сотне как общественной ячейке у восточных и южных славян в средние века. — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 73—76; 2) К реконструкции..., с. 254—255.

¹²⁸ ПВЛ, I, с. 86.

¹²⁹ ПСРЛ, I, стб. 474—475.

¹³⁰ ПВЛ, I, с. 103, 110, 137, 180, 196.

верховное руководство войском воеводам: «На воину вышедъ, не ленитесь, не зрите на воеводы». ¹³¹

Анализ служилой части господствующего класса на Руси XI—первой трети XIII в. показывает его иерархическую структуру, во главе которой стояли князья. Более низким по положению слоем были бояре и княжьи мужи, которые назначались в высшие органы государственного управления посадниками, воеводами, тысяцкими. В низшем слое этой иерархической феодальной системы в XI—XII вв. находились отроки и детские. В XII—начале XIII в. эта система усложнилась в результате более широкого слияния аппарата княжеского двора с государственным управлением — тиунами, дворянами, слугами и слугами дворными.

Объединяющим эту иерархическую систему принципом была служба князю в разных областях — государственном управлении, на воинской службе, на княжьем дворе.

Иерархическая организация господствующего класса являлась целенаправленной системой, которая обеспечивала воспроизводство и обогащение служилых и неслужилых феодалов посредством эксплуатации самых широких слоев непосредственных производителей. Неправедный характер системы государственного управления во главе с князем стал обличаться в XIII в. даже церковными деятелями, которые пытались противопоставить реальному «злому» князю и его правителю — тиуну идеального «доброего» князя. Ярким примером такого рода обличений является «Наставление» тверского епископа Семена (ум. 1288 г.), в котором в полной мере раскрыта сущность государственных форм принуждения и повинностей, проявлявшаяся и в предшествующий многовековый период (отсюда переключка «Наставления» с «Почуением» Владимира Мономаха), — неправый суд, произвол во взимании податей, в установлении повинностей, насилия и т. д. Епископ Семен писал: «Костянтин князь полотский нарицаемый Безрукий, у собе в пиру хотя укорити тивуна своего неочемь, рече епископу пред всеми: „Владыко, кде быти тивуну на ономъ свете?“ Семен епископ отвечалъ: „Кде и князю!“ Князь же, не улюбивъ того, молвить епископу: „Тиунъ неправду судить, мзду емлетъ, люди продаетъ, мучить, лихое все деетъ; а азъ что дею?“ И рече епископ: „Аже будетъ князь добръ, богобоин, жалуетъ людей, правду любить, исбираетъ тиуна или коего волостеля — мужа добра и богобоина, страха божия полна, разумна, праведна, по закону божью все творяща и суд ведуща. И князь в рай, и тивун в рай. Будетъ ли князь без божия страха, христьян не жалуетъ, сирот не милуетъ и вдовицами не печалуетъ, поставляетъ тивуна или коего волостеля — человека зла, бога не бояща, и закона божия не ведуще, и суда не разумеюще, толико того дея, абы князю товара добывал, а людей не щадить. Аки бешена человека пустилъ на люди, дав ему мечъ, тако и князь, дав волость

¹³¹ Там же, с. 157.

лиху человеку губити люди. Князь во ад, и тивун с ним во ад!»¹³²

Интеграция господствующего класса происходила в нескольких направлениях: слияние местной знати (бояр) и служилой знати (княжих мужей), членов младшей дружины (отроков, детских) с неразделенными военными, административно-судебными и служебными функциями и слуг княжеского двора, которые вливались в аппарат государственного управления и исполняли военные функции. Эти интеграционные процессы вели к образованию различных сословий внутри господствующего класса: князей, бояр, формирующегося в составе дружины военно-служилого сословия, а также неслужилой части господствующего класса, не охваченной интеграционными процессами, но входящей в иерархическую систему. Социальная иерархия охватывала также растущую сельскую старшину, появление и рост которой определялись системой экономического и социального неравенства в процессе производства. Состояние источниковой базы не позволяет проследить развитие этой возникающей группы господствующего класса, вместе с тем известно, что уже в 1240 г. выходцы из смердов («отъ племени смердьа») Лазарь Домажирич и Ивор Молибожиц стали богатыми и знатными людьми, владельцами Коломыйских соляных разработок, а их покровитель, могущественный боярин Доброслав Судьич, был внуком попа.¹³³ Отсюда следует, что высший слой господствующего класса был открыт не только для более низких его слоев, но и для наиболее предприимчивых и удачливых представителей рядового духовенства и крестьянства. В феодальном обществе, основанном на эксплуатации труда непосредственных производителей в виде «натуральных служб и натуральных повинностей», иерархия общества стала внешним выражением социально-экономических отношений, охвативших самые различные социальные группы. По отношению к европейскому средневековью Маркс писал: «... мы находим здесь людей, которые все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни».¹³⁴ Маркс подчеркивал, однако, особое значение иерархических личных отношений прежде всего для того, чтобы показать, что в средние века общественные отношения лиц «не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда».¹³⁵ Поэтому нет оснований, опираясь на это высказывание Маркса, преувеличивать значение личностных отношений. По словам Маркса и Энгельса, «иерархия есть идеальная форма феодализма».¹³⁶

---

¹³² Памятники литературы Древней Руси. XIII век, с. 464.

¹³³ ПСРЛ, II, стб. 787—790.

¹³⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 87.

¹³⁵ Там же, с. 88.

¹³⁶ Там же, т. 3, с. 164.

Изучение истории древнерусского общества IX—первой трети XIII в. позволяет установить основные этапы его развития как единой системы. Уровни имманентного развития ее структур и содержание происходивших диахронных изменений определялись производительными силами и отношениями людей в процессе производства, общественным разделением труда. Применение системного анализа позволяет выделить основные этапы становления социальной системы посредством определения системных качеств, возникших в результате предшествующей эволюции, характеризующих сущность функциональных связей элементов системы.

Возникшее к VI в. н. э. в результате предшествовавшего многовекового исторического процесса праславянское родо-племенное общество представляло собой неантагонистическую систему. Однако в ней сложились те комплексы общественных отношений, которые порождали начальные формы социального неравноправия: 1) общественное разделение труда, способствовавшее выделению племенной верхушки и дружины, не занятых в материальном производстве; 2) половозрастное разделение труда в патриархальной большой семье, которое вело к правовой дифференциации свободных членов племени (мужей, отроков, детей, челяди, чади); 3) мягкое по формам эксплуатации патриархальное рабство, в которое попадали взятые в плен иноплеменники. Следствием существования племени как единого неантагонистического социально-производственного коллектива явились верховная собственность племени на землю — основное средство производства — и племенные институты, обеспечивающие существование и деятельность племени как социального организма и функциональные связи составляющих его элементов: веча — верховного органа племенного самоуправления и суда, совета старейшин, войска, тысячной, сотенной и десятичной организаций, воеводства, избираемого князя, добровольных даров князю и дружине.

Последующая четырехвековая эволюция общественной структуры восточных славян, выделившихся в результате распада праславянской общности, недостаточно ясна. Однако можно установить, что ее содержанием явилось дальнейшее развитие элементарных форм социального неравенства в условиях расселения восточных славян в Восточной Европе, процессов ассимиляции

славянами неславянских (прежде всего угро-финских, балтских) этносов. Политическим выражением этих исторических процессов явились племенные княжения, союзы племен и в IX—X вв. образование единого Древнерусского государства. Его территориальное деление не по племенам, а по погостам и городам с волостями, учреждение публичной власти в лице князя, аппарата княжеского административного управления и дружины, формирование регулярно взимаемой системы податей, являясь следствием базисных производственных отношений в условиях значительно развивавшихся производительных сил в сельском хозяйстве и ремесле, а также широкого производства орудий труда из железа, оказывали активное воздействие на производственные отношения, ускоряющие социальное развитие. В этом проявилась диалектика отношений общественного базиса и надстройки.

Небольшое для IX—X вв. число письменных источников ограничивает возможности анализа общественной структуры этого периода. Все же они позволяют установить ее основные черты. Происходил процесс интеграции различных групп родо-племенной и служилой князю знати, что терминологически выразилось в замене разнообразных обозначавших их терминов одним понятием — «бояре» и в превращении названий племенных категорий («старцы», «старейшины») в литературно-сказительные штампы при изложении событий IX—X вв. в летописании XI—начала XII в. Источники позволяют достаточно отчетливо проследить формы существования более низкой по положению части господствующего класса в составе дружины (отроков). Однако хозяйства служилых и неслужилых господ реконструируются для данного периода лишь гипотетически — как следствие предшествующего исторического развития знати и племенной старшины, а также разных форм эксплуатации соплеменников. Сложившееся в IX—X вв. государство обеспечивало воспроизводство и обогащение прежде всего служилой части господствующего класса посредством не только внешних завоеваний и дальних походов, но и эксплуатации лично свободного населения Древней Руси с помощью сложной системы податей и различных форм их взимания. Это создавало предпосылки консолидации единого по социально-экономической природе господствующего класса, эксплуатирующего труд лично свободных и зависимых непосредственных производителей. Экономическим основанием отчуждения прибавочного продукта посредством натуральных и денежных податей, а также исполнения натуральных повинностей стало установление верховной собственности государства на землю, которая явилась также основой политических понятий на Руси — «государственная территория» и «государственный суверенитет». Классовые функции государства, обеспечивавшие обогащение господствующего класса посредством завоевательных походов, системы податей и их перераспределения, а также подавление сопротивления непосредственных производителей (наряду с общенародными функциями защиты страны и внутреннего управления), свиде-

тельствуют о его классовом раннефеодальном характере. Отношения господствующего класса (прежде всего его служилой части) и сельских непосредственных производителей на основе верховной собственности государства на землю стали особой формой основанных на эксплуатации поземельных отношений.

Сущностные изменения происходили в общественном положении сельского населения. Занимая определенное место в системе общественного производства (различаясь лишь по виду занятий — земледелие, рыболовство, охота), с образованием верховной собственности раннеклассового государства на землю сельское население оказывалось в одинаковом отношении к основному средству производства — к земле. С образованием господствующего класса одновременно менялись роль сельского населения в общественной организации труда, а также размеры общественного богатства, которым оно располагало. Это свидетельствует в соответствии с определением классов, данным В. И. Лениным, о сложении в IX—X вв. крестьянства (в широком смысле — людей, занимающихся сельскохозяйственным производством) как класса. В результате развития производительных сил в земледелии значительно возросла эффективность труда малой семьи. Следствием этого явились распад патриархальных больших семей с их коллективной собственностью и правовой ответственностью и образование малых и неразделенных семей с индивидуальной имущественной и юридической ответственностью, что способствовало в дальнейшем более быстрой социально-экономической дифференциации крестьянства, выделению сельской старшины, имущественное и общественное положение которой основывалось на новой феодальной системе общественных отношений. Соседская община-вервь стала элементом феодального общественного строя. Появление раннефеодального государства как политической надстройки и орудия классового господства стало причиной исчезновения племенных органов самоуправления, веча и совета старейшин, что в конечном итоге привело к лишению верховных политических прав городских и сельских лично свободных непосредственных производителей и к ограничению форм их политической активности лишь участием в низших органах местного самоуправления — в общинном и кончанском вече.

В вотчинных хозяйствах и в формирующемся княжеском домене эксплуатировалось различное по видам зависимости прежде всего местное население, названное в древнерусских источниках широким понятием «челядь».

Возникшая общественная система содержала все необходимые системные качества, присущие раннефеодальному строю, основанному на эксплуатации лично свободных и зависимых непосредственных производителей в господских хозяйствах и в государстве в целом. Степень развития господствующего класса, в котором происходили процессы интеграции различных по происхождению групп, и сложения иерархической структуры, а также малая расчлененность категорий зависимого населения, выражавшаяся

и широкое обобщенное использование на Руси понятия «челядь», свидетельствуют о ранней стадии классовых отношений. Вместе с тем раннефеодальное государство стало целенаправленной системой эксплуатации непосредственных производителей, воспроизводства и обогащения господствующего класса при изменении социальных функций институтов (верви, народных собраний — веча), генетически восходивших к родо-племенному строю.

Таким образом, IX—X века можно считать периодом становления раннефеодального общества. Внешнеполитически эти процессы выразились в образовании крупнейшего в Европе единого Древнерусского государства, идеологически — в принятии христианства — религии феодального общества. Определяющим в историческом развитии Древней Руси стал прогрессивный в тот период феодальный способ производства, хотя наряду с ним существовал уклад родо-племенного строя, выражавшийся, вероятно (поскольку источники не содержат определенных сведений), в патриархальных больших семьях, поземельных отношениях собственности, не входивших в государственную систему. Сохранение этого уклада, видимо, являлось следствием внешней и внутренней древнерусской крестьянской колонизации, общественных отношений, сохранившихся в неславянском ареале — угро-финском, балтском, тюркском. В XI в. происходило дальнейшее развитие всей социальной системы в неразрывной диалектической связи составляющих ее элементов. В течение этого столетия складывались предпосылки формирования развитых феодальных отношений в господском хозяйстве и государстве в целом, что оказало определяющее влияние на структуру древнерусского общества. Анализ форм эксплуатации в господском хозяйстве, домене и вотчине, показывает пеструю смесь категорий зависимого населения, которые появились вследствие различных видов внеэкономического и экономического принуждения. Продолжением государственной формы внеэкономического принуждения в XI в. стала передача в господское княжеское хозяйство лично свободных земледельцев — смердов, которые включались в домен в составе сел и волостей. Они сохраняли, видимо, юридические права свободных, но попадали в господское хозяйство и оказывались в широкой группе феодально зависимых людей, жизнь которых защищалась пятигривенной вирой. Формой внеэкономического принуждения феодалами в XI в. являлось установление личной зависимости, которая развивалась из челядинства предшествующего периода (термин «челядь» в XI—XIII вв. также обозначал различные категории зависимого населения). В личной зависимости господина, личной крепости, определяющей социально-экономическое положение, находились холопы. Вследствие этого их жизнь и имущество принадлежали господину, а юридически они становились объектом права. Холопы, происходившие из разных социальных групп сельского и городского населения, включая земледельцев, ремесленников, купцов, занимали различное место в системе материального производства и обслуживания в господском хозяй-

стве. Социально-экономическое и правовое положение холопов позволяет определить их как феодальное сословие лично зависимых людей, которое существовало, изменяясь и развиваясь, до начала XVIII в. Другой феодальной по характеру формой личной зависимости было прощенничество — прощение долгов.

Социально-экономическая активность господских хозяйств порождала различные формы экономического принуждения, сопровождаемого характерным для феодального общества насилием, закрепленным в праве, в результате чего появлялись особые категории зависимого населения. В XI в. отмечаются наймиты, которые выплачивали долг и проценты, рядовичи, попадавшие через ряд-договор в различные формы экономической зависимости. Наряду с ними существовали холопы, попавшие в эту группу путем поступления в тиуны по ряду. Более новой формой экономической зависимости в конце XI—начале XII в. явилось закупничество через ссуду-долг под проценты, взятую лично свободным земледельцем; он должен был ее отрабатывать в хозяйстве господина. Другим видом экономической зависимости лично свободного стала близкая к первоначальным прекарным отношениям «дача-милость» — помощь, причем «хлеб» и «придаток» не являлись основанием для превращения этого лица в холопа. Вероятно, дальнейшим развитием «дачи» и «вдачества» стал в XIII в. заклад-коммендация, т. е. переход крестьян в феодальную зависимость — подданство вместе с землей без взимания денежных и натуральных ссуд у господина.

Хозяйственная универсальность феодальной вотчины, ее сложный состав (дворы, села, волости, города в домне, дворы, села, позднее и города у знати), значительная дифференциация зависимого населения в господском хозяйстве стали причиной различных форм эксплуатации в нем — отработочной ренты (закуны, холопы), натуральной и денежной ренты (смерды, рядовичи, наймиты, люди, взявшие «дachu», прощенники). Вследствие этого удовлетворялись экономические потребности владельцев доменов и вотчин, что было главным экономическим стимулом в организации служилой частью господствующего класса собственных хозяйств.

Производственные отношения в господском хозяйстве порождали социальное неравенство зависимого населения и имущественное неравенство их владельцев — феодалов. Одновременно развивающаяся система общественных отношений в государстве в целом оказывала определяющее влияние на дальнейший рост эксплуатации лично свободных непосредственных производителей путем усложняющейся системы налогообложения, а также на иерархическую структуру господствующего класса. В XI—первой трети XIII в. сложилось высшее по объему социально-политических и юридических прав немногочисленное сословие князей. Следствием интеграционных процессов в среде местной и служилой знати в этот период явилось становление единого по социальной природе, выражавшейся в различных формах эксплуатации непосредственных производителей, боярства. Интеграция

членов младшей дружины с неразделенными военными, административно-судебными и служебными функциями (отроков, детских) и слуг княжеского двора, которые вливались в аппарат государственного управления и исполняли военные функции в конце XII—первой трети XIII в., вела к формированию военно-служилого сословия — дворян, история развития которого относится к последующему времени. Истоки этого сословия находились в дружине, члены которой представляли собой уже не отряд воинов, лично преданных князю, как в родо-племенном обществе, а сложный по составу социальный коллектив, связанный с княжеским двором. Дружина являлась организацией господствующего класса, осуществлявшей управление феодальным государством, военную службу и личную вассальную службу князю, но лишь частично совпадающей с аппаратом государственного управления, военной организацией княжества и составом княжеского двора. Включение в иерархию господствующего класса служилого человека превращало его в феодала, поскольку он, состоя в дружине или занимая административно-судебную должность, получал деньгами либо кормлением часть дохода, приобретенного в результате эксплуатации труда лично свободных непосредственных производителей феодальным государством, персонифицированным в князе, или земли с зависимым населением в вотчину, а позднее в «держанье», условное владение. Поэтому различные виды приобретения служилыми людьми земельных владений, включая купли, захват, заклад и т. д., не изменяли социального статуса членов феодальной иерархии. Иерархия господствующего класса отражала различные уровни социальных групп феодалов в системе общественного производства, основанной на разных формах поземельных отношений, феодальном внеэкономическом и экономическом принуждении, в чем проявилась единая природа феодального способа производства. Вследствие этого представляется ошибочным определение степени развития феодализма по наличию или отсутствию вассальных отношений, системы ленов и бенефициев, аналогичных западноевропейскому средневековью, и тем более противопоставление землевладельцев-феодалов служилой части господствующего класса.

Воспроизводство различных групп господствующего класса осуществлялось как в результате наследования социального статуса, так и вследствие вертикальной мобильности, которая способствовала переходу на княжеской службе членов младшей дружины в старшую, привлечению неслужилой знати и старшины к княжеской службе путем предоставления князем доходных и престижных государственных должностей, а также привлечения в сложную по составу дружину представителей различных слоев населения. В результате имманентного социально-экономического расслоения складывались местное неслужилое боярство и менее знатные слои «господ», могущество которых основывалось на эксплуатации зависимого от них населения. В их число попадали потомки низшего духовенства и сельской старшины.

Уровень развития общественной структуры Руси XII—первой трети XIII в. позволяет определить ее как начальную стадию существования развитого феодального общества, в котором еще не развивались отношения поземельной крепости.

С определением основных этапов развития общественной структуры Древней Руси можно проследить ее генезис в поступательном системном развитии от эпохи развитой «военной демократии» в VI в. через разложение родо-племенного строя к развитому феодальному обществу XII—первой трети XIII в., т. е. исследовать основные закономерности становления древнерусского общества как живого организма «в его функционировании и развитии».¹ Анализ генезиса и структуры феодального древнерусского общества свидетельствует об общих закономерностях его развития и эволюции синхростадиальных обществ других, прежде всего славянских, стран Европы, в чем проявилось единство исторического процесса развития феодальной общественно-экономической формации в Европе (определение общего и особенного в генезисе феодализма является задачей специального типологического исследования²). Единая социально-экономическая природа общественного строя Руси и других европейских стран предопределила сложившуюся в X—первой трети XIII в. систему политических, церковных и культурных отношений, которая тесно их связывала в этот период.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 192.

² Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969; Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы: Междунар. конгр. ист. наук. М., 1970; Корольюк В. Д. Особенности становления феодализма и формирование раннефеодальных государств в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. — СС, 1970, № 5; Удальцова З. В. Генезис и типология феодализма. — СВ, 1971, вып. 34; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Шапов Я. Н. Назревшие проблемы типологии древнейших государств нашей страны. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.

- АЕ — Археографический ежегодник.
 АИ — Акты исторические.
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
 ВГО — Всесоюзное географическое общество.
 ВДИ — Вестник древней истории.
 ВП — Вопросы истории.
 ВПД — Вспомогательные исторические дисциплины.
 ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова/ Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
 ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв./ Издание подготовил Я. Н. Щапов. М., 1976.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИМ — Историк-марксист.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
 ИСССР — История СССР.
 КП — Краткая редакция Русской Правды.
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
 КСНИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 КСНЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
 ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 НБГ, № 1 — 539 — Новгородские берестяные грамоты: *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1951 г.). М., 1953 (№ 1—10); *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г.). М., 1954 (№ 11—83); *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958 (№ 84—136); *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1955 г.). М., 1958 (№ 137—194); *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (№ 195—318); *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963 (№ 319—405); *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978 (№ 406—539).

- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов/
Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ПВЛ, I, II — Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. I/ Подготовка текста
Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова;
ч. II. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева.
- ППО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
- ПП — Пространная редакция Русской Правды.
- Правда Русская, I, II. — Правда Русская/ Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л.,
1940, т. I. Тексты; 1947, т. II. Комментарии.
- Преображенский, I—II. — *Преображенский А.* Этимологический словарь
русского языка. М., 1910, т. I; 1914, т. II.
- ПРП, I, II — Памятники русского права/ Под ред. С. В. Юшкова. М., 1952,
вып. I. Памятники права Киевского государства/ Составитель
А. А. Зимин; 1953, вып. II. Памятники права феодально раз-
дробленной Руси/ Составитель А. А. Зимин.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- ПСРЛ, I — Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Акаде-
мическому списку. М., 1962.
- ПСРЛ, II — Ипатьевская летопись. М., 1962.
- РГО — Русское географическое общество.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- РИЖ — Русский исторический журнал.
- СА — Советская археология.
- СВ — Средние века.
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия.
- Срезневский, I—III. — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-
русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1903,
т. I—III.
- СС — Советское славяноведение.
- СЭ — Советская этнография.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской
литературы (Пушкинский Дом).
- Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея.
- Трубачев — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский
лексический фонд/ Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—1981,
вып. 1—8.
- УІЖ — Український історичний журнал.
- Фасмер, I—IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.,
1964—1973, т. I—IV.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при
Московском университете.
- AQdGM — *Ausgewählte Quellen der deutschen Geschichte des Mittelalters.*
- BGA — *Bibliotheca geographorum arabicorum.* Ed. M. J. de Goeje.
- MGH — *Monumenta Germaniae historica.*

- Абаев В. И. 22
 Абрамович Г. В. 41, 96
 Абрамович Д. И. 39
 Аванесов Р. И. 212
 Аксаков К. С. 186
 Александров В. А. 91, 97, 101
 Алексеев Л. В. 26, 110, 118, 122, 125, 184, 198
 Алексеев Ю. Г. 99, 174, 179, 180
 Алешковский М. Х. 54, 205
 Альфред, англо-саксонский король 72
 Андреев В. Ф. 134
 Андрей Александрович, князь, сын Александра Ярославича 125
 Андрей Юрьевич Боголюбский, князь, сын Юрия Владимировича 54, 110, 119, 120, 125, 126, 206, 213
 Андрей Ярославич, князь, сын Ярослава Всеволодовича 129
 Антоний Римлянин, игумен 134
 Аристов Н. Я. 72
 Артамонов М. И. 36, 39, 58
 Арциховский А. В. 230
 Асмуд, княжеский кормилец 46, 47
 Афанасьев В. Г. 9, 16
- Баран В. Д. 49
 Барг М. А. 106, 168
 Бартольд В. В. 36, 44
 Бахрушин С. В. 11, 33, 70, 183, 185
 Беляев И. Д. 4, 90, 96, 99, 100
 Беляев П. И. 149
 Березовец Д. Т. 94
 Бессмертный Ю. Л. 86, 99, 106, 164, 181
 Блуд, княжеский кормилец, воевода 46, 47
 Болеслав Храбрый, польский князь 58, 216
 Болтин И. Н. 5, 135, 149
 Борис Константинович, князь, сын Константина Ярославича 125
 Борислав, боярин 112
 Борич, боярин 66
 Борковский В. И. 230
- Боян, вероятно, боярин 125, 134
 Бромлей Ю. В. 92, 94, 97, 101, 103, 209, 220
 Брячислав Изяславич, князь, сын Изяслава Владимировича 110
 Буганов В. И. 14, 80, 86
 Булкин В. А. 14, 26, 30, 45, 71
 Бутышов Н. А. 92
- Валк С. Н. 230
 Варлаам, игумен 133, 134
 Василий, боярин 199
 Василько Романович, князь, сын Романа Мстиславича 125
 Василько Ростиславич, князь, сын Ростислава Владимировича 124, 216
 Ведров С. В. 135
 Верхуслава Всеволодовна, княгиня, дочь Всеволода Юрьевича 119
 Веселовский С. Б. 99, 124
 Видера Б. (Widera B.) 137
 Видукинд Корвейский, немецкий хронист 55
 Владимир Василькович, князь, сын Василька Ростиславовича 119, 135
 Владимир Всеволодович Мономах, князь, сын Всеволода Ярославича 97, 118, 124, 134, 138, 140, 141, 195, 206, 216, 219—221
 Владимир Мстиславич, князь, сын Мстислава Владимировича 110, 205, 208
 Владимир Святославич, князь, сын Святослава Игоревича 13, 34, 35, 39, 41, 48, 61, 66—69, 88, 121, 158, 196
 Владимир Ярославич Галицкий, князь, сын Ярослава Владимировича 59
 Владимировский-Буданов М. Ф. 5, 7, 43, 44, 50, 62, 64, 111, 116, 149, 177, 180, 200, 202, 218
 Вознесенский С. В. 11
 Волк С. С. 50

- Володарь Ростиславич, князь, сын Ростислава Владимировича 216
 Воронин Н. Н. 14, 63, 64, 109—112, 121, 122
 Воронцов-Вельяминов Б. А. 118, 199, 202, 219
 Воротислав, боярин 112
 Востоков А. Х. 115
 Всеволод Мстиславич, князь, сын Мстислава Владимировича 64, 141, 145, 147, 166, 200, 213
 Всеволод Ольгович, князь, сын Олега Святославича 131, 217
 Всеволод Юрьевич, князь, сын Юрия Владимировича 127, 133, 198
 Всеволод Ярославич, князь, сын Ярослава Владимировича 110, 126
 Высоцкий С. А. 37, 125, 200, 204
 Вышата, воевода 216

 Гавлик Л. 80
 Галл Аноним, польский хронист 42
 Гардаков В. К. 46
 Георгий Симеонович, тысяцкий 199
 Гизелер, магдебургский архиепископ 120
 Глеб, боярин 112
 Глеб Всеславич, князь, сын Всеслава Брячиславича 155
 Глеб Ростиславич, князь, сын Ростислава Глебовича 133
 Глеб Юрьевич, князь, сын Юрия Владимировича 127
 Гордята, боярин 112
 Горемыкина В. И. 15, 16, 91, 137, 151, 152
 Горский А. Д. 79
 Горюнов Е. А. 19, 93
 Горянов Б. Т. 18
 Греков Б. Д. 11—13, 18, 21, 29, 31, 43, 46, 50, 51, 63, 65, 69, 70, 72, 91, 102, 107, 111, 112, 116, 118, 119, 123, 131, 132, 135, 136, 143, 145, 149, 150, 154, 155, 157, 165, 170, 178—180, 183, 185, 186, 188, 190, 200, 203, 218, 231
 Григорий, монах 184, 185
 Григорий, наймит 172
 Григорий Турский, франкский хронист 35, 55, 56, 73
 Гуревич А. Я. 55, 83, 84
 Гуревич Ф. Д. 113
 Гутнова Е. В. 229
 Гюря, тиун 127

 Давид Ярославич, тысяцкий 201
 Давыд Игоревич, князь, сын Игоря Ярославича 216
 Даль В. 115
 Даниил Заточник, древнерусский писатель 163, 165, 166, 177, 178
 Даниил Романович, князь, сын Романа Мстиславича 125
 Данилов А. И. 130, 164
 Данилов В. П. 93
 Данилова Г. М. 168
 Данилова Л. В. 10, 27, 43, 93, 148
 Даркевич В. П. 113
 Девгений (Дигенис), литературный персонаж 214
 Державин Н. С. 102
 Десницкий С. Е. 5
 Дженкинс Р. Й. Г. (Jenkins R. J. H.) 61
 Дмитрий Мирошкиннич, посадник 200
 Доброслав Судыч, боярин 222
 Доватур А. И. 169
 Довженок В. И. 24, 60, 122
 Дорошенко В. В. 96
 Дубенский Д. Н. 202
 Дубов И. В. 14, 26, 30, 45, 71
 Дьяконов М. А. 5, 43, 44, 50, 62, 131, 135, 149, 186, 188, 200, 202, 218

 Енох, библ. 184
 Епифанов П. П. 51
 Ефименко А. Я. 102
 Ефрем, киевский митрополит 128

 Жебелев С. А. 22, 187

 Завадская С. В. 38
 Завид, боярин 215
 Загоскин Н. 202
 Зайцев А. К. 127
 Зарубин Н. Н. 163
 Засурцев П. И. 67, 112, 113, 116
 Затыркевич М. Д. 203
 Заходер Б. Н. 35, 36
 Зимин А. А. 14, 15, 70—72, 74—76, 116, 128, 131, 135—137, 139—143, 151, 153, 154, 156—162, 164—166, 170, 172, 175—179, 231

 Ибн Русте, арабский географ 35, 36, 77
 Ибн Фадлан, арабский путешественник 36, 44, 47, 77
 Иванов Вяч. В. 21
 Ивор Молибожич, выходец из смердов 222
 Игорь Ольгович, князь, сын Олега Святославича 110, 114, 131, 217
 Игорь (Рюрикович?), князь 33, 34, 41, 62, 66
 Игорь Ярославич, князь, сын Ярослава Владимировича 199
 Изяслав Владимирович, князь, сын Владимира Святославича 69, 121
 Изяслав Давыдович, князь, сын Давыда Святославича 217

- Изяслав Мстиславич, князь, сын Мстислава Владимировича 59, 124, 131, 141, 142, 214, 217
 Изяслав Ярославич, князь, сын Ярослава Владимировича 52, 109, 126, 207
 Иоанн Златоуст, константинопольский патриарх 208
 Итларь, половецкий хан 216

 Кавелин К. Д. 6, 84, 90
 Калачев Н. В. 186, 188
 Карамзин Н. М. 6, 135
 Каргер М. К. 47, 66, 68, 70, 109—112, 114
 Кареев Н. И. 6
 Карский Е. Ф. 177
 Каченовский М. Т. 135
 Каштанов С. М. 80, 86
 Кизилов Ю. А. 91, 136
 Кий, полянский князь 33
 Кирик, древнерусский писатель 175
 Кирилл, митрополит 163
 Кирпичников А. Н. 30, 69
 Кирьянов А. В. 25
 Климент Смолятич, древнерусский писатель 135, 187, 189
 Ключевский В. О. 4, 5, 7, 8, 10, 43, 44, 48, 50, 62, 76, 149, 182, 183, 188, 200, 202, 218
 Ковалевский А. П. 36, 44, 47, 77, 96
 Ковалевский М. М. 90, 91
 Колесницкий Н. Ф. 34, 58, 82, 86
 Колчин Б. А. 44, 67, 92, 113, 116
 Колычева Е. И. 151
 Константин, сын византийского императора Романа I Лакапина 48
 Константин VII Багрянородный (Constantinus Porphyrogenitus), византийский император 33, 35, 61, 62
 Константин Всеволодович, князь, сын Всеволода Юрьевича 125
 Копанев А. И. 99
 Корецкий В. И. 141, 142
 Королюк В. Д. 29, 229
 Корсунский А. Р. 34, 146
 Косвен М. О. 90, 92, 101, 102
 Коснячко, боярин 112
 Костомаров Н. И. 6
 Котков С. И. 140, 208
 Кочин Г. Е. 57, 59, 128
 Кочкарь, приближенный князя Святослава Всеволодовича 213
 Краснов Ю. А. 24
 Крачковский И. Ю. 35
 Крестинин В. В. 5
 Крюков М. В. 92
 Ксенофонт, христианский святой 140
 Куза А. В. 14, 117
 Кузьмин А. Г. 29, 205
 Кузьмина В. Д. 201, 214
 Кунигунда, чешская королева 132

 Лавров Н. Ф. 143
 Лавровский Н. 32, 75
 Лазарь Домажирич, выходец из смердов 222
 Лакер А. 6
 Лампрехт К. 130
 Ланге Н. И. 149, 177, 186
 Ланге О. 102
 Лаптин П. Ф. 90
 Ларин Б. А. 32
 Лебедев Г. С. 14, 26, 30, 41, 45, 71
 Левашева В. П. 24, 25
 Левченко М. В. 18
 Ленин В. И. 5, 8, 9, 16, 85, 135, 151, 152, 194, 225, 229
 Леонтович Ф. И. 90
 Лешков В. Н. 4, 62, 135
 Лимонов Ю. А. 16
 Лихачев Д. С. 75, 231
 Ловмянский Х. (Łowmiański H.) 29, 30, 38, 44, 45, 55, 80, 195
 Лонгинов А. В. 33
 Лопарев Х. 135, 187
 Лука, епископ 162
 Львов А. С. 39, 41, 48, 72, 116, 138, 139, 203, 218
 Любимов В. П. 145, 176
 Людовик Благочестивый, франкский император 36
 Лют Свенельдич, боярин 73
 Ляпушкин И. И. 18, 19, 25, 26, 30, 65, 95

 Мавродин В. В. 10, 12, 13, 18, 25, 26, 29, 38, 46, 53, 63, 65, 72, 81, 91, 136, 137, 150, 167
 Мавродин Вал. В. 113
 Макова Е. С. 196
 Максимейко Н. А. 177
 Максимов А. Н. 90
 Мал, древлянский князь 32, 35, 51
 Малка (Малуша, Малфредь), мать князя Владимира Святославича 70, 71, 213
 Мальм В. А. 25
 Маркс К. (Marx K.) 8, 9, 30, 31, 79, 80, 85, 86—89, 94, 105, 124, 141, 146, 193, 222
 Мартынов М. Н. 12, 136
 Маслова-Лошанская С. С. 83
 Матвеев П. А. 99, 101
 Медведев А. Ф. 127
 Мезенцева Г. Г. 69
 Мейчик Д. М. 32
 Мельникова Е. А. 48, 59
 Менгес К. Г. 41
 Мещерский Н. А. 184
 Миклошич Ф. 75

- Мильская Л. Т. 146, 181, 192, 193
 Милюков П. Н. 7, 8
 Минасян Р. С. 24
 Минорский М. Ф. 36
 Миролюбов М. А. 24
 МIRONCHIKOV Л. Т. 40
 Михаил Всеволодович, князь, сын
   Всеволода Святославича 125, 142,
   219, 220
 Михаил Рюрикович, князь, сын Рю-
   рика Ростиславича 119
 Михайловская Н. Г. 40, 48
 Мишулин А. В. 18
 Монгайт А. Л. 41
 Мрочек-Дроздовский П. Н. 188, 216
 Мстислав Владимирович, князь, сын
   Владимира Всеволодовича 110,
   145, 147, 198, 215
 Мстислав Владимирович, князь, сын
   Владимира Святославича 158, 216
 Мстислав Изяславич, князь, сын
   Изяслава Мстиславича 124, 217
 Мстиславский В. В. 202

 Назаренко В. А. 30
 Назаров В. Д. 15, 209
 Насонов А. Н. 12, 13, 29, 31, 42, 47,
   53, 54, 63, 70, 129, 197—199, 231
 Неволлин К. А. 62
 Неусыхин А. И. 88, 95, 96, 144, 146,
   168, 193
 Никифор, боярин 112
 Никольская Т. Н. 97, 113
 Никольский В. 131
 Никон Чернигорец, византийский
   писатель 171
 КиФонт, епископ 142
 Новосельцев А. П. 10, 25, 35, 36, 43,
   53, 80, 91, 107, 123, 124, 133, 196,
   197, 229

 Обнорский С. П. 77
 Олег, князь 31, 34, 41, 47
 Олег Святославич, князь, сын Свя-
   тослава Игоревича 35, 73
 Олег Святославич, князь, сын Свя-
   тослава Ярославича 124, 206
 Олма, вероятно, боярин 112
 Ольга, княгиня 33, 39, 41, 57, 62—
   74, 88
 Омвросий, вероятно, староста 148
 Оршанский И. Г. 102
 Откупщиков Ю. В. 21
 Оттон II, германский император 120

 Павлов-Сильванский Н. П. 6, 7, 10,
   46, 72, 81, 107, 218
 Пахман С. В. 99
 Пашуто В. Т. (Pašuto V. T.) 8, 10,
   12, 14—16, 18, 25, 27, 29, 30, 43,
   51—53, 62, 80, 81, 91, 119, 124, 130,
   133, 197, 200, 229
 Першиц А. И. 92, 94
 Петр Бориславич, боярин 59
 Петрухин В. Я. 14
 Пештич С. Л. 6
 Пиренн А. (Pirenne H.) 130
 Погодин М. П. 3, 6, 200, 202
 Подвигина Н. Л. 116, 129
 Покровский М. Н. 9, 10, 136
 Покровский С. А. 15, 137, 143, 154,
   158, 165, 170, 186, 188
 Полевой Н. А. 6, 103, 135
 Потебня А. Н. 63
 Потин В. М. 28
 Предслава Владимировна, княжна,
   дочь Владимира Святославича 71
 Преображенский А. 21, 48, 63, 231
 Преображенский А. А. 14, 80, 86
 Пресняков А. Е. 7, 34, 40, 43, 44, 46,
   49, 62, 64, 90, 98, 99, 107, 116, 128,
   131, 132, 149, 177, 180, 186—189,
   200, 203
 Претич, воевода 47
 Приселков М. Д. 53, 59, 62, 101, 116
 Прокопий Кессарийский, византий-
   ский хронист 19, 22
 Прокопий Мирославич, боярин 200
 Пруденций, франкский хронист 36
 Псевдо-Маврикий, византийский пи-
   сатель 19, 22
 Путята, боярин 112
 Пушкина Т. А. 14
 Пшемисл I Отакар, чешский король
   132
 Пьянков А. П. 15

 Рабинович М. Г. 114, 163
 Рагуил Добрынич, боярин 215
 Радьслав, житель Киева 112
 Рапов О. М. 92, 121, 123, 130, 200
 Раппопорт П. А. 26, 60, 68, 69, 96,
   109, 114, 121, 122, 130
 Растяпников В. Г. 93
 Ратич А. А. 109
 Ратша, боярин 112
 Рафалович И. А. 94
 Рейц А. 90, 135
 Ржица В. Ф. 114
 Рогволод Борисович, князь, сын Бо-
   риса Всеволодовича 124, 217
 Рогнвальд, наместник Ладоги 58
 Рогнеда Рогволодовна, княгиня 121,
   195
 Рожков Н. А. 9, 10, 149
 Роман, тысяцкий 219
 Роман I Лакапин, византийский им-
   ператор 48
 Романов Б. А. 12, 63, 91, 102, 136,
   143, 145, 150, 156, 160, 162, 163,
   166, 171, 173, 177—179, 188, 218,
   231

- Романова Е. Д. 136
 Ростислав Мстиславич, князь, сын Мстислава Владимировича 110, 117, 119, 125, 147, 182—184, 187, 189
 Рубинштейн Н. Л. 11, 180, 181
 Русанова П. П. 19, 93, 95
 Рыбаков Б. А. 13, 15, 18, 21, 25, 29, 33, 36, 37, 43, 44, 46, 47, 59—64, 66, 69, 72, 109, 111, 121, 122, 129, 137—140, 142—144, 163
 Рыздзевская Е. А. 48
 Рюрик, князь 47
 Рюрик Ростиславич, князь, сын Ростислава Мстиславича 53, 110, 119, 127

 Савмак, вождь боспорских скифов 187
 Само, моравский князь 30
 Самоквасов Д. Я. 101, 135
 Сапчук Г. Э. 55
 Сахаров А. М. 196
 Сахаров А. Н. 31
 Свенельд, княжой муж Игоря и Святослава 44, 47, 58, 62
 Свердлов М. Б. 15, 16, 18—20, 22, 26, 28, 36, 57—59, 75, 79, 80, 89, 99, 107, 122, 133, 135, 136, 144, 154, 155, 157, 171, 187, 196, 198, 201, 208, 209, 215
 Святополк I, моравский князь 35
 Святополк Владимирович, князь, сын Владимира Святославича 43, 52, 216
 Святополк Изяславич, князь, сын Изяслава Ярославича 124, 204, 205, 214, 216
 Святослав Всеволодович, князь, сын Всеволода Ольговича 119, 213
 Святослав Игоревич, князь 33, 35, 46, 47, 66, 195
 Святослав Ольгович, князь, сын Олега Святославича 109, 117, 124, 195, 213, 217
 Седов В. В. 18, 19, 63, 64, 66, 97, 113, 114, 118, 122
 Семен, епископ 221
 Семен Безрукий, полоцкий князь 221
 Семен Иванович Гордый, князь, сын Ивана Даниловича Калиты 129
 Семенов А. И. 142
 Семенов Ю. И. 92
 Сербина К. Н. 70
 Сергеевич В. Н. 5, 7, 43, 44, 50, 62, 64, 149, 186, 203, 218
 Серовайский Я. Д. 73
 Спская Е. Н. 116
 Смирнов И. И. 12, 13, 91, 136, 143, 150, 157—159, 161, 163, 164, 170—172, 174, 175, 179, 186
 Смирнов И. М. 102
 Смирнов С. И. 154
 Снорри Стурлусон, исландский писатель 83
 Соловьев А. В. (Soloviev A. V.) 34
 Соловьев С. М. 4, 6, 62, 72, 90, 135, 149, 177, 186, 200, 218
 Сороколетов Ф. П. 217
 Спегальский Ю. П. 109, 113, 114
 Срезневский И. И. 32, 42, 44, 53, 63, 72—74, 76, 96, 115, 123, 143, 172, 180, 184, 185, 206, 208, 213, 231
 Станислав Тудкович Добрый, боярин 201
 Стеблин-Каменский М. И. 83
 Степан, вероятно, тунг 148
 Стефан, епископ 162
 Стефан, сын византийского императора Романа I Лакапина 48
 Сумцов Н. Ф. 102
 Сыромятников В. И. 136

 Тараканова С. А. 113
 Тарановский Ф. В. 50
 Тацит, римский писатель 20, 22, 23, 45
 Терпиловский Р. В. 94
 Тимченко Н. Г. 25
 Титмар Мерзебургский, немецкий хронист, епископ 58, 88, 120, 216
 Тихомиров М. Н. 11—14, 29, 38, 51, 53, 91, 107, 116, 123, 133, 179, 180, 184, 203, 213, 230
 Тихонов Ю. А. 14, 80, 86
 Токарев С. А. 90
 Толочко П. П. 51, 65, 67, 68, 112, 122
 Топоров В. Н. 103
 Третьяков П. Н. 12, 13, 18, 19, 29, 36, 65, 113, 118
 Троицкий И. М. 205
 Трубаев О. Н. 21, 22, 41, 103, 115, 155, 187, 231

 Удальцова З. В. 229
 Усачева В. В. 117
 Успенская А. В. 97
 Ушаков Д. Н. 115

 Фасмер М. 21, 48, 63, 155, 231
 Федор Михайлович, князь, сын Михаила Андреевича 125
 Федорка Юрьевич, боярин 135
 Федоров Г. Б. 19, 95
 Феодосий, игумен 132, 133, 163, 208
 Фехнер М. В. 97
 Филин Ф. П. 19, 63, 72, 116, 117
 Фроянов И. Я. 14—16, 23, 26, 31, 38, 43, 45, 47, 51, 53, 63, 70, 71, 73, 84, 85, 91, 102, 103, 107, 115, 116, 119, 121, 123—127, 131, 133, 136, 137, 140, 142, 151, 154, 158, 159,

- 171, 172, 186, 188—190, 195, 197, 200, 203, 204, 208, 211, 213, 218, 219
- Хазанов А. М. 92
Харальд Прекрасноволосый. норвежский комунг 83
Харламов В. О. 67
Харузин Н. Я. 101
Хвольсон Д. А. 35, 36, 77
Хельман М. (Hellmann M.) 103
Хлебников Н. 5, 43, 50, 200
Хлодвиг, франкский король 35
Хлостенко Н. В. 109
Хорошев А. С. 113
Хорошкевич А. Л. 14
- Цалкин В. П. 25
Цамутали А. Н. 50
Цвибак М. М. 12
- Черепнин Л. В. 10—15, 43, 53, 59, 63, 64, 66, 72, 74, 80—82, 86, 91, 107, 112, 116, 123, 128, 131, 133, 135—137, 142, 145, 148, 150, 154, 155, 160, 162—164, 166, 167, 171, 173, 176, 183, 185, 186, 188, 198, 199, 213, 229
Чернецов А. В. 24, 25
Чистов К. В. 101
Чюдин, боярин 112
- Шапиро А. Л. 24, 113, 174
Шаскольский И. П. 29, 30
Шахматов А. А. 31, 32, 46, 47, 58, 68, 70—72, 75, 139, 205
Шестаков А. В. 12
Шимон, тысяцкий 118
Ширицкий С. С. 41
Шишова И. А. 151
Шлецер А. Л. 5
Шмидт К. Р. (Schmidt K. R.) 136
Шолохова Е. В. 109
Шушарин В. П. 8, 30, 136
- Щапов Я. Н. 14, 16, 79, 86, 91, 102, 104, 123, 128, 182, 183, 185, 196, 199, 229, 230
- Эверс II. Ф. Г. 90
Эйлив, наместник Ладогги 58
Эймунд, наместник Полоцка 58
Эйнхард, немецкий хронист 55
Энгельс Ф. 8, 9, 30, 31, 79, 80, 84, 87—89, 91, 94, 105, 141, 146, 193, 222
- Юрий Владимирович Долгорукий, князь, сын Владимира Всеволодовича 110, 126, 127
- Юшков С. В. 11—13, 43, 44, 46, 50, 63, 65, 69, 70, 72, 91, 102, 115, 116, 118, 119, 123, 125, 126, 132, 136, 145, 150, 165, 170, 171, 177, 183, 185, 186, 188, 200, 203, 218, 231
- Яблочков М. 202
Яковкин И. П. 171, 172, 180
Якун Мирославич, посадник 200
Якушкин Е. П. 90
Ян Вышатич, киевский тысяцкий 220
Янель З. К. 96
Янин В. Л. 28, 29, 44, 51, 54, 64, 67, 85, 87, 92, 113, 116, 128, 129, 134, 138, 147, 148, 173, 196, 200, 219, 220, 230
Ярополк Владимирович, князь, сын Владимира Всеволодовича 154
Ярополк Изяславич, князь, сын Изяслава Ярославича 122, 123, 125, 126, 128
Ярополк Святославич, князь, сын Святослава Игоревича 35, 47
Ярослав Владимирович, князь, сын Владимира Мстиславича 128, 158
Ярослав Владимирович Мудрый, князь, сын Владимира Святославича 43, 46, 49, 52, 58, 66, 68, 73, 139, 140, 154, 157, 199
Ярослав Всеволодович, князь, сын Всеволода Юрьевича 125, 128, 212
Ярослав Ярославич, князь, сын Ярослава Всеволодовича 212
- Bentzien U. 24
Bloch M. 181
Boutruche R. 130, 146
- Gallus Anonymus 42
Goeje de M. J. 231
Grimm J. 34
- Jaffé Ph. 55
- Krüger H.-J. 55
- Lütge F. 146
- Machek V. 20
Mavrogordato J. 214
Mitteis H. 34
Moravcsik Gy. 61
Müller-Mertens E. 146
- Schucter-Sews H. 22
- Waitz G. 146

	Стр.
Введение	3
Глава I. Генезис раннефеодальной классовой структуры Древнерусского государства IX—X вв.	18
Общественный строй славян VI—начала VII в.	18
Экономические предпосылки классовой общественной структуры Древнерусского государства в IX—X вв.	23
Структура господствующего класса. Консолидация знати	28
Процесс ограничения политических прав лично свободного населения	48
Формирование государственной системы эксплуатации	56
Господское хозяйство в IX—X вв.	65
Зависимое население	74
Становление верховной собственности государства на землю и процесс классообразования	78
Глава II. Община и семья в Древней Руси	90
Глава III. Социально-экономическая структура феодального владения на Руси в XI—первой трети XIII в.	106
Экономическая структура господского хозяйства	106
Смерды	135
Челядь и холопы	149
Закупы	170
Наймнты, рядовичи, вдачи	174
Прощенники	182
Изгой	186
Глава IV. Структура класса феодалов в XI—первой трети XIII в. .	194
Князья	194
Бояре и княжие мужи	199
Отроки и детские	202
Слуги, слуги дворные, дворяне	207
Дружина	214
Господствующий класс и административно-судебный аппарат	219
Заключение	223
Список сокращений	230
Указатель имен	232

Михаил Борисович Свердлов
ГЕНЕЗИС И СТРУКТУРА ФЕОДАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства Г. А. Альбова
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор А. П. Чистякова
Корректоры Н. И. Журавлева и Г. И. Семерикова

ИБ № 20493

Сдано в набор 30.09.82. Подписано к печати 08.02.83.
М-31921. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 15.
Усл. печ. л. 15. Усл. кр.-отт. 15.31. Уч.-изд. л. 18.59.
Тираж 3900. Изд. № 8024. Тип. зак. 1840. Цена 2 р.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»

*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:*

117192 Москва, В-192. Мичуринский пр., 12.

Магазин «Книга — почтой»

Центральной конторы «Академкнига»;

197345 Ленинград, П-345, Петрозаводская ул., 7.

Магазин «Книга — почтой»

Северо-Западной конторы «Академкнига»

или в ближайший магазин «Академкнига»,

имеющий отдел «Книга — почтой»:

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
- 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
- 320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
- 734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
- 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
- 252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
- 277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
- 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
- 660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
- 443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
- 191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
- 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
- 199034 Ленинград, 9 линия, 16;
- 220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
- 103009 Москва, ул. Горького, 8;
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
- 630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
- 142292 Пушкино Московской обл. МР «В», 1;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
- 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
- 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
- 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
- 450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
- 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

